

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

ISSN: 2713-1491

12 2023

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№12, 2023

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16.11.2015 г.

ISSN: 2713-1491

eLIBRARY ID: 57987

Издатель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»

Свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации от 22.07.2015 г.

Учетный № 7714056109

Copyright © 2023 авторы, АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения».

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СТАТЬИ / ARTICLES

<i>Двалишвили Л. Б.</i>	
Оружейный ряд в Тифлисе в 30-х годах XVII - 20-х годах XX века	4
<i>Levan B. Dvalishvili</i>	
Armoury Row in Tiflis from the 1630s to the 1920s.....	4
<i>Ефимов Ю. Г., Родионов Е. А.</i>	
Оружейник Иоганн Иоахим Греке в России – новые данные биографии	56
<i>Yuri G. Efimov, Eugeny A. Rodionov</i>	
Gunsmith Johann Joachim Grecke in Russia. New Biographical Data.....	56
<i>Нератова Е. И.</i>	
Кубачинское оружие в Российском этнографическом музее. Часть 1: Предметы, приобретенные для музея Е.М. Шиллингом	68
<i>Elizaveta I. Neratova</i>	
Kubachi arms in Russian Museum of Ethnography. Part 1: Items acquired for the museum by E.M. Shilling.....	68
<i>Двалишвили Л. Б.</i>	
Анализ грузинской традиционной терминологии, обозначающей булат и дамасскую сталь	109
<i>Levan B. Dvalishvili</i>	
Analysis of Traditional Georgian Terminology for Bulat and Damascus Steel.....	109
<i>Чубинский А. Н.</i>	
Ствольный приказ и Оружейная палата. Производство строевого оружия на московском Бархатном дворе в 1700–1707 гг.	163
<i>Alexander N. Chubinsky</i>	
The Barrel Department and the Kremlin Armoury. Military Arms Manufacture at the Moscow Velvet Yard in 1700–1707.....	163
<i>Нератова Е. И.</i>	
Судьбы музейщиков и музейных предметов. К биографии К.З. Кавтарадзе	223
<i>Elizaveta I. Neratova</i>	
Fates of museologists and museum items. To the biography of K.Z. Kavtaradze.....	223

Звягинцев М. И.

Опыт реконструкции системы конного фехтования по «Правилам и наставлениям по упражнениям с мечом в кавалерии» с использованием оригиналов сабли легкой кавалерии обр. 1796 г. ... 263

Maksim I. Zvjagincev

Reconstruction of the Mounted Swordsmanship System According to "Rules and Regulations for the Sword Exercise of the Cavalry" With the Use of the Original Pattern 1796 Light Cavalry Sword..... 263

Талантов С. В.

О клинках кинжалов и шашек, бытовавших у казаков Терского казачьего войска в конце XIX - начале XX века..... 316

Sergey V. Talantov

On blades of daggers and shashkas used by the Terek Cossack Host in the late 19th to early 20th centuries..... 316

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Милосердов Д. Ю.

Ответ А. О. Сопиеву на заметку «Что ответить на взгляд свысока?»..... 393

Dmitry Y. Miloserdov

The response to A. O. Sopiev's remark "How to respond to arrogance?"... 393

Курочкин А. Ю.

Рецензия на статью Jean-Baptiste Clais. "Imperial Mughal Ivory Priming Flasks. A First Catalogue"..... 404

Aleksey Y. Kurochkin

Review: Jean-Baptiste Clais. Imperial Mughal Ivory Priming Flasks. A First Catalogue..... 404

Памяти Елены Александровны Яблонской..... 459

In memory of Elena A. Jablonskaja..... 459

Двалишвили Л. Б.

Оружейный ряд в Тифлисе в 30-х годах XVII - 20-х годах XX века

Armoury Row in Tiflis from the 1630s to the 1920s

Двалишвили Леван Бадриевич — частный исследователь (Кутаиси, Грузия).

Levan B. Dvalishvili — private researcher (Kutaisi, Georgia).

dvalishvililevan@mail.ru

Аннотация: На протяжении многих лет Тифлис являлся крупным экономическим центром Кавказа, а тифлисское оружие было известно и ценилось далеко за пределами региона. Оружейные мастерские в Тифлисе находились в разных местах, но основная их часть была расположена в Оружейном ряду, который как минимум, начиная с 30-х гг. XVII века, располагался в историческом районе на территории между Сионской и Анчисхатской церквями, в западной стороне Царской площади. Формирование рядов оружейных мастерских в том виде, в каком они существовали до присоединения Картли-Кахетинского царства к России, вероятно, было связано с царём Ростовом, который перенёс царский дворец на территорию между Сионской и Анчисхатской церквями и положил начало формирования царского квартала.

В 1795 году после вторжения в Тифлис войск персидского шаха Ага Мохаммед Хана, Оружейный ряд был полностью уничтожен, однако впоследствии картли-кахетинские цари смогли заново восстановить его. Оружейный ряд продолжал существование в западной части Царской площади до присоединения Картли-Кахетинского царства к Российской империи. В первом десятилетии XIX века вокруг Царской площади началось строительство различных правительственных зданий, в связи с чем Оружейный ряд был перенесён на несколько сотен метров южнее, где он просуществовал до первой четверти XX века.

Изучение истории Оружейного ряда в Тифлисе позволяет дополнить современные представления о производстве оружия в Закавказье в XVII-XX вв.

Ключевые слова: Тифлис, Грузия, Оружейный ряд, историческое оружие Кавказа, оружейник, Царская площадь, Тифлисский базар, тифлиские амкарства, ремесленники.

Abstract: For years Tiflis used to be a major economic center of the Caucasus. Its arms were well known and valued outside the region. Arms workshops were located in different areas of Tiflis, but most of them were concentrated in Armoury Row, which, at least since the 1630s, was located in the historic district between Sioni Cathedral and Anchiskhati Basilica, in the western part of King Square. It was probably due to King Rostom that rows of arms workshops were established in the form which remained until the Kingdom of Kartli-Kakheti was annexed by Russia. He moved the royal palace to the area between Sioni Cathedral and Anchiskhati Basilica and began the formation of the royal quarter.

In 1795, after the troops of the Persian Shah Aga Mohammad Khan invaded Tiflis, Armoury Row was completely destroyed but was subsequently rebuilt by the Kartli-Kakheti kings. Armoury Row continued to exist in the western part of King Square until the Kartli-Kakheti kingdom was annexed by the Russian Empire. In the 1800s, various government buildings began to appear around King Square, and therefore Armoury Row was moved a few hundred meters to the south, where it existed until the first quarter of the 20th century.

The study of the history of Tiflis Armoury Row allows us to supplement modern views on arms production in the Transcaucasia in the 17th-20th centuries.

Keywords: Tiflis, Georgia, Armoury Row (Oruzheyniy Ryad), historical arms of the Caucasus, armourer, King Square, Tiflis Bazaar, hamkars of Tiflis, craftsmen.

Основание Оружейного ряда в 30-х годах XVII века. В XV веке, после распада единого Грузинского царства, бывшая столица Грузии – Тифлис превратилась в политический центр Картлийского царства (Картли), оставаясь в условиях феодальной раздробленности экономическим и культурным центром. Каждый агрессор, вторгавшийся в Грузию, старался захватить и ограбить Тифлис, что в первую очередь наносило ущерб экономиче-

скому потенциалу. В результате многократных нападений население Тифлиса к концу XVI века уменьшилось до 10 000 человек. Не было случайным и то, что все новые битвы, начатые против Персии в первой четверти XVII века, возглавлял управляющий городом Тифлис - Георгий Саакадзе (Tbilisi 1500, 1958, 11-12).

В первой трети XVII века радикально меняются грузино-персидские отношения. При помощи военных нашествий Персия не смогла добиться желаемого результата, после чего начала искать компромисс, который проявился в том, что Персия оставляла без изменения грузинский социально-экономический строй, престол оставался в руках династии Багратиони при условии принятия мусульманства и титула «вали» (Zhorzholiani 1987, 35-36).

Персия прислала в качестве управляющего Картли — Ростом, который был омусульманенным грузином из династии Багратионов и почти всю жизнь провёл в Персии. Персидский шах Сефи I в официальных документах называл Ростом «братом». Использование слова «брат» в отношении Ростом и отправка его в Грузию являлись ярким выражением компромиссной политики шаха по отношению к Грузии, тем более, учитывая, что шах Сефи вступил на престол с помощью Ростом-хана и грузинской гвардии.

С 1633 года начался новый этап грузино-иранских отношений. Начавшееся после воцарения Ростом переустройство управления страной на персидский манер также имело и положительную сторону для Грузии: в частности, прекратились персидские разорительные и опустошающие нашествия и в стране стала налаживаться мирная жизнь. Значительные усилия Ростом были направлены на развитие торговли и ремесел. С его именем связано строительство мостов, торговых учреждений, он же пресёк самовольность тифлиских таможенников и установил специальные пошлины на ввозимый и вывозимый товар (в том числе на железо), провёл целый ряд реформ, благодаря которым Тифлис превратился в передовой экономический город¹ (Указ соч, 103-114).

---

¹ После воцарения Ростом в Картли (1633) Тифлиский Монетный двор возобновил регулярный выпуск монет и владельцем Монетного двора являлся Картлийский царь. Монетные дворы иранских городов подчинялись чиновникам специальных

Царь Ростом перенёс царский дворец из крепости Нарикала на территорию между Сионской и Анчисхатской церквями, где построил здание в персидском стиле. В одной из грамот, изданной царём Ростомом в 1645 году, говорится, что после того, как шах передал ему Картли для правления, он прибыл в Тифлис и начал строительство дворца (Dok'ument'ebi 1962, 12). Исходя из этого, следует, что строительство нового дворца Ростом начал вскоре после приезда. Грузинская аристократия также начала постепенно заселять этот район, куда переместился центр Тифлиса. Именно в этот период фиксируются первые упоминания Царской площади (მეფის მოედანი, ბატონის მოედანი, «Мепис моедани», «Батонис моедани», груз. - Царская площадь), которую с западной стороны окружали оружейные мастерские и откуда начинались торговые ряды разных ремесленников.

В этом районе, расположенном параллельно реке Куре, система основных улиц зародилась ещё в V-VI веках. Она проходила по линии сегодняшних улиц: Шавтельской, Сионской и Ираклия II. Значимость этой артерии подтверждается расположением вдоль неё главных тифлисских церквей. Сложно однозначно судить о том, существовали ли в этом месте оружейные мастерские до царствования Ростомом или они появились после перенесения Царского дворца на территорию, расположенную между Сионской и Анчисхатской церквями. Тем не менее обратим внимание на археологические раскопки, проводившиеся в 1956-57 гг. на сегодняшней Площади царя Ираклия II (конкретно, в северной части площади, в саду), где толщина культурных слоёв достигает 3-3,5 м и включает период V-XVIII вв. В результате этих раскопок были выявлены печи различного назначения (в основном для производства керамики и стекла), а также обнаружена печь, датированная XII-XIV веками, что представляет интерес для нас, а также достаточное количество золы и железного шлака (Gdzlishvili 1961, 25). В 1988 году на современной площади Ираклия II продолжились археологические раскопки вблизи

ведомств Иранского Государственного Секретаря. А Тифлисский Монетный двор, со времён Ростомом, подчинялся только государственному аппарату Картлийского царя. Очевидно, это было возможно вследствие т. н. «компромиссной политики» персидского шаха (Kutelia 1978, 93).

церкви Святого Георгия (придворной церкви Святого Георгия). Археологами были обнаружены несколько слоев, среди которых находился фундамент здания (площадью 6x22 м) с перегородками внутри. Место, где был обнаружен фундамент, было идентифицировано как ряд ремесленников. Там же было обнаружено значительное количество угля и железного шлака, что может говорить о наличии кузницы в этом месте в XV-XVI вв. (Нуцубидзе 1989, 3). Заметим, что археологические раскопки были проведены на современной Площади царя Ираклия II (приблизительно в 50 метрах от старой Царской площади), но найденные фрагменты ранних мастерских и печей дают основание для предположения о том, что в прошлом в этом месте уже существовали мастерские различного назначения в период, предшествующий времени правления Ростом².

Здесь же необходимо отметить, что, теоретически, если допустить в тех местах существование до царя Ростом² оружейных мастерских, то в результате проведённых царем реформ и строителств существенно изменилась структура и планировка этой местности, поэтому наличие оружейных рядов в том виде, в котором они просуществовали до первых лет присоединения Картли-Кахетинского царства к России, связано именно с царём Ростомом.

В специальной литературе отмечается, что тифлиссский базар, а также другие стороны общественной жизни (баня, нормы публичного этикета и др.) были устроены по иранскому образцу. Эти изменения осуществлялись царём Ростомом, который был воспитан в персидской культуре и, соответственно, неумоимо насаждал всё персидское.

Структура исфаханского базара и даже термины имеют большое сходство с тифлиссским базаром. Структурно исфаханский базар также представлял собой территорию с комплексом зданий, где кроме торгового пространства были расположены фешенебельные дома для определённой части

---

² Именно в том месте, где, начиная как минимум с XVII века, были расположены оружейные мастерские, в 1904 году во время строительства караван-сарая (гостиного двора) был найден клад, который состоял из 700-800 штук сасанидских и византийских монет, которые датируются V-VI веками, что может говорить о существовании в этом районе активной экономической жизни в гораздо более ранний период, чем времена правления царя Ростом² (Джалагания 1979, 19-20).

аристократии шахского двора. Оба базарных комплекса (в Тифлисе и Исфахане) были расположены в центральной части города. Базарные кварталы в обоих городах были окружены сооружениями, имеющими различные общественные значения, такими как церковь, мечеть, большие и малые караван-сарай, площади и т. д. Оба базара имели одинаковую планировку, состояли из длинной «расты» и лежащей на перекрёстке четырёхугольного рынка с куполообразным перекрытием «чорсу». Наподобие исфаханского базара на тифлисском (Раста) базаре в одном ряду торговали продукцией одного вида и, соответственно, ремесленная продукция изготавливалась в организованных здесь мастерских. Единственным различием между этими двумя торговыми центрами была сословная дифференциация. Если исфаханский Раста-базар называли «царским рынком», и он был рассчитан только на потребителя высших социальных слоёв, то тифлисским базаром могли пользоваться все (K'vant'idze 2014, 178-180). Кроме центрального базара заслуживает внимание также существование маленьких базаров.

Экономические преобразования в стране, проводимые царём Ростомом, положительно влияли на развитие ремесел, в том числе на производство оружия. В условиях дефицита мастеров Ростом приглашал их из разных регионов, в том числе из горных регионов Западной Грузии, в частности, из Рачи, где существовал мощный центр металлургии³ (Mshvenieri Racha 1918, 17).

Во время формирования Царской площади и структуры ремесленных рядов оружейным мастерским с самого начала было предоставлено ведущее значение: они были расположены так, что непосредственно примыкали к Царской площади, находясь вблизи царского дворца. Если вспомнить целый ряд экономических преобразований, проведённых Ростомом, можно предположить, что в оружейном деле, наверное, имели место большие изменения, что в свою очередь не могло не повлиять и на стиль оружия, а также на масштабы его производства. Здесь же особенно надо отметить, что торговля, развитая царём Ростомом, которая осуществлялась в разных направлениях (Иран, Турция и др.) под покровительством самого царя, который имел непо-

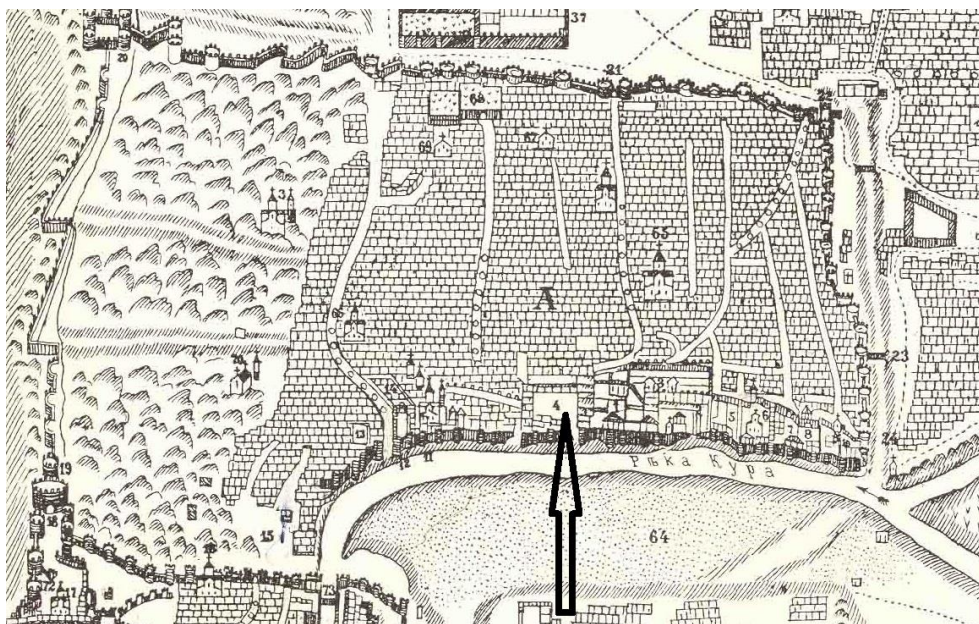
---

³ Указанный вопрос требует дополнительного исследования, поэтому мы здесь на этом не остановимся.

средственное влияние в Иране, представляла большие перспективы для экспорта тифлиского оружия.

В данной статье мы не ставим целью обзор существующей многочисленной литературы о торговом значении Тифлиса в исследуемый период. Приведём лишь слова миссионера Серафима Меликоканского, побывавшего в Тифлисе в 60-х гг. XVII века: «...здесь непрерывно встречаются друг с другом торговцы из разных мест – из Ирана, Алеппо, Смирны, Константинополя и со всей Грузии... всё здесь обильно, есть большая торговля и каждый день прибывают груженные караваны...» (Tbilisi 1500, 1958, 12).

О точной локализации Оружейного ряда. В Тифлисе оружейные мастерские были расположены в разных местах. Так, например, оружейники проживали на окраине (в Гаретубани), где также были устроены торговые лавки и даже был устроен Раста-базар (Beridze 1977, 50-53), хотя значительная часть оружейников была сконцентрирована в западной части Царской площади, вдоль которой компактно располагался ряд мастерских.

Илл. 1. План Тифлиса, составленный Вахушти Багратиони, 30-е гг. XVIII века (фрагмент). Стрелкой отмечена Царская площадь. Архив профессора Михаила Арчиловича Чхиквадзе.

Царская площадь располагалась в исторической части Тифлиса – Кала (Илл. 1). Кала в свою очередь делилась на две основные части: «верхний» и

«нижний» районы (с учётом направления течения Куры)⁴. Эти районы разделяла улица, которую называли «Шуа базари»⁵ (в XIX веке ее также называли «Сомхис базари» - груз. буквально — «базар армянина»⁶, в российских документах - «Армянский базар»).

Местонахождение «Шуа базари» приблизительно совпадает с сегодняшней улицей им. Котэ Абхази (в советский период называлась улицей Леселидзе). Центром «нижнего» района считался «Татарский майдан»⁷ (он же «нижний майдан»), а центром «верхнего» района считался «Царский (он же «верхний») майдан» (Berdnishvili 1965, 6).

«Верхний» район располагался на территории, расположенной между сегодняшними улицами им. Котэ Абхази, Бараташвили и руслом реки Куры, а «нижний» район граничил с ул. Котэ Абхази, Сололакским хребтом и Цавкисисцкали. В «верхнем» районе располагались самые важные сооружения города: дворцовый комплекс, караван-сарай, важнейшие торговые центры, ремесленные мастерские, грузинские церкви (Сионская, Иоанна Крестителя, Анчисхатская, Рождественская, Богоматери, Св. Георгия и другие), резиденции Каталикоса и Патриарха, дома дворян и граждан.

Транзитные торговые пути, проходящие через Тифлис, оказывали огромное влияние на развитие города (Илл. 2), создавая предпосылки для функционирования разнообразных объектов инфраструктуры, адаптированных для торговых караванов, шедших из разных стран. Составными элементами сети торговли и обслуживания этого периода являются: базары открытого типа, Раста-базары (торговые заведения, расположенные на одной линии) и чорсу (лавки, собранные на площади под перекрытием); караван-сарай, в которых купцы могли найти укрытие для себя и для своего товара.

---

⁴ ზღმ უბანი «земо убани», груз. – Верхний квартал. ქვემო უბანი «квемо убани», груз. – Нижний квартал.

⁵ შუა ბაზარი «Шуа-базари», груз. – Серединный базар.

⁶ Термин სომეხი «Сомехи» или «армянин» в Грузии использовался в трёх значениях: (1) для обозначения этнической группы; (2) для обозначения представителя любой этнической группы армяно-григорианской веры; (3) как синоним торговца. (Maisuradze 1982, 299-305).

⁷ Термин «татары» в старой Грузии означал мусульманина.

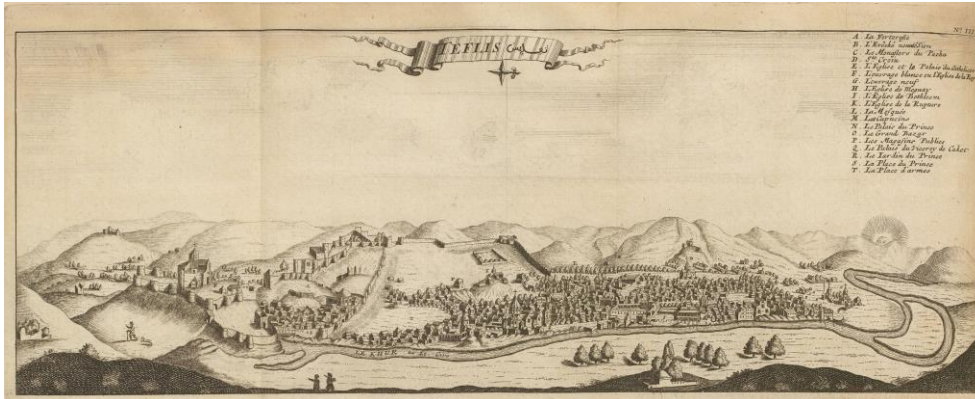
Илл. 2. Вид Тифлиса, Якоб Бальтазар Петерс, 1685 год.

В списке внизу, помимо прочих мест, отмечены: Царская Площадь (La Place du Prince), Сионский собор (L'Evêché nommé Sion) и расположенный между ними Раста-базар (Le Grand Bazar). Частная коллекция (Тбилиси, Грузия).

По словам французского путешественника и ювелира XVII века Жана Шардена, Тифлис являлся одним из красивейших городов Востока. «В Тифлисе имеется несколько зданий для общественных собраний, базаров, то есть торговых сооружений, которые выстроены из камня и красиво отделаны. Таковы же и караван-сарай, то есть гостиничные места для проживания иностранцев. А лавки выстроены ещё лучше и ещё красивее обустроены. Они расположены вблизи больших площадей, на возвышенности. Дворец правителя безусловно является одним из украшений города... Перед этим домом расположена квадратная площадь, где может разместиться более тысячи лошадей. Её окружают лавки, и она кончается длинным базаром, который расположен напротив дворцового комплекса. Выше базара прекрасно смотрится площадь и дворцовый фасад» (Zhan Shardenis... 1975, 322) (Илл. 3).

Западную сторону площади занимал ряд лавок, где торговали военным обмундированием и оружием. За рядом лавок располагался большой жилой квартал. В арке, возведённой посреди южной стороны площади, были устроены ворота, которые ночью закрывались. За аркой, вдоль сегодняшней

улицы Ираклия II начинался Раста-базар⁸. Тифлисский Раста-базар начинался у ворот Царской площади и занимал нынешние улицы Сионскую и имени Ираклия II. На одной стороне Раста-базара (который представлял прямую улицу) в основном находились мастерские по производству конских доспехов, а на противоположной - мастерские сапожников и другие, в том числе златокузнецов.

Илл. 3. Вид Тифлиса. Жан Шарден, 1711 год (2-е издание книги *Voyages de Monsieur le chevalier Chardin en Perse et autre lieux de l'Orient*. Т.1). В списке справа, помимо прочих мест, отмечены: Царская Площадь (La Place du Prince), Сионский собор (L'Evêché nonrae' Sion) и расположенный между ними Раста-базар (Le Grand Bazar). Частная коллекция (Тбилиси, Грузия).

Площадь была достаточно большой и имела прямоугольную форму (60x70 м). Северную часть площади занимал комплекс царских дворцов, который на протяжении времени менял свой вид, также к нему добавлялись другие корпуса (дворец Вахтанга VI-ого, дворцы царевичей и царевен). А западную сторону площади, как уже отмечалось, занимали лавки военного оружия. На плане города Тифлиса, составленном русским офицером и топографом Александром Пишчевичем, под № 15 отмечается Оружейный ряд⁹

⁸ Персидское слово, которое в переводе означает торговые лавки, расположенные вдоль одной линии.

⁹ Этот план и некоторые другие планы Тифлиса XVIII-XIX вв., которые мы приводим в нашей статье, опубликованы в работе архитектора Т. Квирквелия (K'vir'velia 1982a), но, к сожалению, качество этих изображений оставляет желать лучшего. Однако те же и другие планы (которых нет в работе Квирквелия) в более высоком качестве хранятся в личном архиве архитектора, профессора Михаила Чхиквадзе (1903-1987). Мы

(Илл. 4). Царский арсенал был расположен в нескольких десятках метров от Оружейного ряда¹⁰ (Илл. 5).

Илл. 4. План Тифлиса, составленный в 1785 году Александром Пищевичем (фрагмент). Стрелкой отмечена западная сторона Царской площади: №15 Лавки оружейников и слесарей ("Boutiques d'armuriers et seruriers").

Архив профессора Михаила Арчиловича Чхиквадзе.

благодарим внука профессора – Михаила Чхиквадзе за любезно предоставленную возможность работы с архивом и право публикации копий.

¹⁰ Приблизительно в том месте, где соединяются современные улицы Кавлашвили и Чахрухадзе. На плане 1782 года в пункте № 20 на этом месте отмечен "L'arsenal".

Илл. 5. План Тифлиса, 1782 год (фрагмент). Стрелкой отмечена западная сторона Царской площади: №15 Лавки оружейников и слесарей ("Boutiques d'armuriers et seruriers"). Архив профессора Михаила Арчиловича Чхиквадзе.

Если Татарский майдан выполнял только торговую функцию (в основном продавались продовольственные товары), Царская площадь представляла собой своего рода административно-организационный центр.

Современную площадь имени Ираклия II отождествляют с Царской площадью несмотря на то, что Царская площадь располагалась гораздо южнее, на чем заострял внимание исследователь старого Тифлиса, архитектор Тенгиз Квирквелия, который на основании планов старого города, архив-

ных документов, а также сопоставления расположения сохранившихся старых зданий смог определить точное местонахождение Царской площади. Тем не менее в литературе продолжалось и продолжается повторение однажды укоренившейся ошибки без учета уточненной информации о месте расположения Царской площади.

Определение точного местонахождения старой Царской площади является важным для нашего исследования, так как даёт возможность определить точную локацию Оружейного ряда, который существовал на этом месте, как минимум с 30-х годов XVII - до начала XIX века. Во время установления местонахождения Царской площади, кроме старых строений, сохранившихся до сегодняшнего дня, основным аргументом стал план, составленный поручиком В. Чуйко в 1800 году, который является значительно более точным, чем другие планы Тифлиса того периода. Сравнение местонахождения и расстояния между сохранившимися до сегодняшнего дня зданиями показывает, что на этом плане с большой точностью нанесена существовавшая к тому периоду карта местности, которая почти не имеет недостатков. На ней дана планировочная структура позднего феодального периода, так как с 1795 года по 1800 год в Тифлисе фактически не осуществлялось строительство. На указанный план Чуйко нанёс не только сохранившиеся к тому времени здания, но и контуры разрушенных районов и выделил их цветом. Из плана следует, что персы полностью разрушили весь район, расположенный вокруг Царской площади. Сама Царская площадь на плане представлена в форме прямоугольника (площадью приблизительно 60x70 м), с западной стороны указаны ряды лавок (K'virk'velia 1982 б, 30-32).

Таким образом, точно установленные границы Царской площади позволяют также определить точное местонахождение оружейных мастерских, так как все исторические источники и документы, которые касаются Оружейных рядов, указывают на то, что они примыкали к Царской площади с западной стороны. Западная граница Царской площади проходит от начала

улицы им. Антона Каталикоса и по диагонали пересекает восточный флигель здания¹¹, расположенного по адресу: улица Котэ Абхази № 22-19¹² (Илл. 6).

Таким образом, можно утверждать, что на месте Оружейного ряда сегодня расположены: начало улицы Антона Каталикоса, здание на ул. Коте Абхази № 22-19 и его двор. Как раз здесь располагались мастерские тифлисских оружейников до присоединения Картли-Кахетинского царства к Российской империи.

Илл. 6. Фрагмент современной карты г. Тбилиси с местами и зданиями, упомянутыми в статье: 1. Площадь Ираклия Второго, д.1 (в настоящее время - здание Патриархии Грузии); 2. Площадь Ираклия Второго, д.3, бывший флигель дворца царя Ростомы; 3. Ул. Котэ Абхази д. 19/22, бывший Гостиный двор Манташева; 4. Ул. Котэ Абхази д. 36, бывший Гостиный двор Ходжапарукова и Майсурадзе; 5. Ул. Сионская д. 4, Сионский собор. Точками вверху отмечено место изначального расположения оружейного ряда, внизу - в более позднее время.

¹¹ Бывший так называемый «караван-сарай Манташева», построенный в начале XX века, в котором в одном из флигелей в советское время была размещена «Тбилисская ювелирная фабрика». В настоящее время часть этого здания использована под жильё, а часть северного флигеля, выходящего на улицу Антона Каталикоса, и восточный флигель, выходящий на улицу Ираклия II, пустуют.

¹² Координаты: 41.69317921560772, 44.806229753013625.

Оружейный ряд до присоединения Картли-Кахетинского царства к Российской империи. Структура дворца, Царской площади и торговых рядов, основанная царём Ростомом, не менялась до вторжения и уничтожения центра Тифлиса (1795) Ага Мохаммед Ханом¹³, если не считать добавление и переделку определённых зданий. Большую часть северной стороны площади занимал комплекс дворцов. Дворец, построенный царем Ростомом в XVII веке, в более позднее время дополнялся новыми строениями, а Оружейный ряд оставался на месте без изменений.

К Царской площади прилежали жилые дома представителей аристократии, поэтому может показаться удивительным существование кузниц и шумных мастерских в аристократическом районе по соседству с Царским дворцом, что может быть объяснено только тем, что оружейное искусство во все времена пользовалось особым покровительством и поддержкой центральной власти. Для иллюстрации того, как деликатно относилось центральное правительство к оружейному делу, достаточно привести деятельность царя Вахтанга VI, который в тоже время был химиком, владел собственной лабораторией. В составленную им рукописную «книгу о приготовлении растворов и химических превращениях» внесены методы закалки стали и цементации, рецепты изготовления пороха, инкрустации по стали, рецепты разных кислот, используемых в златокузнечестве, и т. д. (Vakhtang VI 1981, 179-180, 202).

Царский интерес к делу обработки стали и методов художественного оформления металлов естественно свидетельствует о том, какое внимание уделил бы он оружейным мастерским, существовавшим вблизи от его дворца.

В 1723 году османы завоевали Тифлис и на второй день после занятия крепости стали расправляться с персидскими торговцами (Svanidze 1971, 309-310). Изгнание османов из Тифлиса стало возможным только в 1735 году. К этому времени они составили экономическое описание города и ввели свою налоговую систему, что, безусловно, говорит о тесных экономических связях, установившихся между Картлийским царством и Османской империей. Данный аспект мог иметь значение еще и потому, что за этим должна была по-

---

¹³ Ага Мохаммед Шах Каджар (1742-1797)

следовать османская политика, в пределах которой торговля с Персией (в том числе связанная с оружием) резко сократилась бы, а с Османской империей - усилилась бы, что не могло не повлиять на производство оружия в Тифлисе.

В 1744 году в Картли и Кахетии воцарились отец и сын Теймураз II и Ираклий II, благодаря которым установился мир. С середины XVIII века торговое значение Тифлиса возросло еще больше. В город каждый день прибывали караваны из Гянджи, Шемахи, Эривани, Тавриза, Ахалциха, Эрзурума. В свою очередь из Тифлиса каждый месяц отправлялись 150-200 арб товара в Эривань, Тавриз и Эрзурум. Через Тифлис также проходил транзитный товар из Ирана в Стамбул, Смирну, Алеппо и обратно. Поэтому, по словам Шарля де Пейссоннеля, «Тифлис представлял собой самое выгодное место для торговли с Персией» и был «ключом для каждого персидского города». Купцы из Грузии достигали Индии, большое значение приобрели активизировавшиеся торговые отношения с Россией (Meskhia 1983, 253-254).

Вместе с ростом торговли и ремесленничества в Тифлисе росло и общее количество лавок различных отраслей, если в начале XVIII века имелось всего 200 лавок, то к 80-ым годам того же века их число достигало 500 (Указ. соч. 256).

Оружие производства тифлисских оружейников помимо продажи на внутреннем рынке являлось также предметом экспорта. Это подтверждается в отчете полковника Степана Бурнашева¹⁴, в котором указано, что оружие, изготовленное в Тифлисе (сабли, кинжалы и конское снаряжение), экспортировалось на Северный Кавказ и в Персию (Бурнашев 1793, 5-6).

В описании вещей тифлисских купцов, отправлявшихся на Северный Кавказ, не раз встречаются шашки и кинжалы (Гамрекели 1977, 103-105). Экспорт оружия (в данном случае - кинжалов) имел настолько большие традиции, что продолжался и после присоединения Грузии к России. Для тифлисских оружейников Персия являлась основным рынком, и в виду этого на фоне напряжённых отношений с Персией Российская империя была вынуж-

---

¹⁴ Чрезвычайный уполномоченный императрицы Екатерины II при дворе царя Картли-Кахетии Ираклия II и царя Имеретии Соломона I и, одновременно, в соответствии с Георгиевским Трактатом в 1783-1787 гг. – командующий русскими войсками в Грузии.

дена принять чрезвычайные меры для приостановления экспорта. В результате оружейники Тифлиса оказались в затруднительном положении и позже самим Императором был издан приказ о возобновлении экспорта. Разумеется, что если бы экспорт кинжалов не был настолько масштабным, то издание специального приказа Императора не стало бы необходимым. Интересным свидетельством широкого распространения оружия тифлисского производства во всем регионе является также следующее упоминание в произведении А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»: «Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке» (Гугушвили 1957, 47).

Из доклада имеретинского митрополита Максима Кутатели, сделанного в 1769 году, выясняется, что сабли, ружья и порох тифлисского производства импортировались в Имеретию (Грамоты 1898, 4).

В середине XVIII века в Тифлисе царём Ираклием II был построен завод, на котором отливались пушки и мортиры. Там же на базе медного сырья, привозимого из южных областей Картли-Кахетинского царства, изготавливалась бронза, необходимая для производства пушек. С 80-х гг. XVIII века пушки стали отливать по европейской технологии, путём сверления ствола. Работа на этом заводе считалась почётной, и мастера, работавшие там, пользовались многочисленными преимуществами (Badzoshvili 2012, 137).

В 1770 году по разрешению царя Ираклия II гражданин Исаия Такуашвили построил в Тифлисе пороховой завод. Производство и продажа пороха стали монополией Такуашвили. Через некоторое время этот завод был объявлен царской собственностью. В 1795 году, после вторжения Ага Мохаммед Хана, этот завод был разрушен, но уже в 1796 году Исаия Такуашвили смог восстановить его. Завод располагался на берегу реки Куры, в районе под названием «Авлабари» (Klimiashvili 1962, 272; Kashia 1989, 81).

Царь и члены его семьи владели лавками и караван-сараями, которые сдавали в аренду и получали доходы (Meskhia 1983, 353-354; Kashia 1989, 80).

Говоря о тифлиских лавках, необходимо отметить и то, что одним из факторов, определявших их доходность, являлось выгодное месторасположение. Для строительства лавок в центре города требовалось личное разрешение царя. Лавки имели между собой различия в архитектуре: они были одно-

этажные или двухэтажные (с жилым домом), с пристроенной сзади комнатой, построенные из камня, большинство зданий лавок были арочными. Воскресенье было выходным днём и все лавки закрывались (Указ. Соч. 71-74; Meskhia 1983, 650).

Оружейные мастерские, расположенные на Царской площади, сохранились без изменения до 1795 года, когда на Тифлис напал иранский шах Ага Мохаммед и почти полностью уничтожил их. Вероятно, в решающей Крцанисской битве с персидским войском погибла и некоторая часть оружейных мастеров, которые принимали участие в сражении.

В грузинских городах мастера, работавшие в одной отрасли, и представители одной профессии традиционно концентрировались в одном районе, квартале или в прилегающих кварталах. Мастера одной отрасли (смежной или подобной отрасли) объединялись в профессиональные союзы - амкарства. Распределение амкарств по рядам или кварталам, которое было характерно для Тифлиса средних веков, сохранялось и на протяжении всего XIX века, и эти кварталы, ряды и улицы имели названия, обозначающие конкретную профессию. В феодальный период именно с учетом амкарств формировались военные отряды граждан, которые были вооружены собственным оружием и были разбиты на отряды по амкарствам. Отголоском этой традиции было то, что во время Крымской войны дружины, собранные в Тифлисе, были распределены также по амкарствам, собранным в разных кварталах¹⁵ (Meskhia 1983, 597-598).

В грузинской истории известно немало случаев, когда граждане Тифлиса, защищая власть, сражались с оружием в руках на стороне царя. В качестве примера можно привести грамоту 1722 года, жалованную царём Вахтангом VI, поводом для издания которой послужило то, что граждане, рискуя своими жизнями и имуществом, вышли на помощь царю (Dok'ument'ebi, 1962, 125).

---

¹⁵ «Съ амкарскими значками и грузинской музыкой, въ разнообразныхъ и по большей части богатыхъ костюмахъ, въ полномъ туземномъ вооружении, ратники представляли собою чрезвычайно живописный, мужественный и, можно сказать, вполне воинственный строй, которымъ невозможно было не любоваться» (Кавказъ 1855, 2).

Во времена царствования Теймураза II и Ираклия II тифлисцы также по приказу царя с оружием в руках сражались против врага. По данным Папуны Орбелиани, в виду того, что пришла информация о возможном нашествии персидского войска, «в соответствии Приказу царя, из Тифлиса вышли три тысячи храбрых граждан, хорошо вооружённых и расположились вокруг города, а также в Метехской и Таборской крепостях, и днем и ночью защищали город в ожидании битвы с персами». Известны также случаи, когда царь наспех собирал «гражданское войско» для выполнения конкретных военных поручений¹⁶ (Orbeliani 1981).

В сентябре 1795 года вторгшийся в Картли иранский шах Ага Мохаммед Хан подступил к Тифлису. На протяжении двух дней грузины сдерживали многочисленного противника, однако, на третий день, 11 сентября, шах все свои силы перебросил на атаку. В решающий момент тифлисский отряд, в котором были объединены ремесленники разных отраслей, вышел из города на помощь царскому войску, где, в частности, присоединился к отряду пшавов и хевсуров (Sakartvelos... 1980, 192), пошел в атаку прямо в центр битвы и был уничтожен многочисленным противником.

Правда, мы не можем определить точное число оружейников среди погибших тифлисцев, но это не могло не повлиять на производство оружия в городе в целом.

В отличие от других нашествий на Тифлис, это последнее нападение персов выделялось тем, что в результате был почти полностью уничтожен город, что серьезно отразилось на основе его экономики. Во время нашествия Ага Мохаммед Хана больше всего пострадала именно Царская площадь и расположенные вокруг неё кварталы. Сравнили с землёй комплекс царского дворца и строения, расположенные вокруг площади, царский арсенал, ма-

---

¹⁶ В 50-х гг. XVIII века царь Ираклий II создал воинские формирования наподобие регулярной армии, получившие название «Мориге джари» (дежурные войска). Каждый мужчина (включая самого царя и царевичей) был обязан один месяц в году проходить воинскую службу со своим провиантом и оружием, защищая разные районы царства от нападения. В списках этого войска (включая призванных из Тифлиса) иногда встречается указание профессий (рода деятельности до призыва на службу) военнообязанных, среди которых есть и оружейные мастера. Таким образом, оружейники также служили в «Мориге джари».

стерские оружейников и ремесленников других отраслей и завод по производству пушек. По словам Теймураза Батонишвили «Ага Мохамед хан зашёл в царский арсенал, также во дворец артиллерии, где находились станки и оборудование для отлива пушек. Всё унёс, в том числе пушки, отлитые знаками артиллерии, и всякое оружие, завод по отливу пушек уничтожил и здание полностью разрушил» (Badzoshvili 2012, 141). Часть пушечных мастеров, оставшихся в живых, была переселена в Персию.

После 1795 года в исторических документах можно найти множество упоминаний о сожжённых и уничтоженных мастерских (Kashia 1989, 82). Для иллюстрации вышесказанного приведем в пример Прошение старого золотокузнеца Исаии, датированное февралём 1796 года на имя царя Ираклия, который сообщает царю о своём несчастье, что после нашествия Ага Мохаммед Хана и разрушения им Тифлиса, его дом и усадьба сожжены и уничтожены все его инструменты, поэтому просит царя о выделении места на площади над лавкой Турфоашвили для строительства новой мастерской (Kartuli... 1985, 357).

После того как царь Ираклий приступил к восстановлению разрушенного города, особое внимание уделялось оружейникам. В одном из его указов сказано, что царь велит вернуться мастерам-оружейникам на территорию, находившуюся на окраине Царской площади, и разрешает построить соответствующие лавки (Berdznishvili 1965, 19-20). Как видно, лавки оружейников на первых порах вернулись на свои места, так как на планах Царской площади 1800 и 1802 годов вновь указаны эти лавки.

В период царствования Георгия XII царевич Иоанн в 1799 году составил «Проект государственных реформ» для Картли-Кахетии, в котором также отражена существовавшая реальность того периода.

Царевич Иоанн перечисляет мастеровых, подчиненных царю: среди них упоминается «начальник пороха и пуль», которому должна была быть подконтрольна вся деятельность, связанная с производством и продажей пороха и пуль. Также упомянуты «начальник мастеров конского снаряжения», которому должны были подчиняться дела по изготовлению и продаже конского снаряжения, «начальник слесарей, мастеров по изготовлению ножей и

кузнецов», которому должны подчиняться все дела по изготовлению ружей, сабель, кинжалов, ножей и другого оружия, дела по изготовлению кремневых замков, гвоздей, свёрл, а также дела по изготовлению и продаже других металлоизделий. В Проекте также сказано о создании царских лавок, где вместе с прочим должно было продаваться и оружие, что давало бы царю хороший доход (Bagrat'ioni 1957, 12, 15, 57).

Осуществление указанного Проекта не состоялось из-за кончины царя Георгия XII. При этом необходимо отметить и то, что Проект в области производства оружия не содержал ничего нового, так как оружейное дело и раньше находилось под особым вниманием царской власти, объединения мастеровых возглавлял усташаш, назначаемый царём, а амкарства действовали по утверждённому царём Уставу (Meskhia 1983, 535, 555).

Здесь же необходимо отметить, что Царевич Иоанн в своем энциклопедическом труде «Калмасоба», в котором описывается быт конца XVIII – начала XIX века, упоминает Оружейный ряд, расположенный вдоль площади. Монах из Мегрелии, гостивший в Тифлисе, посетил Тифлисский базар, позже через Раста-базар они пришли на Царскую площадь, где увидели мастеров, изготавливающих ружья, шашки и кремневые замки. Монаха удивило большое количество производимой перечисленной продукции (Bat'onishvili 1990, 432).

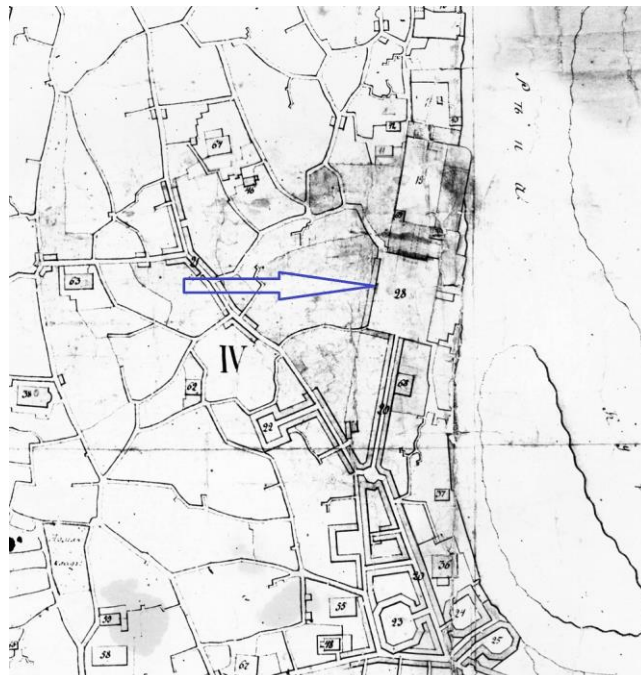
Таким образом, Оружейный ряд, расположенный в западной стороне Царской площади, непрерывно существовал, начиная с 30-х годов XVII века до разрушительного вторжения Ага Мохаммед Хана, то есть до 1795 года, когда иранский шах стёр с лица земли все строения, расположенные вокруг Царской площади, и в том числе Оружейный ряд.

Позже Картли-Кахетинские цари вернули оружейников на прежнее место, где лавки и мастерские располагались до присоединения Картли-Кахетинского царства к Российской империи.

Оружейные ряды после присоединения Картлийско-Кахетинского царства к России. После присоединения Картли-Кахетинского царства к Российской Империи, произошедшего в 1801 году, начинается новый этап развития Тифлиса. Город по-прежнему остаётся административным центром. В первом же десятилетии XIX века вокруг Цар-

ской площади строится комплекс правительственных зданий (Beridze 1960, 53). Возможно, именно по этой причине оружейные лавки были перенесены на несколько сотен метров южнее на Сионскую улицу (рядом с главной тифлисской Сионской церковью Богоматери) и на параллельную ей улицу, которая называлась «Шуа базари» (современная ул. Коте Абхази) (Илл. 6). «Шуа базари» представляла собой длинную улицу, по обе стороны которой компактно располагались лавки торговцев и ремесленников разных отраслей. Лавки оружейников в основном были сконцентрированы на том участке «Шуа базари», который был расположен параллельно Сионской улице – на этом месте Оружейный ряд просуществовал до начала XX века.

На планах города 1800 и 1802 годов (Илл. 7) вновь указаны лавки в западной стороне от Царской площади (Kvirk'velia 1982a), но на планах 1809¹⁷ и 1821¹⁸ годов расположение лавок на прежнем месте уже не указано.

Илл. 7. План города Тифлиса, 1802 год (фрагмент). Стрелкой отмечены лавки оружейников на западной стороне Царской площади (№28).

Архив профессора Михаила Арчиловича Чхиквадзе.

---

¹⁷ Уменьшенная копия с плана гор. Тифлиса, сост. Бановым в 1809 г. (архив профессора Михаила Чхиквадзе)

¹⁸ Генеральной план города Тифлиса с видом со стороны Авлабара сь пункта А между литерь Б и С. Августа 28 дня 1821 года. (архив профессора Михаила Чхиквадзе)

Немецкий востоковед Юлиус Клапрот был прислан в 1808 году Петербургской научной академией в Тифлис для этнографического и исторического исследования. Он видел здесь ряды оружейников. По его разъяснению, в Тифлисе имеется сеть улиц, на которой расположены 704 лавки, и два базара. Одним из них является «армянский базар» (Travels In The Caucasus 1814, 411-412). Среди мастеров разных отраслей Клапрот называет златокузнецов, мастеров огнестрельного оружия и мастеров холодного оружия, которых он перечисляет после так называемого «армянского базара». Исходя из этого, можно предположить, что к тому времени оружейники уже были перемещены с бывшей Царской площади в сторону Сиони и «Шуа базари» (армянского базара). Соответственно, перенесение старого ряда оружейников на новое место должно было произойти между 1802 и 1809 годами (Илл. 8).

Илл. 8. Вид Тифлиса. Фотография, последняя четверть XIX века (до 1895 года). Стрелкой №1 отмечено место, где первоначально был расположен оружейный ряд (30-е гг. XVII в. - первые годы XIX в.). Стрелками №2 отмечено место, куда ряд был перемещен и где он существовал впоследствии (10-е гг. XIX в. - 20-е гг. XX в.).
Национальная парламентская библиотека Грузии.

Изучение старых планов показывает, что основная часть оружейников, после перемещения их с Царской площади, должна была сконцентрироваться в том месте, где в 1893-1895 гг. был построен караван-сарай купцов второй гильдии А. Ходжапорукова и Е. Майсурадзе (сегодняшняя ул. Котэ Абхази № 36¹⁹) (Илл. 9, 10). Это место соединения Сионской улицы и «Шуа базари», где до XVIII века существовал ряд сапожников и перекрытый базар «чорсу».

Ряды оружейников располагались как на Сионской улице, так и на параллельной ей «Шуа базари»²⁰.

Илл. 9. Тбилиси. Сионская улица. Слева расположен восточный флигель бывшего Гостиного двора Ходжапорукова и Майсурадзе.
Фотография Л.Б. Двалишвили, 2021 год.

---

¹⁹ Координаты: 41.691703353256564, 44.806853703729054.

²⁰ Координаты: 41.69159002832447, 44.806664586373984.

Илл. 10. Тбилиси. Восточный флигель бывшего Гостиного двора Ходжапарукова и Майсурадзе (ул. Котэ Абхази д. 36).

Фотография Л.Б. Двалишвили, 2021 год.

На плане Тифлиса, составленном в 1844 году Военно-топографическим депо²¹, в этих местах указываются «Оружейные ряды» (Илл. 11).

Существование на Сионской улице сабельных мастеров подтверждает номер «Кавказского календаря» 1846 года (Кавказский календарь 1845, 242).

Также существование «Оружейного ряда» на Сионской улице конкретизирует номер «Кавказского календаря» 1849 года (Кавказский календарь 1848, 110).

---

²¹ План города Тифлиса, гравированный при Военно-топографическом депо. Санкт-Петербург. 1844 (архив профессора Михаила Чхиквадзе).

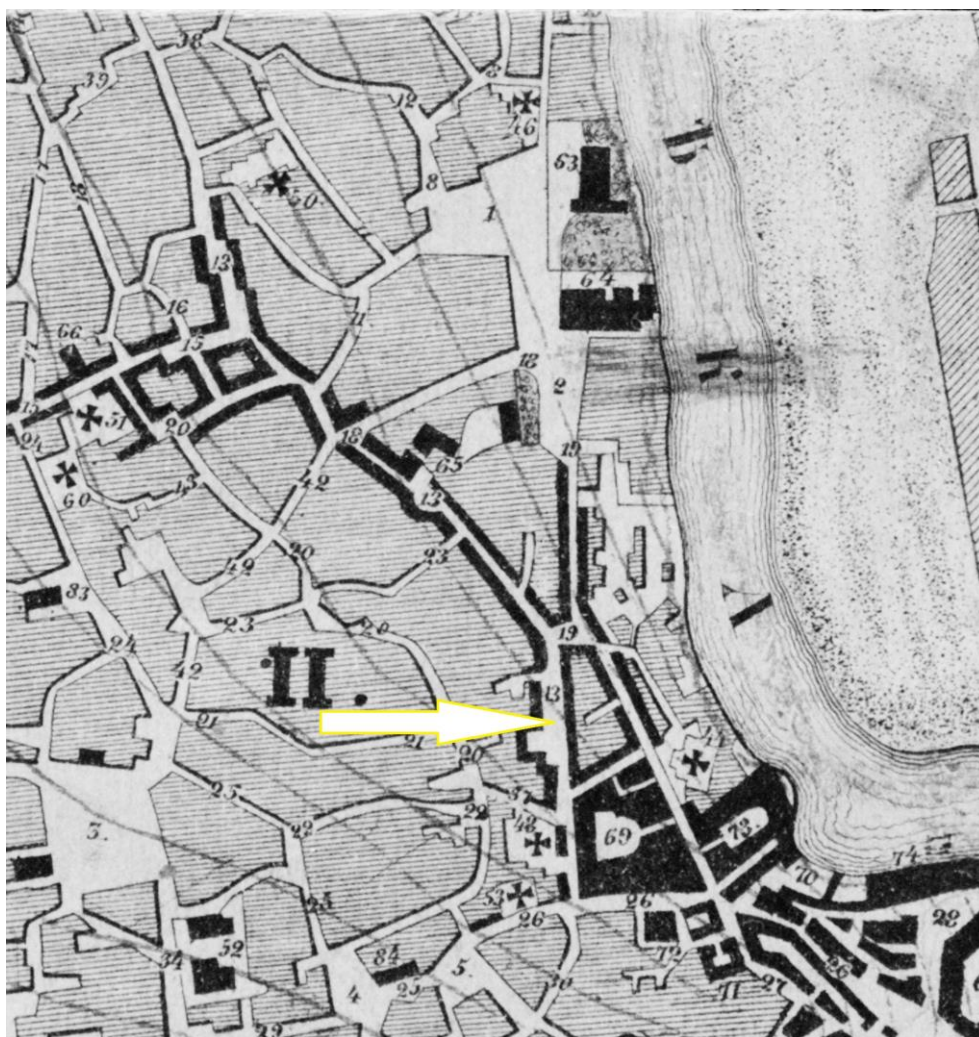
Илл. 11. План Тифлиса, 1844 год (фрагмент). Стрелкой указан №12 "Оружейный ряд" - место, куда были перемещены оружейные мастерские, ранее находившиеся на Царской площади.

Архив профессора Михаила Арчиловича Чхиквадзе.

А в номере 1856 года упомянуты сабельники и кинжальники «на Сионской улице, где и весь ряд сабельщиков и кинжальников». Там же отмечено, что некоторые слесари тоже располагаются «на Сионской улице в кинжальном ряду» (Кавказский календарь 1855, 741-742). Оружейные ряды обозначены на плане 1867 года²² на улице «Шуа-базари», параллельной Сионской улице²³ (Илл. 12).

²² План г. Тифлиса с окрестностью, 1867 (архив профессора Михаила Чхиквадзе).

²³ Недалеко от предыдущего местонахождения Оружейного ряда также находился «Ружейный переулок» на «Шуа-базари», сохранивший своё название и просущество-

Илл. 12. План Тифлиса, 1867 год (фрагмент). Стрелкой отмечен №13 "Оружейный ряд", находившийся на шуа-базаре - улице, параллельной Сионской.
Архив профессора Михаила Арчиловича Чхиквадзе.

вавший до 20-х гг. XX века. Ружейный переулок указан на разных планах Тифлиса (План города Тифлиса: Составленный строительным отделением Городской управы, по указаниям члена управы инженера путей сообщения Т. Эфиаджианца в 1903/04 году; План города Тифлиса 1924 г. Исполнительный комитет Тифлиса, сост. Е. Барамидзе). К сожалению, позже на его месте было построено здание и переулок исчез. Сейчас на месте Ружейного переулочка находятся следующие здания: сегодняшняя ул. Котэ Абхазы № 25 и Иверийская ул. № 10. Координаты: 41.693146297450134, 44.80466099147521.

Правительственные ведомства с самого начала задумали упорядочить функционирование мастерских. Они желали перенести кузнечные мастерские на окраины города, так как кузницы, устроенные на узких улицах и площадях, были неприемлемы в структуре новой планировки города. Как видно, проблема кузниц не была решена полностью. Тифлисский гражданский губернатор дал указание городскому полицмейстеру о перенесении кузниц, которые располагались на узких улицах, в специально устроенные места на окраине города, а существующие на широких улицах временно оставить на месте (Sakartvelos gazeti #5, 1819, 4).

Параллельно генерал Ермолов провёл целый ряд мероприятий и восстановил окрестные места старого базара. Заметим, что российская администрация не захотела вмешиваться в определение месторасположения мастерских, существовавших по старым традициям. Главная артерия мастерских города - «Шуа-базари» и сеть примыкающих к ней торгово-ремесленных улиц, продолжала жить так, как это укоренилось столетиями раньше, а основная часть правительственных организаций была перенесена в бывшую «Гаретубани» (современный проспект Руставели), куда переместился административный и культурный центр Тифлиса.

Здесь же следует отметить, что не все оружейники работали в Оружейных рядах. Определённая часть мастеров располагалась в караван-сараях²⁴, что являлось традицией со времен Картли-Кахетинских царей (Meskhia 1983, 648). «Обозрение Российских владений за Кавказом», вышедшее в 1836 году, содержит следующую информацию о тифлисских караван-сараях: «Под именем караван-сараяев разуметь должно гостиные дворы, служащие складочным местом для привозимых товаров. Впрочем, там лавки в караван-сараях и на базарах, или в рядах, служат также местом жительства для многих купцов и ремесленников во всякое время года. В рядахъ и караван-сараях всегда толпится много народа; ремесленники производят в них свои работы даже зимою, на открытом воздухе, имея пред собою жаровни с горящими углями (мангалы): поэтому-то караван-сарай и ряды представляют

---

²⁴ В 1836 году в Тифлисе было уже 7 караван-сараяев, а в начале 50-х гг. – 13 (все они принадлежали частным лицам).

там, во всякое время самую живую картину деятельности, труда и промышленности. В них можно видеть все искусства и ремесла Тифлиса. Здесь оружейник опиливает ствол пистолета; там токарь сверлит чубуки; медник дает формы латуни; серебряных дел мастер плавит металл...» (Обозрение 1836, 192-193).

У известных тифлиских оружейников Карамана и Эфрема (Эпрема) Элиаровых в собственном доме были оборудованы мастерские: у Карамана на Атаманской улице, у Эфрема - на Таможенной (Кавказский календарь 1848, 110). Очевидно, Флориан Жиль подразумевал Карамана, когда писал: «...я пришёл к оружейнику Георгию (который известен в Тифлисе) в мастерскую, а не на базар, он готовит особо хорошие клинки для охотничьих ножей и является большим мастером золотых орнаментов по металлу в персидском вкусе» (Gille 1859, 265).

После перенесения Оружейного ряда на новое место правительство уделяло особое внимание торговле тифлиским оружием. В декабре 1819 года гражданский губернатор Грузии Роман Ховен опубликовал в газете чрезвычайное заявление о том, что с 13 декабря 1819 года начнётся продажа буроков, ружей, пистолетов, сабель, кинжалов, ножей, газырей и пороховниц. Желаящие приобрести перечисленные товары могут явиться в Тифлис в любое время кроме воскресных и выходных дней (Sakartvelos gazeti № 41, 1819, 1).

В пределах преобразований, проводимых в Тифлисе Российской Империей, новое правительство постаралось видоизменить внешний вид лавок. В 1810 году в инструкции главнокомандующего А. Тормасова было указано, что можно «для строительства лавок построить одну образцовую лавку так, чтобы она имела вход с обеих сторон: переднее заведение, выходящее на улицу – для торговли, а другое - выходящее во двор - для жилья и работы, благодаря чему в передней лавке всегда можно будет сохранять чистоту. Для торговли тканями можно было построить двухэтажные лавки: первый этаж использовался для торговли, а наверху для проживания, откуда по лестнице можно было спускаться в торговую лавку» (Beridze 1963, 12).

Образцовый проект, возможно, содержал элементы архитектуры старых лавок, при этом для оформления были добавлены новые элементы. Со временем стали строиться лавки различного внешнего вида, но интерьер в основном оставался единообразным и почти не менялся.

Одним из характерных признаков для лавок ещё со старых времён было то, что они одновременно были и торговым объектом, и мастерской, а работающий там был одновременно и мастером, и продавцом. «В старых кварталах есть улицы, переполненные навесами, где люди разного ремесла одновременно являются и продавцами, и мастерами» (Tinco Martinus 1872, 355). «...Оружейные лавки, которых бездна в Тифлисе. Потребность... оружия повседневная; следовательно, нигде нет такого стечения народа, как в этих лавках. Купец (он же и мастер) точит ручки кинжала или шашки, тот пишет золотом на полосе или на стволе винтовки и пистолета; тот под чернь обдѣлывает ножны или рукоятку. А покупатели со всех сторон идут и идут к оружейникам», - писал в 1844 году автор-аноним (Воспоминания... 1847, 219).

На фасаде тифлиских лавок, выходящих на улицу, имелись деревянные ставни, которые ночью закрывались, а днём открывались, там же работали и там же зазывали покупателей. «В навесах нет витрин, мастера, сидящие в восточном стиле, работают перед вами. Вечером эти навесы закрываются деревянными ставнями и шумный базар опустошается и становится тихим. Они предоставляются ночным сторожам, также, как в Константинополе или где-нибудь на Востоке», - писал Флориан Жиль (Gille 1859, 264).

До которого часа работали лавки, пока трудно сказать. К 1865 году газовое освещение в этой части города ещё не существовало и лавки освещались свечами и масляными лампами. В том же году голландский востоковед Тинко Мартинус Ликлама в Ниджехолте по вечерам часто гулял по тифлиским базарам. Он достаточно детально и образно описывает базары, которые «так изумительно были освещены страшными масляными лампами; они красным цветом освещали нижние части этих несчастных навесов и внутри создавали такой эффект, который очень любили голландские и фландрийские художники» (Tinco Martinus 1872, 439). Также заявляет он: «...то, что заслуживает внимания на этом Тифлисском базаре, это шёлковые ткани, ковры и

оружие... купил несколько оружий оригинальной формы и наилучшей закалки, которым отведу место в моей самой дорогой коллекции» (Указ. соч. 354).

Для тифлисских мастеров и конкретно для оружейников характерным было распределение труда. В частности, если в одной лавке изготавливались клинки сабель или кинжалов, то в других лавках работали мастера, изготавлившие рукояти. Также отдельно работали изготовители ножей, сабель, кинжалов и отдельных частей ружей.

Всё это хорошо описывает побывавший в 1859 году в Тифлисе Александр Дюма: «Таким образом, если вы хотите заказать шашку, сперва достаньте клинок, заказывайте рукоятку и ножны, покупайте для них кожу или сафьян, наконец делайте серебряную оправу для рукоятки, и всё это отдельно, всё это у разных торговцев, для чего надо ходить из магазина в магазин» (Дюма 1983, 375).

Разделение труда было характерно и для тифлисских оружейников XVII-XVIII веков, отдельно работали мастера ружейных прикладов, клиночные мастера (сабельщики и кинжальники), мастера по изготовлению пороховниц и другие. Здесь же надо отметить, что были и исключения, когда мастера самостоятельно выполняли несколько рабочих операций и изготавливали оружие нескольких видов. Так, например, работал известный оружейник Хечатур Бебуров, который изготавливал сабли, кинжалы и сам же украшал их золотой насечкой. Так же работал Караман Элиаров и некоторые другие мастера.

На протяжении всего XIX века изделия «оружейных мастеров, которыми был набит Тифлис» (Торнау 2008, 57), привлекали всех гостей, приезжавших в город (Илл. 13, 14). Оружие, изготовленное в Тифлисе, являлось одним из основных товаров, которым, в первую очередь, интересовались иностранцы, приезжавшие в город с различными целями. Известны многочисленные упоминания о тифлисских оружейниках. Для примера мы приведём одно упоминание 1858 года, которое повествует о многочисленности и своеобразном шарме мастерских оружейников Тифлиса: «Возвратимся в нижний город, настоящий грузинский город. От театральной площади вы идёте по извилистой улице с лавками по обеим сторонам, в которых хозяин

продаёт свои товары и фабрикует их. На первом плане – оружейники, выставляющие на показ бесчисленное множество клинков, шашек, кинжалов, пистолетов и ружей, богато украшенных серебром с чернью. Почти все рисунки в византийском стиле, исполнены чудесно» (От Баку до Черного моря 1875, 588-589).

Илл. 13. Татарская площадь в Тифлисе, фрагмент рисунка князя Г.Г. Гагарина.
В центре изображен торговец оружием.
Частная коллекция (Тбилиси, Грузия).

Оружие, изготовленное в Тифлисе, всегда пользовалось популярностью. Город представлял форпост Российской Империи на южном направлении, здесь были сосредоточены различные подразделения Российской Императорской армии, а также через данный регион проходили линии фронта русско-персидских и русско-турецких войн. Помимо регулярных воинских подразделений Российской Империи и казаков в войнах принимали участие милицейские отряды, составленные из местных жителей. Таким образом, в регионе существовал стабильный спрос на оружие надлежащего качества. Кроме того, холодное оружие являлось неотъемлемым элементом национального кавказского костюма.

Несмотря на вышесказанное, со временем возник целый ряд проблем для традиционного производства оружия в Тифлисе. После присоединения к Российской Империи первое ощутимое препятствие было вызвано новым порядком регулирования вывоза товара за границу, так как большая часть оружия создавалась для экспорта.

Илл. 14. Тифлис. Мастерская оружейника. Рисунок князя Г.Г. Гагарина.
Частная коллекция (Тбилиси, Грузия).

После утверждения Российской Империи в Грузии был поставлен вопрос о привлечении квалифицированных мастеров в Тифлис, так как переустройство жизни города на новый лад требовало мастеров, обладавших новыми знаниями. Правительство начало приглашать иностранных мастеров разных отраслей, что вызывало раздражение местных купцов-ремесленников.

Ремесленничество и торговля в Тифлисе были явно монополизированы. Здешние торгово-ремесленные профессиональные объединения – амкарства противостояли вхождению чуждых элементов, которые поддерживались правительством и были независимыми (Gugushvili 1962, 185). Первоначально амкарствам удавалось объединять прибывающих ремесленников в свои круги

и устанавливать контроль над ними, однако, позже это стало невозможным (Pirtskhalaishvili 1940, 49).

Большой удар местному производству нанёс Закавказский свободный транзит и льготный тариф, который действовал в 1821-1831 гг. В этом периоде торговля русским и иностранным товаром в Грузии достигла пика, что нанёсло большой удар по местному производству. Значительно уменьшилось число ремесленников всех отраслей, что было обусловлено не только распространением дешёвой продукции, но и тем, что ошутимая часть ремесленников перешла в торговлю.

В то же время в городе постепенно утверждался европейский вкус, что вызывало увеличение потребности в товаре, соответствующему европейской моде, с чем местное производство не могло идти в ногу. Таким образом, дешёвая фабричная продукция со временем начала резко вытеснять тифлисское оружейное производство, что было связано также и с развитием технологий, например, модели местного огнестрельного оружия постепенно стали терять свою актуальность (Gugushvili 1962, 405). Эти процессы оказали влияние на местное производство, хотя оружие, сделанное мастерами Тифлиса (в особенности холодное оружие), долгое время сохраняло популярность.

В 1843 году правительство, несмотря на большое недовольство местных амкарств, для обустройства приезжих ремесленников основало специальный комитет, благодаря чему ещё больше возросло число приезжих иностранных мастеров (Указ. соч. 146), среди которых были и оружейники.

Напряжение между приезжавшими мастерами и местными амкарствами всё больше росло, что вызывало недовольство правительства по отношению к последним. Правительство считало монополию амкарств причиной дороговизны продукции и источником препятствия для развития промышленности в условиях конкуренции.

В 1859 году был издан закон, согласно которому русским и иностранным ремесленникам разрешалось открывать свои мастерские независимо от амкарств. В 1865 году в Тифлисе вспыхнуло принявшее массовый характер и объявившее весь город восстание амкарств, для подавления которого были привлечены войска (Pirtskhalaishvili 1940, 35-82). Упомянутое восстание оказа-

лось решающим событием в истории тифлисских амкарств: правительство провело целый ряд реформ и ликвидировало большую часть амкаров²⁵.

Илл. 15. Тифлис. Мастерская оружейника. Фотография, последняя четверть XIX - начало XX века. Национальная парламентская библиотека Грузии.

На основе «Положения о ремесленных амкарах (цехах) в городе Тифлисе и об их управлении» 1867 года вместо 122 амкарств оставалось всего 17 амкарств и 4 рабочих артели. Среди этих 17 амкарств было и амкарство оружейников, которое объединяло мастеров различной специализации: сабельников, кинжальщиков, мастеров по насечке, изготовителей ружейных прикладов и кремневых замков. Заметим, что у упомянутых мастеров ранее были отдельные амкарства. Отдельно существовало амкарство кузнецов и слесарей, объединявшее изготовителей подков, ножей и прочих железных изделий (Gugushvili 1962, 287-294) (Илл. 15-20). В итоге амкарства потеряли своё влияние и монополию в ремесле и торговле.

---

²⁵Амкары просуществовали в Тбилиси до 1921 года.

Илл. 16. Тифлис. Оружейник и муша (работник). Фотография, последняя четверть XIX - начало XX века. Национальная парламентская библиотека Грузии.

Именно после указанного периода начинается массовое отходничество в Тбилиси дагестанских оружейников, что изменило внешний облик тифлисского оружейного производства. Несмотря на расположение оружейных мастерских в различных районах, оружейные лавки продолжали находиться и на старых местах.

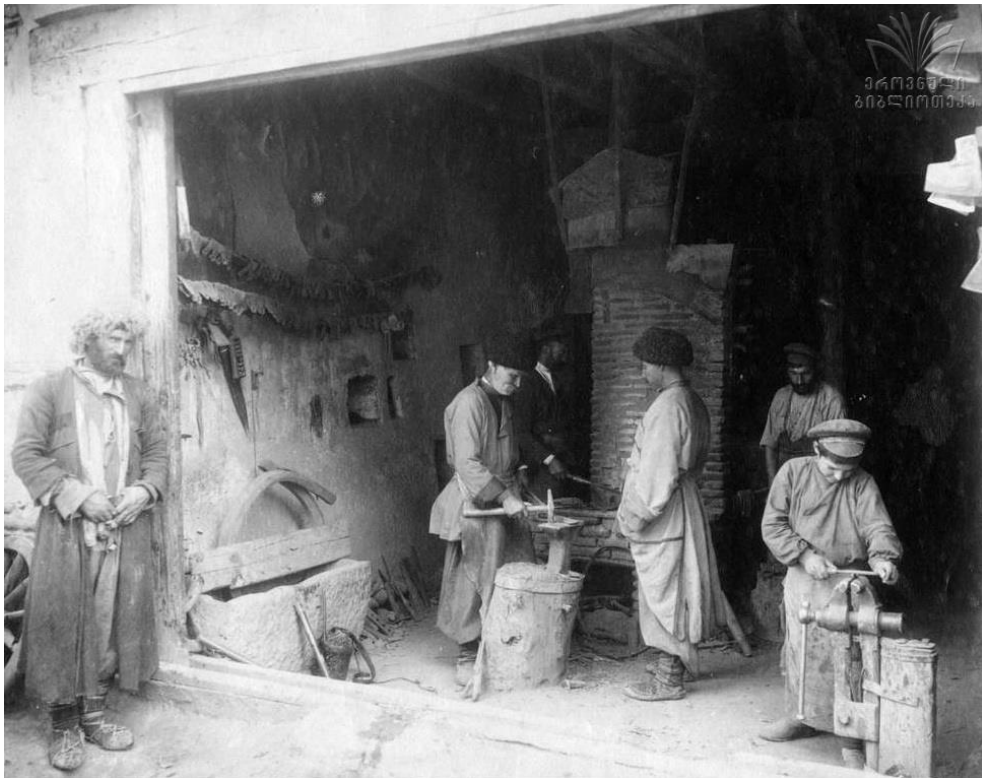

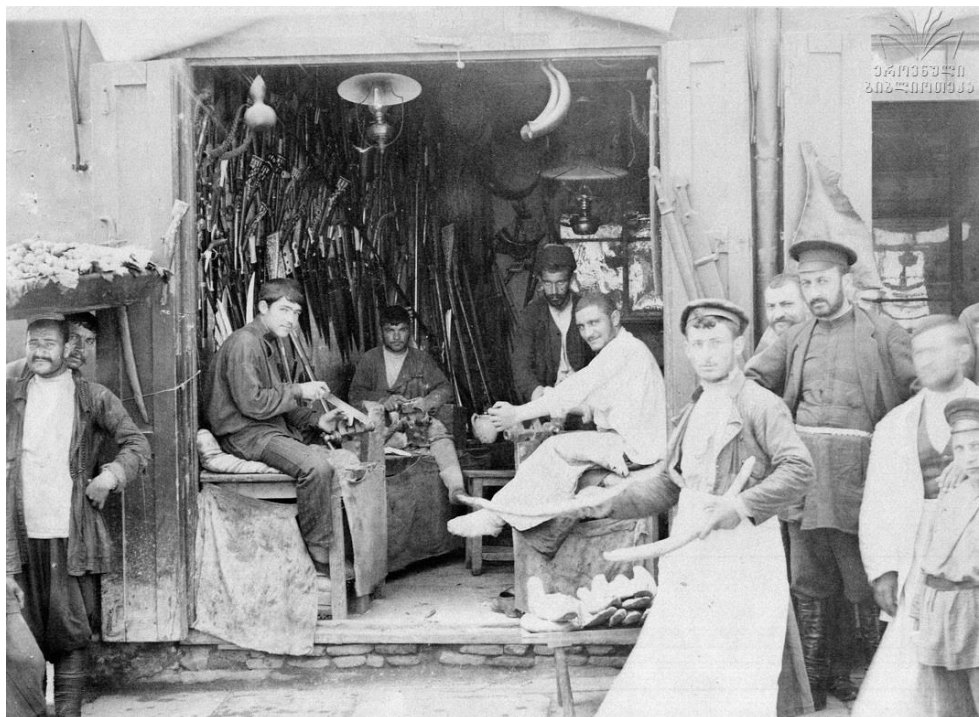
Илл. 17. Тифлис. Точильщик кинжала. Фотография, последняя четверть XIX - начало XX века. Национальная парламентская библиотека Грузии.

В воспоминаниях будущего телохранителя вдовствующей Императрицы Марии Федоровны кубанского казака Тимофея Ящика, проходившего службу в Тифлисе в 1900-1904 гг., содержится живописное описание городских мастерских, представляющее интерес для нашего исследования: «По всему городу, на юге и востоке, работают ремесленники в открытых мастер-

ских, и каждая улица имеет, как в средневековых городах, свое ремесло. Например, на одной улице можно увидеть только портных, которые сидят и шьют или крутят швейную машинку. Сам портной сидит с кинжалом и саблей, вооруженный до зубов на случай, если возникнут проблемы с заказчиком. На другой улице сплошь сидят сапожники и работают инструментами, взятыми как будто из сказок «1000 и одной ночи». Целые кварталы полны оружейниками. Можно порадовать себя действительно красивым и редким оружием. Тогда еще делались кольчуги и шлемы, как для древних сарацинов, боевые булавы, нарукавники и щиты, мечи, кинжалы и ружья. Для того, чтобы показать заказчику, насколько хороша сталь, оружейник брал клинок и рубил им камень, выбивая искры. На лезвии не оставалось никаких повреждений» (Ящик 2011, 43).

Илл. 18. Тифлис. Кузня. Фотография, последняя четверть XIX - начало XX века.
Национальная парламентская библиотека Грузии.

Илл. 19. Тифлис. Лавка оружейника.
Фотография, последняя четверть XIX - начало XX века.
Национальная парламентская библиотека Грузии.

Лавки оружейников сохранились на Сионской улице и в первой половине XX века. Во всяком случае, в «Кавказском календаре» 1917 года упомянуты несколько оружейных лавок (Кавказский календарь 1916, 32).

Промышленная опись Тифлиса от 5 мая 1923 года выявила в городе 22 оружейные мастерские, которые занимались производством и ремонтом оружия (Gamqrelidze 1926, 47-49).

Трудно судить о видах производимой ими продукции, однако по справкам, собранным в этот период, ювелиры, которых было много в городе, занимались изготовлением серебряных деталей для украшения сабель и кинжалов (Gamqrelidze, там же). Это позволяет предполагать, что оружейники изготавливали изделия, соответствовавшие моде нового времени, продолжая также изготавливать оружие в традиционном стиле.

Илл. 20. Тифлис. Мастерская оружейника.
Фотография, последняя четверть XIX - начало XX века.
Национальная парламентская библиотека Грузии.

По сообщению женщины-художника по металлу Манабы Магомедовой, на Сионской улице, вблизи Сионской церкви, одним из последних оружейников был Аквсентий Джанелидзе, работавший до 20-30-х годов XX века, у которого приобретал клинки для кинжалов её отец Омар Магомедов²⁶.

Символическим является тот факт, что советское правительство в 1930-х гг. собрало вместе златокузнецов из мастерских, сохранившихся в историческом районе города, и основало «Тбилисскую ювелирную фабрику». Фабрика располагалась в здании бывшего «манташевского» караван-сарая, который построен на фундаменте Оружейного ряда, основанного царем Ростомом (Илл. 21, 22).

Илл. 21. Тбилиси. Здание по адресу ул. Котэ Абхази д. 19/22 (бывший Гостиный двор Манташева), восточный флигель. Вид с улицы Ираклия Второго. Фотография Л.Б. Двалишвили, 2021 год.

---

²⁶ Данную информацию от Манабы Магомедовой получил и любезно предоставил нам грузинский исследователь оружия Ираклий Бакрадзе, за что мы искренне благодарим его.

Илл. 22. Тбилиси. Здание бывшего Гостиного двора Манташева (ул. Котэ Абхазы д. 9/22), северный флигель. Вид с улицы Антона Каталикоза.
Фотография Л.Б. Двалишвили, 2021 год.

Таков краткий обзор истории Оружейного ряда, расположенного в царском квартале, на территории между церквями Сиони и Анчисхати, в западной части Царской площади, существовавшего в Тифлисе как минимум с 30-х гг. XVII века, начиная с периода царствования Картлийского царя Ростома. В 1795 году Оружейный ряд был уничтожен в результате нашествия персов, а после присоединения Картли-Кахетинского царства к Российской Империи он был перенесён на расположенные поблизости Сионскую улицу и улицу «Шуа-базари», где оружейные мастерские просуществовали до 20-х гг. XX века.

Библиография

- Бурнашев С.Д. Картина Грузии, или Описание политического состояния Царств Карталинского и Кахетинского. — Курск: Тип. Курск. приказа обществ. призрения, 1793. — 38 с.
- Гамрекели В. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Кн. 2. — Тб.: Мецниереба, 1977. — 111 с.
- Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. т. II, вып. 2 / ред. А. А. Цагарели. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1898. — 209 с.
- Гугушвили П.В. Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX-XX вв. — Тб.: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1957. — 344 с.
- Джалаганиа И.Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V-XIII вв. — Тб.: Мецниереба, 1979. — 148 с.
- Дюма А. Кавказ. — Тб.: Мерани, 1983. — 286 с.
- Воспоминания о Тифлисе. (Из дорожных записок 1844 года) // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. — СПб, 1847. — т. 67. — № 266. — С. 216-221.
- Кавказ // Газ. — Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1855. — №36, 11 Мая. — 4 с.
- Кавказский календарь, на 1846 год. — Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1845. — 246 с.
- Кавказский календарь, на 1849 год. — Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1848. — 387 с.
- Кавказский календарь, на 1856 год. — Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1855. — 785 с.
- Кавказский календарь, на 1917 год. — Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1916. — 1231 с.

- Квирквелия Т.Р. Архитектура Тбилиси. — Тб.: Сабчота Сакартвело, 1982. — 192 с.
- Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. —СПб.: Тип. Департамента внеш. торговли, 1836. — Ч. 1. — 1836. — 399 с.
- От Баку до Черного моря (Изъ путешествия Моана въ 1858). Руссель-Киллут А. Через Сибирь в Австралию и Индию. — СПб: Изд-во журн. «Всемирный путешественник», 1875. — 616 с.
- Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. — М.: «АИРО–XXI». — 2008 г. — 496 с.
- Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. 2-е изд., испр. и доп. — СПб: Нестор-История. — 2011. — 376 с.
- Gille F., Lettres sur le Caucase et la Crimée. Paris: Gide, 1859. 550 p.
- Tinco Martinus Lycklama à Nijeholt, Voyage en Russie, au Caucase et en Perse exécuté pendant les années 1866, 1867 et 1868, t. I. Paris: Arthus Bertrand, Libraire-Editeur, 1872. 506 p.
- Travels In The Caucasus And Georgia: Performed In The Years 1806 And 1808, By Command Of The Russian Government by Julius Von Klaproth. London, 1814. 411-412 pp.
- ბაგრატიონი ი. სჯულდება : ქართლ-კახეთის სამეფოს სახელმწიფოებრივი რეფორმების პროექტი—თბ. : თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1957. — 116გვ.
- ბატონიშვილი ი., ხუმარსწავლა : კალმასობა, ტ. 1 — თბ. : მერანი, 1990. — 639 გვ.
- ბაძოშვილი თ. სამთო-მეტალურგიული წარმოება XVIII საუკუნის აღმოსავლეთ საქართველოში—თბ. : მერიდიანი, 2012. — 166 გვ.
- ბერიძე ვ. თბილისის ხუროთმოძღვრება, 1801-1917 წლები. ტ.2. — თბ.: საბჭ. საქართველო, 1963. — 203 გვ.

- ბერიძე ვ. თბილისის ხუროთმოძღვრება, 1801-1917 წლები. ტ.1 — თბ. საბჭ. საქართველო, 1960. — 150 გვ.
- ბერიძე თ. ძველი თბილისის გარეუბნების ისტორია— თბ.: მეცნიერება, 1977. — 281გვ.
- ბერძნიშვილი მ. თბილისის გარეგანი სახე XVIII საუკუნეში. — თბ.: მეცნიერება, 1965. — 91გვ.
- გამყრელიძე, გ. ხელოსნობა ტფილისში —ტფილისი: შრომა, 1926. — 119 გვ.
- გუგუშვილი პ. საქართველოსა და ამიერკავკასიის ეკონომიკური განვითარება XIX-XX ს. ტ. 5. —თბ.:საქ. სსრ მეცნ. აკად. გამომც. 1962. — 648 გვ.
- გძელიშვილი ი. თბილისის მატერიალური კულტურის ძეგლები — თბ.: საქ. სსრ მეცნ. აკად. გამ-ბა და სტ., 1961. — 93 გვ
- დოკუმენტები თბილისის ისტორიისათვის XVI-XIX სს. . წ. 1 / რედ. ნ. ბერძენიშვილი—თბ.: საქ. სსრ მეცნ. აკად. გამ-ბა, 1962. — 384 გვ.
- ვახტანგ VI, წიგნი ზეთების შეზავებისა და ქიმიისა ქმნის— თბ.: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1981. — 269 გვ.
- თბილისი 1500 : ქალაქის ისტორიიდან / რედ. ს. ჟღენტი —თბ.: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1958. — 303 გვ.
- ნუცუბიძე ა. ერეკლეს მოედნის ამბავი, გაზ. თბილისი— თბ.: 1989, 6 მარტი. — N 54. — 8 გვ.
- კაშია რ. ვაჭრობა და ვაჭართა ფენა XVIII ს. თბილისში // საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის მაცნე.— თბ, 1989. — N2. — გვ. — 70-85.

- კვანტიძე გ., ეთნოგრაფიული სურათები XVII-XVIII სს. საქართველოს ისტორიიდან: დის. ისტ. მეც. დოქტ. — ილიას სახ. უნივერსიტეტი. — თბ., 2014. — 379 გვ.
- კვირკველია თ. თბილისის ბატონის მოედნის ლოკალიზაციისათვის // მეგლის მეგობარი. — თბ., 1982. — N61. — გვ. 26—34.
- კლიმაშვილი ა. საარტილერიო მშენებლობა აღმ. საქართველოში XVIII ს. II ნახ. // ხელნაწერთა ინსტ. მოამბე. — თბ. 1962 — კრ.4. — გვ. — 263-275.
- მაისურაძე გ. ქართველი და სომეხი ხალხების ურთიერთობა XIII-XVIII საუკუნეებში— თბ.: მეცნიერება, 1982. — 331 გვ.
- მესხია შ. საისტორიო ძიებანი, ტ. 2 — თბ.: მეცნიერება, 1983. — 695 გვ.
- მშვენიერი რაჭა: ისტორიული წერილები, ხალხური ლექსები და სხვადასხვა სურათები /რედ. ევგენი დვალი—თბ.: განათლება, 1918. — 44 გვ.
- ორბელიანი პ. ამბავნი ქართლისანი— თბ. : მეცნიერება, 1981. — 282 გვ.
- ჟან შარდენის მოგზაურობა სპარსეთსა და აღმოსავლეთის სხვა ქვეყნებში : ცნობები საქართველოს შესახებ / რედ.: რ. კიკნაძე და სხვ. — თბ.: მეცნიერება, 1975. — 429 გვ.
- ჟორჟოლიანი გ. საქართველო XVII საუკუნის 30-50-იან წლებში (ქართლ-კახეთი)— თბ.: მეცნიერება, 1987. — 165 გვ.
- საქართველოს გაზეთი, N 41. — თფ.: 1819 წლის 12 დეკემბერი. — 4 გვ.
- საქართველოს გაზეთი, N 5— თფ.: 1819 წლის 4 აპრილი. — 4 გვ.
- საქართველოს ისტორიის ქრონიკები XVII-XIX ს.ს. /რედ. ავთ. იოსელიანი. — თბ. : საბჭ. საქართველო, 1980. — 383 გვ.

სვანიძე მ. საქართველო-ოსმალეთის ურთიერთობის ისტორიიდან XVI-XVII სს. — თბ.: მეცნიერება, 1971. — 362 გვ.

ფირცხალაიშვილი, ა. თბილისის ამქრების 1865 წლის გამოსვლის ისტორიისათვის // თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები. — თბ., 1940. — ტ.11. — გვ. — 33—82.

ქართული სამართლის ძეგლები, ტ. 8 / რედ. ი. დოლიძე—თბ.: მეცნიერება, 1985. — 1125 გვ.

ქუთელია თ. თბილისის ზარაფხანა XVII-XVIII ს. // საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის მოამბე. — 1978. — ტ. 33 B. — გვ. — 89-109.

References

Badzoshvili T. (2012). *samto-met'alurgiuli ts'armoeba XVIII sauk'unis aghmosavlet sakartveloshi* [Mining-metallurgy Industry in the XVIII Century Eastern Georgia]. Tb., meridian Publ. 166 p. (in Georgian)

Bagrat'ioni I. (1957). *sjuldeba: kartl-k'akhetis samepos sakhelmts'ipoebrivi repormebis p'roekti* [Sjuldeba: State Reform Project of the Kingdom of Kartli-Kakheti]. Tb., Tbil. Univ. Publ. 116 p. (in Georgian)

Bat'onishvili I. (1990). *khumarsts'avla : k'almasoba* [Kalmasoba or Teaching through Games], Vol. 1. Tb., merani Publ. 639 p. (in Georgian)

Beridze V. (1960). *tbilisis khurotmodzghvreba, 1801-1917 ts'lebi* [Architecture of Tbilisi – 1801-1917], Vol. 1 —Tb., sabch'. Sakartvelo Publ. 150 p. (in Georgian)

Beridze V. (1963). *tbilisis khurotmodzghvreba, 1801-1917 ts'lebi* [Architecture of Tbilisi – 1801-1917], Vol. 2. Tb., sabch'. Sakartvelo Publ. 203 p. (in Georgian)

- Berdznishvili M. (1965). *tbilisis garegani sakhe XVIII sauk'uneshi* [Outward Appearance of Tbilisi in the 18th c.]. Tb., metsniereba Publ. 91 p. (in Georgian)
- Beridze T. (1977). *dzveli tbilisis gareubnebis ist'oria* [History of the suburbs of old Tbilisi]. Tb., metsniereba Publ. 281 p. (in Georgian)
- Burnashev S.D. (1793). *Kartina Gruzii, ili Opisanie politicheskogo sostojanija Carstv Kartalinskogo i Kahetinskogo* [Picture of Georgia or the Description of Political Situation in the Kingdoms of Kartli and Kakheti.]. Kursk. 38 p.
- Djuma A. (1983). *Kavkaz* [Alexandre Dumas, Caucasus]. Tb., Merani Publ. 286 p.
- Dok'ument'ebi tbilisis ist'oriisatvis XVI-XIX ss. [Documents for Tbilisi history 16th-19th cc] Vol. 1. Ed. N. Berdzenishvili. Tb., Acad. Of Sciences Georg. SSR Publ., 1962. 384 p. (in Georgian)
- Dzhalagania I.L. (1979). *Inozemnaja moneta v denezhnom obrashhenii Gruzii V-XIII vv.* [Foreign coin in circulation in Georgia V-XIII centuries]. Tb., Mecniereba Publ. 148 p.
- Gamqrelidze G. (1926). *khelosnoba t'pilisshi* [Crafts in Tiflis]. Tbilisi, shroma Publ. 119 p. (in Georgian)
- Gamrekeli V. (1977). *Torgovyje svjazi Vostochnoj Gruzii s Severnym Kavkazom v XVIII* [Trade relations between Eastern Georgia and the North Caucasus in the XVIII century], Vol.2. Tb., Mecniereba Publ. 111 p.
- Gdzelishvili I. (1961). *tbilisis mat'erialuri k'ult'uris dzeglebi* [Material culture monuments of Tbilisi]. Tb., Acad. Of Sciences Georg. SSR Publ. 93 p. (in Georgian)
- Gille F. (1859). *Lettres sur le Caucase et la Crimée* [Letters on the Caucasus and the Crimea]. Paris, Gide Publ. 550 p.
- Gramoty i drugie istoricheskie dokumenty XVIII stoletija, odnosjashhiesja k Gruzii [Deeds and other historical documents of the XVIII century related to

- Georgia], Vol. II, Ed. A. A. Cagareli. SPb., St.Petersburg: printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1898. 209 p.
- Gugushvili P. (1962). *sakartvelosa da amierk'avk'asiis ek'onomik'uri ganvitareba XIX-XX s.* [Economic development of Georgia and Transcaucasia in the XIX-XX centuries], Vol. 5. Tb., Acad. Of Sciences Georg. SSR Publ. 648 p. (in Georgian)
- Gugushvili P. V. (1957). *Razvitie promyshlennosti v Gruzii i Zakavkaz'e v XIX-XX vv.* [Manufacturing Development in Georgia and the South Caucasus in the 19th-20th centuries]. Tb., Acad. Of Sciences Georg. SSR Publ. 344 p.
- Kartuli samartlis dzeglebi [Monuments of Georgian law], Ed. I. Dolidze, Vol. 8. Tb., metsniereba Publ., 1985. 1125 p.
- Kashia R. vach'roba da vach'arta pena XVIII s. tbilisshi [Merchants and Trading in the XVIII Century Tbilisi]. *Bulletin of the Academy of Sciences of Georgian SSR*, N2. pp. 70-85. Tb., 1989. (in Georgian)
- Kavkaz [Caucasus. Newsp.]. Tiflis, Ch. Exercise. Caucasus. Governor, 1855. №36, 11 May. 4 p.
- Kavkazskij kalendar', na 1846 god [The Caucasian calendar for 1846]. Tiflis, Ch. Exercise. Caucasus. Governor, 1845. 246 p.
- Kavkazskij kalendar', na 1849 god [The Caucasian calendar for 1849]. Tiflis, Ch. Exercise. Caucasus. Governor, 1848. 387 p.
- Kavkazskij kalendar', na 1856 god [The Caucasian calendar for 1856]. Tiflis, Ch. Exercise. Caucasus. Governor, 1855. 785 p.
- Kavkazskij kalendar', na 1917 god. [The Caucasian calendar for 1917]. Tiflis, Ch. Exercise. Caucasus. Governor, 1916. 1231 p.
- Klimiashvili A. (1962). saart'ilerio mshenebloba aghm. sakartveloshi XVIII s. II nakh. [Artillery in Georgia in the Second Half of the 18th c.]. *Bulletin of National Center of Manuscripts*, IV, 1962, pp. 263-275. Tb., Acad. Of Sciences Georg. SSR Publ. (in Georgian)

- Kutelia T. (1978). tbilisis zarapkhana XVII-XVIII s. [Tbilisi Mint in the XVII-XVIII centuries]. *Bulletin of the Georgian National Museum*, N 33 B, pp. 89-109. Tb. (in Georgian)
- Kvantidze G, (2014). etnografiuli suratebi XVII-XVIII ss. sakartvelos ist'oriidan [Ethnographic images of 17th-18th centuries of Georgia history], dissert. Iia state University. Tb. 379 p. (in Georgian)
- Kvirk'velia T. (1982a). *Arhitektura Tbilisi* [Architecture of Tbilisi]. Tb., Sabchota sakartvelo Publ. 192 p.
- Kvirk'velia T. (1982b). tbilisis bat'onis moednis lok'alizatsiisatvis [For the localization of the Royal Square of Tbilisi], „*dzeglis megobari*”, N61. Tb. pp. 26-34. (in Georgian)
- Maisuradze G. (1982). *kartveli da somekhi khalkhebis urtiertoba XIII-XVIII sauk'uneebshi* [Relation between Georgian and Armenian people in the XIII-XVIII centuries]. Tb., metsniereba Publ. 331 p. (in Georgian)
- Meskhia Sh. (1983). *saist'orio dziebani*, [Historical Researches], Vol.2. Tb., metsniereba Publ. 695 p. (in Georgian)
- Mshvenieri rach'a: ist'oriuli ts'erilebi, khalkhuri leksebi da skhivadaskhva suratebi [Wonderful Racha: historical letters, folk poetry and various pictures], Ed. Evgeni Dvali. Tb., ganatleba Publ., 1918. 44 p. (in Georgian)
- Nutsubidze A. (1989). erek'les moednis ambavi [Story of Erekle Square], *Tbilisi Newspaper*, N 54, 6 March, 1989. Tb. 8 p. (in Georgian)
- Orbeliani P. (1981). *ambavni kartlisani* [Chronicles of Kartli]. Tb., metsniereba Publ. 282 p. (in Georgian)
- Obozrenie rossijskih vladenij za Kavkazom v statisticheskom, jetnograficheskom, topograficheskom i finansovom otnoshenijah [Survey of the Russian domains in Caucasus in statistical, ethnographic, topographic and financial relations]. SPb., Dep. Foreign trade Publ. House, Vol. 1, 1836. 399 p.
- Ot Baku do Chernago morja (Iz' puteshestvija Moana v' 1858). Russel'-Killug A. Chrez Sibir' v Avstraliju i Indiju [From Baku to the Black Sea (from

- Moan's journey in 1858). Henry Russel-Killough. Via Siberia to Australia and India]. "World Traveler" Publishing House, 1875. 616 p.
- Pirtskhalaishvili A. (1940). tbilisi amkrebis 1865 ts'lis gamosvlis ist'oriisatvis [For the history of Tbilisi Amkrebi Uprising in 1865]. *Proceedings of Tbilisi State University*, N 11, pp. 33-82. Tb. (in Georgian)
- Sakartvelos gazeti [Georgian Newspaper], N 41, 12 December, 1819. 4 p. (in Georgian)
- Sakartvelos gazeti [Georgian Newspaper], N 5, 4 April, 1819. 4 p. (in Georgian)
- Sakartvelos ist'oriis kronik'ebi XVII-XIX s.s. [Chronicles of Georgian history 17th-19th cc], Ed. Avt. Ioseliani. Tb. sabch'. Sakartvelo Publ., 1980. 383 p. (in Georgian)
- Svanidze M. (1971). *sakartvelo-osmaletis urtiertobis ist'oriidan XVI-XVII ss.* [From the history of Georgian-Ottoman relations in the XVI-XVII centuries]. Tb., metsniereba Publ. 362 p. (in Georgian)
- Tbilisi 1500: kalakis ist'oriidan [Tbilisi 1500: From the history of the city], Ed. S. Zhghent'i. Tb., Tbil. Univ. Publ, 1958. 303 p. (in Georgian)
- Tinco Martinus Lycklama à Nijeholt (1872). Voyage en Russie, au Caucase et en Perse exécuté pendant les années 1866, 1867 et 1868 [Travel to Russia, the Caucasus and Persia in the years of 1866, 1867 and 1868], Vol. I. Paris, Arthus Bertrand, Libraire-Editeur Publ. 506 p.
- Tornau F.F. (2008). *Vospominaniya kavkazskogo oficera* [Memoirs of a Caucasian officer], M., «AIRO–XXI» Publ. 496 p.
- Travels In The Caucasus And Georgia: Performed In The Years 1806 And 1808, By Command Of The Russian Government by Julius Von Klaproth. London, 1814. 422 p.
- Vakhtang V.I. (1981). *ts'igni zetebis shezavebisa da kimiisa kmnis* [The Book of mixing oils and making chemistry]. Tb., Tbil. Univ. Publ., 1981. 269 p. (in Georgian)

Vospominaniya o Tiflise. (Iz dorozhnyh zapisok 1844 goda) [Memories of Tiflis. (From Road Records of the year 1844)]. Zhurnal dlja chtenija vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij [Journal for the reading of military-training trainees], Vol. 67, № 266, pp. 216-221. SPb., 1847.

Yaschik T.K. (2011). *Ryadom s imperatritsei. Vospominaniya leib-kazaka* [Next to the empress. Memoirs of a Cossack]. SPB, Nestor-Istoriya Publ. 376 p.

Zhan shardenis mogzauroba sp'arsetsa da aghmosavletis skhva kveqnebshi: tsnobebi sakartvelos shesakheb [Travels of Jean Chardin in Persia and Other Countries (Information about Georgia)], Ed.: R. K'ik'nadze and others. Tb., metsniereba Publ., 1975. 429 p. (in Georgian)

Zhorzholiani G. (1987). *sakartvelo XVII sauk'unis 30-50-ian ts'lebshi (kartli-k'akheti)* [Georgia in XVII 30-50s (Kartli-Kakheti Kingdom)]. Tb., metsniereba Publ. 165 p. (in Georgian)

*Ефимов Ю. Г.
Родионов Е. А.*

Оружейник Иоганн Иоахим Греке в России – новые данные биографии
Gunsmith Johann Joachim Grecke in Russia. New Biographical Data

Ефимов Юрий Георгиевич — старший научный сотрудник, заведующий сектором "Арсенал", Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия).

Yuri G. Efimov — Senior Researcher, head of the "Arsenal" sector of the Armory Department, The State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russia).

arsenal@hermitage.ru

Родионов Евгений Александрович — старший научный сотрудник, хранитель фонда «Оружие», Государственный музей-заповедник «Гатчина» (Гатчина, Россия).

Eugeny A. Rodionov — Senior Research Officer, Curator of the Armoury Department, Gatchina Palace and Estate Museum (Gatchina, Russia).

rhys@rambler.ru

Аннотация: Как почти во всех остальных отраслях развивающейся российской промышленности XVIII в., в изготовлении оружия существенную роль играли иностранные специалисты, работая на заводах, либо организовывая собственные мастерские. Из таких «русских иностранцев» среди оружейных мастеров в Санкт-Петербурге особенно выделялся Иоганн Адольф Греке, сын известного стокгольмского оружейника немецкого происхождения, Иоганна Иоахима Греке.

Информация о его биографии крайне скудна и противоречива. В отечественной оружейведческой литературе бытует информация о том, что в 1760-е гг. Иоганн Адольф был приглашен в Россию в числе других иностранных мастеров, в 1770-е гг. стал придворным оружейником Екатерины II, с

1780-х являлся заведующим Рюст-камерой, и последний раз его имя упоминается в документах под 1797 г., когда от имени Павла I ему была назначена пенсия, так как он «находился в престарелых годах и лишившийся зрения». Однако эти данные ставит под сомнение приводимая в справочнике «Neue Stöckel» дата рождения Иоганна Адольфа Греке – 1755 год, поскольку в таком случае получается, что в Россию его пригласили в возрасте не старше 15 лет, а пенсию он начал получать примерно в 42 года.

Разрешить противоречие позволило обращение к документам Обер-Егермейстерской канцелярии из Российского государственного исторического архива, в которых упоминается отец Иоганна Адольфа Греке, Иоганн Иоахим Греке, который в 1780 г. был уволен из Обер-егермейстерского корпуса и назначен на должность смотрителя Рюст-камеры, а впоследствии, в 1797 и 1798 гг. упоминается как отправленный в отставку и получающий пенсию. Факт работы Иоганна Иоахима Греке в России подтверждает и сохранившееся оружие, изготовленное им в Санкт-Петербурге в 1770-е гг.

Таким образом, можно считать доказанным, что Греке-старший (Иоганн Иоахим) в конце 1760-х или около 1770 года вместе с сыном переехал из Стокгольма в Россию, в Санкт-Петербург, где и работал, и именно он, а не его сын, был смотрителем коллекции императорского оружия – Рюст-камеры. Это уточнение оставляет в тени жизнь Греке-младшего (Иоганна Адольфа), зато дает право считать его отца не в меньшей степени русским оружейником, чем немецким или шведским.

Ключевые слова: Россия, Швеция, Стокгольм, Санкт-Петербург, Иоганн Иоахим Греке, Иоганн Адольф Греке, вторая половина XVIII в., Рюст-камера, кремневое оружие, придворный оружейник, Обер-егермейстерская канцелярия.

Abstract: As in almost all other branches of developing Russian industry of the 18th century, foreign specialists played a significant role in weapon manufacture by working in factories or organizing their own workshops. Johann Adolf Grecke [son of Johann Joachim Grecke, a famous Stockholm gunsmith of German

origin] was a particularly notable gunsmith among so-called "Russian foreigners" in Saint Petersburg.

Information about his biography is highly scarce and contradictory. According to Russian weaponology literature, Johann Adolf was invited to Russia among other foreign masters in the 1760s, he became the gunsmith at the court of Catherine II in the 1770s and he was the head of the Rustkammer since the 1780s. His name was last mentioned in documents of 1797 when he was awarded a pension by Paul I as "he was in respectable age and had lost his eyesight". However, these data are questioned by the date of birth given in "Der Neue Stöckel" directory: if he was born in 1755, then he was invited to Russia when he was no older than 15 y.o. and he began receiving pension at the age of 42.

To resolve this contradiction, the author refers to the documents of Oberjägermeister Office kept in the Russian State Historical Archive. According to these documents, Johann Joachim Grecke [Johann Adolf's father] was discharged from Oberjägermeister Corps and was appointed as the Rustkammer keeper in 1780, and by 1797-1798 he had already resigned and was receiving pension. The fact of Johann Joachim Grecke's work in Russia is also confirmed by surviving pistols he made in Saint Petersburg in the 1770s.

Thus, it can be considered proven that it was in the late 1760s or about 1770 when Johann Joachim Grecke moved with his son from Stockholm to Saint Petersburg where he worked, and he was the one [not his son] who served as the Rustkammer keeper. This clarification leaves in the shade Johann Adolf's life but gives the right to consider his father no less a Russian gunsmith than a German or Swedish one.

Keywords: Russia, Sweden, Stockholm, Saint Petersburg, Johann Joachim Grecke, Johann Adolf Grecke, second half of the 18th century, the Rustkammer, flintlock, court armorer, Oberjägermeister Office.

После победы над Швецией в Великой Северной войне 1700-1721 гг., по мере налаживания жизни в соответствии с петровскими преобразованиями, в среде российской аристократии и наиболее состоятельной части дворянства усилился интерес к высокохудожественному невоенному оружию,

рассматривавшемуся не только как необходимый «инструмент» на охоте, но и как предмет коллекционирования и престижа (отметим, что создание высококлассного охотничьего оружия в России на рубеже XVII–XVIII вв. полностью не прерывалось). Оружейные мастера, конечно, не могли не откликнуться на новые требования рынка, тем более что объем военных заказов сократился, и уже с 20-х гг. XVIII в. известны отдельные экземпляры роскошно украшенного русского охотничьего и спортивного оружия, в целом подражавшие по своему декору европейским образцам того времени и нередко не уступавшие им по уровню исполнения¹. Естественно, столичный Санкт-Петербург был очень удобным местом именно для такого производства, и в течение XVIII в. трудившиеся здесь оружейники снискали заслуженную славу и являли достойную конкуренцию лучшим тульским мастерам.

Как почти во всех остальных отраслях развивающейся российской промышленности XVIII в., в изготовлении оружия существенную роль играли иностранные специалисты, работая на заводах, либо организовывая собственные мастерские. Из таких «русских иностранцев» среди оружейных мастеров в Санкт-Петербурге особенно выделялся Иоганн Адольф Греке (Grecke, в русских документах того времени нередко пишется «Грек»), сын известного стокгольмского оружейника Иоганна Иоахима Греке.

Вообще выходцев из Швеции в российском оружейном деле того времени было не мало - это и военнопленные, вынужденные как-то прокормить себя, и обычные ремесленники, приехавшие на заработки, либо изначально жившие в местах, где организовывалось оружейное производство, как, например, в Сестрорецке (в одной только гатчинской коллекции оружия представлены еще два таких «русских шведа» - работавшие в Туле Бальтазар Витт и Иоганн Хольцапфель, также упомянем Иоганна Христофора Иллинга, который с 1731 по 1737 г. служил смотрителем императорского оружия при Обер-егермейстерской канцелярии и по контракту должен был подготовить

---

¹ Приведем в качестве примера охотничьи кремневые ружья тульского производства, изготовленные в 1728 г. (Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-4891; см. Шедевры тульских оружейников. Каталог выставки. Тула, 2020. С.6-7) и в 1729 г. (Государственный Эрмитаж, инв. №№ ГЭ 3.О.-678, ГО 3.О.-5131; см. Fine Arms from Tula. 18th and 19th centuries. Leningrad, 1977. № 6-8).

четырёх русских учеников оружейного дела (Императорская Рюст-камера 2004, 18)). Среди петербургских мастеров 2-й половины XVIII в. Иоганн Адольф Греке стал если не лучшим, то одним из лучших. Его оружие приобретала императрица Екатерина II, иногда используя в качестве дорогих подарков, в том числе и для своего внука Александра – впоследствии императора Александра I², или короля Польши Станислава-Августа Понятовского³.

Несмотря на столь высокий уровень мастерства и то, например, что его имя было наверняка знакомо самой императрице, наши знания о жизни Иоганна Адольфа Греке пока крайне скудны. В справочнике «*Neue Stöckel*» сказано лишь, что он родился в 1755 г., упоминается до 1790 г., в 1779 г. жил в Санкт-Петербурге, в 1786 г. подписал оружие «*Maître des armes de la Vénérie de S. M. impériale*»⁴, также подписывался «*J. A. Grecke*» или просто «*Grecke*» (Heer 1978, 456).

В статье из сборника Музея Метрополитен утверждается, что самое раннее из изготовленных Иоганном Адольфом Греке ружей датировано 1779 годом, и делается предположение, что он приехал в Россию незадолго до этого⁵. В отечественной оружейведческой литературе со времени издания в 2001 году альбома, посвященного Гатчинскому арсеналу, бытует информация о том, что в 1770-е годы Иоганн Адольф стал придворным оружейником Екатерины II, а с 1780-х являлся заведующим Рюст-камерой (императорской коллекцией оружия, находившейся в то время в Санкт-Петербурге), и последний раз его имя упоминается в документах под 1797 годом, когда от

---

² В собрании Государственного Эрмитажа, инв. № З.О. 5434 (см. Тарасюк Л. И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Л., 1971. С. 180, № 281).

³ Пара кремневых пистолетов в собрании музея Метрополитен (Нью-Йорк), инв. №№ 1986.265.1, 2, кремневое ружье из того же комплекта в музее Королевские Лазенки (Варшава), инв. № 74731 MN.

⁴ Надпись на стволе ружья, хранящегося в музее Королевские Лазенки в Варшаве.

⁵ Recent Acquisitions. A Selection, 1986-1987. Metropolitan Museum of Art, N.Y., 1987. P. 20. Упомянутое в данной статье ружье хранится в коллекции Государственного Эрмитажа, инв. № ГЭ З.О. 5434; в коллекции Гатчинского дворца-музея также есть ружье, изготовленное в Санкт-Петербурге Иоганном Адольфом Греке с датой на стволе «1779» (инв. № ГДМ-37-IX, см. Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Научный каталог. Т. 1. СПб., 2012. С.142).

имени Павла I ему была назначена пенсия, так как он «находился в престарелых годах и лишившийся зрения» (Ефимов 2001, 181; Коллекция... 2003, 185). Ю. В. Шокарев дополняет эти данные тем, что в 1760-е годы Иоганн Адольф Греке был приглашен в Россию Екатериной II «в числе других иностранных мастеров, художников и скульпторов» (Шокарев 2005, 168).

Однако эти уточнения в биографии петербургского оружейника вызывают серьезные сомнения, если принимать во внимание приводимую в справочнике «Neue Stöckel» дату рождения Иоганна Адольфа Греке – 1755 год, ведь тогда совершенно невероятным выглядят данные о приглашении его Екатериной II в Россию в 1760-х годах (то есть когда ему не было еще и 15 лет) и то, что ему назначили пенсию, поскольку он находился в престарелых годах, уже в 1797 году (в возрасте около 42 лет). Налицо явное противоречие между информацией из справочника «Neue Stöckel» и отечественной литературы.

Оставим на время Иоганна Адольфа Греке и обратимся к биографии его отца, тоже оружейника, Иоганна Иоахима Греке. О его жизни из опубликованной ранее литературы было известно не так и мало. Датой рождения Иоганна Иоахима называется 1719 год, происходил он, предположительно, из северо-немецкого города Росток. Переехал в Швецию и в 1743 году числился подмастерьем у известного стокгольмского оружейника немецкого происхождения Давида Барса, затем вместе с его сыном (тоже Давидом) перебрался в Штральзунд (Heer 1978, 456). В 1750 году Иоганн Иоахим Греке уже мастер и снова проживает в Стокгольме, в районе Нормальм, в 1751 году владеет мастерской при арсенале, за которую ему пришлось выдержать тяжбу с кузнецом Вальмстедтом. Тремя годами позже, в 1754, он живет в доме графини Евы Бьельке (Eva Bielke, 1706-1778) в квартире, которую ранее занимал гравёр Лоренц Вайсс (Weiss), на вдове которого, Йоханне Регине Бауротен, Греке впоследствии женится (для него это был второй брак, его первая жена, дочь таможенного инспектора Кристина Мария Гарман, умерла 25 июля 1755 года, детей не было). Подобные браки, не выходящие за пределы корпорации, были достаточно типичными и обычно имели под собой деловой расчет – в данном случае Греке унаследовал инструменты Вайсса. Вторая жена родила

ему двоих сыновей, упомянутого выше Иоганна Адольфа и Иоганна Петера (родился в 1757 году), и скончалась 22 ноября 1761 года в возрасте 39 лет. Некоторое время Греке работает в загородном королевском поместье Дроттнингхольм и в 1761 году возвращается в Стокгольм (Mejerson 1936, 226-227)⁶.

Профессиональная репутация Иоганна Иоахима была достаточно высока, подтверждением чему служит его статус придворного оружейника короля Адольфа Фредрика (1751-1771). В его мастерской в 1753 году числились два подмастерья (Йонас и Готфрид) и два ученика (Карл Вальстрём и Иоганн Даниель), двумя годами позже два других подмастерья (Хиндрих Зенхардт (Hindrich Zenhardt) и Иоганн Рихардт) и два ученика (Иоганн Перссон и вышеупомянутый Карл Вальстрём), в 1761 году в Дроттнингхольме два подмастерья (Иоганн Кюнленц и Винсент Мей) (Указ. соч., 227-228). По оценке Дж. Ф. Хейворда Иоганн Иоахим Греке был ведущим стокгольмским мастером своего времени, наряду с Иоганном Францем Мейдингером (Hayward 1962, 264).

В качестве иллюстрации его, без сомнения, высокой квалификации может служить хранящееся ныне в Гатчинском дворце-музее кремневое ружье, изготовленное Иоганном Иоахимом Греке в Стокгольме в 1756 году⁷ (Илл. 1, 2, 3). Его ложа украшена резьбой, сочетающей элементы растительного и рокайльного орнамента на прикладе и вокруг хвостовика казенника ствола, все железные детали роскошно декорированы в технике оброн (рельеф на золоченом фоне), при этом в качестве основного сюжета везде, кроме замочной личинки и шомпольных трубок, изображены различные музыканты на фоне рокайльного и растительного орнамента. На замке золоченая подпись «Grecke Stockholm 1756», на стволе, вероятно, инициалы мастера «J G».

---

⁶ В том же исследовании на с. 385 приводится опись имущества в мастерской И. И. Греке за 1755 г.

⁷ Инв. № ГДМ-857-IX. Общая длина 129,2 см, длина ствола 89 см, калибр 18 мм. См. (Ефимов 2001, 118-119, 177-178).

Илл. 1. Замок кремневого ружья. Швеция, Стокгольм.
Мастер Иоганн Иоахим Греке, 1756 г. (ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-857-IX).

Илл. 2. Декор ствола ружья
инв. № ГДМ-857-IX.

Илл. 3. Затыльник приклада ружья
инв. № ГДМ-857-IX.

Однако высокое мастерство оружейника не избавляло его от финансовых проблем, в документах сохранились упоминания о долгах Греке. Не исключено, что это послужило причиной того, что 14 мая 1767 года Иоганну Иоахиму было дано разрешение на выезд из страны, которым он, очевидно, воспользовался, хотя его денежное содержание выплачивалось до 1772 года (Meuseron 1936, 226-227). Сведений о его дальнейшей судьбе в опубликованной литературе найти не удалось. Впрочем, учитывая, что, как упоминалось выше, Иоганн Адольф Греке жил и плодотворно работал в России, естественно предположить, что именно в Россию и выехал его отец, Иоганн Иоахим, очевидно, вместе с сыном, на тот момент еще не достигшим взрослого возраста. Этому предположению нашлись и вещественные доказательства. Одно из них - кремневое ружье, хранящееся в Гатчинском дворце-музее⁸. Ствол его типично испанский – вороненый, с гладким каналом, восьмигранный в казенной части и круглый в дульной, с золочеными клеймами города Барселоны и мастера Эусебио Дальпоуса (Eusebio Dalpous) (Heer 1978, 264). Ложа, так же как и латунные позолоченные детали прибора, украшена резным орнаментом, сочетающим растительные и рокайльные мотивы (Илл. 4, 5). Замок кремневый, с дополнительным внешним предохранителем в виде кнопки за курком, которая фиксирует его, не давая поставить на боевой взвод. Все детали замка украшены золоченым рокайльным орнаментом, а на замочной доске есть золоченые надписи «Grecke», «St Petersburg», «1771». Уровень исполнения всех деталей ружья (не беря во внимание привозной ствол) указывает на опытного мастера, и то, что его мог бы изготовить Иоганн Адольф Греке, которому в то время должно было быть около 16 лет, выглядит совершенно невероятным. Несомненно, его автором является Греке-старший, Иоганн Иоахим.

Илл. 4. Кремневое ружье. Россия, Санкт-Петербург.
Мастер Иоганн Иоахим Греке, 1771 г. (ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-693-IX).

⁸ Инв. № ГДМ-693-IX. Общая длина 147 см, длина ствола 103,6 см, калибр 17 мм.

Илл. 5. Замок кремневого ружья инв. № ГДМ-693-IX.

То, что стокгольмский оружейник Иоганн Иоахим Греке работал в Санкт-Петербурге, подтверждает и описание кремневого пистолета, проданного на аукционе Кристи в 2006 году, на стволе которого золоченая подпись с датой «J. J. Grecke Anno 1777», а на замочной доске надпись «St Petersburg»⁹.

Окончательную ясность в вопросе о судьбе Греке-старшего после его выезда из Швеции внесло изучение документов Обер-егермейстерской канцелярии, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. В письме обер-егермейстера князя Петра Алексеевича Голицына от 17 марта 1780 года объявляется устное повеление императрицы Екатерины II, в соответствии с которым Иоганн Иоахим и Иоганн Адольф Греке, уволенные по желанию из Обер-егермейстерского корпуса, где они числились ложенными мастерами, переводятся на новые должности при том же корпусе - первый (Иоганн Иоахим) смотрителем к Рюст-камере, а второй (Иоганн Адольф) ружейным мастером с сохранением прежнего жалования и прочих выплат¹⁰.

---

⁹ Аукционный дом Christie's, торги № 7231, 24 мая 2006 г., лот 156. Продан за 20400 фунтов.

¹⁰ РГИА, ф. 478, оп. 2, д. 3, л. 44 об.

Таким образом, получается, что Греке-старший (Иоганн Иоахим) на 1780 год не только жил и работал в Санкт-Петербурге, но именно он, а не его сын, был назначен смотрителем к коллекции императорского оружия (Рюст-камере), что выглядит гораздо естественнее, учитывая его возможный возраст (в 1780 году Иоганну Иоахиму Греке должно было быть около 61 года).

Это же подтверждает и повеление Павла I от 21 февраля 1797 года «Служившим при нашем обер-егермейстерском корпусе и за старостью лет отставленным, всемилостивейше повелеваем производить ежегодный пенсион бывшей Руст-каморы смотрителю Греке по 250 рублей...»¹¹. Надо отметить, что такое пенсионное содержание могло считаться неплохим – упомянутому в том же документе биксен-шпанеру Фирсову предписывалось платить 200 рублей в год, а егерю Кантнеру – 150. Также в письме обер-егермейстера князя Петра Голицына, написанном в феврале 1797 года, говорится, что «смотритель бывшей Руст-камеры Иоганн Иоахим Греке получал всего в год оклада 250 рублей, ныне находится в престарелых летах и лишен зрения»¹², что вполне соответствует ранее приведенной информации о дате рождения мастера в 1719 году.

Последнее упоминание в документах об Иоганне Иоахиме Греке мы находим в «Списке чинам и служителям» Егермейстерской конторы за 1798 год, где говорится, что Иоганн Греке получает пенсию 250 рублей в год по особому именному императорскому указу как смотритель Рюст-камеры¹³.

Таким образом, можно считать доказанным, что Греке-старший (Иоганн Иоахим) в конце 1760-х или около 1770 года вместе с сыном переехал из Стокгольма в Россию, в Санкт-Петербург, где и работал, пока позволяли силы, и именно он, а не его сын, был смотрителем коллекции императорского оружия – Рюст-камеры. Здесь он, вероятно, и скончался. Это уточнение, конечно, оставляет в тени жизнь Греке-младшего (Иоганна Адольфа), зато дает право считать его отца не в меньшей степени русским оружейником, чем немецким или шведским.

---

¹¹ Там же, л. 83.

¹² Там же, л. 84 об.

¹³ РГИА, ф. 478, оп. 2, д. 10, л. 21 об.

Библиография

- Ефимов Ю.Г. Гатчинский Арсенал. Сост. — СПб, 2001. — 207 с.
- Императорская Рюст-камера. — СПб, 2004. — 248 с.
- Коллекция А.А. Катуар де Бионкура. Сост. Палтусова И. Н. — СПб, 2003. — 254 с.
- Шокарев Ю.В. Русское охотничье оружие. Мастера и фирмы. М, 2005. — 256 с.
- Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. V. 2. L., 1962.
- Heer E. Der Neue Stöckel. Internationales Lexikon der Büchsenmacher, Handfeuerwaffen-Fabrikanten und Armburstmacher von 1400-1900. Bd. 1. Schwäbisch Hall, 1978.
- Meyerson. Stockholms Bössmakare. Stockholm, 1936.

References

- Efimov Ju.G. (2001). *Gatchinskij Arsenal* [Gatchina Arsenal]. SPb. 207 p.
- Hayward J.F. (1962). *The Art of the Gunmaker*, v. 2. L.
- Heer E. (1978). *Der Neue Stöckel. Internationales Lexikon der Büchsenmacher, Handfeuerwaffen-Fabrikanten und Armburstmacher von 1400-1900*. Bd. 1. Schwäbisch Hall.
- Imperatorskaja Ryust-kamera [Imperial Ryust Chamber]. SPb., 2004. 248 p.
- Kollekcija A.A. Katuar de Bionkura [Collection of A. A. Catoire de Bioncourt]. Ed. Paltusova I. N. SPb., 2003. 254 p.
- Meyerson (1936). *Stockholms Bössmakare*. Stockholm. 467 p.
- Shokarev Ju.V. (2005). *Russkoe ohotnich'e oruzhie. Mastera i firmy* [Russian hunting weapons. Masters and firms]. M. 256 p.

Нератова Е. И.

Кубачинское оружие в Российском этнографическом музее.

Часть 1: Предметы, приобретенные для музея Е. М. Шиллингом

Kubachi arms in Russian Museum of Ethnography.

Part 1: Items acquired for the museum by E. M. Shilling

Нератова Елизавета Ивановна — зав. отделом спец. хранения, хранитель Особой кладовой Российского этнографического музея (Санкт-Петербург, Россия).

Elizaveta I. Neratova — Curator of Special Collections of The Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg, Russia).

e.neratova@mail.ru

Аннотация: Этой статьей автор предполагает начать цикл статей о кубачинском оружии, представленном в собрании Российского этнографического музея (РЭМ). В каждой отдельной статье будут рассмотрены предметы, приобретенные музеем благодаря деятельности того или иного собирателя. Данная статья посвящена предметам, привезенным в музей выдающимся этнографом-кавказоведом Евгением Михайловичем Шиллингом (1892 – 1953). Помимо описания и атрибуции самих предметов, в статье будут затронуты некоторые вопросы, которые помогут лучше представить ряд особенностей кубачинской культуры, ее место и роль на Кавказе.

Экспедиционная деятельность Е. М. Шиллинга на Кавказ и в частности в Дагестан продолжалась более двадцати лет (с 1924 по 1946 год). В свою первую научную поездку по Кавказу (в Дагестан, Чечню, Осетию, Кабарду, Балкарию, Карачай, Черкессию и Сванетию) Е. М. Шиллинг отправился в 1924-1925 годах. Она состоялась под руководством филолога-кавказоведа Н. Ф. Яковлева, возглавлявшего в эти годы отдел Кавказа Центрального музея народоведения. В 1926 году работал в Чечне, Кабарде, Адыгее и Краснодарском крае. В 1925 и 1927 годах состоялись экспедиции Е. М. Шиллинга в Абхазию. В 1928 году он в рамках работы Закавказской экспедиции ЦМН

изучал Мегрелию и Сванетию. В 1929 году Е. М. Шиллинг совместно с сотрудницей ЦМН Е. Р. Бинкевич собирал материалы по разным группам грузин (кахетинцам, сванам и аджарцам), совместно с преподавателем МГУ Б. А. Куфтиным (впоследствии сотрудником Государственного музея истории Грузии им. Симона Джанашиа) в том же году изучал месхов. В 1930 году Е. М. Шиллинг отправился в Адыгейскую Авт. обл. В 1938-1939 годах Е. М. Шиллинг снова побывал в Грузинской ССР (в 1939 году совместно с сотрудниками МН СССР Н. Ф. Такоевой и Л. А. Добрускиным), изучая карталинцев, гурийцев, грузинских евреев, но особое место в этих экспедициях было отведено посещению высокогорных районов республики и ознакомлению с культурой и бытом хевсуров, тушинов, пшавов. В 1940 году Е. М. Шиллинг отправился в Дагестан со студентами МГУ. Последние экспедиционные поездки ученого состоялись 1944-1946 годах. Они проводились под эгидой Института этнографии АН СССР и МГУ и также были посвящены Дагестану.

Но особое значение, применительно к теме данной статьи и музейным коллекциям, уделяется дагестанским экспедициям Е. М. Шиллинга 1925 и 1933-1935 годов. Именно в эти годы им были собраны уникальные материалы по культуре и быту народов региона, большинство из которых находится ныне в Российском этнографическом музее. Среди собранных предметов особое место занимают многочисленные заготовки, в том числе для изготовления оружия, те или иные детали в процессе их изготовления или украшения, а также инструменты, необходимые для оружейного и ювелирного производства.

В статье рассмотрены четыре предмета оружия: кинжал, сабля, шашка и пистолет. Описаны важные детали оформления и декорирования, позволяющие атрибутировать предметы, приведены необходимые исторические справки, сведения о мастерах и другая информация, необходимая для полного понимания предметов.

Несмотря на то, что в статье представлено разноплановое оружие, эти предметы объединяет личность самого Е. М. Шиллинга, что делает их существование в собрании РЭМ не случайным и обезличенным, ведь попадая в

коллекцию, жизнь вещи не прекращается, это продолжение бытования и немаловажная часть ее судьбы.

Ключевые слова: РЭМ, Е. М. Шиллинг, Кубачи, кавказское оружие.

Abstract: By this material, the author begins a series of articles on Kubachi arms presented in the collection of Russian Museum of Ethnography (RME). Each article deals with items acquired for the museum by different collectors. This one is dedicated to items acquired by Evgeniy Mikhailovich Shilling (1892 – 1953), a famous ethnographer and caucasiologist. In addition to description and attribution of items themselves, the article addresses some issues that will help to better present a number of features peculiar to Kubachi culture, as well as its place and role in the Caucasus.

Expeditions led by E.M. Shilling were conducted by the museum in 1933-1935. In these particular years, Shilling collected unique items that reflect the region's life and culture. Most of them are now exhibited in Russian Museum of Ethnography. Among collected items, a special place is occupied by numerous blanks (including those for arms manufacture), certain parts used in manufacture and decoration processes, as well as tools necessary for arms and jewelry manufacture.

The article observes four items: a dagger, a sabre, a shashka and a pistol. The author describes important design and decoration details that allow to attribute the items, provides historical references, information about the craftsmen and other data necessary for full understanding of the items.

Despite the fact that the article presents diverse items, they are united by the personality of E.M. Shilling himself. This makes their presence in the RME collection not random and depersonalized as getting into the collection extends an item's life – it is an important part of its fate.

Keywords: Russian Museum of Ethnography, Evgeniy Mikhailovich Shilling, Kubachi, Caucasian arms.

Данным текстом мы открываем цикл статей о кубачинском оружии, представленном в собрании Российского этнографического музея (РЭМ). Это собрание складывалось из разных источников и благодаря очень разным людям: исследователям (Е. М. Шиллингу, Е. Н. Студенецкой, Л. Ф. Виноградовой), изучавшим культуру извне; кубачинскому мастеру-ювелиру (Саиду Магомед-Оглы), знавшему ее изнутри, а также частным лицам, предлагавшим музею отдельные предметы. Но прежде, чем приступить к анализу предметов, приобретенных музеем благодаря деятельности того или иного собирателя, мне бы хотелось во вступлении сказать несколько слов о кубачинцах, чтобы были понятны особенности самой темы, которую мы будем рассматривать.

Кубачинцы – это уникальная культура. Она достаточно локальна и на протяжении продолжительного исторического периода времени является культурой одного селения – дагестанского аула Кубачи.

Вопросы времени возникновения селения Кубачи (Урбуг, Зирехгеран)¹, включая споры на эту тему, этногенеза населения, его материальной и духовной культуры хорошо освещены в специальной литературе и не требуют пересказа в данной статье, задача которой – осветить вопросы, связанные с оружейным промыслом второй половины XIX – первой половины XX века.

Однако, начиная рассмотрение интересующего нас в данный момент вопроса, я хочу вскользь коснуться некоторых данных, кои помогут лучше представить ряд особенностей этой культуры, чтобы понять и осознать их роль на Кавказе. Кубачинцы были (да и остаются) великолепными ремесленниками: прежде всего оружейниками, медниками и ювелирами².

---

¹ Считается, что Урбуг – это изначальное название данного населенного пункта, причем это эндотопоним. Но с X века по отношению к этой местности уже используется экзотопоним: Зирехгеран (Зирихгеран), что в переводе с персидского означает «кольчужник/кольчужники». Позже, в середине XV – начале XVI века, за аулом закрепляется тюркский топоним Кубачи (Гюбечи, Кубечи), который по сути является переводом предыдущего названия и также означает «кольчужники». Таким образом, название подчеркивает, что это аул, жители которого когда-то были известны изготовлением доспехов, то есть защитного вооружения.

² Занимались жители этого селения, конечно, не только обработкой металлов. В XIII–XV веках в ауле было создано множество памятников камнерезного искусства,

Во второй половине XIX века оружейное дело в ауле Кубачи (и задействованных с ним в едином процессе производства окрестных селениях) продолжало не только сохраняться, но и развиваться. Более того, это производство постепенно становилось более известным во «внешнем» мире. И тут весьма показательным является тот факт, что по статистическим данным (Шиллинг 2012, 21)³ на 1869 год в селении Кубачи было 860 дворов, а уже через несколько лет их число уменьшилось вдвое (Указ. соч., 21)⁴. И, как справедливо заметил в своей работе Е. М. Шиллинг, речь, конечно, не идет об уменьшении численности кубачинцев, как народа. В документах зафиксирован важный для понимания характера кубачинцев процесс: отток населения аула в города. Это явление было тесно связано с окончанием Кавказской войны и тем, что по завершении оной появилась широкая возможность реализовывать свои изделия не только обращавшимся к ним покупателям и заказчикам, но предлагать свое мастерство, приходя к «потребителю». Безусловно, и в более ранний исторический период кубачинцы столь широко известные не только на Кавказе, но и за его пределами, отправлялись в другие населенные пункты, чтобы предложить свой труд. Кубачинская община не была замкнута в своем производстве, и работа ее мастеров не была рассчитана лишь на внутренний «рынок» общины. Однако количество «отходников» было значительно меньше. Одновременно с этим большее количество заказов в те времена поступало в сам аул. В Кубачи приезжали заказчики либо их представители и посредники, передавая заказы или ожидая изготовления того, что требовалось. Но в последней трети XIX века многие высоко-

---

изучение которого давно привлекает внимание исследователей. Но все-таки приоритетным (по данным письменных источников, равно как и по переводу названия селения) являлось именно оружейное дело, включавшее в средневековый период истории в первую очередь изготовление защитного вооружения (кольчуг). Естественно, в ауле были развиты и другие ремесла, но они не имели такого значения в товарообмене между селениями Дагестана, хотя среди женских рукоделий отмечается золотошвейное дело и вязание шерстяных носков и обуви.

³ Со ссылкой на Сборник статистических сведений о Кавказе, т. 1, Тифлис, 1869 г.

⁴ Со ссылкой на А. В. Комарова Народонаселение Дагестанской обл. с этнографической картой. Записки Кавказского отделения Русского Географического Общества, VIII, Тифлис, 1873, с. 18-19.

классные ремесленники Дагестана отправлялись в города (в первую очередь города Кавказа) – туда, где их мастерство могло найти более широкий круг заказчиков и почитателей. Так и великолепные кубачинские ремесленники переселялись в города и станицы (а весьма часто «кочевали» из города в город). Они работали в пределах Российской Империи: в Тифлисе, Баку, Дербенте, Владикавказе, Нальчике, Пятигорске, в ст. Баталпашинской, в Армавире, Екатеринодаре, в Крыму... Переселялись (или выезжали на достаточно длительное время) они и в более отдаленные от Кавказа города, например, в Бухару и Хиву, в Киев, Харьков, Каменец-Подольский, Варшаву, Москву... и, наконец, в столицу Российской Империи Санкт-Петербург. Естественно для кавказских мастеров наряду с движением в столицу России было и движение за пределы государства в соответствии с давними торговыми, военными и культурными связями – в те регионы, где также был велик спрос на их изделия. Мастера-кубачинцы работали в Тавризе, Тегеране, Стамбуле и других городах.

Именно поэтому кубачинские изделия иногда так трудно бывает определить (атрибутировать). Сразу оговорюсь, я не имею в виду работы Кубачинского художественного комбината, стиль которого сформировался к середине XX века и является достаточно стабильным. Наше современное представление о кубачинских ювелирных изделиях сложилось во многом благодаря работам его первых художников и дальнейшей его деятельности. Однако более ранние ювелирные работы кубачинцев гораздо разнообразнее и гораздо менее узнаваемы, несмотря на использование ряда хорошо изученных и описанных элементов в их украшении. Кубачинские мастера в целом в период XIX – первой трети XX века были мастерами «с изменчивым лицом». Индивидуальный почерк каждого конкретного мастера, конечно, был, некоторые характерные применяемые кубачинцами элементы отделки (например, в орнаментике) тоже. Но я имею в виду кубачинцев, как явление (именно «явление»!) в целом. И именно это, на мой взгляд, говорит о широчайших возможностях мастеров, их великолепных навыках и знаниях. Мастера-кубачинцы могли работать практически в любом стиле, любой технике, в любом вкусе. Им были подвластны все или почти все приемы. Это были, воз-

можно, одни из самых выдающихся мастеров Кавказа, обладавших потрясающей гибкостью, чуткостью, открытостью к новому, вниманием к заказчику и его вкусам, создавая тот или иной предмет, который мог угодить конкретному человеку и частенько представителю другой культуры, но при этом, конечно, вносящим свой талант и мастерство (включая орнаментальные традиции) в каждое свое изделие.

Вот тут-то и кроется, на мой взгляд, ответ на поставленный вопрос. Широко известное искусство Кубачей (традиционное оружейное либо прикладное для «европейского потребителя» рубежа XIX–XX веков, либо ювелирное середины – второй половины XX века) направлено на внешний мир, причем (если брать оружейное производство) направлено на него издавна. Могла меняться мода, но не направленность. Вектор движения был всегда один – вовне. А традиционные ювелирные украшения были гораздо более ориентированы на внутренний мир, и чем более ранние они по времени, тем эта особенность ярче.

«Внутренний» мир являлся в целом общедагестанским, перекликавшимся с изделиями, характерными для всего этого региона. А «внешний» мир – это высокое мастерство, использовавшее ряд хорошо изученных приемов и описанных исследователями элементов орнамента, который вырабатывался, усложнялся и оформился к последней трети XIX века. Кубачинские мастера, работавшие для «внешнего» мира (а в первую очередь это именно оружейники), легко узнаваемы в изделиях рубежа XIX–XX веков, предположительно узнаваемы на середину XIX века и гораздо менее узнаваемы в изделиях более раннего производства.

Показательно также сочетание мастерства и коллекционирования произведений искусства, распространенное в Кубачах, а также торговли и перепродажи, сопутствующей любому коллекционеру. В каждом доме в ауле был свой «музей» – специальная комната (либо стена) с полками с выставленными на них разнообразными предметами: антиквариатом и современными жизни хозяина дома предметами искусства разных стран и народов, а также с собственными образцовыми или ранними изделиями. «Кубачинские музеи» характерны для всех мастеров аула. И это тоже дыхание «внешнего»

мира. Они говорят об интересе и уважении к изделиям чужих культур, о готовности взять оттуда что-то в собственный «арсенал» форм и приемов, а главное, о «насмотренности» кубачинцев. Они видели и знали гораздо больше, чем может показаться, и могли воплотить в жизнь практически любое пожелание заказчика или передать свое собственное представление о прекрасном, используя не только местные приемы, а «шлифуя», таким образом, собственные навыки и внося новшества в кубачинские черты. Говоря об оружии, мы видим все эти процессы, в первую очередь заметные именно в его отделке.

Все это не мешало коммерции, поскольку кубачинцы собирали предметы не только для собственных «музеев», но привозили их и для продажи, либо продавали предмет, когда находили для своего собрания лучший. В своих полевых материалах Е. М. Шиллинг, описывая это явление, говорит о наличии «в Кубачах старинных вещей «антиков», которыми кубачинцы до революции спекулировали»⁵. Так и при продаже предметов в музей (или при сборе предметов для музея) кубачинцы нередко предлагали не только собственную кубачинскую работу. Но при регистрации в фонды музеев и при отсутствии необходимых сведений по «истории вопроса» все они становились «кубачинскими».

Именно разбору кубачинского оружия из собрания Российского этнографического музея (РЭМ) и будет посвящена заявленная серия статей. Оно немногочисленно, но разнообразно.

Итак, часть первая: традиционное оружие, приобретенное для музея Е. М. Шиллингом (Илл. 1).

В данной статье я хочу коснуться предметов, привезенных в музей выдающимся этнографом-кавказоведом Евгением Михайловичем Шиллингом (1892–1953), личность которого сама по себе заслуживает внимания⁶, он был не только исследователем, но и музейщиком.

---

⁵ Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 8.

⁶ Нератова Е. И. Шиллинг Евгений Михайлович:

<https://ethnomuseum.ru/collections/projects/collectors/shilling-evgenij-mihajlovich/>

Илл. 1. Оружие, приобретенное Е.М. Шиллингом для музея в экспедиции в Дагестан в 1935 году

С 1923 по 1942 год он работал в этнографическом музее в Москве (названия музея менялись: сначала это было отделение в Московском Публичном и Румянцевском музее, с 1924 года – сформированный на его базе Центральный музей народоведения, получивший в 1932 (по другой версии в 1934) году новое название – Музей народов СССР). Большинство коллекций Музея народов СССР в 1948 году были переданы в Государственный музей этнографии в Ленинграде (нынешний Российский этнографический музей). Благодаря этому в РЭМ ныне хранятся предметы, собранные Е. М. Шиллингом в его многочисленных этнографических экспедициях, более тридцати из которых были посвящены народам Кавказа.

В Дагестане, в частности в Кубачах, Е. М. Шиллинг впервые побывал в 1924-1925 годах (Илл. 2)⁷.

---

⁷ Опубликована в статье: Махмудова З.У. Дагестан на переломе эпох: этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 89

Илл. 2. Е.М. Шиллинг во время экспедиции. Вторая половина 1920-ых годов.
Фотография хранится в семье внучки Е.М. Шиллинга Е.В. Григорьевой.

Новые экспедиции в Дагестан проводились музеем в 1933–1935 годах уже под его руководством. Там были собраны уникальные материалы по культуре и быту народов Дагестана, в том числе по кубачинцам.

Особое внимание среди этих предметов, применительно к нашей теме, занимают многочисленные заготовки, в том числе для изготовления оружия, те или иные детали в процессе их изготовления или украшения, а также инструменты, необходимые для оружейного и ювелирного производства (Илл. 3). Последующие экспедиции Е. М. Шиллинга в Дагестан (1940 и 1944–1946 годов) состоялись под эгидой Московского Государственного университета, в котором он преподавал на кафедре этнографии с 1939 года.

Илл. 3.

1. Заготовки клинков на разных стадиях изготовления.
2. Деревянные плашки-заготовки ножен
3. Образец старых ножен, обтянутых кожей, в процессе их изготовления (незавершенное изделие)
4. Рукояти кинжалов и рукоять шашки (как в процессе изготовления, так и размонтированные после прежнего использования).
5. В центре – клинок на деревянном ложе и инструмент (резец) для выстуривания долов.

Тем не менее, несмотря на достаточно большое количество продолжительных экспедиций Е. М. Шиллинга в Дагестан, оружие оттуда он привез только из одной из своих поездок. Она состоялась в августе – ноябре 1935 года.

Из пяти собранных им там образцов оружия, в Российский этнографический музей поступило только четыре. В настоящее время они атрибутированы и я с удовольствием представляю их читателям.

Все они по-своему показательны для кубачинцев.

Начнем с кинжала (Илл. 4, 5 и 6), описанного самим собирателем в экспедиции следующими словами: «Кинжал в богатых ножнах с серебром и слоновой костью. Образец старой работы. Цена 510 руб.»⁸. Кинжал может быть датирован самым концом XIX, но вероятнее началом XX века (предположительно периодом незадолго до начала Первой мировой войны или самого ее начала).

Илл. 4. Кинжал в ножнах. Дагестан, с. Кубачи. 1910 – 1914 годы
Длина общая (в ножнах) – 58,5 см. Длина кинжала – 56,7 см
Длина клинка – 43,2 см, ширина клинка у основания – 3,8 см
Сталь, серебро, кость, дерево, кожа, сукно
РЭМ № 8763 – 218/1,2

---

⁸ Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 31.

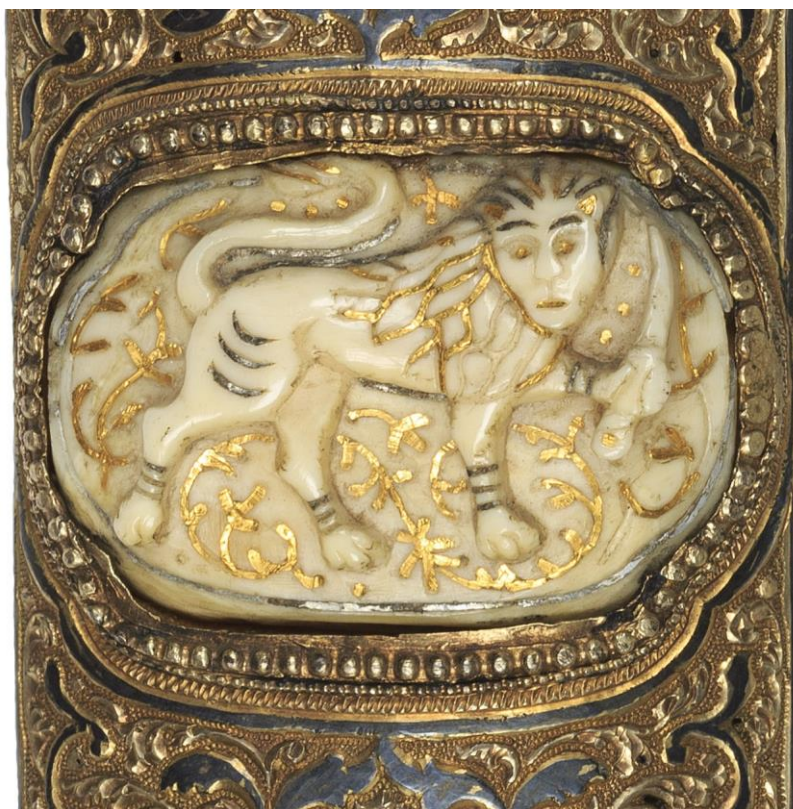
Илл. 5. Кинжал с ножнами.
РЭМ № 8763 – 218/1,2. Лицевая сторона.

Илл. 6. Кинжал с ножнами.
РЭМ № 8763 – 218/1,2. Тыльная сторона.

О возможной датировке говорит как форма рукояти (Аствацатурян 2004, 221-223), так и обилие серебра, причем достаточно толстого, с нанесенной на него глубокой рельефной гравировкой, вошедшей в моду на рубеже веков (Указ. соч., 188). Данный кинжал достаточно «богатая» вещь. Клинок прямой, обоюдоострый, хорошей работы, с двумя неглубокими симметричными долами с каждой стороны и травленой стилизацией надписи арабской графикой. Мастер-отделочник (ювелир и монтировщик) для изготовления рукояти и ножен использовал самые разнообразные приемы: здесь и серебро с глубокой гравировкой, чернь, позолота, окантовки и обмотки из витой проволоки (скани) и полос ложной зерни; здесь и резьба по кости и инкрустация в кость тонких золотых и серебряных проволок.

В работе по кости особенно обращают на себя внимание рельефные резные изображения мужчин в черкесках, с оружием (как в статичных позах: стоя и сидя, так и в танце). Но главное, что бросается в глаза – это стилизованное изображение льва с саблей (Илл. 7).

Илл. 7. Ножны. РЭМ № 8763 – 218/2. Фрагмент.

Это изображение имеет отсылку к иранскому гербу («Лев и солнце»). Изображение гербов на оружии – очень давняя традиция. Она встречается достаточно широко по всему миру, будь то изображение родовых гербов тех или иных фамилий, будь то изображение государственных символов. В этом плане Новое время и особенно XIX – начало XX века показательны. Под влиянием заводских производств и особенно государственных (например, армейских) заказов знаки с государственной символикой на традиционном оружии становятся особенно значимыми. Их наличие на предметах ставит использующих их мастеров в ряд достойных, «лучших», тех, кто работает не только на местную публику, но на «корону», на государство в высшем смысле этого слова. При этом, несмотря иногда на исключительную простоту в исполнении, кинжалы, на клинках (а в еще более позднее время на ножнах) которых имеется такого рода государственная символика, принадлежали не самым рядовым гражданам либо тем, кто стремился к тому, чтобы выделиться. Ведь не только для мастера имело значение продемонстрировать этим гербом свое положение среди мастеров, изготавливавших оружие, но и среди «пользователей» была необходимость «похвастаться», что могут себе позволить приобрести оружие соответствующего мастера либо несут государственную службу. А ведь изделия такого мастера (по крайней мере, теоретически) должны были стоить дороже. Не удивительно, что на многих изделиях, изготовленных этими мастерами, мы можем видеть свидетельства их реальной или желаемой (заявляемой) известности. Таковую своего рода деликатную «рекламу» самих себя в качестве популярных мастеров в трех государствах, имеющих или имевших серьезное влияние на Кавказе: Российской Империи, Персии (Иране) и Османской Империи. Иногда на одном клинке (чаще кинжальном) или на одних ножнах можно встретить символы всех трех государств одновременно: стилизованный герб России, стилизованный герб Ирана и турецкую султанскую тугру. И кубачинские мастера, конечно, использовали такую возможность.

Однако здесь перед нами кинжал, который, вероятно, был сделан по заказу для клиента, имеющего отношение к Персии (Ирану). Этот кинжал мог быть изготовлен, например, для представителя консульской миссии Персии

во Владикавказе (Плиева и др. 2022, 568-580), но в связи с частой сменой представителей миссии в 1910–1916 годах никому не вручен. Но мне представляется более вероятным, что его сделали для офицера Персидской казачьей бригады (Тер-Оганов 2012). Эта бригада была создана в процессе реформирования части регулярного персидского конного войска. Она просуществовала с 1879 по 1920 (формально по 1921) год. Бригадой (с 1916 года – дивизией) руководили русские офицеры. Смещение русского командующего будущим шахом Ирана Реза-ханом в 1920 году под давлением англичан привело к ее ликвидации в том же году. По легенде история ее возникновения уходит в путешествие персидского шаха Насер эд-Дина в Европу в 1878 году⁹. Маршрут его проходил через Россию, где на Кавказе он увидел казачьи конные подразделения, которые ему очень понравились (Указ. соч., 49).

Другим ориентиром стал Собственный Его Императорского Величества Конвой (в частности Лейб-гвардии Кавказский-Горский полуэскадрон). Поэтому Насер эд-Дин-шах решил реорганизовать часть своей кавалерии по казачьему образцу. Он обратился с соответствующей просьбой к наместнику на Кавказе Великому Князю Михаилу Николаевичу, о чем было доложено Александру II, и Россия помогла создать такое воинское подразделение уже в 1879 году (Указ. соч., 50). Конечно, все было сложнее и вопрос был детально подготовлен еще до путешествия шаха, но нас в данной истории больше интересует сам факт формирования бригады. На переговорном этапе русскую военную миссию возглавлял А. И. Домантович. Он предложил сформировать бригаду из голямов – шахской гвардии «Махдие-йе мансур» (Указ. соч., 53)¹⁰, что поначалу всех устроило, но когда началась собственно работа по формированию бригады, тот же А. И. Домантович вместо обещанных голямов получил мохаджеров, набранных из потомков известных мусульманских родов, переселившихся из Эриванского и Нахичеванского ханств, вошедших в состав России после подписания Туркманчайского мира в 1828 г. (Указ.

---

⁹ После окончания русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

¹⁰ Со ссылкой на Косаговского В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады. – Новый Восток, 1923, № 4, с. 391.

соч., 57)¹¹. Во главе Персидской казачьей бригады стоял полковник русского Генерального штаба в должности заведующего обучением персидской (иранской) кавалерии. Русские офицеры и урядники были его помощниками – наибам. Во главе каждого полка стоял персидский (иранский) генерал в звании сартипа (генерал-майора). Полк делился на четыре эскадрона с персидскими (иранскими) офицерами во главе (Указ. соч., 66). Полкам персидской казачьей бригады была предписана форма точная или подобная форме кавказских казаков: первому полку – кубанских казаков, второму – терских. Третий был обмундирован по аналогии, но в зеленые бешметы и беловерхие папахи. Униформа казаков артиллерийской батареи соответствовала принятой в таких же подразделениях у кубанцев. Упряжь и седла были кавказскими. Вооружение состояло из кавказского кинжала и шашки, а также винтовок системы Бердана (тысяча таких винтовок была получена бригадой в дар от Александра III) (Указ. соч., 65).

В связи с этим интересно, что на ножнах рассматриваемого нами кинжала изображен стилизованный, но узнаваемый герб Персии (Ирана), мужские фигуры в черкесках, в папахах, с кавказским оружием, а на одном из медальонов вырезан портрет (Илл. 8) в головном уборе с кистью (отдаленно напоминающим головной убор персидских шахов Каджаров). Отсутствие усов у этого юноши (в отличие от кавказских воинов на этих же ножнах) позволяет высказать смелое предположение: не был ли здесь изображен (с известной долей условности) последний и юный шах Каджарской династии Султан Ахмад-шах (1897 года рождения, ставший шахом в 1909 году), известный нам и по фотографиям безусым? Очень возможно, что заказ на этот кинжал был получен от воина, служившего в Персидской казачьей бригаде, но по той или иной причине выполненное изделие не удалось доставить заказчику, а возможно, кинжал и не был полностью оплачен и хранился в семье мастера-изготовителя. Поэтому многие годы спустя он был продан Е. М. Шиллингу для музея, как образец старой работы. Но будь то миссия во Владикавказе или казачья бригада, изготовление данного кинжала стоит датировать ориентировочно 1910–1914 годами.

---

¹¹ Со ссылкой на Мамонтова Н. П. Очерки современной Персии. СПб, 1909, с. 91.

Илл. 8. Ножны. РЭМ № 8763 – 218/2. Фрагмент.

Вторую группу предметов составляют современные на момент приобретения вещи. Более того, изготовленные по заказу самого Евгения Михайловича Шиллинга. Это сабля и шашка.

Сабля (Илл. 9 и 10) является редким образцом для музея.

Илл. 9. Сабля с ножнами.
Дагестан, с. Кубачи. 1935 год.
РЭМ № 8763 – 220/1,2.
Лицевая сторона. Клинок – XIX век.
Сталь, серебро, эмаль, дерево, кожа.

Длина общая (в ножнах) – 90,5 см.
Общая длина сабли – 86,7 см.
Длина клинка – 73,7 см; ширина
клинка у рукояти – 2,75.
Общая длина ножен – 73,5 см.
Длина основного ремня портупеи –
131,0 см, ширина – 1,35-1,4 см.

Илл. 10. Сабля с ножнами.
РЭМ № 8763 – 220/1,2.
Тыльная сторона.

Клинок данной сабли более старый, чем отделка и монтировка. Это легкий, гибкий клинок с одним глубоким долом вдоль обуха и узкими желобками. Он украшен надписями арабской графикой, выполненными травлением и расположенными в картушах. На лицевой стороне (правой) надпись в центральном картуше дополнена насечкой золотом по стали. Среди надписей есть читаемые фрагменты: «Будь готов к (...) во имя Аллаха!» и «Трус обдумывает каждый шаг»¹². Клинок выполнен неизвестным мастером аула Амузги, который славился своими кузнецами-клиночниками. Этот давний «тандем» клиночников из Амузги и ювелиров и монтировщиков из Кубачи – двух аулов, расположенных недалеко друг от друга и тесно связанных процессом производства (Аствацатурян 2004, 201), дал множество примеров изготовленного ими холодного оружия с использованием этой специализации.

Рукоять и ножны, а также монтировка данной сабли сделаны братьями Тобчиевыми¹³ (Топчиевыми¹⁴ или Тубчиевыми¹⁵), о чем Е. М. Шиллинг оставил соответствующую запись в экспедиционных материалах, добавив, что «эмалевая работа – один из новых видов кубачинской работы»¹⁶.

Приобретение данной сабли обошлось музею в 1935 году в 1810 руб.¹⁷ На устье ножен с лицевой стороны имеется черневая надпись арабской графикой: «Сделали Бахамад и Абдаллах» (Илл. 11), с тыльной стороны – гравированная надпись кириллицей: «Сделано для музея народов СССР. Кубачи 1935 г. Мастер Б. Тобчиев» (Илл. 12). Под надписью имеются следы нацарапанной разметки этой же надписи, частично измененной при гравировке.

На устье ножен с торца надпись кириллицей, выполненная гравировкой: «Б. Тобчиев», также со следами нацарапанной «черновой надписи» (Илл. 13).

---

¹² Перевод Ю. Б. Гавриловой.

¹³ Так сам мастер подписал (выгравировал) свою фамилию на описываемом изделии, такое написание использовано и Е. М. Шиллингом в опубликованных им работах.

¹⁴ Так Е. М. Шиллинг пишет его фамилию в экспедиционных документах.

¹⁵ Так его фамилию пишет Э. Г. Аствацатурян и многие другие авторы в своих публикациях.

¹⁶ Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 32.

¹⁷ Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 32.

Илл. 11. Ножны. РЭМ № 8763 – 220/2. Фрагмент.

Илл. 12. Ножны. РЭМ № 8763 – 220/2. Фрагмент.

Илл. 13. Ножны. РЭМ № 8763 – 220/2. Фрагмент.

Братья Бахмут (ок.1868–1943) и Абдулла (Абдула, Абдаллах) Тобчиевы (ок.1874–1939) – знаменитые кубачинские мастера. Как пишет Е. М. Шиллинг, изначально они оба были граверами, но увлеклись эмалью и стали первыми и лучшими эмальерами Дагестана. Бахмут Тобчиев в 1890-х годах работал в Петербурге, где выполнял заказы по оформлению холодного оружия. В Петербурге он и познакомился с цветной эмалью, изучил процесс работы, приобрел большой запас эмалевых красок и, вернувшись в Кубачи, начал вместе с братом самостоятельно работать, украшая свои изделия эмалью (Шиллинг 2012, 138). Модная новинка пришлась братьям по душе. В ауле Кубачи прежде не было эмальеров. Все эмали на Кавказе имели в основном иранское происхождение. Это был промысел в первую очередь бакинских персов и персов, живших в Тифлисе. Но они работали с эмалью в совершенно другой технике. Русский период принес на Кавказ некоторые русские традиции. Появилась привозная перегородчатая эмаль. Например, встречались выполненные московской ювелирной фирмой П. А. Овчинникова сосуды в грузинском стиле, но украшенные эмалью и пользовавшиеся популярностью в Тифлисе. А в начале XX века это искусство стало развиваться в Дагестане.

Но Тобчиевы предложили свой вариант работы с эмалью. «Будучи отличными гравировщиками, они создали свои лучшие вещи, выдвинув на первое место именно данный прием цветной эмали, получивший тут общее признание, ставший популярным, подхваченный более молодыми мастерами. Эффект эмали по гравировке сочетается с эффектом собственно гравировки и чеканки – многоцветность красок с тонами золота и серебра. Это богатство эмальерных работ Тобчиевых усугубляется еще введением в композицию декоративных пятен тонким черневым узором» (Указ. соч., 138-139).

Сама форма сабельной рукояти и оформление ножен представляют собой один из устоявшихся для Дагестана типов, получивший особо широкое распространение в начале XX века. Рукоять имеет звериную головку, соединенную с крестовиной парными цепочками с ажурным шариком посередине. Черен рукояти и крестовина с лицевой стороны украшены стилизованным растительным орнаментом и надписями (или имитацией надписей) арабской графикой, выполненными белой, синей, голубой и зеленой эмалью и инкрустацией золотом (Илл. 14).

Илл. 14. Сабля. РЭМ № 8763 – 220/1. Рукоять.

Ножны деревянные сплошь покрытые серебряными деталями: они имеют три пластины-основы, охватывающие ножны, поверх которых закреплены: наконечник, маленькая обойма, две большие обоймы (одна из которых одновременно является обоймой устья ножен) с выпуклыми обоймицами для крепления портупей в центре каждой. Оба кольца обоймиц расположены на ребре. С тыльной стороны все серебряные элементы ножен украшены стилизованным растительным орнаментом, выполненным глубокой гравировкой, дополненным чернью и позолотой. Фон опущен, заполнен набитыми пуансоном точками. Орнамент имеет осевую симметрию. Портупея сабли сделана из черной кожи, застегивается на серебряную пряжку с язычком. Портупейный набор состоит из достаточно стандартных литых серебряных позолоченных деталей, украшенных с лицевой стороны стилизованным растительным орнаментом, выполненным гравировкой, дополненным чернью. Но работа по серебру на деталях портупей достаточно простая, не такая проработанная и не такая качественная. Возможно, отлитые детали были доработаны начинающими мастерами (учениками).

В собрании нашего музея хранится карандашный портрет Бахмута Тобчиева, выполненный сопровождавшим экспедицию Е. М. Шиллинга в Дагестан в 1935 году художником Рувимом (Ильей) Мазелем¹⁸. Благодаря этой работе мы можем видеть, как выглядел мастер, когда он работал над украшением рассматриваемой сабли. В нижнем правом углу рисунка художник указал возраст мастера — 62 года. Если Р. Мазель зафиксировал возраст верно, то получается, что Бахмут Тобчиев родился в 1873 году, то есть был на 5 лет моложе, чем предполагал Е. М. Шиллинг, когда писал в книге «Кубачинцы и их культура...»: «Бахмут умер в 1943 году в возрасте около 75 лет» (Шиллинг 2012, 138). Если ошибся художник, то Бахмуту Тобчиеву на рисунке 67 лет (Илл. 15).

---

¹⁸ Мазель Рувим (Илья) Моисеевич (1890, г. Витебск – 1967, Москва) – художник (учился сначала в школе рисования и живописи в Витебске, затем в петербургской рисовальной школе Общества поощрения художников, после в Мюнхенской Академии художеств), с начала Первой мировой войны служит в г. Ашхабаде, с 1925 г. живет и работает в Москве. В 1930-ых годах сотрудничал с Музеем народов СССР.

Илл. 15. Мазель Р.М. Портрет Бахмута Тобчиева. 1935 год.
РЭМ № 8764 – 9145.
Бумага, карандаш.
Длина – 43,8 см. Ширина – 31,1 см.

Шашка (Илл. 16, 17) была приобретена в той же экспедиции за 480 руб. и охарактеризована Е. М. Шиллингом как «образец средней кубачинской работы по серебру»¹⁹.

Илл. 16. Шашка с ножнами. Дагестан,
с. Кубачи, 1935 год. Клинок – XIX век.
РЭМ № 8763 – 219/1,2.
Лицевая сторона.

Длина общая (в ножнах) – 104,0 см.
Общая длина шашки – 97,8 см.
Длина клинка – 81,0 см.
Ширина клинка у рукояти – 3,4 см.
Общая длина ножен – 96,4 см.
Длина основного ремня портупеи (с нако-
нечником) – 139,0 см, ширина – 1,2-1,3 см.
Сталь, серебро, недраг. металл, дерево, ма-
стика-наполнитель, эмаль.

---

¹⁹ Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 33.

Клинок данной шашки также более старый, чем отделка и монтировка. Он имеет закавказское происхождение и снабжен клеймом «волчок» с «пчелами» с обеих сторон клинка (Илл. 18). Это клинок слабой кривизны с двумя узкими долами, соединяющимися на расстоянии 14,8 см от основания рукояти в один широкий дол.

Рукоять и ножны, а также монтировка выполнены известным кубачинским мастером Алиханом Ахмедовым²⁰ – отцом прославленного Расула Алиханова (именем которого в настоящее время назван КХК). По сведениям Е. М. Шиллинга Алихан Ахмедов родился в 1884 году (по другим данным в 1894-1895 годах – сконч. в 1966). Этот мастер учился ювелирному делу у своего отца и почти всю свою жизнь работал в родном селении, только в юности выезжал для работы во Владикавказ (Указ. соч., 134). Е. М. Шиллинг называл его мастером-художником, который «творчески использует все богатства кубачинского стиля» и «лучшим знатоком кубачинского растительного орнамента» (Указ. соч., 134). Отделка приобретенной для музея шашки его работы имеет один из устоявшихся и популярных в начале XX века вариантов исполнения, но выполнена она также в 1935 году.

Илл. 17. Шашка с ножнами. Тыльная сторона.
РЭМ № 8763 – 219/1,2.

Рукоять шашечная, раздвоенная, полностью покрытая серебром. Интересно, что отделка головки и черена и основания рукояти сделана в разных стилях, как будто для разных шашек, и волею судеб соединенных на одном предмете. Однако именно черен и основание сделаны более тонким, свободным и очень характерным для Алихана Ахмедова рисунком «Москов накыш» (Указ. соч., 123), к которому столь часто обращался мастер и разрабатывал разные его варианты. Головка же сделана в более привычной дагестанской классике орнаментом «мархарай», а на ножнах также в привычной дагестанской манере чередуются несколько вариантов орнамента, имитирующих элементы прибора и галунных украшений более ранних шашечных ножен, с использованием «тутта». Детали «старого» прибора ножен выделены светлым серебром, орнаменты нанесены глубокой гравировкой и лишь немного дополнены чернью. Серебряные детали, имитирующие кожу, покрыты чернью, а незначительный (редкий) гравированный рисунок углублен.

Илл. 18.
Шашка. РЭМ № 8763 – 219/1.
Клинок (фрагмент).

Илл. 19. Шашка с ножнами. РЭМ № 8763 – 219/1,2. Фрагмент.

Любопытно, что и Алихан Ахмедов в этой своей работе обратился к эмали (Илл. 19). Незначительными эмалевыми украшениями дополнены обоймицы шашки с лицевой стороны. Но тут эмаль сделана совершенно иначе, чем у братьев Тобчиевых. Алихан Ахмедов воспользовался техникой перегородчатой эмали. Элементы рисунка подчеркнуты полосами ложной зерни. С тыльной стороны все серебряные элементы ножен украшены редким стилизованным растительным орнаментом, выполненным гравировкой и чернью. Фон неопущенный, гладкий. Орнамент имеет осевую симметрию.

Портупея шашки сделана из черной кожи, застегивается на серебряную пряжку с язычком. Портупейный набор состоит из достаточно стандартных литых серебряных деталей, украшенных с лицевой стороны стилизованным растительным орнаментом, выполненным гравировкой, дополненным чернью. Наконечник пояса и деталь, состоящая из имитации наконечника с дополнительной пряжкой, украшены в несколько разном стиле (немного другой рисунок и характер его исполнения). Есть основание предполагать, что наконечник пояса был выполнен отдельно, возможно, он уже был в наборе

деталей (заготовок) у мастера, он выглядит не-много старше остального портупейного набора. Тщательность проработки идентичных деталей на портупее тоже разная.

Наконец, четвертый предмет в нашем собрании из привоза Е. М. Шиллинга – это кремневый гладкоствольный пистолет тапанча (Илл. 20, 21 и 22). Он был приобретен в ауле Кубачи за 150 руб. как «образец старой кубачинской работы с серебряными украшениями»²¹.

Ствол гладкий, калибр 15 мм. На стволе имеются рельефные украшения, дополненные насечкой золотом. Из прицельных приспособлений имеется только характерный для кубачинских пистолетов открытый прицел (на хвостовике), мушка отсутствует (не предполагалась при изготовлении).

Илл. 20. Пистолет «тапанча».
Дагестан, с. Кубачи, 1840 – 1850-ые годы.
РЭМ № 8763 – 217

Общая длина (по хорде) без кольца для подвески – 49,5 см.

Длина ствола – 32,7 см.

Калибр – 15 мм.

Наибольший диаметр расширения рукояти – 5,9 см.

Сталь, железо, дерево, серебро.

---

²¹ Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 34.

На стволе имеются клейма с надписями по-арабски (в пятиугольном (Илл. 23): «Работал Хаджи Мустафа», в каплевидном (Илл. 24): «Проверено»)²². Имя мастера-ствольщика (Хаджи Мустафа), которое украшает рассматриваемый пистолет, легендарно! Это был весьма знаменитый мастер, чья слава была широко распространена в Дагестане и на всем Северном Кавказе (Аствацатурян 2004, 286). Поэтому в равной степени возможно, что ствол сделан именно этим знаменитым мастером из Харбука, а возможно в подражание ему с использованием клейма с его именем, как «знака качества», что также было принято.

Замок кремневый, кавказский (относится к средиземноморскому типу), характерный для Дагестана. Снаружи (по внешним сторонам) обтянут тонким серебром и украшен неглубокой гравировкой и чернью. Внизу, на боевой пружине, имеется надпись арабской графикой (Илл. 25): «Дом Али»²³. Ложа пистолета деревянная с имитацией шомпола (обкладка цевья – цельная, без выреза под шомпол). На пистолете имеются многочисленные серебряные детали: ложевые кольца и накладные фигурновырезанные пластины-украшения ложа и рукояти. В украшении серебряных деталей использована неглубокая, но очень аккуратно (тщательно) сделанная гравировка. Фон между элементами орнамента заполнен гладкой чернью. По характеру отделки отличаются только две планки: одна – накрывающая хвостовик ствола, вторая – идущая под рукоятью и оформляющая спусковую щель. Здесь центральная ось растительного орнамента выделена чернью, а фон заполнен набитыми пуансоном мелкими кружочками.

Илл. 21. Пистолет «тапанча». Вид сверху.
РЭМ № 8763 – 217

²² Перевод Е. И. Малозёмовой.

²³ Перевод Е. И. Малозёмовой.

На пластине, закрывающей хвостовик, у прицела, имеется имя владельца, написанное чернью арабской графикой (Илл. 26): «Владелец его...»²⁴. Данный пистолет может быть ориентировочно датирован 1840-1850-ми годами.

Этот пистолет интересен и тем, что здесь мы тоже видим разделение труда по специализации работы, которая в XIX веке сделала Кубачи из аула оружейников селением в первую очередь ювелиров и монтировщиков. В 1880-х годах О. В. Маргграф отмечал, что в трех соседних селениях Дагестана: Кубачи, Харбук и Амузги - сформировалось своеобразное кузнечно-слесарное производство с «цеховой» специализацией по аулам. Харбук славился исключительно изготовлением стволов, которые они свивали и сваривали из проволоки, которую они же тянули из русского шинного железа. Кубачи – производством кремневых замков, лож из орехового дерева, изготовлением прикладных частей для сборки и, наконец, сборкой огнестрельного оружия, а также украшением огнестрельного и холодного оружия. Амузги был известен своими клинками (Маргграф 1882, 209-215; Магомедов и др. 2022, 18).

В музее мог бы храниться еще один предмет, привезенный из экспедиции Е. М. Шиллингом, но в 1948 году он из Музея народов СССР в Государственный музей этнографии (нынешний РЭМ) передан не был. А предмет должен был бы быть любопытным.

Илл. 22. Пистолет «тапанча». Вид снизу.
РЭМ № 8763 – 217

²⁴ Перевод Е. И. Малозёмовой.

Илл. 23. Пистолет «тапанча». Фрагмент.
РЭМ № 8763 – 217

Илл. 24. Пистолет «тапанча». Фрагмент.
РЭМ № 8763 – 217

Известно, что в начале 1880-х годов к Всероссийской промышленной выставке мастерами Дагестана были сделаны на заказ «пистонные ружья, револьверная (магазинная) винтовка и револьвер» (Маргграф 1882, 205-206). В 1912 году на Первой Дагестанской сельскохозяйственной выставке в Темир-Хан-Шуре харбуцкие мастера экспонировали револьвер системы Смит и Вессон своего изготовления, а в годы гражданской войны активно занялись изготовлением пистолетов под патрон 44-го калибра (Аствацатурян 2004, 288).

Илл. 25. Пистолет «тапанча». Фрагмент.
РЭМ № 8763 – 217

Именно поэтому в 1935 году Е. М. Шиллинг, находясь в ауле Харбук, заказал и приобрел (в дар) для музея такой неожиданный предмет традиционной культуры: «Маузер (однзарядный) сделан по моему заказу одним из харбукских мастеров т. Шахбановым (его портрет см. рис. И. Мазеля). Вещь сделана ручным кустарным способом в течение одной недели»²⁵. Как выглядел этот предмет, мы сегодня можем только предполагать. Однако портрет мастера, являвшегося одновременно чабаном, сохранился (Илл. 27).

Последний предмет, конечно, не относился к кубачинскому оружию, ибо он не был украшен, но поскольку он был когда-то изготовлен в соседнем селении и есть (пусть только документальная) информация о нем, а также привезен из той же экспедиции Е. М. Шиллинга, из которой и остальные четыре предмета, освещенные в данном материале, то хотелось о нем просто упомянуть.

²⁵ Архив РЭМ: ф. 5. оп. 2, д. 85, л. 11.

Илл. 26. Пистолет «тапанча». Фрагмент.
РЭМ № 8763 – 217

Илл. 27.

Мазель Р.М. Портрет чабана
Шахбанова. 1935 год.
РЭМ № 8764–9144.
Бумага, карандаш
Длина – 43,8 см.
Ширина – 31,1 см.

Завершая обзор собрания кубачинского оружия РЭМ, поступившего из экспедиции Е. М. Шиллинга 1935 года, в котором предметы подобраны не по типам или стилю оформления, не по времени изготовления или бытования, а лишь по имени собирателя, мне хотелось показать, насколько конкретные (и весьма разные) четыре предмета могут быть интересны и информативны для исследования. А также хотелось обратить внимание на личность Евгения Михайловича Шиллинга, благодаря которому они ныне в музее.

Второй обзор, планируемый к публикации в следующем номере журнала, будет посвящен предметам, связанным с именем Саида Магомед-Оглы (Магомедова).

Библиография

Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. — СПб., — 2004. — 432 с.

Фотограф вещевых памятников РЭМ — О. В. Волкова.

- Магомедов А.Дж., Юсупов Х.А. Структура ремесленных специальностей традиционных промыслов Дагестана конца XIX – начала XX в. (по материалам Кубачи, Харбук, Амузги) // Международный научно-исследовательский журнал. — Екатеринбург. — № 6 (120). — часть 3, июнь 2022. — С. 16 — 20.
- Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. — М., 1882. — 328 с.
- Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад А. Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // Вестник РУДН. Серия: История России. — 2022. — Т. 21. — № 4. — С. 568–580.
- Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. — М., 2012. — 352 с.
- Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. АН СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том VIII (М.-Л., 1949), Переиздание: АНО «Зерихгеран», Махачкала, 2012.

Сокращения:

- РЭМ – Российский этнографический музей
ГМЭ – Государственный музей этнографии
КХК – Кубачинский художественный комбинат

References

- Astvacaturjan Je.G. (2004). *Oruzhie narodov Kavkaza* [Weapons of the peoples of the Caucasus]. SPb. 432 p.

- Magomedov A.Dzh., Jusupov H.A. (2022). Struktura remeslennyh special'nostej tradicionnyh promyslov Dagestana konca XIX – nachala XX v. (po materialam Kubachi, Harbuk, Amuzgi) [The structure of handicraft specialties in the traditional crafts of Dagestan in the late 19th - early 20th centuries (Based on Kubachi, Kharbuk, Amuzgi)]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal], № 6 (120), part 3, June, 2022, pp. 16-20. Ekaterinburg.
- Marggraf O.V. (1882). *Ocherk kustarnyh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tehniki proizvodstva* [Essay on handicrafts in the North Caucasus with a description of production techniques]. M. 328 p.
- Plieva Z.T., Tuaeva B.V., Kanukova Z.V., Kalirad A. (2022). Dejatel'nost' konsul'skih sluzhb Irana na Kavkaze v 1905–1911 gg.: po iranskim istochnikam [Activity of Iranian consular services in the Caucasus in 1905–1911: according to Iranian sources]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of RUDN University], Serija: Istorija Rossii, V. 21, № 4, pp. 568–580.
- Ter-Oganov N.K. (2012). *Persidskaja kazach'ja brigada 1879–1921 gg.* [Persian Cossack Brigade 1879–1921]. M. 352 p.
- Shilling E.M. (2012). Kubachincy i ih kul'tura. Istoriko-jetnograficheskie jetjudy [Cubans and their culture. Historical and ethnographic studies]. *AN SSSR. Trudy Instituta jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja. Novaja serija* [Academy of Sciences of the USSR. Proceedings of the Institute of Ethnography. N. N. Miklukho-Maclay. New episode], v. VIII, (M.-L., 1949). Mahachkala, ANO «Zerihgeran» Publ.

Abbreviations

РЭМ - Russian Ethnographic Museum

ГМЭ - State Museum of Ethnography

КХ - Kubachi Art Plant

Двалишвили Л. Б.

**Анализ грузинской традиционной терминологии,
обозначающей булат и дамасскую сталь**

Analysis of Traditional Georgian Terminology for Bulat and Damascus Steel

Двалишвили Леван Бадриевич — частный исследователь (Кутаиси, Грузия).

Levan B. Dvalishvili — private researcher (Kutaisi, Georgia).

dvalishvililevan@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается исторически сложившаяся в Грузии терминология по обозначению булатов и дамасской стали¹. Образцы металлических изделий, изготовленных из дамасской стали, встречались в Грузии с периода раннего железного века. Древнейшим предметом, изготовленным из булатной стали и обнаруженным на территории Грузии, признается меч, найденный в ходе археологических работ в Дарьяльском ущелье и датированный 1000 годом нашей эры.

Анализ существовавшей терминологии производится с помощью сравнительного этимологического анализа специализированных металлургических терминов, толковых словарей и фрагментов литературных памятников, с привлечением материалов полевых этнографических исследований, а также с учетом исторически обусловленных культурных контактов Грузии с соседними цивилизациями Ближнего (Среднего) Востока.

---

¹ Во избежание терминологической путаницы, автор считает необходимым дать краткие определения “булата” и так называемой “дамасской стали”:

Булат — сталь, традиционно получавшаяся процессом тигельной плавки. Отличается особой кристаллической структурой, обеспечивающей устойчивые свойства и внешний вид булатных изделий. Булатный узор мелкозернист, не имеет симметрии и отличается беспорядочностью.

Дамасская сталь — композитный железо-стальной материал, традиционно получавшийся в результате продолжительного и многоэтапного процессаковки. Сварка и последующая поэтапная проковка железных и стальных компонентов одновременно с необходимыми механическими манипуляциями, позволяла создавать заранее продуманный узор. Узоры дамасской стали отличаются легко читаемой симметрией.

В статье отмечается, что в целом для грузинского разговорного и литературного языков свойственно использование обобщающих терминов для обозначения разных, но в то же время однотипных предметов, что существенно усложняет анализ используемой в источниках терминологии. Например, оружейный термин «хмали» в древних литературных памятниках, а также в этнографическом бытовании мог подразумевать любой вид длинноклинкового оружия, будь то сабля, меч, шашка, или палаш.

В статье рассмотрены и проанализированы такие основные термины, описывающие виды стали и материал изготовления клинков, как *басри* [*basri*, ბასრი], *полади* [*p'oladi*, ფოლადი], джавардени [*ǰavardeni*, ჯავარდენი], а также специализированные термины: *наначи ркина* [*nanači rkina*, ნანაჩი რკინა], *налфара* (варианты: «ламфара», «нафура») [*nalp'ara*, ნალფარა, ლამფარა, ნაფურა], *начди ркина* [*načdi rkina*, ნაჭდი რკინა], *тобартини* [*tobart'ini*, ტობართინი], *тасмагули* [*t'asmaguli*, თასმაგული] и другие. Приведены образцы региональной терминологии.

Ключевые слова: грузинское оружие, грузинский язык, историческое оружие Кавказа, грузинский булат, булат, *wootz*, *Damascus steel*, дамасская сталь, оружейная терминология.

Abstract: The article deals with historically established Georgian terminology for Bulat and Damascus steel². Samples of Damascus steel products have been seen in Georgia since the early Iron Age. The most ancient Bulat steel product

---

² In order to avoid terminological confusion, the author considers it necessary to give brief definitions of *Bulat* and the so-called *Damascus steel*:

Bulat is a type of steel traditionally produced using crucible process. It is characterized by a special crystal structure which provides resistant properties and distinctive appearance of Bulat products. Bulat pattern is fine-grained, asymmetrical and messy.

Damascus steel is a composite iron-steel material traditionally obtained through a long and multi-stage forging process. Welding and subsequent gradual forging of iron and steel components along with necessary mechanical manipulations made it possible to create a preconceived pattern. Damascus steel patterns are characterized by easy-to-read symmetry.

in Georgia is a sword which was found by archaeologists in the Daryal Gorge and dates back to 1000 A.D.

Analysis of existed terminology is performed using a comparative etymological analysis of specialized metallurgical terms, explanatory dictionaries and fragments of literary monuments. The author also relies on materials of field ethnographic research and takes into account historical cultural contacts of Georgia with neighbouring civilizations of the Near East.

The article notes that in the Georgian spoken and literary language it is typical to use generalized terms to describe different but same-type objects. This fact significantly complicates the analysis of terminology used in sources reviewed. For example, the term *hmali* could imply any kind of a long-bladed weapon [be it *saber*, *sword*, *shashka* or *palash*] in ancient literary monuments and ethnography.

The article reviews and analyzes such basic terms for types of steel and blade material as *basri* [ბასრი], *p'oladi* [ფოლადი], *javardeni* [ჯავარდენი] as well as special terms: *nanači rkina* [ნანაჭი რკინა], *nalp'ara* (also *lamfara*, *nafura*) [ნალფარა, ლამფარა, ნაფურა], *načdi rkina* [ნაჭდი რკინა], *tobart'ini* [ტობართინი], *t'asmaguli* [თასმაგული], etc. Examples of regional terminology are given.

Keywords: Georgian arms, the Georgian language, historical arms of the Caucasus, Georgian Bulat, *Bulat steel*, *Wootz*, *Damascus steel*, arms terminology.

Актуальность и параметры исследования.

Вопросы, связанные с существованием булата и дамасской стали в Грузии, были и до сих пор остаются объектом интереса не только для профессиональных исследователей, но и для оружейников любителей, коллекционеров и просто ценителей холодного оружия.

Однако доступная сегодня интересующемуся читателю информация о существовании булатного оружия в Грузии в основном ограничена материалами, связанными с описанием деятельности знаменитого рода оружейных мастеров Элиаровых в первой половине XIX века, то есть в период, когда делопроизводство и архивация на территории Грузии систематизируется и ин-

тенсифицируется согласно стандартам Российской Империи. Таким образом, события, связанные с поиском булатных технологий и затронувшие непосредственно членов семьи Элиаровых, нашли четкое отражение в многочисленных документах того времени и являются на сегодняшний день наиболее доступными для исследования. Вместе с тем за пределами внимания остаются многочисленные исторические источники, содержащие прямые и косвенные свидетельства того, что в Грузии знали и ценили булат задолго до периода, славы династии Элиаровых. И хотя в рамках одной статьи невозможно дать исчерпывающий ответ на все вопросы, автор предоставляет вниманию читателя краткий обзор распространенной в грузинских письменных источниках и в этнографическом наследии специфической терминологии, непосредственно связанной с булатом и дамасской сталью³. Описание истории производства булата и дамасской стали в Грузии не входит в задачи этой статьи, однако тема эта будет рассмотрена отдельно в одной из последующих работ.

Приступая к разбору и этимологическому анализу существующей грузинской терминологии, связанной с оружейными сталями, следует устанавливать параметры исследования в контексте региональной истории, на всем протяжении которой Грузия имела тесные экономические и культурные связи с передовыми странами Ближнего Востока и Средней Азии (Персия, Турция, Сирия, Египет, Индия и государства Средней Азии), славившимися производством булата и дамасской стали в соответствующие периоды. Географическое положение страны на стыке массивных региональных культур и цивилизаций неизбежно делало ее бенефициаром, проводником и носителем возникающих технологических открытий и достижений. Принимая во внимание тот факт, что грузинские культурные контакты в течение многих столетий протекали в атмосфере непрекращающихся военных конфликтов, логично предположить, что лингвистические и технологические взаимопроникновения особенно интенсивно протекали в сфере производства стали и оружия. С течением времени помимо повышенного спроса на оружие возникали но-

---

³ Автор выражает благодарность грузинскому исследователю исторического оружия Вахтангу Кизириа за помощь, оказанную при написании данной статьи.

вые факторы, влиявшие на информационный обмен. Так, например, с начала XVI века четкому представлению грузин о вооружении и технологиях того времени должно было способствовать регулярное участие грузинских наемных сил в составе армий двух соперничающих государств: Сефевидского Ирана и Османской Порты. В этой связи показателен тот факт, что в период золотой эпохи производства булатов в Персии (XVI-XVII вв.) значительная часть персидской военной элиты и воинских формирований состояла из грузин (Kazemzadeh 2013, 21-33; Lang 1952, 524-526). Подобные исторические обстоятельства позволяют с высокой степенью достоверности предполагать осведомленность грузин о наличии определенных оружейных технологий в Персии и непосредственное знакомство с персидскими наименованиями оружия и стали.

Анализ грузинской терминологии, таким образом, проводился нами с учетом всех исторических и значительных в своем влиянии культурных контактов. И хотя мы не ставили своей задачей определение историко-географических векторов передачи технических знаний, обнаруженные нами языковые связи и параллели в терминологии могут послужить исходным материалом для дальнейших исследований в этом направлении. Прослеженные нами исторические смещения смысловых значений некоторых грузинских морфем и составных терминов могут представлять интерес для исследователей теории и процесса концептуализации технологий и материалов в далеком прошлом.

Прежде чем перейти к обзору терминологии в грузинском языке, хотелось бы упомянуть несколько артефактов, демонстрирующих распространение дамасской стали и булата в Грузии с древних времен. Образцы металлических изделий, изготовленных из дамасской стали, встречались в Грузии с периода раннего железного века; например, по такой технологии изготовлены нож и топор из Глийского могильника, который датируется X-VI вв. до н. э. (Техов 1973, 153-162). Ряд изделий из дамасской стали были найдены в районах Лечхуми и Тианети, в их числе клинок кинжала IV века н. э. из Цагери, а также клинок копья из Тианети (VI-VII век н. э.), который был изготовлен путем сварки трех типов стальных слоев. Как видно, дамасскую сталь ис-

пользовали не только для изготовления оружия, о чем свидетельствует находка секача и зубила из дамасской стали в Лечхуми и Вардзии (Южная Грузия) (Артилаква 1976, 129-131).

Что касается непосредственно булатной стали, то пока древнейшим образцом булата среди обнаруженных на территории Грузии предметов нужно считать уникальный меч, найденный Грузино-Британской археологической экспедицией в Дарьяльском ущелье. Археологические работы проводились в период с 2013 по 2016 год в муниципалитете Казбеги, а именно в окрестностях замка Царицы Тамары. Именно там было открыто и изучено захоронение молодого человека, в котором среди прочих артефактов и был обнаружен вышеупомянутый стальной меч. Лабораторный анализ показал, что меч был изготовлен из редкого булатного материала, с характерным узором на поверхности. По результатам исследования находка была датирована 1000 годом нашей эры (Gilmour 2020, 685-687).

Проблематика источниковедения

В ранних письменных памятниках грузинского языка в большинстве случаев используется общий термин «ркина» (რკინა [rkina]⁴ — железо) и не уточняется, о каком конкретно типе железа идёт речь. Часто этот термин обозначает и сталь тоже, в то время как уточненная форма в виде «магари ркина» (მაგარი რკინა [magari] — твёрдое) встречается редко (Rekhviashvili 1964, 189). Это обусловлено спецификой сохранившихся письменных памятников, многие из которых являются произведениями духовного содержания, а сохранившиеся светские письменные произведения в своем большинстве не имеют прямого отношения к вопросам, связанным с металлургией, в том числе касающимся оружия, следовательно, в процессе повествования перед авторами не возникала необходимость уточнять, какой именно тип железа они имели в виду.

В более поздних памятниках упоминания разновидностей железа (в том числе булата и дамасской стали) встречаются чаще.

---

⁴ Transliteration of Georgian characters into Latin characters ISO 9984:1996. Последний раз этот стандарт был пересмотрен в 2020 году.

Для объективности заметим, что не только специфика сохранившихся до наших дней письменных памятников усложняет исследовательский процесс. В целом для грузинского разговорного и литературного языка свойственно использование обобщающих терминов для обозначения разных, но в тоже время однотипных предметов, что в результате требует более глубокого анализа самого контекста, из которого извлекается интересующий нас термин или слово. Например, для сравнения приведем типичную проблему с термином «хмали». «Хмали» в древних литературных памятниках, а также в этнографическом бытовании может подразумевать любой вид длинноклинкового оружия, будь то сабля, меч, шашка или палаш. Кроме того, в источнике в большинстве случаев не уточняется, что именно имеет в виду автор под термином хмали.

Аналогично вышеуказанному примеру обстоит и ситуация с термином, обозначающим железо, что кроме прочего подтверждается зафиксированной этнографическими материалами практикой грузинских кузнецов называть все виды железных материалов единым термином – «ркина». При необходимости указать качество железа по прочности к термину «ркина» добавляли поясняющее прилагательное, например, «магари ркина», а также прилагательные, обозначающие разные виды стали — «халди ркина», «чанари ркина», «шанари ркина» и т. д. (Rekhviashvili 1964, 199). Таким образом, совершенно очевидно, что на основании лишь обобщающего термина определение качественных характеристик железного материала не представляется возможным. Исходя из вышеуказанного, мы не будем в данной статье перечислять и приводить примеры довольно частых упоминаний термина «ркина» в изученных нами древнегрузинских письменных источниках.

Одним из потенциально важных источников для исследований, связанных с булатом и дамасской сталью, также являются записи этнографических экспедиций по различным областям Грузии, особенно, принимая во внимание тот факт, что с начала 30-х годов двадцатого столетия подобные экспедиции проводились систематически. Однако, несмотря на внушительный объем и несомненную ценность собранных материалов, работа с ними не лишена сложности в связи с тем, что организаторы и непосредственные

участники полевых исследований, будучи в большинстве своем фольклористами или историками, не имели специфических знаний в области металлургии и металлообработки. Как следствие, они не могли должным образом фиксировать и анализировать соответствующую информацию, получаемую от опрашиваемых респондентов (кузнецов, старейшин и др.). В отсутствие фокуса на техническую специфику кузнечного ремесла большинство исследователей оставляли без должного внимания и те детали, без которых невозможно получить четкое представление о том, какой именно тип стали или какие именно технологические особенности, применявшиеся в том или ином кузнечном процессе, имел в виду опрашиваемый рассказчик. Ко всему прочему, тема булатов и дамасской стали, по-видимому, не входила в сферу отдельных интересов грузинской этнографии указанного периода, так как эта тема не была отмечена серьезными исследованиями, за исключением нескольких малозначительных обзорных статей.

Следует отдельно отметить и общую для полевой антропологии проблематику доверия и открытости между исследователем и локальным респондентом. Отмеченная многими путешественниками, собирателями старины и этнографами недоверчивость опрашиваемых, особенно проявлявшаяся в условиях формального контакта, несомненно, негативно влияла на процесс сбора информации. Опрашиваемые мастера подчас оставляли в секрете или нарочито запутывали описание металлургических и кузнечных процессов. Естественно, что в таких условиях собрать полный материал не смог бы и специалист в соответствующей области. В качестве конкретного примера можно привести случай с немецким ученым Карлом Кохом⁵, посетившим в 30-е годы XIX века Рача⁶, один из горных регионов Грузии, где он собирал сведения о местной металлургии. Несмотря на то, что ученый видел многочисленные отвалы железного шлака, местные жители отказались признавать, что занимаются обработкой железа. Никакими уловками и вопросами Карлу Коху не удалось преодолеть недоверие опрашиваемых и получить искомую

---

⁵ Кох, Карл Генрих Эмиль (1809-1879) — немецкий ботаник-дендролог.

⁶ Рача — горный регион Грузии, расположен в северо-восточной части западной Грузии, в долине реки Риони и ее притоков.

информацию (Koch 1843, 84). Подобный опыт общения испытал также и Александр Петцольдт⁷, пожелавший изучить центр металлургического производства в Рача, где он увидел местное оборудование для плавки и металлообработки. По мнению Петцольдта, обратившего внимание на явное недоверие к своей персоне, такое отношение было результатом опасений рачинских мастеров, видевших в нем возможного конкурента (Petzholdt 1866, 320). Некоторое объяснение такому феномену недоверия и скрытности мы находим в традиции преемственности и сакрализации ремесел и производственных секретов. Знания кузнечного ремесла, производства и обработки металлов в Грузии традиционно передавались из поколения в поколение в процессе обучения в пределах небольшого круга посвященных и связанных узами кровного родства. Типичным примером такой преемственности является традиция рода Мисриашвили из Пшавии, одного из горных регионов Восточной Грузии. Представителям упомянутого рода приписывалось производство специальной оружейной стали, позволявшей сворачивать в колесо изготовленные из нее сабли и придавать им особую остроту. Род Мисришвили был связан с местной святыней "хати"⁸ и, как следствие, окружал свою кузнечную деятельность сакральными действиями и религиозными ритуалами, процесс обучения ремеслу от мастера к ученику происходил только между представителями своего рода (Chitaia 2001, 330). Подобные примеры можно привести и из других регионов Грузии.

Перечень и анализ основных терминов

Изучение письменных памятников выявило, что для обозначения булата или дамасской стали в грузинском литературном языке в основном использовались три термина: «басри» [basri, ბასრი], «полады» [p'oladi, ფოლადი] и «джавардени» [javardeni, ჯავარდენი]. Кроме указанных терминов, в отдельно взятых диалектных регионах страны также встречаются и

---

⁷ Петцольдт Александр (1810-1889) — немецкий учёный—агроном.

⁸ Хати — место святыни и поклонения, капище, традиционная и архаичная форма организации религиозного объекта для поклонения, принятая среди горцев Восточной Грузии.

локальные названия, обозначающие разные виды стали. Определить точное количество и значение всех локальных терминов на данный момент затруднительно, однако можно с уверенностью сказать, что некоторые из них обозначают именно дамасскую сталь.

Из трех упомянутых выше литературных терминов только «джавардени» используется строго для обозначения булата, в то время как «басри» может обозначать и булат, и дамасскую сталь, и даже иногда обычную высококачественную сталь. То же самое можно сказать и о термине «полади», который в ранних литературных памятниках мог идентифицироваться с любым из трех вышеперечисленных значений (сталь, булат, дамасская сталь) и только в более поздний период начал использоваться сугубо для обозначения обычной стали, и в таком значении закрепился в современном литературном языке. Стоит заметить, что подобная лексико-семантическая вариативность, возникающая с течением времени, характерна не только для грузинского языка.

«Басри». Старейшим термином, обозначающим булат и дамасскую сталь, является «басри». Известный грузинский металлург академик Фердинанд Тавадзе пришел к выводу, что под термином «басри» подразумевается булат (Tavadze 1967, 124-129). Однако, на наш взгляд, памятники древнегрузинского языка под этим термином подразумевали не только булат, но и дамасскую сталь. Касаясь этимологии слова «басри», заметим, что в грузинской науке существуют различные взгляды на происхождение этого термина. Некоторые ученые лингвисты склоняются к мнению, что обозначающий сталь термин «басри» происходит от названия древнего города Басра, основанного на берегу Персидского залива в 636 или 637 году халифом Умаром и прославившегося в средние века как центр по производству наилучшей стали⁹ (Kobidze 1965, 54). Однако в академической среде имеет место быть и противоположное мнение. Так, по мнению академика Иванэ Джавахишвили, слово «басри» происходит от древнегрузинского глагола — «срева» (Javakhishvili

---

⁹ Аль Кинди также упоминает город Басру как один из важных центров производства мечей и стали, в частности он пишет: «...что касается мечей исконных по месту производства (муваллад), то среди них считаются и "басрийские", железо которых выплавляется и выковывается в Басре» (Hoyland 2012, 21).

1962, 252). Другой грузинский ученый, лингвист Мераб Чухуа также исключает какую-либо связь грузинской формы «басри» с арабским топонимом «Басра» (Chukhua 2019, 82).

Надо отметить, что в грузинских диалектах и языках картвельской группы слова с корнем «баср», помимо значения «сталь», употреблялись и в других значениях, например: «острый», «крепкий», «прочный» точильный камень, «самец», «некастрированная лошадь» (конь, жеребец) и «осел»¹⁰. Интересно также и то, что корневые параллели к перечисленным объектам отыскиваются и в кавказских языках (Chukhua 2000-2003, 61). Особо стоит выделить еще одно значение, которое имеет слово «баср» в грузинских языках, — окраска (Chukhua 2019, 82). Если мы вспомним, что название булата «джавардени» в персидском связано именно с красочностью и узором на поверхности, то можно сделать осторожное предположение о том, что название стали «басри» также может быть связано с древнегрузинским корнем и обозначать «пестрый», «цветистый», «узорчатый». Во всяком случае, корень слова «баср» вполне типичен для ранних грузинских памятников, например, он встречается в памятнике VIII века «Мученичество Або Тбилели» (однако не в значении «сталь») (Kartuli... 2008, 336). В настоящее время в современном грузинском языке этот термин употребляется как синоним слов «очень острый» («режущий»).

Немаловажно, что термин «басри» присутствует в грузинском толковом словаре, составленном Сулханом-Саба Орбелиани¹¹ на рубеже XVII-XVIII веков. По определению ученого составителя «басри» — это грузинский

---

¹⁰ Следует отметить, что и по описанию Аль-Бируни, натуральная сталь является понятием мужского рода: «Природное железо делится на две разновидности: одно — мягкое, нармахан, и называется оно женским; другое — твердое, шабуркан, и называется оно мужским из-за твердости, оно принимает закалку и не поддается и малому сгибанию» (Бируни 2011, 280-281). Аль-Кинди в своей детальной типологии мечей и типов стали использует концепцию твердого/мужского и мягкого/женского (Hoyland 2012, 23). «Закар» (zakar) на персидском языке означает: пенис, мужской, мужественный, сталь, «мужское» железо, меч из закалённой стали (Steingass 1963, 558).

¹¹ Орбелиани, Сулхан-Саба (1658-1725) — грузинский писатель, ученый и политический деятель.

эквивалент термина «полади», пришедшего из иностранного языка (Orbeliani 1991, 97). Термин «басри» как элемент составного слова мы находим у Сулхана-Саба в описании кольчуг, например, в форме «рбил-басри» [rbili, რბილი — мягкий], что, по-видимому, было употреблено им в значении «мягкий булат» или «сталь», иначе он бы использовал слово «ркина» для обозначения мягкого железа. Далее Сулхан-Саба противопоставляет термину «рбили басри» термин «уфро басри» [ur'go, უფრო — более], видимо, материал из булата, стали, который «легко ломается при скручивании» (Orbeliani 1993, 450).

Здесь же мы хотели бы обратить внимание на одну особенность термина «басри» в грузинской специальной литературе. Встречающийся в древнегрузинских текстах термин «басри хмали» [ბასრი ხმლი basri xmal] практически без исключений трактуется как «острый» меч/сабля, поскольку в слове «басри» отсутствует соответствующее родительному падежу окончание "с", указывающее на природу предмета, в данном случае — «стальной». Такая однозначная трактовка слова «басри» представляется не совсем правильной. Вероятно, однозначная интерпретация слова обусловлена двумя причинами. Во-первых, в современном литературном языке «басри» означает только «острый», во-вторых, комментатор текста или читатель подчас не уделяет должного внимания смысловому значению текстового фрагмента. Детальный анализ текста порой позволяет допускать, что в ряде случаев термин «басри» мог подразумевать заготовку или предмет из булата или дамасской стали с большей достоверностью, чем пониматься в значении «острый». Например, такое заключение логично напрашивается при смысловом разборе следующего предложения: «Пусть тебя измельчит «басри» булава» [ბასრმან ლახტმან დაგბყოლ, basrman laxtman dagnaqos] (Shah-names... 1916, 618). Итак, слово «басри» предполагает двойную трактовку — «острый» или сделанный из «басри». Ключевым словом для нас в рассматриваемом предложении является сказуемое «დაგბყოლ» [dagnaqos] — глагол, обозначающий желание измельчить, истолочь. Совместно с подлежащим «лаhti» (палица или булава в русском эквиваленте) глагол «измельчить, истолочь» исключает интерпрета-

цию прилагательного «басри» в значении «острый», и, следовательно, позволяет допустить другое значение термина «басрман» — «стальной/булатный/дамасский». Таким образом, все предложение приобретает смысл — «стальной бы палицей истолок». Рассмотренный нами фрагмент текста четко демонстрирует ошибочность однозначной трактовки прилагательного «басри».

Другим подобным примером может послужить и такой фрагмент текста: «Поломал, как наковальной, нож, изготовленный из басри» [დალეწბ, ვით გურდელმან ბასრი დაწაო, daleca vit' gurdelman basri danao] (Shahnames... 1916, 411). В данном случае совершенно нелогично предполагать, что под «басри» подразумеваются режущие свойства, поскольку в тексте нож упомянут не в контексте разрезания чего-либо, и, соответственно, его условная острота совершенно не имеет никакого значения. Тот факт, что наковальня его ломает, подчеркивает скорее хрупкие свойства ножа, что, на наш взгляд, может указывать на то, что под «басри данао» имеется в виду «стальной нож».

Отдельно подчеркнем, что вышеизложенное не относится к случаям, когда термин «басри» представлен в соответствующей падежной форме, автоматически определяющей «басри» в значении «булатный» или «дамасский», а не «острый», «режущий».

Продолжая анализ трактовки термина «басри» в средневековых произведениях, обратим внимание на следующий пример. В старогрузинском переводе труда армянского историка Степаноса Орбеляна «История области Сисакана» один из фрагментов текста содержит предложение, сообщающее нам, что Липарит Орбели во время битвы «держал в правой руке обоюдоострый меч басри [ბასრი ხმალეო basri xmalie]» (Stepanos... 1978, 34). В данном случае слово «басри» представлено без окончания "с", то есть не в форме родительного падежа, поэтому любой грузинский комментатор определил бы его в значении «острый». Однако, обращаясь к армянскому тексту оригинала, мы видим слово «поговат», что означает «сталь» (Abramyan 1949, 71-72). Очевидно, что грузинский переводчик использовал слово «басри» в значении «стальной/булатный». Данный пример также подтверждает, что в грузинских

письменных памятниках термин «басри» в сочетании «ბასრი ხმალი» [basri xmalí] не всегда означает «острый», а используется в значении «стальной/булатный».

Отдельно рассмотрим логику трактовки «басри» именно в значении «булатный», а не просто «стальной». Мы склонны считать, что старые тексты, в которых упоминается оружие, изготовленное из «басри», например, «басрис хмали» в большинстве случаев должны подразумевать материал из булатной или дамасской стали. В противном случае, если предположить, что под «басри» подразумевается и обычная сталь, то возникает естественный вопрос, а зачем авторам понадобилось так часто уточнять, что сабля или меч являются «стальными»? Само по себе упоминание меча уже автоматически подразумевает, что он изготовлен, как минимум, из стали, так как из мягкого железа оружие не изготавливали. Сама обыкновенность стального меча освобождает автора от необходимости подчеркивать эту ординарность. Такое наше рассуждение косвенно подтверждается тем, что создатели самых разных средневековых сочинений от легендарных циклов до хроник, в том числе древнерусские авторы склонны использовать прилагательные и эпитеты, подчеркивающие особые свойства или качества меча, как например: «харалужный», «булатный» и т. д. Согласно вышеизложенной логике, мы склонны считать, что роль термина «басри» в рассматриваемых литературных памятниках в том, чтобы подчеркнуть не ординарность, а именно особенность оружия как изготовленного не из обычной стали, а «из басри», и что в данном случае «басрис хмали» означает «булатный меч» или «меч, изготовленный из дамасской стали».

Следует отметить, что в XII-XVIII вв. в грузинских письменных произведениях термины «басри» и «полади» в предложениях периодически встречаются вместе. На наш взгляд, это также указывает на то, что под «басри» подразумевается не сталь вообще, а конкретно особый тип стали — булат или дамаск. Показательны следующие примеры:

а) კარი ბასრის ფოლადის [kari basrisa p'oladisa] (Tmogveli 1897, 18) в русском переводе — дверь из стали басри;

b) სრულად ბასრითა ფოლადითა შეჭურვილი იყო [srulad basrit'a p'oladit'a šečurvili iqo] (Laradze 1903, 450) — был полностью покрыт стальной (из басри) броней;

c) ფოლადების ბასრითა შეჭედილია, რკინითა, [p'oladebisa basrit'a šečedilia, rkinit'a] (Shah-names... 1916, 413) — вооружен стальными «из басри» бронями, железом;

d) ბასრის ფოლადი [basris p'oladi] (Qaramaniani 1965, 341) — полади (сталь) басри;

e) ფოლადის ბასრის რკინით შეჭურვილია [p'oladis basris rkinit' šečurvilia] (Rusudaniani 1957, 289) — полностью вооружен сталью (полади) басри и железом.

Встречаются также следующие словосочетания:

a) ბასრისა რკინისა გამტეხელო [basrisa rkinisa gamtexelo] (Rusudaniani 1957, 155) — ломающий, разбивающий железо басри;

b) ჰინდოურითა ბასრითა რკინითა [hindourit'a basrit'a rkinit'a] (Visramiani 1962, 163) — с индийским железом басри.

Логично допустить, что авторам не нужно было бы дважды повторять слова синонимы в вышеприведённых примерах, если бы речь шла просто о стали. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что совместное использование терминов «басри» и «полади» не тавтология, и, соответственно, каждый из двух рассмотренных терминов имеет свое значение.

В грузинской поэме XII века «Витязь в тигровой шкуре» упоминается сабля из «басри», на что обратил внимание исследователь булата академик Фердинанд Тавадзе. Изучая текст поэмы, ученый пришел к выводу, что Шота Руставели говорит о мечах, изготовленных из булатного материала (Tavadze 1967, 124-129). В частности, в тексте «Витязь в тигровой шкуре» можно встретить следующее: ჯაჭვ-მუზარადი ალმასი, ხმალი ბასრისა მჭრელით [jačv muzaradi almasi, xmalī basrisa mčrelit] (Kartuli... 1988, 280) — «кольчуга и шлем из алмаза, меч из басри, острый». Особо интересен следующий фрагмент, в котором говорится о том, что упомянутые в тексте поэмы сабли были такой прочности (твердости), что ხმალი რკინისა მოჰკრიან, ვით

ბამბის მკედსა სჭრიდობს [xmalı rkinasa mohkrian, vit bambis mkedsa sjridian] (Указ. соч.) — «саблей били по железу и разрезали его, как хлопковую нить».

В первой половине XII века грузинский поэт Саргис Тмогвели создает «Висрамиани», высокохудожественное прозаическое переложение поэмы персидского поэта Фахраддина Горгани «Вис и Рамин». При описании одного из боевых эпизодов в грузинской версии говорится: «Меч из басри был подобен синему облаку». Стоит отметить, что в персидском оригинале описание меча не имеет эпитета «синий» и фраза звучит так: «Индийский меч был подобен облаку» (Gvakharia 2001, 146). Очевидно, Тмогвели при переводе на грузинский язык сделал осмысленное художественное замещение данной фразы, и заменив «индийский меч» на «меч из басри», также добавил описание цвета клинка. Поскольку производство булата в Индии было хорошо известно грузинскому поэту переводчику, то сочетание «индийский меч», скорее всего, означало в его трактовке то же, что и «меч из булата» (с булатным клинком). Подчеркнув синий цвет меча, он тем самым отметил внешнее свойство поверхности клинка. Здесь же заметим, что в том же тексте в другом месте упоминается «индийское железо басри», что, без сомнений, означает индийский булат.

Немаловажно и следующее наблюдение. В грузинском переводе «Висрамиани» много раз встречается термин «басри», который в соответствующих фрагментах персидского оригинала представлен термином «фулад» (Kobidze 1965, 54). Очевидно, что в процессе работы Тмогвели употреблял распространенный в период его жизни грузинский термин, эквивалент персидского термина. В дополнение отметим, что в рассматриваемом творении встречаются и другие упоминания булата, в частности «наковальня из басри», а также «меч из басри, разрезающий кольчугу и шлем» (Visramiani 1962, 50, 163).

Термин «басри» встречается и во многих памятниках более поздних веков:

ა) ბასრი [basri] (Kilila... 1975, 415, 668; Qaramaniani 1965, 350, 433) — басри;

b) ხმალი ჩემი ბასრი არის, გაატყვიე, გამირბილე [xmalī cemi basri aris, gaatqvie, gamirbile] (Archili по (Kartuli... 1989, 443)) — сабля моя из «басри», преврати её в свинцовый металл, смягчи её;

c) ოსრის პირი ბასრისა იყო [isris piri basrisa iqo] (Orbeliani 1959, 59) — острие стрелы было из «басри»;

d) რაც რბილად ჰგონოს უმაგრდეს, ვით ბასრი წყალსა ნამყოფი [rac rbilad hgonos umagrdes, vit' basri ckalsa namqofi] (Vakhtang VI 1947, 41) — что покажется мягким, пусть затвердеет, словно «басри», в воде побывавший;

e) ბასრის ჰმალის. ბასრის მახვილი [basris ḥmali. Basris maxvili] (Laradze 1903, 465, 491) — сабля из басри, меч из басри;

f) ბასრით ქურვილი [basrit' čurvili] (Kilila 1975, 892) — в броне из басри;

g) ლახტი დიდის ვახტანგისა, ჰმალი მკუეთი, იგ ბასრული [laxti didis vaxtangisa, ḥmali mkuet'i, ig basruli] (Peshangi 1935, 10) — булава царя Вахтанга Великого, острая сабля из басри;

h) ბასრისგან უფრო მკვეთები [basrisgan up'ro mkvet'ebi] (Vakhtang VI 1947, 160) — более острый, чем басри и т. д.

Как мы уже упоминали, термин «басри» фиксируется во многих памятниках грузинского языка также и в значении «острый». Из контекста источников, приведенных далее, следует, что термин «басри» в них используется не в значении слова «стальной», а означает именно «режущий» или «острый»:

a) ხმალი ბასრი [xmalī basri] (Archili по (Kartuli... 1989, 438)) — сабля острая;

b) შუბი უჭირავს წურ ბასრი [šubi učiravs cuer basri] (Peshangi 1935, 181) — копьё держит с острым кончиком;

c) ხელთა ბასრი ნაჯახი უპყრია [xelt'a basri najaxi upqria] (Qaramaniani 1965, 472) — в руках он держит острый топор;

d) ბასრსა ხანჯალსა [basrsa xanǰalsa] (Указ. соч., 474) — острый кинжал;

e) მახვილი ბასრი და მეტად მჭრელია [maxvili basri da metad mčrelia] (Kvariani 2020, 115) — меч острый и очень режущий;

f) ხრმალი ბასრი [xrmali basri] (Besiki 1962, 128, 133) — сабля острая;

g) ბასრი ჯმალი, ბასრი მახვილი [basri ħmali. basri maxvili] (Laradze 1903, 241, 650, 728, 785) — острая сабля, острый меч и т. д.;

h) ბასრ მახვილ წვდილი [basr maxvil cvdili] (Laradze 1903, 491) — острым обнаженным мечом;

i) ბასრი ხმალი [basri xmalı] (Gabashvili по (Chubinovi 1863, 23)) — острая сабля;

j) ბასრი ლახვარი [basri laxvari] (Andronikashvili по (Указ. соч., 15)) — пика острая и т. д.

Рабочая, режущая часть рубяще-режущего оружия по-грузински называлась პირი [piri] — «клинок» («лезвие», «острие»). Для обозначения остроты или режущих свойств клинка существовал также и специальный термин «пирбасри», подчеркивающий остроту лезвия, например:

a) პირბასრი ისარი, პირბასრი ხიშტი [pirbasri isari, pirbasri xišti] (Rusudaniani 1957, 185, 289) — стрела, штык с острым лезвием;

b) ამოიწოდა პირბასრი ხმალი [amoicoda pirbasri xmalı] (Tmogveli 1897, 14, 17) — обнажил саблю с острым клинком;

c) პირ ბასრისა მახვილითა. პირბასრი დაშნა. პირბასრი შუბი [pir basrisa maxvilit'a. Pirbasri dašna. pirbasri šubi] (Laradze 1903, 120, 564, 702) — с мечом, с острым лезвием. Палаш с острым клинком. Копьё с острым наконечником;

d) ხიშტი პირბასრი [xišti pirbasri] (Shah-names... 1916, 413) — штык с острым лезвием;

e) პირბასრი ინდოური ხმალი [pirbasri indouri xmalı] (Shah-name 1934, 430) — индийская сабля с острым клинком;

f) პირბასრი შუბი [pirbasri šubi] (Kaikhosro 1937, 31) — копьё с острым наконечником и т. д.

Несмотря на то, что термин «басри» к XIX веку уже становится редко употребляемым словом, по данным некоторых деятелей XIX века (Qiriani 1882, 185) он все же сохраняет значение «булат». Однако в этот период для обозначения булата чаще встречается использование терминов «джавардени» и «полады».

В заключение раздела о термине «басри» отметим, что это слово встречается и в региональных грузинских языках и диалектах. Например, в западной Грузии «басри» используется в сванском языке для обозначения стали (Toruġia 2000, 302). Кроме этого, в Восточной Грузии, в горных регионах, известных как Хевсуретия и Пшавия, до недавнего времени это слово обозначало особо острую и хрупкую сталь или булат. Повсеместно в горах восточной части Грузии под «басри», параллельно с упомянутым значением, подразумевалось, в общем, что-то твердое, например, камень, скала (Shanidze 1984, 287; Iveria 1891, 2). Как видно, именно в отдаленных и потому менее подверженных языковым инновациям горных районах Грузии термин «басри» сохранился до наших дней в значении, характерном для древнегрузинского языка, в то время как в современном литературном грузинском языке термин «басри» утратил значение «сталь» и превратился в слово, несущее только одно значение — «острый».

«Джавардени». Известно несколько незначительно варьирующихся латинских транслитераций названий булата по-персидски, довольно удачно передающих оригинальное звучание: *fulad-e johardar*, *pulad-e gohardar*, *poulad jauherder*¹². Касательно грузинского термина «джавардени», для нас представляет интерес вторая часть персидского названия, происходящая от "jauher" — узор, имитирующий водную поверхность. Однокоренное к термину «джавардени» грузинское слово арабо-персидского происхождения

---

¹² «Фиринд в Хорасане называется джаухар, с последующим определением в родительном падеже от слова меч (джаухар меча)... Среди разновидностей джаухара имеются и такие, рисунок которых тонок, как муравьиная дорожка, и такие, рисунок которых груб и расплывчат, и в нем можно увидеть различные фигуры, какие возникают случайно из облаков или какие образует вода, растекающаяся по земле...» (Бируни 2011, 286-287); «Шарден в 1711 году приводит персидское название поулад джаухердер, с французским эквивалентом *acer onde*, что означает сталь с водяным узором» (Coze 2003, 117-127).

«джавари» использовалось во многих значениях, например: «драгоценный камень», «статность», «красота», «характер», «фамилия/клан» и т. д., в то время как морфологически родственный «джавардени» означает «булат» или «сталь», на поверхности которой отмечается зыбь, рябь, словно на поверхности воды.

Слова «джавари» и «цкал-джавари» [წყალო skali — вода] в XII веке использовали Чахрухадзе, Шавтели и даже Руставели (под стать красоте, оттенку, статности) (Kartuli...3 1988, 333, 361; Kartuli...4 1988, 103). Тем не менее мы не смогли подтвердить слово «джавардени» в значении «булат» в лексике раннего грузинского языка, вместо него использовалось слово «басри» и реже «полади». Что же касается непосредственно «джавардени», то этот термин вошел в грузинский язык, предположительно, в XVI - начале XVII века, когда грузино-иранские отношения в военной сфере перешли на новый этап.

Слегка озадачивает тот факт, что в толковом словаре Сулхана-Саба Орбелиани мы не находим термин «джавардени». Вероятно, в то время более привычными синонимами «джавардени» были «басри» и «полади». В то же время Сулхан-Саба поясняет термин «джавари» и предлагает нам его грузинский эквивалент – «цкалфери» [წყალო skali — вода, ფერი p'eri — цвет], «мохдомилоба» [მოხდომილობა mohdomiloba — изящество] (Orbeliani 1993, 449). И все же, несмотря на то что Сулхан-Саба по неизвестной нам причине не включил в словарь термин «джавардени», для него это определенно знакомое слово, что подтверждается отредактированным им текстом «Калила и Димна», например:

ა) შემკული ჯავარდენი ჯრმალია [šemkuli javardeni ħrmalia] (Kilila... 1975, 844) — украшенная сабля из джавардени;

ბ) ჩემს ლურჯსა ჯრმალსა ჯავარი აწნია ზღუათა ფერისა [č'ems lurjsa ħrmalsa javari acnia zġuat'a p'eria] (Указ. соч., 893) — на моей синей сабле нанесен «джавари» цвета моря.

В соответствии с толкованием Теймураза Багратиони¹³ «джавар по-арабски означает существо (создание), когда солнце окажется над водой, тогда оно начнет искриться» (Bagrationi 1979, 164). Далее автор поясняет читателю, что «джавари» — это естественное красивое изображение и узор на поверхности чего-либо. «...Железо, имеющее джавари, превосходит другое железо своими свойствами. Хорасанское железо по природе имеет джавари, то есть пестроту поверхности. Другое железо оно превосходит своей драгоценностью и прекрасностью» (Указ. соч.). По толкованию Багратиони, подобный узор характерен и для некоторых деревянных досок, например, кленовых или ореховых. Помимо «джавари», Багратиони также предлагает следующее определение однокоренного слова «джавароба» — волнистый, содержащий зыбь узор на поверхности лезвий самого лучшего и дорогого железного оружия, которым обладает, например, хорасанское железо, а также некоторые виды деревьев. Он также отмечает иностранное происхождение слова «джавари» и приводит его грузинский эквивалент — «джадраки» [ჯადრაკი *jadraki*]. Там же он упоминает и термин «цкалфери» (Указ. соч., 165).

По-видимому, в течение XVII века слово «джавардени» в значении «особая сталь» или «булат» постепенно входит в обращение и уже довольно часто начинает упоминаться в текстах XVIII века, например: ხმალის ერტყა ჯავარდენი [xmalis ertqa javardeni] (Gabashvili по (Chubinovi 1863, 24)) — опоясан (он) был саблей из джавардени.

Также в списках вещей царя и местной аристократии фигурирует булатное, то есть оружие из джавардени, например:

а) в списке 1711 года: შუბის პირი ჯავარდენი, მოუჭედელი დანა ჯავარდენი [šubis piri javardeni, moučedeli dana javardeni] (Sakartvelos... 1909, 289) — наконечник копья из джавардени, неукрашенный нож из джавардени;

б) в списке 1792 года: ჯავარდენი დანა [javardeni dana] (Berdzenishvili 1955, 246) — нож из джавардени;

---

¹³ Багратиони, Теймураз (1782-1846) — учёный-кавказовед, сын грузинского царя Георгия XII.

с) в списке вещей, принадлежащих царю Ираклию: მონაქრის ხმალ-ჯავარდენი [minakris xmal javardeni] (Указ. соч., 275) — эмалированная сабля из джавардени; царю же принадлежашее: «Эмалированная сабля из джавардени, украшенная своими же подвесками и пряжками; наручи из джавардени со своими кольчужными рукавицами и застежками. Не хватает двух маленьких застежек, оборвались на войне» (Указ. соч., 285);

д) в списке 1799 года: ჯავარდენი ხანჯლის შვილი შინმაის ტარიოთ [javardeni xanjlis svili, širmais tarit'] (Указ. соч., 301) — нож из джавардени, помещаемый в кинжальные ножны;

е) в списке 1801-1806 годов: две сабли — одна украшена по-имеретински, из джавардени, вторая шашка украшена незатейливо. Шлем из джавардени (Указ. соч., 386);

ф) ხმალი ყიზილბაშური ჯავარდენისა, ოქროს ზარნიშიანი, თეთრ ტარიაბი [xmalı qizilbaşuri javardenisa, ok'ros zarnišiani, t'et'r tariani] (Указ. соч., 492) — кызылбашская сабля из джавардени, с золотой насечкой, с белой рукояткой и т. д.

Для грузинских авторов XIX века «джавардени» — это уже популярное слово для обозначения булата. Например, профессор грузинской словесности Давид Чубинашвили (Чубинов) определяет «джавардени» в значении «булатная сталь» и указывает его французский синоним *acier de damas* (Chubinovi 1840, 685). «Джавардени — разноцветная волна, сверкающими полосами по стали, булат» (Chubinovi 1887, 1763).

Заметим, что в городской тбилисской речи термин «джавардени» обозначал узор булата на клинке (Grishashvili 1997, 294). Употребление термина «джавардени» в форме «джвардани» и «джавардани» было также зафиксировано в результате этнографических полевых исследований в южной области Грузии — Месхетии, где этот термин означал специально изготавливаемую сталь для производства боевого оружия. Согласно традиции сталь эту изначально изготавливали только лазы, от которых в дальнейшем турки и переняли это ремесло (Rekhviashvili 1964, 201-202). В то же время в Тушетии и Пшавии, горных районах северо-восточной Грузии, засвидетельствовано использование слова «джавари» для обозначения узора на поверхности дерева и же-

леза (Shanidze 1984, 472), что прямо соответствует древнегрузинскому значению. В диалектах Западной Грузии также встречается использование этого термина для обозначения узора на поверхности деревянной доски (Avaliani 2004, 23).

«Полади». Именно термин «полади» проник в древнегрузинский язык и, прочно войдя в обиход, впоследствии сохранился в современном литературном языке с общим значением «сталь».

О происхождении термина «полади» много написано. Заимствованием из персидского является также русское *bulat*, армянское *polovat/polopat*, осетинское *bolat*, турецкое *fuladh*, монгольское *bolot*, курдское *pola/pila*, арабское *fuladh*, среднеперсидское *pulafat* и т. д. (Rybatzki 1999, 61; Feuerbach 2007, 382). Этимологию этого слова объясняют по-разному, в том числе выводя его происхождение из санскрита (Указ. соч., 382-384), однако наиболее достоверным должно быть толкование Г. Меликишвили, который термин *Pulad* связал с названием страны *Puluad*, упомянутой в клинописной надписи, найденной на территории современного Иранского Азербайджана. Примечательно, что страна *Puluad*, располагавшаяся в северной части Ирана, была известна именно своими богатыми месторождениями железной руды (Меликишвили 1968, 122-127). Таким образом, по мнению Меликишвили, иранский термин «пулуад» («полават, полапат») произошел от названия древнего североиранского округа *Puluadi*. В то же время, по собственному замечанию ученого, если принять во внимание, что клинопись могла передать «u» как «o», то при произношении слово *puluadi* может звучать как *poloadi*, что идентично более древним среднеперсидским и армянским формам этого термина — *polovat/polopat*.

Вопрос о том, когда термин «полади» закрепился в грузинском языке, пока остается открытым, однако заметим, что данное слово использовал деятель XII века Иоанн Шавтели («Абдул-Мессия») (Kartuli...3 1988, 325). Сулхан-Саба Орбелиани полагал, что это слово пришло из иностранного языка, и указывал его грузинский аналог — «басри» (Orbeliani 1991, 97). Отметим, что термин «полади» особенно часто встречается в литературных памятниках позднего средневековья:

- a) ფოლადებრ [p'oladebr] (Vakhtang VI 1947, 8) — как полад;
- b) ფოლადის ბასრის რკინით შეჭურვილია [p'oladis basris rkinit' sečurvilia] (Rusudaniani 1957, 289) — бронирован железом из басри полада;
- c) კარი ბასრისა ფოლადისა [kari basrisa p'oladisa] (Tmogveli 1897, 18) — врата из басри полада;
- d) ფოლადის პირი ამოიღო, ხანჯლით გვერდი შეუხია [p'oladis piri amoigo, xanjlit' gverdi šeuxia] (Указ. соч., 28) — достал поладный клинок, кинжалом разорвал ему бок;
- e) სრულად ბასრითა ფოლადითა შეჭურვილი იყო [srulad basrit'a p'oladita sečurvili iqo] (Laradze 1903, 450) — был полностью покрыт из басри полади;
- f) ლბილისა გამსალებელსა, ფოლადის დამადნობელსა [lbilisa gamsalebelsa, p'oladis damadnobelsa] (Archili по (Kartuli... 1989, 469)) — в его руках мягкое затвердеет, «полади» расплавится;
- g) ხელთა შინა მჭედელთასა ფოლადიცა მორბილობდეს [xelt'a šina mčedelt'asa p'oladic'a morbilobdes] (Archili 1936, 101) — в руках кузнеца и полади размягчится;
- h) შვიდკეცი ფოლადის ფარი მკერდსა იფარა [švidkeci' i p'oladis fari mkerdsa ifara] (Qaramaniani 1965, 407) — закрыл грудь семислойным щитом из полади;
- i) ფოლადის ჯაჭვი, ფოლადის ლახტი, ფოლადის სამკლავე [p'oladis jačvi. p'oladis laxti p'oladis samklave] (Указ. соч., 470, 313, 598) — кольчуга из полади, булава из полади, наручи из полади;
- j) ფოლადისა ჯაჭვითა და იარაღითა შეჭურვილი [p'oladis jačvit'a da iaragit'a sečurvili] (Указ. соч., 485) — оснащён кольчугой и оружием из полади;
- k) ფოლადი [p'oladi] (Tfileli 1939, 13; Gorgijanidze 1925, 214; Besiki 1962, 71, 85) — полади и т. д.

В начале XIX века Юлиус Клапрот¹⁴ посещал Тифлис и, вероятно, на месте собирал лингвистические материалы. В собранных им образцах грузинского разговорного языка в качестве синонима «полады» употреблено «джавардени», то есть автор понимает его в значении «булат» (Klaproth 1814, 121, 127). Точно так же Давид Чубинов интерпретирует одно из значений «полады» как булат (Chubinovi 1840, 507). Николай Давидович Чубинашвили также использовал термины «джавардени» и «полады» для объяснения значения слова «булат». При этом «полады» он использовал также для объяснения значения слова «сталь» (Chubinashvili 1971, 87, 515).

Важно отметить, что помимо литературного языка, термин «полады» встречается и в грузинских диалектах, в частности в мегрельском и в сванском языке. В сванском языке зафиксированы формы «полад» и «полед» [(Toria 2000, 1715). В мегрельском — «пуланди» (Kobalia 2010, 629). В регионе Хеви (Восточная Грузия) принята другая форма этого слова — «полоти» (Shanidze 1984, 413).

«Алмаси». Для обозначения стали особо высокого качества в грузинском языке использовалось слово «алмаси», которое также употреблялось в различных прямых и переносных значениях, например: «драгоценный камень», «блестящий», «крепкий», «драгоценный», «особо острый» и т. д. Истоки грузинского «алмаси» через связь с арабским «алмас» и греческим «адамас» ведут к периоду античности. Древнегреческие и римские авторы использовали форму «adamas», которая впоследствии распространилась в различных европейских языках в форме «diamas», «demant», «adamant» и т. д. В классической греческой мифологии слово «адамас» употреблялось во многих смыслах, в том числе в значении «драгоценный камень-алмаз», а также для обозначения особо твердой стали и вообще твердых предметов (Магазин... 1852, 620-621).

В целом, осмысленная связь алмаза со сталью была характерна не только для авторов античного мира, но и для средневековой Европы и Средней Азии, а также Китая (Laufer 1915, 28-34). Как античное наследие, использование слова «адамас» в значении «сталь» неизбежно встречается в религи-

---

¹⁴ Клапрот, Юлиус (1783-1835) — немецкий востоковед, путешественник и полиглот.

озных произведениях и толкованиях Евангелия, в частности, в качестве примера можно привести анонимное средневековое религиозное произведение XIII века: «Summa virtutum de remediis anime» (Summa... 1984, 117)¹⁵.

В этой связи необходимо упомянуть существующее мнение о том, что термин «дамасская сталь» (Damascus steel) в европейской традиции вовсе не связан с городом Дамаск, а образован от древнегреческого слова «адамас», что кажется вполне логичным. В пользу этой гипотезы говорит также и тот факт, что так называемая «дамасская сталь» в больших количествах производилась в Европе. Слово «адамант» как производное от «адамас» в разных вариациях известно в Европе с древних времен непосредственно в значении «сталь» и, по-видимому, отражает связь между твердостью алмаза и стали, передающей свои качества сделанному из него оружию. Например, «адамантной» (от слова «адамас») в древнегреческих мифах называют особую, серую по цвету сталь, сотворенную богиней Геей для создания легендарного меча Харпе. Согласно мифам, это оружие часто используется богами, титанами и героями, например, Персей получает Харпе от бога Гермеса, чтобы иметь возможность отсечь голову Медузе Горгоне (Vane 2020, 9-10)¹⁶.

В памятниках древнегрузинского языка эта корневая морфема встречается в разных формах, например, в рукописях IX-X веков можно найти «адама», «адаманти», «адамати», «андаматиа», «адаматине» (Abuladze 1973, 2). Сулхан-Саба Орбелиани также считает «алмаси» и «адаматине» синонимами (Orbeliani 1991, 47). Давид Чубинов поясняет: «აბჯჯაბჯჯო — (gr.

---

¹⁵ Adamas fuit in passione — Ysidorus: "Adamas dicitur quasi indomita vis" — "quando posuit faciem suam ut petram durissimam," Ysaie I, idest, quasi insensibilem fecit ad penam. Et sicut adamas trahit ferrum, ita dorus et obstinatos trahit ad fidem.

Перевод: «В своих испытаниях он был как сталь — Исидор: Ибо сталь, как известно, обладает неукротимой силой (indomita vis) — "когда он обратил лицо свое как самый крепкий из камней, (Исайя, 50), что означало он как бы стал нечувствительным к боли. И подобно тому, как стальной магнит притягивает железо, так же и он (Христос) привлек жестких, упрямых и упорных мужчин к вере».

¹⁶ "Adamantine, a mythological substance ...In classical Greek mythology, adamantine was the metal created by Gea and used to make the grey-colored Harpe..."

Перевод: «Адамантин, мифологическая субстанция. В классической греческой мифологии адамантин — это металл, сотворенный богиней Геей и использованный для создания Харпе (имя собственное меча), отличавшегося серым цветом.

ἀδάμας) адамантъ, алмазь *diamant, pierre precieuse*» (Chubinovi 1840, 21). «Андамат» в значениях «крепкий» и «драгоценный камень-алмаз» приводится в памятниках XII века: «Витязь в тигровой шкуре» (Kartuli...4 1988, 276), «Абдул—Мессия» (Kartuli...3 1988, 324, 341), «Висрамиани» (Visramiani 1962, 274). Также в памятниках более позднего периода, например:

a) ვერა ხედავ, ანდამატის ბრპენი არის გამხვრეტელი [vera xedav, andamatis brpeni aris gamxvreteli] (Archili 1936, 100) — разве ты не видишь, свинец пробивает «андамат»;

b) ანდამატის უმაგრე [andamatis umagre] (Vakhtang VI 1947, 38) — крепче андамата;

c) მტკიცე ანდამატი [mtkic'e andamati] (Archili 1936, 218) — прочный «андамати»;

d) უკვირდა მათ კაცთა ჩემი მეომრობა მისთანა და იძახდეს: ეს კაცი ქვა არის, ანდამატის ქვისაგან გამოკვეთილი [ukvirda mat kact'a č'emī meomroba da ijaxdes; es kaci k'va aris, andamatis k'visgan gamokvet'ilio] (Rusudaniani 1957, 189) — те мужчины дивились моему боевому мастерству и говорили: этот человек — камень, высеченный из камня «андамати»;

e) სიმტკიცე ანდამატს [simtkic'e andamats] (Besiki 1962, 85) — прочность андамата и т. д.

Впрочем, «Андамат» употребляли и в значении «магнит», например:

a) ანდამატს რკინას არიდებ, კაჟმა ვით მიიკაროსა? [andamats rkinas arideb, kajma vit' miikarosa] (Vakhtang VI 1947, 126) — андамат убережешь с железом, как к нему прилипнет кремень;

b) ანდამატისებრ მიმიზიდავ [andamatisebr mimizidav] (Besiki 1962, 37) — ты притянешь меня к себе, как андамат и т. д.

В результате анализа письменных источников мы приходим к выводу, что термин «алмасы» в грузинском языке употреблялся не только в значении «драгоценный камень». Он также может обозначать высококачественную оружейную сталь (дамасская сталь или булат), отличавшуюся особой твердостью и режущими свойствами. При этом слова «андамати» и «алмасы» одновременно существовали в грузинском языке, хотя именно «алмасы»

использовали для обозначения стальных изделий и камня-алмаза, а «андамати» — более для обозначения драгоценного камня-алмаза, а также в значениях «магнит» и «крепкий». В источниках «алмаси» часто представлен вместе со словом «басри».

У Шота Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре» есть следующий фрагмент: «кольчуга, шлем, алмаси, сабля из басри, острая» (Kartuli... 1988, 280). Комментаторы поэмы везде считают «алмаси» драгоценным камнем, а также трактуют его в значении «крепкий» («прочный») и «твердый». Однако, если внимательно присмотреться к другим отрывкам поэмы, то мы находим примеры, анализ которых подвергает вышеприведенную однозначную трактовку некоторому сомнению, например, у Руставели приведено следующее предложение в связи с выносливостью сердца: გული ალმასი, წითობილი [guli almasi crt'obili] (Указ. соч., 68) – сердце алмас, закаленное. Очевидно, что если бы здесь имелся в виду драгоценный камень алмаз, то его было бы невозможно закалить. Или же: გული ალმასი შავმან წამწამან დაღა რად [guli almasi šavman samcamman dağa rad] (Указ. соч., 149) – почему сердце алмас заклемила черная ресница. Если и в этом сравнении имеется в виду драгоценный камень, то непонятно, как этот камень может быть заклеимен горячим способом, ведь დაღვა [dağva] «клеимение» на грузинском языке означает именно нанесение изображения на раскаленный металл или нанесение изображения раскаленным металлом.

Трактовать «алмаси» как специальную оружейную сталь (с высокой вероятностью булат) позволяет разбор и других многочисленных примеров из письменных памятников:

а) ალმასის და ფოლადის [almasis da p'oladis] (Shah-names... 1974, 370) — алмаса и полада;

ბ) ალმასის ქლიბი ნაწრობი [almasis k'libi nact'obi] (Shah-names... 1916) — каленый напильник из алмаса;

გ) ალმასის დანა მოლესეს [almasis dana moleses] (Gvakharia 1968, 98) — нож из алмаса заточили;

- d) ალმას ბასრი გალესული [almas basri galesuli] (Archili 1936, 272) — алмас сталь (басри) наточенный;
- e) ალმასის დანა [almasis dana] (Peshangi 1935, 75) — нож из алмаса;
- f) დანა ალმასისა [dana almasisa] (Teimuraz I по (Kartuli... 1989, 311)) — нож из алмаса;
- g) ალმასისა დანა ტარით [almasis dana tarit] (Teimuraz I по (Указ. соч., 312)) — нож из алмаса с рукояткой;
- h) ალმასის ხრმალი ქარქაშში [almasis xrmali k'ark'ašši] (Rusudaniani 1957, 147) — сабля из алмаса в ножнах;
- i) პირი ყველას ალმასისა ჰქონდა [piri qvelas almasisa hkonda] (Указ. соч., 306) — лезвие (клинок) у всех был из алмасы;
- j) ალმასის მახვილები [almasis maxvilebi] (Указ. соч., 294) — мечи из алмасы;
- k) ალმასის ცულით [almasis c'ulit'] (Указ. соч., 546) — топором из алмасы;
- l) ალმასის ბასრი ხმალი და ხანჯალი [almasis basri xmalı da xanjali] (Qaramaniani 1965, 311) — острая сабля и кинжал из алмасы;
- m) ალმასის ბასრი ნაჯახი [almasis basri najaxi] (Указ. соч., 359) — острый топор из алмасы;
- n) ალმასის ლახტი [almasis laxti] (Указ. соч., 671) — булава из алмасы;
- o) ჯაჭვი ნახა, სრულიად ალმასით იყო შეთხზული [jačvi naḥa, srulad almasit iqo šet'xzuli] (Указ. соч., 671) — он нашёл кольчугу, она была сделана полностью из алмасы;
- p) ალმასისა ფარი [almasisa p'ari] (Shah-names 1974, 581) — щит из алмасы;
- q) პირ ალმასის ორპირის ხანჯლით [pir almasis orpiris xanjlit'] (Tmogveli 1897, 16-17) — с лезвием из алмасы, с обеих сторон наточенным кинжалом;

რ) ალმასის ბასრი ლახვარი [almasis bastri laxvari] (Andronikashvili по (Chubinovi 1863, 18)) — острая пика из алмасы и т. д.

В церкви, находящейся в селе Мацхвариши в Сванетии, среди предметов, пожертвованных церкви в разные века, хранилась булава, пожертвованная в позднем средневековье неким Бежаном Робакидзе. Сохранилось описание этой булавы, сделанное в 1864 году, в нем говорится, что она (булава) сплошь покрыта надписями, среди которых — стихотворение, обращенное к булаве, первая строфа которого такова: «Красивой внешности, в сердцевине "алмазное железо"» (Takaishvili 1937, 361).

Здесь также следует отметить, что «алмасы» в грузинском языке ещё используется и как синоним следующих слов: «твердый», «очень острый», «сверкающий». Часто в памятнике специально подчеркнуто, что то или иное оружие подобно алмасы:

ა) ალმასის ისარივით [almasis isarivit'] (Rusudaniani 1957, 182) — алмазной стрелой;

ბ) დავიწოდეთ ალმასის ფერი ხლმები [davicodet' almasis p'eri xlmebi] (Указ. соч., 291) — мы достали сабли подобно/цвета алмасы;

ც) ალმასის ფერი შუბი [almasis p'eri šubi] (Shah-names 1974, 545) — копье подобно/цвета алмасы;

დ) ალმასის მსგზავსი ჰმალი [almasis msgzavsi hmali] (Указ. соч., 560) — сабля подобно алмасы;

ე) ლახვრები... მკუეთი, ალმასის ფერია [laxvrobi... mkuet'i almasis p'eria] (Kvariani 2020, 115) — копья... острие, подобно/цвета алмасы и т. д.

Термин «алмасы» присущ и другим языкам картвельской группы, в сванском, например, «алмас», «алсми»: ალსმი კადოლ, ალსმიმ წირგლდ, ალსმიმ ჯაყულდ [alsmi kadol, alsmiš cirld, alsmiš jaquld] (Topuria 2000, 58, 569) топор из алмасы, молот из алмасы, нож из алмасы. А в мегрельском, кроме собственно термина «алмасы», есть ещё выражение «алмасирали», что означает «уничтожитель», «сокрушитель» (Kobalia 2010, 33), что мы можем рассматривать как термин, связанный с действием лица, обладающего особым статусом и вооруженного острым оружием.

Отметим, что связь между железом и алмазом оказалась не просто метафорична. К такому заключению приводит знакомство с некоторыми научными открытиями, совершенными в результате исследований в области металлургии во Франции, Германии, Швейцарии, США, России и других странах в период XIX-XX вв. Известный французский химик Анри Муассан получил кристаллы искусственного алмаза путем обработки чугуна. Над упомянутым вопросом работал известный русский металлург Дмитрий Константинович Чернов, подготовивший специальный доклад «О кристаллах алмаза и карборунда в стали» (Мезенин 1977, 93-96). Интерес в этом направлении не ослабевал и в последующем. Коллектив авторов Рыжиков А. А., Соломко В. П., Дорофеев Г. А. при специальной обработке чугуна смогли получить кристаллы алмаза и оформили авторское свидетельство на производство искусственных алмазов. Появление кристаллов алмаза в структуре булата и булатной стали описывает известный практикующий кузнец-оружейник, исследователь булата Вячеслав Иванович Басов, который так характеризует новый сорт стали, полученный в 1974-1975 годах в Донецком политехническом институте под руководством Генриха Дорофеева: «Всю жизнь варил и булаты, и дамасские стали, перековал все современные стали и сплавы, но ничего лучшего я не видел. На сегодняшний день лучшего, нового уже ничего не придумаешь. В этом процессе все виды кристаллизации, неоднородное строение металла, плюс алмазная структура, что и в лучших булатах» (Басов 1991, 16-23).

Не углубляясь далее в тему образования кристаллов алмаза в булате и дамасской стали, заметим, что упомянутые открытия реальной структурной связи между железом и алмазом придают особое звучание старинным метафорам и сравнениям, почерпнутым нами из фольклора и древних текстов.

Дополнительные термины из источников XIX-XX вв.

Наиболее ценная информация содержится в «Докладной записке полицмейстера Минченко барону Розену» от 8 января 1832 года, где речь идет о сведениях, предоставленных полицмейстеру оружейным мастером Караманом Элиаровым. Согласно документу Элиаров передал полицмейстеру Мин-

ченко не только рецепт изготовления дамасской стали, но и наименования булатов: кара хорасань, кара табань, хорасань, табань, нейрись, Лахори, Хинди, Кум хинди, Кум галка, Кузмынь, Шамь, Стамбуль, Тарс меймунь¹⁷ (Акты 1881, 189).

Основная часть содержащихся в записке названий совпадает с наименованиями, распространенными в известных тогда центрах производства булата. Сам по себе этот факт уже является доказательством того, что тифлиские мастера хорошо знали булат, и что вышеупомянутая терминология была распространена в Тифлисе в соответствующий описываемым событиям период.

Помимо литературных источников, рассмотренные нами термины «басри», «полади», «джавардени», «алмаси» фиксируются также и в этнографических исследованиях. Кроме этого, в этнографическом наследии Грузии сохранилось много терминов, которые до сих пор не идентифицированы в литературных памятниках. Необходимо отметить и то, что региональные термины, связанные с металлургией, не отображены во всей полноте в существующих на сегодняшний день этнографических материалах. Мы допускаем, что более точная информация и последующий анализ позволили бы определить в соответствующих материалах конкретные типы стали.

Получение дамасской стали путем сварки различных видов железа и изготовление из нее различных предметов было очень распространено в Грузии. Всем известны характерные для дамасской стали различные узоры на тифлисском и аджаро-гурийском оружии XVIII-XIX веков.

Однако по мере того, как снижался ранее массовый спрос на холодное оружие и оно теряло свою актуальность, семейные и артельные кузнечные предприятия постепенно перепрофилировались на производство исключительно бытовой продукции и сельскохозяйственных орудий. За редким ис-

---

¹⁷ Судя по этнографическим материалам XIX века и музейным собраниям, на Северном Кавказе были хорошо известны клинки "Терс маймун" или "Терс-маймал" (он же "Волчок"), которые, однако, булатными не являются. Вопрос о том, какая связь может быть между булатом, упомянутым Караманом, и названием клинка на Северном Кавказе, требует дополнительного исследования и в данной статье рассматриваться не будет.

ключением, практические навыки и технологические знания процессов литья иковки дамасской стали предавались забвению и переходили в статус преданий, в то время как соответствующие им термины теряли свое значение и забывались. Тем не менее в этнографической действительности всё-таки зафиксирован ряд специфических слов, которые не только отражают технологию получения дамасской стали, но и отображают разновидности стали и ее обработки. Автор данной статьи готовит к изданию отдельную работу, посвященную именно традиционным способам получения стали.

Здесь же приведем несколько примеров кузнечных терминов, отображающих процессковки: ზრუნებოთ მოქნა [brunebit' mokna] изгибать (формировать) кручением, კეცილად კვერვა [kecilad kverva] ковать со складыванием, გაშუალებოთ დაფოლადება [gašualebit' dap'oladeba] вваривать стальной сердечник (Rekhviashvili 1964, 108) и т. д. Почти во всех районах Грузии до недавнего времени сохранялся и особой популярностью пользовался «гашуалебит даполадеба», под которым подразумевался способ изготовления режущего оружия, когда в середину железного материала вставлялся стальной сердечник и слои сваривались вместе. Именно так в древности изготавливали большинство режущих предметов. Такие заготовки получили название «гулполадиани» [guli — сердце, сердцевина, Poladi — сталь] (Указ. соч., 184). При сварке этим методом стальную пластину располагали посередине между железными пластинами. Таким же образом изготавливались кинжалы. В этом методе режущую кромку создавал вставленный посередине и приваренный слой стали (Masalebi...1992, 195).

Различали следующие типы железа: «поладиани ркина» и «полади ркина», первый из них добывали непосредственно из руды, а второй – искусственно, то есть ковкой (Rekhviashvili 1964, 109).

Существовал и более сложный метод, предписывающий сварку многих слоев, например, 10-15 слоев стали, ввезенной из Турции, сваривали вместе, а затем сохраняли как материал для вставки в сердцевину режущего оружия (Указ. соч., 110), при этом практиковали и повторяющийся несколько раз перегиб, и складывание материала заготовки, нагреваемой в процессековки (Masalebi...1992, 156).

«Наначи ркина» [ბაბაჯო რკობა, nanaši rkina]. Как считает Рехвиашвили, термин «наначи» должен происходить от глагола «начва», что означает «скручивание», тогда как по-мегрельски «начва» значит «толчение» и «скручивание», а также «раздавливание» (Rekhviashvili 1964, 128). Существовали разные методы получения «наначи ркина». По одному из правил старый железный лом сначала измельчали, а затем смешивали с некоторым количеством железного шлака, железной руды и уже затем изготавливали. Существовали также разные способы сварки материалов железного лома между собой и получения единой массы. Например, в Сванетии железный лом связывали вместе и тщательно обмазывали глиной, чтобы при нагревании в печи железный лом не имел контакта с воздухом. Если же глиняная оболочка трескалась, ее снова обмазывали глиной и возвращали в огонь. По завершении процесса сваренный материал извлекали из глины и затем ковали на наковальне, превращая в единую массу. Этот процесс называется ლემნჭ'ხინე [lëmnč'xine] (Akhalkatsi 2000, 188-190). Помимо Сванети, подобный метод был также распространен в Мтиулету и Картли (Masalebi...1992, 176-177).

«Налфара» (варианты: «ламфара», «нафура») [ნალფარა, ლამფარა, ბაფურა nalp'ara, lamp'ara, par'ura]. Этим термином называли металл, полученный путем сварки между собой старых подков или гвоздей. Например, согласно полевым материалам, записанным в Картлии, этот метод состоял из следующих действий: от 40 до 60 подков послойно приваривали друг к другу и таким образом получали рабочий материал (Указ. соч., 156; Rekhviashvili 1964, 130). В период СССР из стали, получаемой этим методом, в основном изготавливали серпы. В более ранний период из той же стали, сваренной из подков, производилось боевое клинковое оружие. Так, Караман Элиаров для изготовления клинков сабель использовал грузинские подковы (Акты... 1881, 191). В Кутаисской губернии также был распространен метод изготовления кинжальных клинков из старых подков (Пиралов 1900, 45). Следует отметить, что «налфара» — это также название одного из типов ружей, производившихся в Аджаро-Гурийском регионе. Ствол такого ружья изготавливался именно из дамасской стали (Лисовский 1887, 117). По-видимому, такое ружье тоже изготавливалось с использованием старых подков, поэтому и получило

такое название. До 80-х годов XIX века в Кобулети (район Нижней (Квемо) Гурии) сохранялось старинное ружье с надписью: «Налфара вар накеби, Соломон мепис нахлеби» (Chqonia 1910, 37). В русском переводе: «Я, "налфара" хвалёный, царя Соломона сопровождающий».

Заслуживает внимания и то, что в списке вещей царской невесты Кетеван Церетели, составленном царским сыном Иоанном Батонишвили в 1801-1806 годах, упоминаются наручи из «ланфары» со своими кольчужными рукавицами (Berdzenishvili 1955, 386). С большой вероятностью здесь речь идет именно о дамасской стали.

«**Начди ркина**» [ბაჭყალი რკინის ნაჭდი rkina]. Метод, распространенный в горной Раче и горных районах Имеретии. Для получения «начди ркина» собирали подтеки в виде шариков, образующиеся вместе со шлаком при выплавке железа, а затем добавляли чугун и пепел, выпадавший при ковке расплавленного железа. Эту массу дважды переплавляли, причем массу, полученную после первого переплава, хорошо вмешивали в общую массу и затем возвращали в печь. Материал, полученный в результате этого процесса, называли «начди ркина» (Rekhviashvili 1964, 129).

«**Тобартини**» [ტობარტინი tobart'ini]. По материалам, зафиксированным в Земо Рача (Верхняя Рача), так называли вид инструментальной стали, из которой изготавливали клинки сабель, кинжалов, ножей и наконечники копий. «Тобартини» имел темно-черную поверхность и не ржавел (Rekhviashvili 1964, 188). О том, что именно собой представлял этот металл, судить сложно, возможно имеется в виду какой-либо вид булата, например, «табани» или «каратабани», как предполагал ещё Нико Рехвиашвили.

«**Тасмагули**» [თასმაგული t'asmaguli]. По материалам, записанным профессором Юрием Сихарулидзе в 1950-е годы в Гурии¹⁸, узор дамасской стали в сердцевине аджаро-гурийских кинжалов назывался «тасмагули», что

---

¹⁸ Особая благодарность автора ныне покойному профессору Юрию Сихарулидзе, в свое время предоставившему возможность пользоваться его архивом. Вышеуказанные сведения хранились в материалах, собранных им в Гурии, в Чохатаурском районе, в долине реки Губазеули. К сожалению, незадолго до подготовки данной статьи к публикации профессор Сихарулидзе скорпостижно скончался.

является комбинацией, состоящей из двух слов («тасма» – веревка, то есть плетеный(-ая), и «гули» – сердце, сердцевина).

«**Хвараснули ркина**». В Восточной Грузии также зафиксирован термин «хвараснули ркина» (железо из Хорасани) (Vaja-Pshavela 1964, 273), которому, очевидно, соответствует персидский булат. «Хороснули хмали» (хорасанская сабля) (Указ. соч., 62). По материалам, записанным в Кизике, существовал и «хороснис намгали» (хорасанский серп) (Masalebi...1992, 166), который, очевидно, означал предмет, изготовленный из хорасанского булатного материала, однако рассказчики уже не помнили, как он выглядел и что представлял собой. То же самое следует сказать и о зафиксированной в Мтиулету «спарсули полади» (персидской стали), которая, вероятно, также относится к одному из видов булата (Указ. соч., 177).

В горном регионе Мтиулету местные кузнецы использовали следующие термины для отображения разных свойств или типов стали: «басри», «шанари», «чанари» и «халди». «Чанари» и «халди» гораздо легче поддавались выделке, а «басри» и «шанари» были очень хрупкими. Стоит отметить, что общеупотребительное название стали «чнар» зафиксировано и в Сванетии. Учитывая такое общегрузинское распространение термина в купе с упоминаниями о производстве стали лазами (чанами), вполне можно предположить, что термин «чанар» происходит от «чани» — грузинского наименования лазов, народа мегрело-занской (колхидской) группы картвельской языковой семьи. Именно так полагал Рехвиашвили (Rekhviashvili 1964, 199).

Необходимо коснуться и возможной связи между общими терминами, обозначающими сталь, встречающимися в дагестанских языках, и приведенными уже грузинскими наименованиями различных сортов стали, ранее бытовавшими в нагорье Восточной Грузии. Например, лакское наименование стали — «чанан» фактически является созвучным термину «чани». В арчинском языке близким термином к грузинскому «шанари» видится «шанал», а довольно близким к «халди» предстает цахурское название стали — «хандан», агульское «халдан», ругульское «хилдан» и т. д. (Erckert 1895, 132). Привлечение ученых лингвистов из Дагестана возможно позволит расширить анализ данных терминов.

В Сванетии, наряду с общими терминами «полады» и «басри», сталь также называли «курч» [ყურჩ *qurč*], что вероятно было термином, пришедшим из турецкого языка (Rybatzki 1999, 57). Согласно этнографическим материалам по Сванетии, существовал термин «лихне курч», означавший расплавленную сталь. Также в Сванетии и в районе Эрцо-Тианети был распространён термин «чалики», который также употребляется и в турецком языке, хотя происхождение его неизвестно (Указ. соч., 59). В Гурии сталь называли «чарити», а в Кизике «тчали ркина» (Rekhviashvili 1964, 199).

«**Бацараули**» [ბაწარაული, *basarauli*]. В среде современных грузинских ремесленников и коллекционеров распространён термин «бацараули» (от слова «бацари» — плетеная веревка), которым обозначают дамасскую сталь. В литературных источниках XIX-XX веков этот термин встречается как название сабли высокого качества (Vaja-Pshavela 1964, 42), однако не уточняется, из какой стали эта сабля сделана. Необходимо подчеркнуть, что во всех найденных нами источниках, связанных с горными районами Восточной Грузии и упоминающих «бацараули», речь идет именно о сабле, а не о стали. Следовательно, пока открытым остается вопрос, действительно ли дамасская сталь в древней Грузии называлась «бацараули».

«**Иамани**» [იამანი, *Iamani*]. Другой интересный термин, заслуживающий внимания, — «иамани», сохранившийся в горном регионе Восточной Грузии, Хевсурети. Старейшины хевсуры, исполнявшие роль служителей культовых святилищ, подчас во время исполнения ритуалов использовали так называемый «язык святилища», состоявший из кодированных слов и предложений. Так, на «языке святилища» холодное оружие, а точнее меч, называлось «иамани». Интересно то, что упомянутый термин в точности соответствует старогрузинскому названию Йемена — известного центра производства мечей из булата и дамасской стали («Йемен» по-арабски — Ал Йаман). Аль-Кинди называет Йемен одним из основных мест производства мечей и высоко оценивает йеменские мечи и методы производства стали (Hoyland 2012, 19, 27-33). Согласно Аль-Бируни, известные йеменские мечи назывались «йаманийа» (Бируни 281, 286). В древнегрузинских письменных источниках мы не встретили слово «иамани» в значении «меч» или «сталь». Термин «иа-

мани» в них употребляется только в значении «страна». Например, в «Амирандареджаниани» указано: «...мы были в большом караване, шедшем в Йемен (в оригинале «Иамани») из города Басри» (Chveni... 1960, 321). «Иамани» в старогрузинских текстах также относится к полудрагоценному камню, который, вероятно, добывался в Йемене: «...колонны балкона были все золотые, украшены эмалью, а перила из всего иамана и бирюзы» (Rusudaniani 1957, 216). «Иамани» также является мужским именем в древних источниках и фольклоре.

Несмотря на то, что термин «иамани» в значении «меч» или «сталь» нам пока не встретился в грузинских письменных источниках, мы считаем вполне возможным предполагать связь хевсурского культового слова «иамани», обозначающего меч, с арабским названием «йаманийа», приводимым Аль-Бируни¹⁹. Хевсурская этнография известна тем, что сохранила и донесла до наших дней наиболее архаичные элементы, в том числе языковой культуры. Именно консервативность Хевсурети, послужившая, как отмечают многие этнографы, сохранению архаичных элементов культуры и в их числе примеров старинной лексики, позволяет нам предполагать вероятность предложенного грузино-арабского лексического заимствования. Более того, если на основании существующих в Хевсурети терминов «прангули» («франкский» меч) и «мисрули» («египетский» меч) предположить, что превосходное качество привозных клинков в Хевсурети приводило к появлению специфических наименований, термин «иамани» возможно отражает существовавшую в далеком прошлом популярность клинков из Йемена.

«Туджи» [თუჯი, t'ujǐ], корень слова [t'uj] «тудж» — на литературном грузинском языке означает чугу́н. Из-за скудости материалов до сих пор не удалось установить, как и когда появился и вошел в обиход этот термин, во всяком случае, в таком виде он уже существовал в грузинском языке в период позднего средневековья (Tmogveli 1897, 47; Gabashvili 1852, 50). На наш взгляд, грузинское [t'uj] «тудж», возможно, имеет связь с терминами «duç»,

---

¹⁹ Следует отметить, что «иамани» (yamani) на персидском языке означает какой-либо предмет Йемена, то есть что-то йеменское, и понятие «йеменский меч» (teghi yuman) также существует в персидском языке (Steingass 1963, 1536).

«dōṣ»), зафиксированными в металлургическом манускрипте Аль-Бируни. К сожалению, при анализе этого возникают затруднения в определении того, что собой представляет duṣ/dōṣ. Это некая часть расплава «истекающая, как вода» при получении нармахана. Этимологический анализ также не вносит ясности, так как в отличие от остальных терминов, используемых Аль-Бируни и другими средневековыми авторами, слово duṣ/dōṣ не персидского и не арабского происхождения. Исходя из описания процесса, современные исследователи предполагают, что описываемая субстанция может быть либо жидким шлаком, либо чугуном, причем последний вариант наиболее вероятен. Касательно происхождения термина, Ле Коз приходит к выводу, что форма dōṣ/duṣ возникла как арабская производная от wus (Гуджарати) в результате последовательной звуковой диссимиляции, свойственной диалектам арабского языка²⁰ (Coze 2003, 121-124). Мы в свою очередь предполагаем связь между термином dōṣ/duṣ и грузинским [t'uj] «тудж» на основании частичного, но явного звукового совпадения, а также вероятности того, что стальная субстанция, описанная Аль-Бируни, является именно чугунным расплавом.

Таким образом, анализируя исторические источники и этнографические материалы, мы попытались предоставить читателям анализ наиболее полного перечня грузинских терминов, связанных с булатом и дамасской сталью. В большинстве письменных источников для обозначения булата и дамасской стали мы находим «басри», «джавардени» и «полади», древнейшим из которых, по-видимому, является «басри». В то же время в Грузии встречалась и региональная терминология, также связанная с дамасской сталью. Данная статья не претендует на абсолютную полноту освещения исследуемого вопроса, и мы надеемся, что в результате дальнейшей работы будут уточнены значения некоторых рассмотренных терминов или добавлены новые, ранее неизвестные.

---

²⁰ Более того, автор предполагает происхождение принятого в Европе термина wootz, подобной же трансформацией Гуджаратского wus, wdṣ, oots.

Библиография

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Т. 8. под ред. Ад. Берже. — Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк Арх. Гл. упр. Наместника кавказ, 1881. — 1033 с.
- Артилаква В. Железообрабатывающее ремесло древней Грузии. — Тбилиси: Мецниереба, 1976. — 263 с.
- Басов В.И. Булат: линия жизни // *Металлург*. — 1991. — № 7. — С. 16–23.
- Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед аль. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). — СПб., 2011. — 600 с.
- Лисовский В.Я. Чорохский край: (Военно-статистический очерк). Вып. 1. — Тифлис: Отд. Ген. штаба Окр. штаба Кавк. воен. окр., 1887, тип. А. А. Михельсона. — 142 с.
- Магазин земледения и путешествий: Географический сборник. Изд. Николаем Фроловым. — Т. 1. — Москва: тип. Александра Семена, 1852. — 759 с.
- Мезенин Н.А. Занимательно о железе. — Москва: Металлургия, 1977. — 152 с.
- Меликишвили Г. А. О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках // *Вестник древней истории*. М.: Издательство АН СССР «Наука», 1968. — N 4 (106). — С. 122–127 с.
- Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. — Тифлис: скоропечатня М. Мартиросянца, 1900. — 50 с.
- Техов Б.А., Вознесенская Г.А. Технология производства кузнечных изделий из Тлийского могильника (X-VI вв. до н.э.) // *СА*. 1973. — № 3. — С. 153–162.

- Bane T. Encyclopedia of Mythological Objects. Jefferson, NC, United States: McFarland & Co Inc, 2020. 227 p.
- Chukhua M. Georgian-Circassian-Apkhazian Etymological Dictionary. Tb., Published by TSU Press, 2019. 878 p.
- Coze J. Le .About the Signification of Wootz and Other Names Given to Steel. Indian Journal of History of Science, 38 (2), 2003, pp. 117-127.
- Erckert R., Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, Hölder, 1895. 219 p.
- Feuerbach A., Balasubramaniam A., R., Kalyanaramanc S. On the Origin of the Terms Wootz, Hinduwani and Pulad. Indian Journal of History of Science, 2007, 42(3), pp. 377-386.
- Gilmour Brian. The sword from Grave G9 in the cemetery south of Dariali Fort: analytical and technological study and assessment. Dariali: the 'Caspian Gates' in the The joint Georgian-British Dariali Gorge excavations & surveys 2013-2016. British Institute of Persian Studies Monograph Series VI. , vol. 2, Oxbow, Oxford, 1088, 2020. pp. 685-687.
- Hoyland Robert G., Gilmour Brian. Medieval Islamic Swords and Swordmaking. Gibb Memorial Trust, Edinburgh University Press, 2012. 200 p.
- Kazemzadeh H., Caucasian & Circassian People at the Safavid Court: According to Persian Sources (Sixteenth & Seventeenth Century). The Proceedings of the International Scientific Youth Conferences. "The Caucasus in Changing Times", May 2013. Tb. Printing House of TSU, 2013. pp. 21-35.
- Koch K. Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838, Volume 2. Stuttgart, Tübingen, J.G. Cotta, 1843. 559 p.

- Lang D. M. Georgia and the Fall of the Şafavī Dynasty. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London 14, no. 3 , pp. 523–539, 1952.
- Laufer B., The diamond a study in Chinese and Hellenistic folk—lore, Field Museum of Natural History, Chicago, 1915 — 75 p.
- Petzholdt A., Der Kaukasus, Vol. 1— Leipzig, Hermann Fries, 1866. —387.
- Rybatzki V. Turkic names for ‘steel’ and ‘cast iron’ / Turkic Languages , Vol. 3, numb. 1, 1999 , Wiesbaden, , Harrassowitz Verlag, pp. 56-86.
- Steingass F. A Comprehensive Persian-English Dictionary: Including the Arabic Words and Phrases to Be Met with in Persian Literature. London, Routledge & K. Paul, 1963. 1539 p.
- Summa Virtutum de Remediis Anime. Edited by Siegfried Wenzel. The Chaucer Library. Athens, University of Georgia Press, 1984. 373 p.
- Travels In The Caucasus And Georgia: Performed In The Years 1806 And 1808, By Command Of The Russian Government by Julius Von Klaproth. London, 1814.
- აბულაძე ი. ძველი ქართული ენის ლექსიკონი — თბ. : მეცნიერება, 1973. — 577გვ.
- ავალიანი ლ. „ჯი“ სუფიქსით ნაწარმოები პროფესიის აღმნიშვნელი რამდენიმე ტერმინი ქართულ სალიტერატურო ენასა და დიალექტებში // ქართველური მემკვიდრეობა.— ქუთაისი, 2004. —ტ.8. — გვ. 20-26.
- არჩილი, თხზულებათა სრული კრებული ტ. 1— თბ. : საქ. კ. პ. (ბ) ც. კ. პარტგამ. სტ.1936. — 304 გვ.

- ახალკაცი ნ. ლითონის გამოდნობის, შედუღებისა და წრთობის ხალხური წესები სვანეთში// ეთნოლოგიური ძიებანი— თბილისი, 2000. — ტ.1. — გვ. 178-199.
- ბაგრატიონი თ. წიგნნი ლექსიკონნი— თბ. : საბჭ. საქართველო, 1979. — 195 გვ.
- ბერძენიშვილი ნ., მასალები საქართველოს ეკონომიური ისტორიისათვის. ტ.3. — თბ.: თბილ. უნ-ის გამ-ბა, 1955. — 574 გვ.
- ბესიკი, თხზულებათა სრული კრებული—თბ. : საბჭ. მწერალი, 1962. — 361გვ.
- გაბაშვილი ტ. მიმოსვლა. რედ. პ. იოსელიანი—თფ.: კავკ. მთავარმმართ. სტამბა, 1852. —188 გვ.
- გვახარია ა. ნარკვევები ქართულ-სპარსული ლიტერატურული ურთიერთობის ისტორიიდან. წ.2. — თბ. : თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 2001 (თსუ-ს სტ.). — 280 გვ.
- გვახარია ა. სპარსული ხალხური დასთანების ქართული ვერსიები— თბ. : მეცნიერება, 1968. — 246 გვ.
- გორგიჯანიძე ფ. საქართველოს ისტორია //საისტორიო მოამბე, II—ტფ, პოლიგრაფიული ტრესტის მე-3 სტამბა, 1925—გვ. 209-314.
- გრიშაშვილი ი. ქალაქური ლექსიკონი (საარქივო მასალა).— თბ. : სამშობლო, 1997— 304გვ.
- ვაჟა-ფშაველა, თხზულებათა სრული კრებული, ტ. 3 —თბ.: საბჭ. საქართველო, 1964. — 407 გვ.
- ვახტანგ VI, თხზულებათა კრებული— თბ. : საბჭოთა მწერალის გამ-ბა და სტ., 1947. — 210გვ.

- ვისრამიანი /რედ. გ. წერეთელი —თბ. : საქ. სსრ მეცნ. აკად. გამ-ბა და სტ., 1962. — 763გვ.
- თავაძე, ფ. ქართული ჭედური ხელოვნების ტექნოლოგიური პროცესი. — თბ. : განათლება, 1967. — 137გვ.
- თაყაიშვილი ე. არქეოლოგიური ექსპედიცია ლეჩხუმ-სვანეთში 1910 წელს —პარიზი, 1937. — 440გვ.
- თეიმურაზ I, თხზულებათა სრული კრებული — ტფ. : ფედერაცია, 1934. — 318 გვ.
- თმოგველი ს., დილარიანი — ტფილისი.:მ. შარაძის და ამხ. სტ. 1897. — 48გვ.
- თოფურია ვ., სვანური ლექსიკონი— თბ. : მერანი 3, 2000. — 908 გვ.
- ივერია// გაზეთი. 1891, N90.
- კობიძე, დ. ვისრამიანის საკითხები // თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები.— თბ., 1965. — ტ.116. N5 —გ ვ.11-86.
- ლარაძე პ., დილარიანი — ტფილისი, აღ. ქუთათელაძის სტ. 1903. — 794 გვ.
- მასალები საქართველოს შინამრეწველობისა და წვრილი ხელოსნობის ისტორიისათვის, ტ. 5— თბ. 1992. — 493 გვ.
- ორბელიანი ს. ლექსიკონი ქართული— თბ. : მერანი, 1991. — 638 გვ.
- ორბელიანი ს. ლექსიკონი ქართული— თბ.: ეგრისი, 1993. — 560 გვ.
- ორბელიანი ს., თხზულებანი — თბ. : საბჭ. საქართველო, 1959. — 435 გვ.
- რეხვიაშვილი ნ. ქართული ხალხური მეტალურგია— თბ. : მეცნიერება, 1964. — 275 გვ.
- რუსუდანიანი / რედ. ი. აბულაძე— თბ. : საბჭ. მწერალი, 1957. — 811გვ.

საქართველოს სიძველენი ტ.3 / ე. თაყაიშვილის რედ.— ტფილისი. 1909.
— 600 გვ.

სტეფანოს ორბელიანის "ცხოვრება ორბელიანთა"-ს ძველი ქართული
თარგმანები / რედ. ე. ცაგარეიშვილი; — თბ. : მეცნიერება, 1978. —
156გვ.

ტფილელი ი. დიდმოურავიანი— თბ. : სახელგამი, 1939. — 109 გვ.

ფემანგი, შაჰნავაზიანი — ტფ. : სახელგამი, 1935. — 219გვ.

ქაიხოსრო, ომინიანი. ვეფხის ტყაოსნის გაგრძელება.— თბ. :
ფედერაციას გამომც. და სტ., 1937. — 150გვ.

ქართული მწერლობა, ტ.3 / რედ. ვ. როდონაია— თბ. : ნაკადული. 1988.
— 493 გვ.

ქართული მწერლობა, ტ.4 / რედ. ს. ცაიშვილი— თბ. : ნაკადული. 1988.
— 415 გვ.

ქართული მწერლობა, ტ.6 / რედ. რ. ბარამიძე — თბ. : ნაკადული. 1989.
— 880 გვ.

ქართული ჰაგიოგრაფიული ძეგლები : ტ. 1 / რედ. ლევან აბაშიძე —თბ.:
ბთი, 2008. — 366 გვ.

ქვარიანი დ., ლექსად თქმული წმინდა გიორგის ცხოვრება—თბ.:
საქართველოს ეროვნული არქივი, 2020. — 360 გვ.

ქილილა და დამანა : იგავ-არაკების კრებული —თბ. : მერანი, 1975. —
1058გვ.

ქობალია ა., მეგრული ლექსიკონი— თბ. : არტანუჯი, 2010. — 748 გვ.

ყარამანიანი / რედ. ა. გვახარია— თბ. : ლიტერატურა და ხელოვნება,
1965. — 695გვ.

- ყიფიანი დ., ახალი ქართული გრამატიკა . — სანკტ. პ. , სამეცნიერო აკადემიის სტ. 1882. — 193 გვ.
- შანიძე ა., თხზულებანი, ტ.1— თბ.: მეცნიერება, 1984. — 495 გვ.
- შაჰ-ნამე (ქართული ვერსიები), ტომი II —ტფ. : სახ. უნ-ტი, 1934. —649 გვ.
- შაჰ-ნამეს ანუ მეფეთა წიგნის ქართული ვერსიები. ტ. 1 — თბ.: მ. ციციშვილის სტ. "ქართლი", 1916. — 888 გვ.
- შაჰ-ნამეს ანუ მეფეთა წიგნის ქართული ვერსიები. ტ. 3— თბ.: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1974. — 670 გვ.
- ჩვენი საუნჯე (ძველი მწერლობა) . რედ. ა. ბარამიძე. ტ.2— თბ. : ნაკადული. 1960. — 567 გვ.
- ჩიტაია გ. შრომები. 3 ტ.—თბ. : მეცნიერება, 2001. — 644 გვ.
- ჩუბინაშვილი, ნიკო რუსულ-ქართული ლექსიკონი. ტ. 1- თბ.: — საბჭ. საქართველო, 1971. — 631 გვ.
- ჩუბინოვი დ. ქართულ-რუსულ-ფრანციცული ლექსიკონი — სნკტ. პ. 1840 (იმპ. მეცნ. აკად. სტ). — 752 გვ.
- ჩუბინოვი დ., ქართული ღრამმატიკა. — სანკტ.პეტერბ., სანკტპეტერ. სამეცნ. აკადემ. სტ.1887. — 1779 გვ.
- ჩუბინოვი დ., ქართული ქრისტომატია. ნაწ. 2 — სანკტპეტერბურდი, სანკტპეტერ. სამეცნ. აკადემ. სტ. 1863. — 180 გვ.
- ჩუხუა მ. ქართულ-ჩერქეზულ-აფხაზური ეტიმოლოგიური ძიებანი— თბ. : საარი, 2017. — 687 გვ.
- ჩუხუა მ., ქართველურ ენა-კილოთა შედარებითი ლექსიკონი — თბ. : უნივერსალი, 2000-2003. — 520 გვ.
- ჭყონია ი., სიტყვის-კონა—სნკტ. პ., 1910 (იმპ. მეცნ. აკად. სტ). — 74გვ.

ჯავახიშვილი ი. მასალები ქართველი ერის მატერიალური კულტურის ისტორიისათვის— თბ.: საქ. სსრ მეცნ. აკად. გამ-ბა და სტ., 1962. — 313 გვ.

Աբրահամյան Վ., Միջնադարյան Հայաստանի զենքերի տեսակները //Աշխատություններ Հայաստանի պետական պատմական թանգարանի, Երևան, 1949, #2, 37-98 : «Հայաստան», 1949.

References

Abuladze I. (1973). *dzveli kartuli enis leksik'oni* [Dictionary of Old Georgian Language]. Tb., Metsniereba Publ. 577p. (in Georgian).

Abrahamyan I. (1949). *Mijnadaryan Hayastani zenqeri tesaknery'* [Types of weapons of medieval Armenia]. Transactions of the State Historical Museum of Armenia, Yerevan, Aiastan Publ. #2, pp. 37-98. (in Georgian).

Akhalkatsi N. (2000). *litonis gamodnobis, shedughebisa da ts'rtobis khalkhuri ts'esebi svanetshi* [Folk methods of melting, welding and tempering metal in Svaneti]. *etnologiyuri dziebani* [Ethnological Researchs], Vol.1, pp. 178-199. Tb. (in Georgian).

Akty sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts of the Caucasian Archeographic Commission], Vol. 8, Ed. Ad. Berzhe. Tiflis, Ch. Caucasus. Governor Publ., 1881. 1033 p.

Archili (1936). *tkhzulebata sruli k'rebuli* [Complete works], Vol. 1, Tb., sak. k'. p'. (b) ts. k'. Publ. 304 p. (in Georgian).

Artalakva V. (1976). *Zhelezoobratyvajushhee remeslo drevnej Gruzii* [Ironworking craft of ancient Georgia]. Tb., Mecniereba Publ. 263 p.

Avaliani I. (2004). „ji” supiksit nats'armoebi p'ropesiis aghmnishvneli ramdenime t'ermini kartul salit'erat'uro enasa da dialekt'ebshi [On the some terms devoting profession in the modern literaray language and dialects derived

- from suffix -ji.], Vol.8, pp. 20-26. *Kartvelian Heritage*. Kutaisi. (in Georgian).
- Bagrat'ioni T. (1979). *ts'ignni leksik'oni* [Books of Dictionaries]. Tb., Soviet Georgia Publ. 195 p. (in Georgian).
- Bane T. (2020). *Encyclopedia of Mythological Objects*. Jefferson, NC, United States: McFarland & Co Inc. 227 p.
- Basov I. (1991). Bulat: linija zhizni [Bulat: lines of life]. *Metallurg*, № 7, pp. 16–23.
- Berdzenishvili N. (1955). *masalebi sakartvelos ek'onomiuri ist'oriisatvis* [Materials for the Economic History of Georgia], vol. 3, Tb., Tbil. Univ. Publ. 574 p. (in Georgian).
- Besiki (1962). *tkhzulebata sruli k'rebuli* [Complete works]. Tb., Soviet writer Publ. 361p. (in Georgian).
- Biruni (2011) *Abu-r-Rajhan Muhammed ibn Ahmed al. Sobranie svedenij dlja poznanija dragocennostej (mineralogija)* [A Collection of Knowledge on Gemstones, Mineralogy]. St. Petersburg, Petersburg Linguistic Society, Contrast Publ. 600 p.
- Chit'aia G. (2001). *shromebi* [Works], Vol. 3. Tb., Metsniereba Publ. 644 p. (in Georgian).
- Chqonia I. (1910). *sit'qvis k'ona* [Dictionary of Georgian words]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. 74 p. (in Georgian).
- Chubinashvili N. (1971). *rusul-kartuli leksik'oni* [Russian-Georgian Dictionary], vol.1. Tb.. Sov. Georg. Publ. 631 p. (in Georgian).
- Chubinovi D. (1840). *kartul-rusul-prantsitsuli leksik'oni* [Georgian-Russian-French dictionary]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. 752 p. (in Georgian).
- Chubinovi D. (1887). *kartuli ghrammat'ik'a* [Georgian Grammar]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. 1779 p. (in Georgian).

- Chubinovi D. (1863). *kartuli krist'omat'ia* [Georgian Chrestomathy or Excerpts from Works of Outstanding Georgian Writers], Vol. 2. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. 180 p. (in Georgian).
- Chukhua M. (2019). *Georgian-Circassian-Apkhazian Etymological Dictionary*. Tb., Published by TSU Press. 878 p.
- Chukhua M. (2000-2003). *kartvelur ena-k'ilota shedarebiti leksik'oni* [The Kartvelian Comparative Dictionary]. Tb., Universali Publ. 520 p. (in Georgian).
- Chveni saunje (dzveli mts'erloba) [Our treasure. Old literature], Ed. A. Baramidze, Vol.2. Tb., Nakaduli Publ., 1960. 567 p. (in Georgian).
- Coze J. Le (2003). About the Signification of Wootz and Other Names Given to Steel. *Indian Journal of History of Science*, 38 (2), pp. 117-127.
- Erckert R. (1895). *Die Sprachen des kaukasischen Stammes*. Wien, Hölder. 219 p.
- Feuerbach A. (2007). Balasubramaniam A., R., Kalyanaramanc S. On the Origin of the Terms Wootz, Hinduwani and Pulad. *Indian Journal of History of Science*, 42(3), pp. 377– 386.
- Gabashvili T. (1852). *Mimosvla* [Travel]. Ed. P. Ioseliani. Tp., Ch. Caucasus. Governor Publ. 188 p. (in Georgian).
- Gilmour B. (2020). The sword from Grave G9 in the cemetery south of Dariali Fort: analytical and technological study and assessment. Dariali: the 'Caspian Gates' in the The joint Georgian-British Dariali Gorge excavations & surveys 2013-2016. *British Institute of Persian Studies Monograph Series VI*, vol. 2, pp. 685-687. Oxbow, Oxford.
- Gorgijanidze P. (1925). *Sakartvelos ist'oria* [History of Georgia]. *saist'orio moambe* [Historical Bulletin], II. Tbilisi, P'oligrapiuli t'rest' 3 Publ. pp. 209-314. (in Georgian).
- Grishashvili I. (1997). *kalakuri leksik'oni* [City Vocabulary. Archival materials]. Tb., Samshoblo Publ. 304 p. (in Georgian).

- Gvakharia A. (2001). *nark'vevebi kartul-sp'arsuli lit'eraturuli urtiertobis ist'oriidan* [Essays on the history of Georgian-Persian literary relations.], Vol. 2. Tb., Tbil. Univ. Publ. 280 p. (in Georgian).
- Gvakharia A. (1968). *sp'arsuli khalkhuri dastanebis kartuli versiebi* [Georgian Versions of Persian Folk Dastans]. Tb., Metsniereba Publ. 246 p. (in Georgian).
- Hoyland G., Gilmour B. (2012). *Medieval Islamic Swords and Swordmaking*. Gibb Memorial Trust, Edinburgh University Press. 200 p.
- Iveria. Newspaper 1891, N90.
- Javakhishvili I. (1962). *masalebi kartveli eris mat'erialuri k'ult'uris ist'oriisatvis* [Sources and Documents on the History of Material Culture of the Georgian Nation], Tb., Acad. Of Sciences Goerg. SSR Publ. 313 p. (in Georgian).
- Kaikhosro. (1937). *omaniani. vepkhis t'qaosnis gagrdzeleba* [Omaniani. Sequel to the Knight in Tiger's Skin]. Tb., Federation Publ. 150 p. (in Georgian).
- Kartuli hagiografiuli dzeglebi [Georgian hagiographic literature], Vol. 1, Ed. Levan Abashidze. Tb., Bti Publ., 2008. 366 p. (in Georgian).
- Kartuli mts'erloba [Georgian Literature], Vol. 3, Ed. V. Rodonaia. Tb., Nak'aduli Publ., 1988. 493 p. (in Georgian).
- Kartuli mts'erloba [Georgian Literature], Vol. 4, Ed. S. Tsaishvili, Tb., Nak'aduli Publ., 1988. 415 p. (in Georgian).
- Kartuli mts'erloba [Georgian Literature], Vol. 6, Ed. R. Baramidze. Tb., Nak'aduli Publ., 1989. 880 p. (in Georgian).
- Kazemzadeh H. (2013). Caucasian & Circassian People at the Safavid Court: According to Persian Sources (Sixteenth & Seventeenth Century). *The Proceedings of the International Scientific Youth Conferences. "The Caucasus in Changing Times"*, May, 2013. Tb. Printing House of TSU. pp. 21-35.
- Kilila da damana: igav-arak'ebis k'rebuli [Kilila and Damana: collection of fables]. Tb., Merani Publ., 1975. 1058 p. (in Georgian).

- Kobalia A. (2010). *megruli leksik'oni* [The Megrelian Dictionary]. Tb., Artanuji Publ. 748 p. (in Georgian).
- Kobidze, D. (1965). visramianis sak'itkhebi [Questions to Visramiani]. *Proceeding of the Tbilisi State University*, Vol. 116, N5, pp. 11-86. T. (in Georgian).
- Koch K. (1843). *Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838*, Vol. 2. Stuttgart, Tubingen, J.G. Cotta. 559 p.
- Kvariani D. (2020). *leksad tkmuli ts'minda giorgis tskhovreba* [Versified Life of Saint George]. Tb., National Archives of Georgia. 360 p. (in Georgian).
- Lang D. M. (1952). Georgia and the Fall of the Şafavī Dynasty. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, no. 3, pp. 523–39. University of London.
- Laradze P. (1903). dilariani. T'pilisi, Al. kutateladze Publ. pp. 794. (in Georgian).
- Laufer B. (1915). *The diamond a study in Chinese and Hellenistic folklore*. Field Museum of Natural History, Chicago. 75 p.
- Lisovskij V. (1887). *Chorohskij kraj. Voенno-statisticheskij oчерk* [Chorokhi Territory. Military-statistical essay]. Tiflis, Otd. Gen. shtaba Okr. shtaba Kavk. voen. okr., A.A. Mihel'son Publ. 142 p.
- Magazin zemlevedenija i puteshestvij: Geograficheskij sbornik [Journal of geography and travel: geographical collection]. Moscow, Alexander Semen Publ. 1852. 759 p.
- Masalebi sakartvelos shinamrets'velobisa da ts'vrili khelosnobis ist'oriisatvis [Materials on the History of Georgian Artisanal and Small Crafts], Vol. 5. Tb. 1992. 493 p. (in Georgian).
- Melikishvili G. (1968). O nekotoryh naimenovaniyah metallov v drevnevostochnyh i kavkazskih jazykah [About Certain Names of Metals in Ancient Eastern and Caucasian Languages]. *Journal of Ancient History*, N 4 (106), pp. 122–127. M. Academy of Sciences of the USSR «Nauka» Publ.
- Mezenin N. (1977). *Zanimatel'no o zheleze* [Enthralling Facts About Iron]. M., Metallurgija. 152 p.

- Orbeliani S. (1991). *leksik'oni kartuli* [Georgian dictionary]. Tb., Merani Publ. 638 p. (in Georgian).
- Orbeliani S. (1993). *leksik'oni kartuli* [Georgian dictionary]. Tb., Egrisi Publ. 560 p. (in Georgian).
- Orbeliani S. (1959). *tkhzulebani* [Works]. Tb., Soviet Georgia Publ. 435 p. (in Georgian).
- Peshangi. (1935). *shahnavaziani*. T'p., Sakhelgami Publ. 219 p. (in Georgian).
- Petzholdt A. (1866). *Der Kaukasus*, Vol. 1. Leipzig, Hermann Fries. 387 p.
- Piralov A. (1900). *Kratkij ocherk kustarnyh promyslov Kavkaza* [A brief sketch of the handicrafts of the Caucasus]. Tiflis, M. Martirosjanc Publ. 50 p.
- Qaramaniani. Ed. A. Gvakharia. Tb., Literature and Art Publ., 1965. 695 p.
- Qipiani D. (1882). *akhali kartuli gramat'ik'a* [New Georgian grammar]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. 193 p. (in Georgian).
- Rekhviashvili N. (1964). *kartuli khalkhuri met'alurgia* [Georgian National Metallurgy]. Tb., Metsniereba Publ. 275 p. (in Georgian).
- Rusudaniani. Ed. I. Abuladze. Tb., Soviet Writer Publ., 1957. 811 p.
- Rybatzki V. (1999). Turkic names for 'steel' and 'cast iron'. *Turkic Languages*, Vol. 3, numb. 1, pp. 56-86. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag.
- Sakartvelos sidzveleni [Antiquities of Georgia] vol. 3. Ed. E. Taqaisvili. T'p., 1909. 600 p. (in Georgian).
- Shah-name (kartuli versiebi) [Georgian Versions of Shahname], Vol. II. T'p., Tb. Univ. Publ., 1934. 649 p. (in Georgian).
- Shah-names anu mepeta ts'ignis kartuli versiebi [Georgian Versions of Shahname (Book of Kings)], Vol. 1. Tb., M. Tsitsishvili Publ. "kartli", 1916. 888 p. (in Georgian).
- Shah-names anu mepeta ts'ignis kartuli versiebi [Georgian Versions of Shahname (Book of Kings)], Vol. 3. Tb., Tbilisi Univ. Publ., 1974. 670 p. (in Georgian).

- Shanidze A.(1984). *tkhzulebani* [Works], Vol.1. Tb., Metsniereba Publ. 495 p. (in Georgian).
- Steingass F. (1963). *A Comprehensive Persian-English Dictionary: Including the Arabic Words and Phrases to Be Met with in Persian Literature*. London, Routledge & K. Paul. 1539 p.
- Stepanos orbelianis "tskhovreba orbelianta"-s dzveli kartuli targmanebi [Old Georgian translations of Stephanos Orbeliani's "The Orbelians' life"]. Ed. E. Tsagareishvili. Tb., Metsniereba Publ., 1978. 156 p. (in Georgian).
- Summa Virtutum de Remediis Anime. Edited by Siegfried Wenzel. The Chaucer Library. Athens, University of Georgia Press, 1984. 373 p.
- Taqaishvili E. (1937). *arkeologiuri eksp'editsia lechkhum-svanetshi 1910 ts.* [Archaeological Expedition to Lechkhumi-Svaneti, 1910]. Paris. 440 p. (in Georgian).
- Tavadze P. (1967). *kartuli ch'eduri khelovnebis t'eknologiuri p'rotsesi* [Technological Process in Georgian Handicraft of Repoussage and Embossing]. Tb., Ganatleba Publ. 137 p. (in Georgian).
- Tehov B.A., Voznesenskaja G.A. (1973). *Tehnologija proizvodstva kuznechnyh izdelij iz Tlijskogo mogil'nika (X-VI vv. do n.je.)* [Technological Aspects of Forged Items Found in Tliysky Burial Ground]. SA [Soviet archeology], № 3, pp. 153-162.
- Teimuraz I. (1934). *tkhzulebata sruli k'rebuli* [Complete works]. T'p., Federation Publ. 318 p. (in Georgian).
- Tmogveli S. (1897). *dilariani*. T'p., m. sharadze da amkh Publ. 48 p. (in Georgian).
- Topuria V. (2000). *svanuri leksik'oni* [Svan dictionary]. Tb., Merani 3 Publ. 908 p. (in Georgian).
- Tpileli I. (1939). *didmouraviani*. Tb., Sakhelgami Publ. 109 p. (in Georgian).
- Travels In The Caucasus And Georgia: Performed In The Years 1806 And 1808, By Command Of The Russian Government by Julius Von Klaproth. London, 1814.

Vakhtang VI. (1947). *tkhzulebata k'rebuli* [Complete works]. Tb., Soviet writer Publ. 210 p. (in Georgian).

Vazha-pshavela (1964). *tkhzulebata sruli k'rebuli* [Complete works], Vol. 3. Tb., Soviet Georg. Publ. 407 p. (in Georgian).

Visramiani. Ed. G. Tsreteli. Tb., Acad. Of Sciences Goerg. SSR Publ. 1962. 763 p.

Чубинский А. Н.

Ствольный приказ и Оружейная палата. Производство строевого оружия на московском Бархатном дворе в 1700–1707 гг.

The Barrel Department and the Kremlin Armoury. Military Arms Manufacture at the Moscow Velvet Yard in 1700–1707

Чубинский Александр Николаевич — старший научный сотрудник, хранитель коллекций древкового и русского и восточного огнестрельного оружия Музеев Московского Кремля (Россия).

Alexander N. Chubinsky — senior researcher, curator of the polearms and Russian and East firearms collections of the Moscow Kremlin Museums (Moscow, Russia).

aschsch@kremlin.museum.ru

Аннотация. Исследование является первой попыткой сбора достоверных данных о Ствольном приказе (Приказе ствольного дела), который функционировал с 1630-х до 1700 г. как самостоятельное учреждение, а с 1700 по 1711 г. - как структурная часть Оружейной палаты. Канцелярия Ствольного приказа, его производственные помещения и склады находились на берегу Москвы-реки на Бархатном дворе, примыкавшем к внешней стороне кремлевской стены между Водовзводной и Тайницкой башнями. Архив Ствольного приказа до 1700 г. утрачен, но привлечение большого количества документов из исторического архива Оружейной палаты позволило описать основные направления его деятельности. Во второй половине XVII в. Ствольный приказ занимался ремонтом строевого оружия, в основном огнестрельного, отстрелом стволов, созданием русских боевых ружей, «казацких пищалей» калибром в 10–13 мм. Некоторое количество таких пищалей и множество отдельных стволов в настоящий момент находится в Музее Московского Кремля. Сохранившиеся документы 1700–1707 гг. дают возможность подробно описать оружейное производство на Бархатном дворе, включая жалование мастерам и цены на отдельные детали оружия. На этом этапе

основная продукция Ствольного приказа – армейские фузеи со штыками, шпаги и палаши. Однако стволы, кремневые замки и клинки на Бархатном дворе не изготавливались, большая часть этих деталей поставлялась европейскими коммерсантами. Заметную часть стволов и замков делали тульские казенные мастера. Непосредственно на Бархатном дворе находилось не менее тринадцати кузниц, в которых отковывали багинеты, стволы ручных мортирок, наконечники алебард, детали железных шпажных и палашных эфесов. Медные эфесы заказывались у подрядчиков. Подрядчики могли выполнять те же работы, что и штатные мастера Ствольного приказа – сборку фузей, включая изготовление лож и подгонку штыков, сборку шпаг и палашей. Сборка фузей производилась не на территории Бархатного двора, ложевые мастера выполняли такие заказы в своих домах. Заметная часть фузей изготавливалась с использованием старых отремонтированных стволов и замков.

Ножны и портупей для клинкового оружия, перевязи и лядунки, «багинетные пояса» изготавливались только подрядчиками. Описания производимого оружия в документах очень краткие, единственный серийный образец, который удалось реконструировать по описанию, – пехотная шпага с железным эфесом валлонского типа, включающим крестовину, дужку гарды, двойную прорезную защитную чашку и подпальцевые дужки. Вероятно, этот образец был заимствован у шведов. Оружейная палата руководила деятельностью Бархатного двора, устанавливала образцы оружия для массового производства, заключала договоры с подрядчиками, осуществляла рассылку оружия в полки русской армии. Количество мастеров Ствольного приказа заметно превышало количество оружейников Оружейной палаты, которые за редким исключением не производили строевое оружие. Ствольный приказ характеризуют высокий уровень специализации у работников, оптимальное разделение производственных функций, большой объем производства серийной продукции. Эти качества позволяют считать Ствольный приказ полноценной мануфактурой, в отличие от Оружейной палаты, ориентированной на создание немногочисленных парадных предметов. Об объеме общего производства косвенно говорит производственная норма для ложевого мастера,

обязывающая его изготавливать ружейную ложу и собирать одно ружье в день.

В 1707 г. ввиду угрозы наступления Карла XII Бархатный двор прекратил работу, а его производственные помещения переместились на новый Оружейный двор, который можно предположительно локализовать в Кремле во дворе строящегося здания Арсенала.

Ключевые слова: Оружейная палата, Ствольный приказ, Бархатный двор, московский Оружейный двор, московский Арсенал, оружейные мастера, строевое оружие, мушкетеры, фузеи, багинеты, шпаги, палаши, алебарды, ручные мортирки, русская армия, петровское время, Северная война.

Abstract: This research is the first attempt to collect reliable data on Russian Barrel Department (*Stvolny Prikaz*) which functioned from 1630s till 1700 as an independent state establishment, and from 1700 to 1711 as a structural part of the Moscow Armoury Chamber. The office of the Barrel Department, its workshops and storehouses were located at the Velvet Yard (*Barxatny Dvor*), which was founded in 1630s as a silk workshop. The Velvet Yard was built on the bank of the Moskva River outside the Kremlin walls. The Barrel Department's archive dated before 1700 was unfortunately lost. Thanks to a large number of surviving documents of the Armoury Archive, one can describe the main activities of the Barrel Department. In the second half of the 17th century the Barrel Department was engaged in repair of military arms, mainly firearms, and barrel proofing. Thousands of «Cossack guns» of 10–13 mm caliber were made there in 1680s. A number of such «Cossack guns» and about 150 separate barrels are stored nowadays in the Moscow Kremlin Museums. Account books of the Armoury Chamber of 1700–1707 provide descriptions of weapon production at the Velvet Yard, including craftsmen's salaries and prices of individual parts of arms. In 1700—1707 the Barrel Department produced a great number of flintlock muskets with bayonets and swords. Barrels, locks and blades were not made at the Velvet Yard, most of these parts were supplied by Dutch and German merchants. A part of barrels and locks were made by Tula gunsmiths. There were at least thirteen forges at the Velvet Yard where they forged bayonets, barrels of hand mortars, halberds, and iron de-

tails of sword hilt. Copper furniture parts were ordered from Russian merchants. Both European and Russian merchants performed the assembly of muskets and swords as well as the staff stockmakers of the Barrel Yard. All those weapons were supplied to the stores of the Armoury Chamber and the Velvet Yard. The assembly of firearms was carried out by stockmakers in their own houses. Numerous old repaired barrels and locks were used for new muskets. The scabbards for swords and bayonets and equipment were made by Russian merchants only. Documental descriptions of manufactured weapons were very brief. The only serial sample, which could be reconstructed according to description, was a sword with the Walloon type iron hilt, including quillons, a pierced shell guard, a knucle guard and finger rings. It probably was an infantry sword borrowed from the Swedes. The Armoury Chamber directed the activities of the Velvet Yard, set patterns for military weapons, concluded contracts with contractors and carried out the distribution of weapons to the regiments of the Russian army. The number of gunsmiths in the Barrel Department greatly exceeded the number of ones in the Armoury. The gunmakers of the Armoury Chamber rarely produced military weapons. The Barrel Department is characterized by a high level of specialization among gunmakers, optimal division of production functions, and a large volume of serial production. These qualities allow to consider the Barrel Department as a full-fledged manufactory, in contrast to the Armoury. Indirect evidence of the total production volume is the production norm for stockmakers, which obliged them to make a gunstock and assemble one gun a day.

In 1707 because of the threat of an attack by Charles XII of Sweden, the Velvet Yard ceased its work and its production premises were moved to the new Weapon Yard, which could be presumably located in the Kremlin in the Arsenal building which was under construction.

Keywords: Armoury Chamber, Barrel Department, Velvet Yard, Moscow Weapons Yard, Kremlin Arsenal, gunsmiths, military weapons, flintlock muskets, bayonets, smallswords, broadswords, halberds, hand mortars, Russian army, Peter the Great, Great Northern War.

Основные функции Оружейной палаты (Оружейного приказа), одного из центральных учреждений эпохи Московского царства, – изготовление и хранение парадного и церемониального оружия русских самодержцев. Это учреждение и его деятельность всегда были в центре внимания как современников, так и историков. Совершенно по-другому сложились судьбы Ствольного приказа и мастерских Бархатного двора, их наименования крайне редко фигурируют как в документах XVII в., так и в исследованиях в области военной истории и исторического оружиеведения.

Бархатный двор как производственный локус скупко упоминается в литературе и чаще всего без ссылок на письменные источники. Считается, что он был основан иноземцем Ефимом Фимбрантом для производства шелковых тканей в 1630–1631 гг., располагался у внешней стороны кремлевской стены между Водовзводной и Тайницкой башням. В 1630-х гг. на Бархатном дворе работало до нескольких десятков русских ткачей, его продукция пополняла царскую казну. «Дальнейшая судьба Бархатного двора не ясна; когда приостановилась его деятельность... неизвестно» (Левинсон-Нечаева 1954, 352). Это сообщение Левинсон-Нечаевой отталкивается от данных Е. И. Забелина, который кроме того писал, что активность на Бархатном дворе наблюдалась с 1625 г., Ефим Фимбрант начал свою деятельность в 1633 г., а в 1653 г. на этом дворе размещалась тюрьма с «колодниками» (Забелин 1905, 592, 628). Очевидно, что своим названием Бархатный двор обязан начальному периоду своего существования, когда на нем выделялись шелковые ткани, в том числе бархат. В конце 1680-х гг. помещения для производства тканей были в непригодном состоянии (Лермонтова 1915, 5). О деятельности Бархатного двора в оружейном контексте писал Ю. В. Арсеньев, к сожалению, без ссылок на документы и без указания точных дат. Согласно его работе 1904 г., для производства оружия при царе Михаиле Федоровиче на Бархатном дворе было собрано до 200 казенных кузнецов, ствольных заварщиков и станочников, эта производственная единица получила название Ствольного приказа в 1648 г. (Арсеньев 1904, 134); этот историк полагал, что Бархатный двор находился в Кремле. Следующая цитата из статьи Ю. В. Арсеньева открывается ошибочной датой: «С 1614 по 1652 г. на Бар-

хатном дворе сделано вновь 1150 сабель и исправлено большое количество старых поломанных, присланных из стрелецких приказов. Исправлено присланных из полков иноземного строю 516 шпаг, 270 алебард и 76 протазанов» (Арсеньев 1904, там же). Эта цитата почти дословно повторяет хранящуюся в музейном архиве рукопись хранителя Оружейной палаты Л. П. Яковлева (ок. 1863 г.), включая неверную дату 1614¹. Надо полагать, что заметная часть сочинения Ю. В. Арсеньева 1904 г. об истории Оружейной палаты в XVII в. была заимствована из черновых набросков Л. П. Яковлева, чем можно объяснить отсутствие ссылок на документы. Исследователь из Артиллерийского музея Е. В. Мышковский в 1959 г. впервые привел ссылки на архивные дела, согласно которым на Бархатном дворе в петровское время изготавливались винтовки, а также ручные мортирки (Мышковский 1959, 63, 70)². В сборнике документов 2003 г., посвященных тульским оружейным мастерам, который был подготовлен большим коллективом под руководством И.Н. Юркина, был опубликован ряд столбцов Оружейной палаты рубежа XVII–XVIII вв., описывающих работу тульских оружейников на Бархатном дворе³. Современные ученые-оружиеведы С. П. Орленко и Е. Я. Яблонская отмечали, что Бархатный двор принадлежал Ствольному приказу (Орленко 2016, 73; Яблонская, Орленко 2019, 123), однако никак не раскрывали это положение.

Сегодняшние знания об учреждении, носившем название Ствольный приказ (Приказ ствольного дела), столь же фрагментарны, как и о Бархатном дворе, недостаточно ясны и их взаимоотношения с Оружейной палатой. В пространном списке московских приказов в «Древней Российской вивлиофике» говорится, что «Оружейный и Ствольный приказ в записных книгах значится с 1659 по 1669, а с того году по 1709 Оружейная палата» (Новиков 1791, 349). Вероятно, эта запись позволила академику И. Х. Гамелю поставить знак равенства между двумя нетождественными учреждениями, он пи-

---

¹ Л. П. Яковлев. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени. Часть II. Ок. 1863. ОРПГФ ММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. Л. 4.

² Исследователь привел ссылки на три столбца Оружейной палаты, которые датируются 1702 г., однако в тексте его статьи эта дата не сообщается.

³ Тульские оружейники. Сборник документов. Отв. ред.: И.Н. Юркин. – М., 2003. С. 156–161.

сал, что «с 1651 по 1669 г. жители [тульской. – А. Ч.] кузнецкой слободы ведомы были в Оружейном или Ствольном приказе» (Гамель 1826, 28). В обстоятельной работе Л. Г. Бескровного, посвященной производству вооружения в XVII – первой половине XVIII в.⁴, приведена цитата из документа, на который, по всей видимости, опирался Гамель: «С 130 по 159 год... кузнецкая слобода ведома была на Москве в Стрелецком приказе, с 159 г. [1651. – А. Ч.]... ведома была в Приказе ствольного дела» (Бескровный 1951, 106 сноска 4). Знарок оружейного дела Н. В. Гордеев, вероятно, полагал, что Приказом ствольного дела в документах могли именовать Оружейный приказ (Гордеев 1954, 5). В обширной статье, посвященной истории Оружейной палаты, И. А. Комаров трактовал подчинявшийся оружничему Ствольный приказ как кузницу боевого оружия русской армии (Государева Оружейная палата 2002, 15). Неоднозначно упомянул интересующее нас учреждение Г. Л. Малицкий, полагавший, скорее всего, что Ствольный приказ был локализован на Бархатном дворе (Малицкий 1954, 536). Согласно справочнику по приказам Московского царства Ствольный приказ ведал «изготовлением стволов для ручного огнестрельного оружия... на протяжении значительной части своего существования был подведомственен главе Оружейной палаты», там же сообщаются имена его руководителей в 1647–1666 гг., причем этот временной промежуток ошибочно считается временем существования приказа в целом. Также в этом справочнике указан Приказ мушкетного дела как «временное приказное учреждение, действовавшее в 1654 г.» (Лисейцев, Рогожин, Эскин 2015, 99). Важное предположение сделал О. Г. Ульянов, считавший, что Ствольный приказ был учрежден в 1647 г., а Бархатный двор являлся его производственной площадкой. Известная цитата из сочинения Григория Котошихина «Оружейной приказ... а ведомо в том приказе двор, где делают ружье» была интерпретирована исследователем как указание на оружейное производство на Бархатном дворе (Ульянов 2016, 180). Согласно изысканиям С. П. Орленко, мастера Ствольного приказа в конце 1660-х гг. отковали для Оружейной палаты ряд парадных железных щитов (Орленко 2014, 323, 328), в то же время, по мнению этого автора, основная функция

---

⁴ Бархатный двор в этой работе не упоминается.

Ствольного приказа состояла в производстве армейского огнестрельного оружия, но в начале XVIII в. на Бархатном дворе над его созданием трудились десятки мастеров Оружейной палаты (Орленко 2016, 73, 74).

В ряде работ, затрагивающих вопросы вооружения армии, истории русского оружейного дела и Оружейной палаты интересующего нас периода времени, ни Ствольный приказ, ни Бархатный двор не упоминаются вообще (Бранденбург 1876, Смирнова 1989; Маковская, 1992⁵; Павлович 2001; Павлович 2011; Алексеев 2019; Алексеев 2021). О соотношении количества импортного вооружения и русских ружей, изготовленных в России с использованием «заморских» комплектующих деталей, писал, например, В. Н. Захаров. Он отмечал, что с середины первого десятилетия XVIII в. ведущую роль в поставке вооружений из-за границы играли голландские коммерсанты, которые за три года (в 1707, 1708 и 1710) ввезли в Россию более 43 тысяч фузей, при этом «в меньших количествах ввозились основные части ружей – стволы и замки. Прочие детали производились русскими мастерами, они же выполняли сборку фузей» (Захаров 1996, 220). При этом исследователь не указывает, в каких именно российских оружейных центрах собирались фузеи из ввезенных деталей, среди которых, например, было 15 тысяч стволов и 20 тысяч замков, поставленных А. Диксом в 1704–1706 гг. (Захаров 1996, 222–223).

Итак, на сегодняшний день мы не имеем документов, которые бы указывали в явном виде на время учреждения Ствольного приказа и начало оружейного производства на Бархатном дворе, также не сохранились ни приходно-расходные и окладные книги этого ведомства, ни его повседневное дело-производство. Нет сомнений в том, что указанные документы существовали. Так, в деле 1696 г. о «справе убылого жалования» имеется такая ссылка: «Челобитчику Филиппу Лукьянову по справке с окладными книгами Ствольного приказу оклад 2 рубли, хлеба ржи 6 четь, овса тож»⁶. Другие документы

---

⁵ Если быть точным, Л. К. Маковская единожды упоминала «бархатную фабрику в Москве» под 1711 г. (Маковская 1992, 63), но это ошибочное суждение, как мы покажем ниже.

⁶ Челобитные Оружейной палаты мастеров. 1696. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 32323. Л. 8. Окладные книги Ствольного приказа упоминаются и в других делах Оружейной пала-

Оружейной палаты неопровержимо свидетельствуют, что Ствольный приказ функционировал на протяжении всей второй половины XVII в., мы проиллюстрируем это положение ниже.

Точное время основания Ствольного приказа неизвестно, но имеющаяся дата 1647 г. вызывает сомнения. О существовании близ Тайницких ворот «оружейного амбара» уже в 1645 г. упоминал И. Е. Забелин (Забелин 1905, 627). В 1638 г. на Бархатном дворе имелось хранилище оружия «онбар, что за Тайницкими вороты у Кремля города у стены» (Ульянов 2016, 181). Однако наличие складских помещений нельзя непосредственно увязать с производством оружия, возможно, это было как-то связано с отстрелом стволов на берегу Москвы-реки.

Наши твердые знания о руководителях Ствольного приказа исчерпываются лишь отрезком времени в 20 лет: с 1646 по 1666 гг. (Богоявленский 2006, 160–161). Его судьями в эти годы были Г. Г. Пушкин, Б. М. Хитрово, И. Д. Милославский. Две первых персоны более известны как оружничие, возглавлявшие Оружейную палату. Можно предположить, что с 1658 г., когда главой Ствольного приказа числился Б. М. Хитрово, и до 1700 г. руководство этим учреждением осуществлял также судья Оружейной палаты, оружничий. Приказ мушкетного дела, эпизодические упоминания о котором зафиксированы в 1653/1654 г., возглавлялся Г. Г. Пушкиным и дьяком Афанасием Копыловым (Богоявленский 2006, 99). Не имея никаких других сведений о Приказе мушкетного дела, логично предположить, что это учреждение было тождественно Ствольному приказу. Данные о нижнем управленческом звене приказа мы можем незначительно дополнить, указав имя одного подьячего приказа в 1684 г. В деле о взыскании долга ствольного мастера имеется ссылка на двор «в Новой кузнецкой слободе в приходе у церкви Николая Чюдотворца что в Болвановке... подле двора Ствольного приказу подьячего Ивана Микифорова сына Пинаева»⁷.

ты, см.: Челобитная мастеров Оружейной палаты о выдаче им жалования. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21622. Л. 5; Челобитная Ствольного двора кузнеца о жаловании. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21590. Л. 2.

⁷ Дело о взыскании долга со ствольного мастера Прокофия Комаева. 1684. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52153. Л. 3.

В документе 1683 г. с выписками по групповым челобитным работников указан весьма крупный штат учреждения: «И против челобитья выписано: в Приказе ствольного дела кузнецов 74 человека; станочного дела мастеров 48 человек; всего кузнецов и станочного дела мастеров 122 человека»⁸. Надо полагать, что кузнецами в этом деле названы как ствольные мастера, так и замочные.

Описи имущества этого ведомства нам неизвестны, но мы можем реконструировать такой документ, сделав выдержки из Переписной книги царской оружейной казны 1687 г., проходящие под рубрикой «На Бархатном дворе в Ствольном приказе».

«Да на Бархатном дворе восемьдесят восемь шпаженок худых ломаных... дватцать семь протазанов и в том числе девять на древках... четыреста одиннадцать бердышев салдацких... сто двадцать семь топоров плотничьих работных худых... два копья без древков, цена по три алтына по две деньги... да сто десть копышек... сорок один ствол пищальных длинных трех аршин... шестнатцать стволов пищальных казачьих, в том числе семь горелых... две тысячи триста шездесят замков пищальных худых и ржавых, русских и немецких... триста девяносто восемь стволов мушкетных длинных и коротких, цена по шти алтын по четыре деньги... триста сорок стволов мушкетных горелых... восьмьсот семдесят жагр мушкетных немецких в починку... две тысячи сто дватцать жагр худых... семдесят шесть замков новгороцково дела да семдесят семь замков с жаграми... пятьсот шестьдесят замков колесных... четыре тысячи шестьсот дерев мушкетных станков... тысяча четыреста шесть шишаков железных ржавых худых... две тысячи шестьсот тритцать одна доска, что делают из них стволы пищальные... дватцать одна чепь, что держат колодников»⁹.

---

⁸ Челобитная мастеров Оружейной палаты о выдаче им жалования. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21622. Л. 3.

⁹ Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям думным дворянином А. Ф. Полибиным и дьяком В. Мануиловым. 1687. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 96 об., 130 об., 132, 137 об., 200 об., 322 об. – 323 об., 374–374 об., 375–375 об., 474, 703–703 об.

Большая часть этих предметов проходит с подзаголовком «сверх прежних переписных книг», следовательно, они поступили после 1682 г., когда была составлена предшествующая опись Оружейной палаты. Приведенные цитаты показывают, что на Бархатном дворе хранилось боевое оружие, требующее ремонта, а также его основные детали; ротация вооружения была достаточно высока.

Имеющиеся данные показывают чрезвычайную близость Оружейной палаты и Ствольного приказа. Даже хранившееся в последнем боевое оружие находилось на балансе «головного» учреждения. Закономерно возникает вопрос о статусе Ствольного приказа и пределах его самостоятельности. В действительности основная функция обоих органов была полностью аналогична – производство оружия, но Оружейная палата, как дворцовое ведомство, контролировала оборот в первую очередь парадного оружия, сделанного «про государев обиход», а Ствольный приказ имел дело с боевым «расхожим» вооружением русской армии. Здесь вскрывается важное отличие двух приказов. Если в штат Оружейной палаты входило множество работников, специализация которых не имела прямого отношения к созданию предметов вооружения (иконописцы и другие художники, резчики по кости, строчники, тесемочники, часовщики; даже органный мастер и «мастер накладных волос»¹⁰), то мастера Оружейного приказа, по имеющимся данным, были однозначно ориентированы на производство ручного наступательного оружия.

Каждое ведомство имело собственный бюджет, что показывает известную автономию Ствольного приказа. Впрочем, денежные средства могли переходить из одного учреждения в другое. Например, в августе 1666 г. в Оружейную палату «на приказные расходы» из Ствольного приказа было взято десять рублей (и триста рублей из Новой чети)¹¹. В начале 1681 г. для массового производства пищалей и мушкетов с русскими замками необходимо было выдать кормовые деньги «приказу Ствольного дела кузнецом

---

¹⁰ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 484 об. Мастер был записан как Иван Моторин.

¹¹ О взятии в Оружейную палату на приказные расходы денег. 27 августа 1666. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10475. Л. 1.

ствольным заварщиком и молотобойцем, и сверльщиком и отдельщиком и точилщиком и пилником... да станочным мастером», однако выяснилось, что «в Приказе ствольного дела денег ничего нет», и руководство приняло решение «дать то число денег из Оружейные полаты займы до тех мест, как взяты будет денги за ружье из Рейтарского приказу»¹². В апреле 1692 г. мастерам Оружейной палаты требовалось позолотить три пары пищальных стволов, но оказалось, что «к тому делу золотых ни ис которого приказу не взято, а в Оружейной полате нет». Дефицит золота был преодолен следующим образом: «Окольничей Иван Юрьевич Леонтьев... приказал к тому делу пятнадцать золотых дать из Ствольного приказу и записать в Оружейной полате в приход»¹³. Эта запись подтверждает, что Оружейная палата и Ствольный приказ имели самостоятельные бюджеты, но благодаря наличию одного и того же руководителя средства легко перетекали из одного заведения в другое, – известно, что И. Ю. Леонтьев в 1692 г. возглавлял Оружейную палату (Богоявленский 2006, 256), а судя по приведенному документу, также и Ствольный приказ.

При форс-мажорных обстоятельствах оба учреждения могли получать деньги одновременно из третьего источника, о чем повествует документ 1685 г. «О взятии из Приказа большой казны в Оружейную палату денег на дачу жалования Оружейной и Серебряной палат и Ствольного приказа приказным и мастеровым людям за пожарное разорение»¹⁴.

Головное ведомство часто привлекало работников нижестоящего учреждения к вспомогательным работам. В сентябре 1659 г. «Приказу ствольного дела станочным мастером» были выданы деньги за то, что они «делали двенадцать оконнишных болших пялец в Верхние полаты»¹⁵. В том же месяце «плотники Ствольного приказа прибывали доски в Оружейном

---

¹² О жаловании ствольным мастерам. 1681. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19858. Л. 1.

¹³ О сделании в Оружейную палату пищалей с замками и приборы. 1692. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 29303. Л. 2.

¹⁴ О взятии из Приказа большой казны в Оружейную палату денег. 16 сентября 1685. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 23673. Л. 1–6.

¹⁵ Приходо-расходная книга Оружейной палаты 1659–1660. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 949. Л. 23–23 об.

приказе», очевидно, проводя ремонтные работы, а станочные мастера «мостили мост позади Оружейных полатей»¹⁶. В каких-то случаях работа оружейных мастеров открывается с неожиданной стороны, – в 1663 г. три кузнеца Ствольного приказа были посланы «к пашенному делу в Домодедовскую волость для починку ста отрезков», то есть сельскохозяйственного инвентаря¹⁷, в мае 1668 г. кузнецы Бархатного двора «к клеткам попугаям били полосы большие»¹⁸.

В ряде случаев работники Ствольного приказа участвовали в изготовлении парадного оружия «про государев обиход», в том числе для пасхальных подношений. «190-го марта в 20 день Ствольного приказу Бархатного двора замошной мастер Ларка Алексеев делал замки турецкие в поднос три замка, а дела было три недели»¹⁹. Среди оружейных подношений царю Алексею Михайловичу на Пасху 1668 г. были «2 копья железные кумыцские деланы в Ствольном приказе, деревье черное»²⁰, а в мае того же года кузнецы Бархатного двора делали верлюги и оковывали лафеты к парадным кованым пушкам из упомянутого пасхального подношения²¹.

Неясно, идет ли речь об армейском или все же парадном вооружении в документе 1664 г., согласно которому для участия в смотре войск было «ис Ствольного приказу прислано сделанных против неметцкого 10 пальников»²². Но несомненным остается основное направление деятельности описываемого учреждения – массовое изготовление оружия и его основных деталей для вооруженных сил Московского царства.

---

¹⁶ Там же. Л. 26, л. 44 об.

¹⁷ О выдаче денег к приказным делам. 1663. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8448. Л. 44.

¹⁸ Челобитные разных мастеров Оружейной палаты о жаловании. Май 1668. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11749. Л. 11–13.

¹⁹ Росписи и выписки о выдаче кормовых денег. 11 января 1682. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20389. Л. 5.

²⁰ Роспись оружейным делам, которые были великому государю в подносе. 22 марта 1668. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11708. Л. 5.

²¹ Челобитные разных мастеров Оружейной палаты о жаловании. Май 1668. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11749. Л. 11–13.

²² Яковлев Лукиан. Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению. Дополнение к III отделению. Русские старинные знамена. М., 1865. Приложения. С. 116, № 56.

С начала 1680-х гг. в Ствольном приказе было развернуто широко-масштабное производство боевых пищалей (в разных документах они именовались завесными, казачьими и даже турецкими). О размахе работ говорит их финансирование: «Да в приказ Ствольного дела довелось взять из Приказу Большого дворца за завесные пищали 820 рублей», а исходно была запрошена сумма в 4000 рублей²³. Указанное производство продолжалось и в 1687 г., когда на Бархатном дворе массово ковали и отделывали пищальные стволы²⁴. Интересные подробности об отделке стволов содержатся в деле о выдаче жалования 1683 г. по челобитной «Ствольного двора кузнеца Елизара Яковлева с товарищи». Согласно приводимой в нем выписке из документов Ствольного приказа «кузнецы, точильщики, и сверльщики, и пильники Якушко Григорьев с товарищи 52 человека на Бархатном дворе казачьи завесные стволы точили и сверлили, а пильники к той ствольной отделке ствольным мастером пилы зубили октября з 28-го числа ноября по 30 число опроче воскресных и праздничных дней», производственные роли и операции детализируются: обтачивали стволы «точильщиков 2 человека, которые сидят на станах, да 4 человека вертельщиков, а точили она по 8 стволов на день... сверльщики... сверлили ручным сверлом по 4 ствола на день»²⁵.

К работам были привлечены и многие мастера Оружейной палаты: «Ствольного дела мастером Василью Федотову с товарищи... велено делать в приказе Ствольного дела стволы к пищалем завесным казачьим гладкие со всем в отделке». В том же документе приводились имена мастеров, работавших вместе с Федотовым, это Киприан Осипов (Келарев), Роман и Прокофий Комаевы²⁶, в другом сообщалось, что мастера Оружейной палаты белорусского происхождения «Клим Максимов с товарищи делали в Приказ стволь-

---

²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20217. О выдаче жалования и покупке материалов. 1680. Л. 7, 9.

²⁴ О выдаче денег за взятые на Бархатный двор десяти стулов дубовых. 8 августа 1687. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 25361. Л. 1.

²⁵ Челобитная Ствольного двора кузнеца о жаловании. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21590. Л. 2, 3.

²⁶ Челобитные и росписи мастеров Оружейной палаты 1680. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18820. Л. 33, 35, 41, 43.

го дела стволы гладкия казачьи завесные... для ево государевы службы»²⁷. Из челобитной ведущего мастера Оружейной палаты Григория Вяткина и его сына Афанасия 1683 г. следует, что они «работают... в Ствольном приказе у правки завесных стволов беспрестанно»²⁸.

Участие в описываемой производственной кампании царских придворных оружейников подтверждают не только письменные источники. В собрании Музеев Московского Кремля сохранился ряд парадных казачьих пищалей с кремневыми замками турецкого типа, большая часть которых декорирована мастерами Оружейной палаты. Однако стволы и замки этих пищалей с большой вероятностью сделаны в Ствольном приказе в начале 1680-х гг. (Чубинский 2023). Ранее ошибочно считалось, что стволы этих пищалей откованы в Туле (Чубинский 2012, 134). Также в современном собрании музея имеется около полутора сотен отдельных пищальных стволов (Чубинский 2023), аналогичных установленным на упомянутых казачьих пищалах, которые были заварены и отделаны на Бархатном дворе в 1680-е гг. Большинство этих деталей по своей морфологии сходны с ранними турецкими стволами (разделены поясками на три различающиеся по длине части: короткую круглую в сечении казну, среднюю часть – граненую или с прицельной гранью, на которой врезан прицел, и длинную дульную часть, завершающуюся раструбом). Заметно меньшая группа стволов – восьмигранные по всей длине. Все эти стволы имеют длину в пределах 110–125 см и калибр 10–13 мм. Интересно, что большая часть перечисленных стволов – как установленных на пищалах, так и хранящихся отдельно – имеет клеймо на казне в виде двуглавого орла в круге. Вряд ли этот знак является клеймом отстрела, Н. В. Гордеев называл его «клеймом Оружейного приказа» (Гордеев 1954, 20).

Другим направлением деятельности Ствольного приказа был ремонт строевого оружия, поступавшего из полков и ведомств, напрямую связанных

---

²⁷ Книга приходная и расходная Оружейной палаты 1679–1680. Ф. 396. Оп. 2. Д. 960. Л. 676.

²⁸ Челобитная Оружейной палаты мастеров Григория и Афанасия Вяткиных о жаловании. РГАДА.Ф. 396. Оп. 1. Д. 21937. Л. 2.

с войсками, в первую очередь из Разрядного приказа. Об этом свидетельствует вышеприведенная опись военного имущества, хранившегося на Бархатном дворе в 1687 г., в которой часть оружия помечена как ожидающая починки, часть деталей явно демонтирована с утратившего функциональность оружия (в первую очередь это горелые стволы и фитильные замки). Починку оружия можно считать частным случаем модернизации – изготовления нового вооружения с использованием старых деталей. Архивные документы рассказывают о масштабном изготовлении мастерами Ствольного приказа новых боевых ружей со старыми мушкетными стволами: «В прошлом во 193-м году... делали станочного дела мастера к ых великих государей мушкетным стволам новые станки з жагры... всего тридцать три человека зделали семьсот шездесят восемь мушкетов, и те мушкеты в казну великих государей в Верхние оружейные палаты иноземец Андрей Сведенгребель принял все сполна»²⁹. Заметим, что отдельные детали для нового оружия могли поставляться извне. Летом 1687 г. ложевые мастера Ствольного приказа делали ложи и собирали ружья, используя «старые мушкетные стволы», тульские замки, а также спуски и «хвостовые шурупы», изготовленные замочниками Оружейной палаты во главе с Федором Сорокиным³⁰.

Также мастера Ствольного приказа проводили контрольный отстрел стволов для войскового оружия, причем не только собственного производства. Два столбца Оружейной палаты, датированные летом 1686 г., описывают отстрел большого количества пищальных и мушкетных стволов, находившихся на балансе описываемого учреждения: «Старые стволы, которые велено в Ствольном приказе починивать и отделявать в станки, простреливать на Москве в походе при себе великом государе; и то ружье с Бархатного двора для прострелу возили... завесных 850 стволов московского и тульского дела... в поход в село Преображенское... а за провоз того ружья... от Ствольного приказу до села Преображенскаго и назад до Ствольного приказу, дове-

---

²⁹ Выпись о расходе денег на изготовление мушкетных стволов со списком мастеров. 1685. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52159. Л. 1–2.

³⁰ Об отдаче Ствольного приказа станочникам Ивану Терентьеву с товарищами старых мушкетных стволов. 6 июля 1687. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 25299. Л. 1.

лось дать тем извозчиком на подводу по 4 алт.»³¹, там же сообщается, что для простреливания возили «1500 стволов завесных и мушкетных... с Бархатного двора в Нижний сад, что на старом Денежном дворе», и 900 стволов с Бархатного двора на Житный двор. Второй столбец 1686 г. позволяет уточнить некоторые частные детали операций по перевозке оружия и разных материалов. 5 августа «по письму из похода, послан в село Преображенское замочного дела мастер Аввакум Онтропов, а с ним 2 человека кузнецов чернодельцов»³². Аввакум Антропов числился в штате Оружейной палаты, а безымянные «чернодельцы» наверняка относились к Ствольному приказу, судя по характерному наименованию их специализации. Все три мастера руководили перевозкой «тульского Никиткина ружья Демидова 265 пищалей с Бархатного двора... в верхние Оружейные Палаты», а также транспортировкой «с Пушечного Двора в Ствольной приказ 15 пуд пороху». Этот документ содержит, возможно, самое раннее упоминание оружейных поставок в казну тульским коммерсантом Никитой Демидовым. А согласно данным из первого столбца, менее чем за полгода с июля месяца 1686 г., из Ствольного приказа вывозили для отстрела более шести тысяч пищальных и мушкетных стволов³³, при этом один раз пункт выдачи стволов назван Ствольным приказом, другой раз – Бархатным двором. Приведенные цитаты еще раз подтверждают, что эти наименования в документах были практически синонимичны.

Отрывочные сведения показывают, что на раннем этапе существования Ствольного приказа контрольный отстрел стволов не обязательно осуществлялся его работниками. Так, например, в 1641 г. порох для отстрела «пятьсот пятьдесят мушкетов московского и тульского дела» из Пушкарского приказа был выдан в Стрелецкий приказ³⁴. Упомянутые мушкеты «московского дела» вряд ли могли быть сделаны где-либо, кроме Ствольного приказа, но их отстрел проводило другое ведомство.

---

³¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Сост. Г. В. Есипов. Т. 1. М., 1872. С. 75–76, № 327.

³² Там же. С. 71–72, № 310.

³³ Там же. С. 76, № 327.

³⁴ АЮБ. Т. 2. СПб., 1857. Ст. 722.

Точная дата упразднения Ствольного приказа как самостоятельного заведения, как ни странно, известна давно. Цитата из соответствующего царского указа была опубликована еще А. Е. Викторовым: «В прошлом 1700 г. января в 19 день, великий государь... указал... Оружейные, Золотые, Серебряные полаты и Ствольного приказу приказным и мастеровым людям быть указному числу, и ведать их и дела снести в Оружейную палату, и давать им своего великого государя жалованья указное окладное число» (Викторов 1883, 465)³⁵. Эта запись означает, что три указанных учреждения поглощаются Оружейной палатой и становятся ее структурными частями; их архивы далее хранятся в Оружейной палате. В той же приходно-расходной книге, которую цитировал А. Е. Викторов, имеется и окладная ведомость Оружейной палаты, в которую включены в том числе и мастера Ствольного приказа: «Мастеровые люди кузнецы и станочники оклады по 4 рубли, хлеба ржи по 6 четей, овса по тому ж человеку на год, им же дается как бывают у дел кормовых по 8 денег человеку на день, ведомы Ствольного приказу: заварщики... 3 человека, замочники... 8 человек, отдельщики... 11 человек, пилники... 3 человека, точильщик Иван Григорьев, чернодельцы... 18 человек, станочники... 22 человека... Всего по вышеписанному списку Оружейные полаты и Ствольного дела приказных и розных дел мастеровых людей и сторожей 154 человека»³⁶. Как видно из документа, оружейники бывшего Ствольного приказа (всего 66 человек) получают одинаковое годовое жалование³⁷, а их список отделен от мастеров Оружейной палаты. Как производственная мастерская Ствольный приказ продолжает функционировать, но как управленческая единица он более не существует, как и Серебряная и Золотая палаты (Малицкий 1954, 538).

---

³⁵ Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Сост. А. Викторов. Вып. 2. М., 1883. С. 465.

³⁶ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 14–15.

³⁷ Ранее мастера Ствольного приказа также эпизодически получали жалование в Оружейной палате, но в приходно-расходных книгах эти выплаты проходили как неокладные ситуативные расходы, например, в 1680 г. См. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Сост. А. Викторов. Вып. 2. М., 1883. С. 449.

Большой интерес представляет обнаруженное нами дело о постройке «амбаров для оружейных дел» на Бархатном дворе: «1700-го июля в 5 день по указу великого государя... боярин Федор Алексеевич Головин приказал для всяких... оружейных дел сделать на Бархотном дворе два анбара по шти сажен о двух житьях, да анбар трех сажен об одном жетье, да семь анбаров прежних покрыть вновь дранью с скалою, кузницу перебрать, где погнило и обветшало починить заново, и покрыть тесом по драни. Меж двух отделных изб сделать сени новые и покрыть те отдельные избы и сени да горницу, что бывал Приказ ствольного дела, и у ней сени и крылцо, и нужник дранью с скалою, а у того строения быть купчине Родиону Исаеву»³⁸. В этом же деле имеется подробная роспись материалов, сделанная подрядчиком Исаевым³⁹. Этот документ дает возможность локализовать прежнюю канцелярию Ствольного приказа на Бархатном дворе на втором этаже одной из изб, вероятно, служившей мастерской или складом: «горница, что бывал Приказ ствольного дела». В ходе ремонтных работ планировалось соединить две избы сенями и перекрыть все строения, включая туалет, щепой («дранью») и подложить берестой («скалой»). Общее количество построек на Бархатном дворе, находившееся на балансе Ствольного приказа и Оружейной палаты, – десять «амбаров», кузница и две избы, одна из которых имеет второй этаж – «горницу», в которой размещалась канцелярия приказа. Упоминание среди построек единственной кузницы не должно вводить в заблуждение. Другие кузницы могли размещаться в «амбарах», последнее название прилагалось как к складским, так и к производственным строениям. Несомненно, общее количество кузнечных мест Бархатного двора было достаточно велико и до, и после 1700 г. В 1677 г. сторож Оружейной палаты Борис Семенов организовал постройку в «приказе Ствольного дела десяти горнов»⁴⁰, в 1687 г. на Бархатном дворе было запланировано «сделать для оружейной заварки против

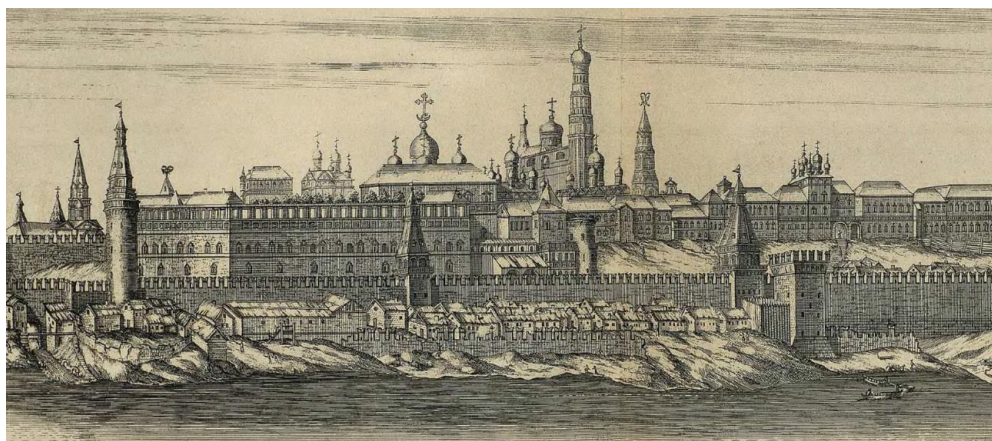
---

³⁸ О сделании амбаров на Бархатном дворе для оружейных дел. 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34581. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 1–2. Порядок листов в деле перепутан, количество листов расшитого столбца – четыре, а не три, как значится в описи архива.

⁴⁰ Приходная и расходная книги денежной казне Оружейной палаты 1676–1677. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 958. Л. 357 об. – 358.

немецких железных заводов очаги, а в очагах по четыре горна, а над теми очаги по проводной трубе»⁴¹. В 1702 г. возникла необходимость в починке на горнах «17 пар мехов»⁴², что косвенным образом говорит о производственных мощностях в целом. В октябре того же 1702 г. на Бархатном дворе кузнецы Ствольного приказа работали «на тринадцати горнах по три человека на горну»⁴³.

Илл. 1. Питер Пикарт. Вид Москвы от Каменного моста. 1707—1708 гг. Фрагмент.

Постройки Бархатного двора, скорее всего, изображены на гравюре «рисовального дела иноземца» Питера Пикарта 1707–1708 гг. (Илл. 1)⁴⁴. Строения у кремлевской стены стоят весьма тесно, следовательно, на момент зарисовки этой части панорамы оружейные избы и амбары еще не были разобраны и перевезены в другое место⁴⁵. Вероятно также, что часть построек на изображении не имеет отношения к оборонной промышленности.

---

⁴¹ О сделании на Бархатном дворе для оружейной заварки очагов. 16 июля 1687. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 25310. Л. 1.

⁴² О починке на Бархатном дворе в Ствольном приказе на горнах 17 пар мехов. 31 марта 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35967. Л. 1.

⁴³ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 248.

⁴⁴ Гравюра неоднократно публиковалась, например, М. А. Алексеевой (Алексеева 1990, 59).

⁴⁵ Это обстоятельство может прояснить историю создания гравюры и уточнить ее датировку.

Итак, выявленное нами местоположение администрации Ствольного приказа объясняет двойную топографическую отсылку в документах, например, почему одно из хранилищ вооружения, состоящее на балансе Оружейной палаты в 1687 г., обозначалось как «на Бархатном дворе в Ствольном приказе»⁴⁶.

Также можно быть уверенным, что изредка упоминавшиеся в документах «кузнецы Бархатного двора»⁴⁷ на самом деле были штатными работниками Ствольного приказа. Имеются и другие формулировки, по которым мы можем судить о ведомственной принадлежности тех или иных оружейников: «Ствольного приказу Бархатного двора замошной мастер»⁴⁸, «Ствольного двора кузнец»⁴⁹. Наконец, имеются формулировки, которые нельзя верно истолковать без знания контекста: «Оружейные полаты Ствольного приказу кузнецы... Оружейные полаты станочного дела мастера»⁵⁰; во втором упоминании имеются в виду ложевщики также Ствольного приказа, хотя формально указана их принадлежность вышестоящему дворцовому ведомству.

Собственный архив Ствольного приказа, формировавшийся до 1700 г., скорее всего, утрачен безвозвратно, документы, описывающие его деятельность во второй половине XVII в., как мы видели выше, встречаются в виде редких вкраплений в архиве Оружейной палаты. Большая часть сохранившихся документов, освещающих деятельность работников бывшего

---

⁴⁶ Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям думным дворянином А. Ф. Полибиным и дьяком В. Мануиловым. 1687. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 12.

⁴⁷ О даче Оружейной палаты мастеровым людям жалования. 1664. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893. Л. 129; Челобитная Бархатного двора кузнецов о жаловании. 1675. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15358. Л. 1; О даче кормовых денег работнику Бархатного двора кузнецу Григорию Васильеву 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34471. Л. 1; Челобитная Бархатного двора кузнеца Ивана Васильева Карабана жены Агафьи. 1701. Д. 35128 Л. 1.

⁴⁸ Росписи и выписки о выдаче кормовых денег. 11 января 1682. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20389. Л. 5.

⁴⁹ Челобитная Ствольного двора кузнеца о жаловании. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21590. Л. 1.

⁵⁰ Челобитная мастеров Оружейной палаты о выдаче им жалования. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21622. Л. 1–2.

Ствольного приказа и Бархатного двора, относится ко времени после 1700 г., когда делопроизводство велось в Оружейной палате. Интересующие нас данные в основном содержатся в приходно-расходных книгах⁵¹, в меньшей степени – в столбцах⁵² Оружейной палаты, это очень большой массив информации. Заметим, что в этих документах наименование Ствольного приказа сохраняется, следовательно мы можем считать, что как структурная единица Оружейной палаты он сохраняет известную автономность. В росписи окладам 1701 г. две группы оружейников описаны порознь: сначала ствольщики, замочники, ложевщики и работники других специализаций Оружейной палаты⁵³, а после этого «мастеровые люди... ведомы Ствольного приказу», в числе которых 3 заварщика, 8 замочников, 11 отдельщиков, 3 пильника, 1 точильщик, 18 чернodelьцев, 22 станочника (66 человек)⁵⁴. На первый взгляд, количество оружейников обоих заведений сравнимо, так как «всего... Оружейные полаты и Ствольного дела приказных и розных дел мастеровых людей и сторожей 154 человека»⁵⁵. Но это не так. В штате первого учреждения более половины составляют лица, не имеющие прямого отношения к производству вооружения.

На начало 1703 г. штат Ствольного приказа был чуть меньшим – 60 человек⁵⁶. Однако такие колебания численности не имели решающего значения, так как помимо штатных «жалованных» мастеров приказа к работам на Бархатном дворе привлекались тульские казенные оружейники и другие мастера, в том числе именовавшиеся «посторонними», которые работали за «корм» – поденную оплату по заранее определенным расценкам. Документ об единовременной выплате к празднику весной 1707 г. показывает заметно большее количество кузнецов: «Дано ево государева жалованья к

---

⁵¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986–1002.

⁵² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 22, 23.

⁵³ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 9–13 об.

⁵⁴ Там же. Л. 14–15.

⁵⁵ Там же. Л. 15.

⁵⁶ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 103 об. Список специальностей сходен с вышеприведенным, - это кузнецы, заварщики, замочники, отдельщики, пильники, точильщик, чернodelьцы, станочники.

празднику Христовы Пасхи Бархатного двора кузнецом жалованным и кормовым осмидесят одному человеку в зачет в годовое жалованье... по рублю человеку... и ис тех кузнецов жалованных 44 человек»⁵⁷.

Непосредственное руководство работами на Бархатном дворе осуществляли мастера Оружейной палаты, например, Афанасий Вяткин и Константин Аввакумов. Основные категории интересующих нас работников указаны в платежной росписи 1702 г., составленной Афанасием Вяткиным: «Розных дел мастеровым людем Ствольного приказу и тульским кузнецом и посторонним, которые работают на Бархатном дворе всяких оружейных дел, и учеником, которые учатца у иноземца ствольного дела у Ивана Странка, замочного дела у Костянина Абакумова в даче кормовых денег четыреста сорок восемь рублей»⁵⁸.

После 1700 г. основные виды деятельности Ствольного приказа сохранились, – это ремонт, модернизация и сборка армейских ружей, хотя мы больше не встречаем указаний на ковку стволов. Представление об этом производстве дают следующие цитаты из документов 1702 г.: «Августа с 20 числа... по указу великого государя принято на Бархотной двор Ствольного приказу замошников Филипа Артемьева с товарищи сем человек, зделали сто фузей старых тульских в том числе приделали семьдесят семь курков, огнив, пружин больших... малых... да они ж чистили стволы и замки»; «...ноября з 12-го и в сие 20 число... работали на Бархотном дворе посторонние станошники Афонасей Зиновьев с товарищи пять человек, разбирали и простреливали и збирали шестьсот шездесят фузей, которое было ружье у Микиты Демидова в деле, и чистили, а работали восем дней»; «...работают на Бархотном дворе тульские казенные кузнецы Микита Ченцов с товарищи дватцать адин человек, и в том числе два человека станошников,

---

⁵⁷ Дела по денежным расходам Оружейной палаты за январь – июнь 1708. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1003. Л. 74 об.

⁵⁸ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 24.

переделывают оне старые мушкетные стволы заново, обьтирают те стволы болшими пилами заново»⁵⁹.

Однако суммарная роспись конца 1701 г. дает заметно более широкий ассортимент продукции: «В розных месяцах и числех по указом и по росписям и по выпискам и по челобитным за пометами мастеровым людем, которые работали на Бархатном дворе у оружейных дел... делали они мастера багинеты и алебарды, и фузейные, и винтовальные и мартировые станки новые, и у старых фузей, которые были у салдат в ученье, починивали замки и станки, а починили с шесть тысяч фузей»⁶⁰.

Еще более разнообразна картина оружия, рассылаемого в полки в 1702 г.: «Зделано на Бархатном дворе двести сорок ящиков, в которых послано по городам с Москвы ружья – фузей з багинеты, копья, лядунки с сумами и с перевязми и з багинетным поясьем, пистоли с ольстры, сабли, сулебы, алебарды, винтованные пищали, мартиры, седла драгунские, а к ним на покупку припасов тесниц, гвоздья, обручья и плотником и на лебарды и на шонполы досок дубовых, и кленин на черенья»⁶¹. Явно не все упомянутые предметы изготовлены мастерами Ствольного приказа, документы об изготовлении сабель, сулеб и копей нам неизвестны, кроме того, неясно, какое именно строевое оружие понималось под сулебами⁶² и копьями⁶³. В равной степени нельзя однозначно определить упомянутые здесь багинеты как кинжалы, вставлявшиеся рукоятью в дуло ружья, с большой вероятностью это были штыки, монтировавшиеся тем или иным способом на внешнюю часть

---

⁵⁹ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 129, 299, 378.

⁶⁰ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 33–33 об.

⁶¹ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 92 об.

⁶² Синонимичными названиями оружия, которое здесь именуется сулебами, скорее всего, могли быть наименования «тесак» и «кортик». О раннем использовании этого оружейного термина см. нашу работу 2016 г. (Чубинский 2016, 348–349).

⁶³ С нашей точки зрения, копьями здесь могли быть названы и пики, и полупики, и рогаточные наконечники, и даже протазаны.

дула⁶⁴. Именно такие штыки упоминаются в столбце Оружейной палаты 1702 г.: «Апреля с 27 числа по мая по 3 число... были у дела на Бархотном дворе тульские казенные кузнецы Спиридон Стыров с товарищи дватцать человек, приделывали кривые багинеты отделанные, которые сняты с тульского ружья, к преображенским и семеновским фузеям, в три дни по пяти багинетов зделали, а в два дни по четыре багинета. А в шестой день обтирали черные багинеты пятнадцать человек, в том числе пильник... чернodelьцы на горнах отковали по четыре багинета в день... жалованья доведется им дать кормовых денег по осми денег на день»⁶⁵.

Короткая цитата из документа 1700 г. позволяет ярко представить диапазон работ и организационную сложность производства на Бархатном дворе: «Октября в 28 день... боярин Федор Алексеевич Головин с товарищи приказали к оружейным делам на доделку запасных ста алебард, и на дело к фузейным стволам новых станков, и на починку старого ружья, которое принято из розных приказов и полков, и из городов, и на покупку станочного дерева и всяких мелких припасов денег сто рублей взять ис приему подьячего Ивана Оловяникова»⁶⁶.

Наиболее часто в документах встречаются дела об изготовлении на Бархатном дворе фузей⁶⁷. В то же время не найдено ни одного сообщения о том, чтобы фузейные стволы отковывались непосредственно у стен Кремля. Имеются лишь косвенные указания на ствольное производство: «В нынешнем 1702-м году... работают на Бархатном дворе чернodelьцы... на девяти горнах сверлоки отковывают болшие мушкетные по два сверлока в

---

⁶⁴ В этой статье мы будем исходить из того, что багинеты являются ранней разновидностью штыков, и «багинет» из архивного источника допустимо именовать штыком вне зависимости от его конструкции.

⁶⁵ О даче денег тульским казенным кузнецам. Май 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36019. Л. 1.

⁶⁶ О взятии 100 руб. на дело оружия из приема подьячего Ивана Оловяникова. 28 октября 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34768. Л. 1.

⁶⁷ Мы исходим из того, что в последних десятилетиях XVII – начале XVIII в. пехотные крупнокалиберные ружья могли именоваться как мушкетами, так и фузеями, и смена наименования не была продиктована появлением оружия принципиально нового типа.

день». В том же документе говорится об отделке старых оружейных деталей: «Работают на Бархатном дворе тульские казенные кузнецы Микита Ченцов с товарищи дватцать адин человек, и в том числе два человека станошников, передельывают оне старые мушкетные стволы заново, обтирают те стволы болшими пилами»⁶⁸. Часто упоминается о более серьезном ремонте стволов, например, в сентябре 1705 г. «Ствольного приказу отделщики Иван Черепан... приделывали к старым фузейным стволам... новые казенные щурупы семьдесят пять откавывали и винты навивали и в стволы завертывали»⁶⁹.

Большие партии стволов поставляли тульские мастера, в том числе Никита Демидов. В октябре 1703 у кузнецов Устюжны Железнопольской, Ивана Травина и других, было закуплено 22 ствола ценой по 60 копеек («по 20 алтын ствол») ⁷⁰.

Из числа старых оружейных деталей, хранящихся на Бархатном дворе, ремонту подлежали не только мушкетные стволы, но и замки. В том же 1702 г. «июля в 9 день отдано Ствольного приказу замошником Филипу Артемьеву с товарищи шти человеком сто замков приделывать к ним курки, огнива, пружины большие и малые, и крючки спусковые»⁷¹. Годом позднее та же группа замочников получила сходное задание: «...отдано з Бархотного двора Ствольного приказу замошником Филипу Артемьеву с товарищи девять человек сто фузей з замками приделывать курки, огнива, пружины болшие и малыя... а надельных денег доведетца им дать... по четыре деньги на замок»⁷². «1705 году сентября з 24-го числа... Ствольного приказу замошники Авдоким Уродов с товарищи четыре человека, принето ис починки

---

⁶⁸ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 377, 378.

⁶⁹ Дела Оружейной палаты за октябрь – декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 58.

⁷⁰ Дела Оружейной палаты за сентябрь 1703 – март 1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 140.

⁷¹ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 24.

⁷² Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 192.

восемьдесят сем фузей, приделали адиннатцать курков новых»⁷³, «1706-го апреля с 15-го... работали на Бархотном дворе Ствольного приказа замошники... четыре человека... чистили и починивали, придельывали курки огнива пружины болшие... да дватцать три пары пистолей придельывали дватцать четыре курка»⁷⁴. Записи о подобных работах встречаются десятками, и их выполняют не только штатные мастера: «Принето на Бархотной двор у постороннего замошника у Макара Игнатьева осмьнатцать замков горелых, придельывал новые курки»⁷⁵. Формулировки в документах позволяют заключить, что ремонтные работы проводились не в казенных производственных помещениях, – вместо «работали на Бархатном дворе» записывалось «выдано» или «принято» на Бархатный двор. По всей видимости, замочки выполняли работы в своих домах или кузницах на посаде. Аналогичным образом было организовано изготовление лож. Станочным мастерам выдавались стволы и, вероятно, замки, через определенное время они приносили собранные ружья. Например, в 1703 г. было «принето на Бархатной двор Ствольного приказу у станощников у Филипа Лукьянова с товарищи всего 3 человека по двенатцати фузей присажены в новые станки с шкоцкими замки, делали по станку в день»⁷⁶. Редкий случай, когда над строевым оружием трудился мастер Оружейной палаты, показывает запись 1702 г., согласно которой станочнику Фоме Марачеву «дано... новых тульских двенатцать стволов придельывать новые станки с шкоцкими замки»⁷⁷. Заметно чаще над сборкой фузей работали мастера Ствольного приказа («1707-го июня з двадесят шестаго числа... работали на Бархатном дворе станощного дела мастера двенатцать дней... отделали, осадили в станки триста восемьдесят восемь стволов, а за тое работу

---

⁷³ Дела Оружейной палаты за октябрь – декабрь 1705. РГАДА, ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 58.

⁷⁴ Дела Оружейной палаты за май – декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 29.

⁷⁵ Дела Оружейной палаты за сентябрь 1703 – март 1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 74.

⁷⁶ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 53.

⁷⁷ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 30.

надлежит им дать... жалованье тритцети трем человеком кормовых по два алтына на день»⁷⁸), а также туляки («1706-го... отдано на Бархотном дворе тульским казенным станошником Максиму Камаеву с товарищи дватцети человеком по шести стволов присаживать в новые станки с шкоцкими замки, делать в день по станку а в шесть дней по шти станков»⁷⁹).

Металлический прибор для фузейных лож иногда делался на Бархатном дворе, но часто заказывался на стороне: «1701-го февраля в 26 день боярин Федор Алексеевич Головин с товарищи приказали для поспешения зделать на Туле казенным кузнецом к драгунскому ружью тысячу погонов с кольца по обрасцу»⁸⁰.

Документы об импорте штыков в интересующий нас период времени единичны. Большинство записей определяет местом их изготовления Бархатный двор: «В нынешнем 1702-м году августа с 18 числа того ж месяца по 23 число по указу великого государя работали на Бархотном дворе Ствольного приказу кузнецы чернодельцы заваривали багинеты, всякий кузнец с работником по три багинета в день»⁸¹, в 1703 г. «Григорей Навой отковал дватцать четыре багинета шесть дней, Микифор Кузмин отковал дватцать четыре багинета шесть дней, Родион Григорьев отковал двенатцать багинетов по три багинета на день, вновь стал на горн для того, что ненавычно... Корнила Петров отковал по шти крыжей на день в четыре дни дватцать четыре да четыре багинета в день на пять дней»⁸².

Подряды на изготовление багинетов широко практиковались и в Москве, и в Туле. В октябре 1702 г. по договору было выдано «дватцать пять рублей Огородной слободы тяглецу Ивану Вязмятину на дело кривых

---

⁷⁸ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 16.

⁷⁹ Дела Оружейной палаты за май – декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 26.

⁸⁰ О сделании на Туле казенными кузнецами погонов с кольцами. 26 февраля 1701. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35083. Л. 1.

⁸¹ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 107.

⁸² Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 176.

багинетов... по осми алтын по две денги»⁸³, а в декабре того же года было выдано «тульским казенным кузнецом Дементью Галахтионову с товарищи на дело двух тысяч богинетов кривых наперед триста рублей»⁸⁴.

Отдельной производственной операцией была взаимная подгонка дульной части ствола и крепежных деталей штыка, встречающаяся в большом количестве архивных дел Оружейной палаты. Например, в 1703 г. «ноября з 10-го и в сие 12 число... на Бархотном дворе посторонние колмогоры присаживали х тульскому ружью Микиты Демидова отделанные кривые багинеты по четыре в день»⁸⁵; в октябре 1705 г. «Свольного приказа отдельщики присаживали на фузеи отделанные... багинеты», среди отдельщиков упомянуты Иван Анбар, Максим Чечкин и другие⁸⁶; в декабре 1706 г. «работали на Бархотном дворе кормовые отделщики Федор Степанов с товарищи семнатцать человек, присаживали на фузеи отделанные кривые багинеты по пети в день, великого государя жалованья кормовых денег дать им надлежит по десети денег в день»⁸⁷.

Несколько отвлекаясь от принятой линии изложения, растолкуем наименование «посторонние колмогоры». Под таким названием в документах Оружейной палаты проходили, скорее всего, солдаты двух полков Михаила Фомича Кривцова и Федосия Юрьевича Козина, которые были переведены в Москву из Холмогор; исходно эти полки были стрелецкими. В Москве они несли гарнизонную службу, а состоявшие в них оружейные мастера «широко

---

⁸³ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 250.

⁸⁴ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 32 об.

⁸⁵ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 987. Л. 287.

⁸⁶ Дела Оружейной палаты за октябрь – декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 61.

⁸⁷ Дела Оружейной палаты за январь – июнь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1000. Л. 25.

использовались для производства предметов вооружения, снаряжения и экипировки» (Рабинович 1977, 30–31)⁸⁸.

Изготовление огнестрельного оружия не исчерпывалось только пехотными гладкоствольными ружьями. В 1701 г. выдавались деньги «к делу ружья на Бархатной двор... к делу фузей и винтовальных пищалей»⁸⁹; «1702-го... работали сторонние станочного дела мастера Михайла Васильев с товарищи, делали к тульским винтовальным стволам станки, а зделали девяносто пищалей»⁹⁰. Интересно, что наименование «пищаль» в последней цитате прилагается к нарезному ружью, которое, скорее всего, имело фузейную ложу и кремневый замок французского типа. Думается, что к указанному оружию могло прилагаться и название «самопал», которое в петровское время снова стало активно использоваться в Москве: «1706-го апреля с 15-го по 28 число работали на Бархотном дворе Ствольного приказа замощники Авдоким Уродов с товарищи четыре человека. Принето ис починки педдесят санапалов, чистили и починивали приделывали курки, огнива, пружины болшие и малые. Да восьмьдесят погонов с кольца отделали, да дватцать три пары пистолей приделывали дватцать четыре курка»⁹¹. Пистолеты в числе работ Бархатного двора значатся редко, а «погоны с кольцами», служащие маркером драгунских фузей – относительно часто. В то же время, судя по договорам, заключавшимся Оружейной палатой, на пути в армейские полки через Бархатный двор пистолеты проходили массово: «Подрятчику Семену Федорову на дело пяти тысящ пар ольстр пистольних по осми алтын по четыре деньги за пару напредь триста рублей»⁹². Интересно, что в августе-сентябре 1707 г. «Бархатного двора отдельщики Микита Кобелев с товарищи

---

⁸⁸ Автор выражает признательность коллеге О. А. Курбатову за прояснение состава группы «колмогоров», упоминавшихся в книгах Оружейной палаты, и ссылку на книгу М. Д. Рабиновича.

⁸⁹ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 25.

⁹⁰ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 70.

⁹¹ Дела Оружейной палаты за май – декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 29.

⁹² Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 24.

десять человек чистили в Верхней полате двести сорок пар пистолетов в день по две пары на человека, которые отпущены в Преображенской полк»⁹³.

По меньшей мере с 1702 г. мастера бывшего Ствольного приказа отковывали стволы ручных мортирок: «В нынешнем 1702-м году июня с 8 числа того ж месяца по 14 число... работали на Бархотном дворе Ствольного приказа кузнецы черноделцы, отковывали алебарды по четыре алебарда в день, работали шесть дней, всякой кузнец с работником. Михайло Соснин 16 алебард четыре дни с работником, да два мартира... а он же отковал три самострела три дни с работником»⁹⁴. Здесь нужно заметить, что «алебарды», «мортиры» и «самострелы» в этом документе означают отнюдь не комплектное оружие, а лишь его железные части в виде поковок, которые в дальнейшем нуждаются в слесарной обработке, таким образом под самострелом здесь подразумевается арбалетный металлический лук.

Работа над ручными мортирками велась по той же схеме, что и над длинноствольным оружием, мортирные стволы отдавали для осадки в ложи в том числе нештатным мастерам: «принето у постороннева станошника у Ивана Савельева с товарищем у двух человек дватцать мартир присажены в новые станки... делали по станку на день, а надельных денег доведетца им дать на попку вотки, хвощу, масла по четыре денги на станок»⁹⁵.

С 1700 г. на Бархатном дворе изготавливали древковое строевое оружие: «1700-го году декабря в 20 день по указу великого государя велено на Бархатном дворе делать вновь алебарды з древки и с подсошки, да к ружью, которое на Бархатном же дворе починивают и чистят, приделать шонпопы дубовые да багинеты шпажные з железным прибором и с ножнами, а к делу тех алебард и багинетных приборов и алебардовых древков и шонполов довелось дать на попку свицкого железа и дубового лесу купчине Родиону Иса-

---

⁹³ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 119.

⁹⁴ О даче денег Ствольного приказа кузнецам за отковывание алебард. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36097. Л. 1.

⁹⁵ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 401.

еву денег сто рублей»⁹⁶. Случалось, что металлические наконечники алебард заказывали на стороне, например, в 1703 г. подрядчику было выдано «на дело пятисот алебард по осми алтын по две денги алебарда»⁹⁷.

Основные детали холодного оружия – клинки шпаг и палашей – на Бархатном дворе не ковались. Большая часть клинков была импортной, как писал В. Н. Захаров, в 1701 г. голландцы Иван Любс и Христофор Брант привезли 6698 палашных полос, а в начале 1704 г. другой голландец А. Дикс получил деньги за поставку 40 тысяч шпажных и 5 тысяч палашных полос (Захаров 1996, 222). Документы Оружейной палаты помогают детально рассмотреть подобные поставки и учесть относительно небольшие партии. В 1703 г. голландец Захарий Дикс поставил по меньшей мере «четыреста шестьдесят шпажных полос по десяти алтын по две денги... тысящу девятьсот девяносто шесть полос палашных по тринатцать алтын по две денги»⁹⁸, тремя годами позднее зафиксирована куда более масштабная поставка: «1706-го апреля в 18 день... от расхода подьячего Алексея Василькова выдать денег за взятых шесть тысяч четыреста девятнадцать шпажных клинков по пятнатцать алтын за клинок... иноземцу Елизарью Избранту»⁹⁹. Иногда в документах фигурировали шведские клинки. Например, запись от марта 1703 г. зафиксировала, что «на Бархотном дворе посторонние отдельщики присаживают в день по петнатцати крыжей с яблоки к свейским шпагам»¹⁰⁰. Заметим, что «шпаги» в последней цитате означают именно шпажные полосы.

На клинки на Бархатном дворе могли наваривать хвостовики, именовавшиеся пятками: «В нынешнем 1703-м году маяя з 17 по 24 число... работают на Бархатном дворе Стволного приказу чернодельцы на горнах с работниками. Григорей Новой у палашей пятки наваривал пять дней по

---

⁹⁶ Об изготовлении оружия на Бархатном дворе. 1701. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35648. Л. 1.

⁹⁷ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 156 об.

⁹⁸ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 109 об. – 110.

⁹⁹ Дела Оружейной палаты за май – декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 143.

¹⁰⁰ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 54 об.

шестьдесят в день, шестым днем отковал четыре богинета, Корнила Петров пять дней пятки наваривал по шестьдесят в день, шестым днем отковал шесть крыжей»¹⁰¹.

Выше была приведена цитата, в которой упоминались кленовые черены для шпажных рукоятей. Однако чаще для них использовалась липа: «Подрядчиком на дело дватцати осми тысяч липовых череньев к немецким шпажным и полашным полосам наперед половина дватцать один рубль... Подрядчику под оббивку девяти тысяч трехсот семидесят пяти череньев и от закрепки крыжей треть пятьсот шездесят два рубли семнатцать алтын»¹⁰². Иногда договорные сроки поставки продукции нарушались, например, в июле 1702 г. «на Бархатном дворе в указное число не перевито ста семидесят шпаг», в результате этот заказ был передан тяглецу Хамовной слободы Василию Дмитриеву: «Отдаваны к свейским шпажным полосам делать черенья, перевивать медью»¹⁰³. Крупнейший заказ на поставку черенов для рукоятей клинкового оружия выполнил (хотя и не в полном объеме) подрядчик из Хамовной слободы Василий Дмитриев, который «в нынешнем 1703-м году... уговорился зделать к шпажным и палашным полосам обвить медною проволокою 28126 череней против данных обрасцов, а поставить тот подряд сего 1703-го года апреля а 23 числу. И по тому уговору в поставке от него на шпагах череней которые в отпуску 15431 шпага, да на Бархатном дворе за отпуском налицо шпаг 720, да к палашам приделано 1500 череней и с крыжи. Всего на шпагах... и... палашах приделано 17641 черен»¹⁰⁴.

На Бархатном дворе ковали и отделявали железные детали эфеса, которые стандартно именовались как «крыж и яблоко», то есть крестовину (наверняка с дужкой) и навершие рукояти. Иногда заказы на изготовление железных эфесов размещали на стороне, например, в 1707 г. из Оружейной

---

¹⁰¹ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 293.

¹⁰² Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 5 об.

¹⁰³ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 35.

¹⁰⁴ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 313–313 об.

палаты были выданы деньги «для посылки на Устюжну за присланные три тысячи семьсот сорок восемь ефесов денег по два алтына по три деньги за ефес»¹⁰⁵. Для эфесов из медного сплава материал закупался в рядах, а после этого передавался подрядчикам, так как литейного производства на Бархатном дворе не было: «В нынешнем 1707-м году июня в 25 по указу великого государя и по приказу генерального президента и Сибирских провинций судии князя Матвея Петровича Гагарина с товарищи взято в Оружейную палату Котелного ряду у торгового человека Ивана Нагибина на дело в драгунской Тоболской полк четырехсот ефесов палашных меди зеленой волоки в кругах по фунту с четью на ефес»¹⁰⁶. Интересно, что по меньшей мере в одном случае изготовить литые эфесы медного сплава подрядился работник Артиллерийского приказа: «703-го февраля в 4 день по указу великого государя выдать от прихода подьячего Андрея Беляева подрядчику крыжей Афонасью Елисееву... на триста на тридцать на три крыжа, за крыж по четыре алтына по одной деньге... По сему великого государя указу Приказу артилери пушечных дел ученик Афонасей Елисеев взял денег... и росписался своею рукою»¹⁰⁷.

Стандартная запись о сборке шпаг и палашей выглядела следующим образом: «В нынешнем 1703 году марта в 1-го и в сие 3 число... работают на Бархатном дворе Ствольного приказу отдельщики, присаживают по петнатцати шпаг в день з железными крыжами и яблоки», там же перечислено 13 мастеровых во главе с Филиппом Артемьевым¹⁰⁸; «Ствольного приказа отдельщики отделявали в день по два ствола немецких, в пять дней десять стволов, да х палашам немецким притирали крыжи и яблоки по

---

¹⁰⁵ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 29.

¹⁰⁶ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 37.

¹⁰⁷ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 13.

¹⁰⁸ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 34.

тридцати в день»¹⁰⁹. В последнем случае под немецкими палашами нужно понимать палашные полосы, вполне возможно, произведенные подрядчиками в России, на которые устанавливаются детали эфеса русского происхождения. Иногда сборку клинкового оружия осуществляли также подрядчики: «1706-го мая в 23 день принято у Терентья Федотова сто полашей медные ефесы присаживал и черены приделовал, медную волокою перевивал мостерством добрым с обрасцовых сходных»¹¹⁰.

В 1707 г. сборка большой партии шпаг была поручена мастеру Оружейной палаты с учениками: «...августа в 11 день... подьячему Алексею Василкову выдать от расхода за провоз извозчиком, каторые возили от шпажных мастеров Семена Трофимова с товарищи две тысячи шпаг на четырнатцать подвод по шти денег на подводу»¹¹¹. Для сравнения приведем описание работы шпажного мастера Оружейной палаты января того же 1707 г.: «По указу великого государя велено зделать в полате Оружейной государеву статью полашным клинкам то ж число ефесов с крючки и наконечники под золото, а черенья обвить проволокою серебряною, а голого черенья к тем клинкам в готовности нет. А по скаске станочного мастера Якова Иванова что такого черенья у него в готовности двести черенов... по пяти алтын за сто»¹¹². А вот список работ другого мастера Оружейной палаты, который традиционно изготавливал парадное оружие: «Роспись Оружейные полаты сабелному придельщику Фирсу Иванову 1703-го году в розных числех. Делал к шпашке малинкой з государева двора дерева крыл кожею битую... да к шпашке немецкой з дьячего двора делал дерево, кожею крыл битую... наконешник медной... да к двум шпагам саксонским делал ножны, крыл кожею битую, наконешники и крючки... да к палашу

---

¹⁰⁹ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 329–329 об.

¹¹⁰ Дела Оружейной палаты за май – декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 137.

¹¹¹ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 101.

¹¹² Дела Оружейной палаты за январь – июнь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1000. Л. 8.

Александра Даниловичю делал ножны, крыл кожею лист за ербом»¹¹³. Когда в документах идет речь о единичных предметах, практически всегда имеется в виду парадное оружие, над которым по умолчанию работают мастера Оружейной палаты: «В 1702-м году... по письму боярина Феодора Алексеевича Головина от города Архангелского через почту велено к трем полосам шпажным немецким стальным, что стовили иноземцы Христофор Брант да Иван Любс, зделать без медления ножны и оболочь черною кожею, ефесы медные золоченые, рукояти обвить волоченым серебром»¹¹⁴.

Ножны клинкового оружия мастера Ствольного приказа, как нам кажется, не делали вообще, эти детали заказывались у разных изготовителей. В январе 1703 г. три посадских сабельных мастера – из Садовой и Алексеевской слобод – подрядились изготовить для Оружейной палаты к шпажным полосам 5000 деревянных ножен, покрытых черною яловичною кожей и с медными наконечниками¹¹⁵.

Описание железного прибора ножен встречается в начале 1707 г., когда Лука Васильев подрядился «зделать у тысячи салдацких клинков тож число крючков железных да наконечников жестяных из белой меди самым добрым мастерством, а ценою рядил... за пару за наконечник и крючек по три полушки а за сто по дватцати по пяти алтын... а зделает он Лука те наконечники и крючки сего генваря к 30-у числу»; в результате подрядчику были выданы деньги «за принятые от него тысячу шпажных крючков с наконечники по три полушки за пару»¹¹⁶.

Предметы снаряжения огнестрельного и холодного оружия на Бархатном дворе никогда не производились, их чаще всего заказывали у русских коммерсантов-подрядчиков. В особых книгах Оружейной палаты их перечисление идет целыми страницами. Например, в записях 1701 г. значится:

---

¹¹³ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 329–329 об.

¹¹⁴ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 39.

¹¹⁵ Подрядная запись об изготовлении 5000 ножен. 6 января 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35712. Л. 1–4.

¹¹⁶ Дела Оружейной палаты за январь – июнь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1000. Л. 5, 7.

«Подрядчиком на дело пяти тысяч череньев перевивных медных и ножен к шпагам тож число, за сто семьдесят череньев перевивных к шведским шпажным полосам девятьсот одиннадцать рублей тридцать алтын. На дело к шпагам крыжей медных четырехсот тридцати девяти, железных десяти тысяч восьмьсот – девяносто семь рублей шесть алтын две денги. Подрядчиком на дело четырех тысяч пятисот фузейных и мартирных приборов сто шеснатцать рублей восемь алтын две денги»¹¹⁷, в 1703 г. выдавались деньги «на дело... тысячи девятисот девяносто девяти ремней с крюки по три алтына по две денги... на дело трех тысяч фузейных перевезей с крюки по три алтына за перевязь... за сто за дватцать перевязей сафьянных желтых по три алтына... за две тысячи драгунских лядунок с ремни по три алтына... за дватцать пар сум каптенармусских по одиннадцати алтын по четыре денги за пару... подрядчиком на дело лядунок банбардирских... по четыре алтына по две денги... за дватцать за четыре полсти для подкладки сум по дватцати по три алтына полсть»¹¹⁸. Документы редко позволяют прояснить происхождение и официальный статус подрядчиков, в них указывается лишь имя: «1703-го апреля в 17 день... выдать... денег за взятые суммы с лядунок и с перевязи за тысячу да за две тысячи багинетных поясов у подрядчика Ивана Михайлова... принять на Бархотной двор, а давать деньги по последней цене за суммы по семи алтын... за поясы по два алтына по пяти денег... выдать от расхода подьячего Андрея Беляева денег за взятые за тысячу фузейных нагалиц по шти алтын... да за двести сум с перевязи и поясы багинетными красными двойными шелком шитыми, что деланы в Семеновский полк, по тринадцати алтын по две денги... да на дело ста сорока лядунок с ремни сыромятными и со фляжки жестяными по три алтына по две денги... подрядчику Ивану Михайлову»¹¹⁹. В редких случаях сообщаются дополнительные персональные данные, например, изготовить «2238 пары

---

¹¹⁷ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 284.

¹¹⁸ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 114 об. – 115.

¹¹⁹ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. ЦГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 173–174.

богинетных поясов да перевязей Семеновского полку салдатом, за пару по семи алтын по четыре денги» взялся ярославский подрядчик Семен Федоров¹²⁰.

На Бархатном дворе перечисленное снаряжение соединяли в комплекты с оружием, которому оно назначалось. В других случаях снаряжение отсылалось отдельно, например, в 1703 г. из Оружейной палаты в Новгород было послано «3000 шпаг с ножны и поясы, 4000 сум с лядунки и перевязи, 4500 нагалищ, 2000 пар ольстр пистольных, 2000 перевезей с крюки»¹²¹. Нагалища (в данном случае ружейные чехлы), ольстры и перевязи были отправлены без оружия, которому они полагались.

В рамках нашего исследования необходимо упомянуть европейских мастеров, которые жили в Немецкой слободе, поставляли вооружение в Оружейную палату и, что самое важное, обучали русских учеников. Например, в октябре 1705 г. «работают в слободе у иноземца станочного мастера Яна Кеенберха ученики, а зделали 12 фузей, а делали ложки новыя и замки прирезывали, и багинеты присаживали... работают у иноземца клинков шпажных мастера Степана Любатея ученики, учатца мастерства его... работают в слободе у иноземца замочного мастера Яна Катти ученики три человека, ковали замки, а пять человек отдельвали, а отдалел всякой по три замка салдатцких... работают в слободе у иноземца ножен шпажных мастера Герета Улфа ученики, делают по шти сот ножен шпажных тож число черенья обвивают медью ис присадкою ефесов»¹²².

Возвращаясь к работам Бархатного двора, надо заметить, что за редчайшим исключением мы не можем хоть сколько-то точно описать его военную продукцию. Например, крайне непросто определить типы штыков,

---

¹²⁰ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 394.

¹²¹ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 323 об.

¹²² Дела Оружейной палаты за октябрь – декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 25, 26, 28, 32. Написание имени Яна Катти в этом документе неразборчиво, мы даем его по аналогии с другими упоминаниями. См. Там же. Л. 31, 46.

устанавливавшихся на фузеи, типы фузейных замков и форму их лож¹²³, вид эфесов клинкового оружия.

Не говоря о тактико-технических характеристиках вооружения, в ряде случаев мы затрудняемся даже с примерным назначением отдельных деталей. Запись о том, что кузнецы-чернодельцы «отделали пятьсот сорок три крюка тысячу колец»¹²⁴ можно трактовать по-разному: возможно, это прибор для патронных сум и перевязей, возможно – крюки на ножны для подвеса к портупее.

подавляющее большинство описаний холодного оружия в документах содержит лишь обобщенные названия его частей и материалов, что не дает возможности даже примерно представить внешний вид конечной продукции. Исключение составляет документ 1706 г., позволяющий реконструировать шпажный эфес и, кроме того, содержащий бесценные данные о тонкостях шпажного производства. Позволим себе пространную цитату: «В прошлом 704-м году... подрядился в Оружейной палате Хамовной слободы Василей Дмитриев сделать к готовым заморским клинкам 5000 железных эфесов да 30000 череня обвить медью, да он же у присадки многие клинки заморские ожег от пятки по черверте аршина и зачищал пилами крупными и оттого лицо на клинках и гербы перепорчаны. Да он же Василей привез шпаг с ломаными эфесы... и по помете под доношением Василей Дмитриев в допросе сказал. Те де эфесы подрядчиком у присадки ломались для того, что у многих дуги до яблоков были не догнуты и на торелках дир было не просечено, и от той просечки те эфесы ломались для того, что железо жестоко и без лому де не токмо у железных но и у медных не бывает... а что шпаги запалены и запилованы, и теми де шпагами работники прожигали череня, и оттого клинки повредились, а он Василей того не ведает. А смотря их Терентей Серпуховитин и Иван Федоров и Бархотного двора отделщиков 17 человек в трех скасках сказали. Эфесы в торелках ломаны напрасно, дыры пробивали зуби-

---

¹²³ Эти темы будут рассмотрены полнее в нашей статье «О строевых фузях Петровского времени».

¹²⁴ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 259.

лом, знатно что мастера незнающие или ругаючись, а они де мастера протирают малыми пилами мерою против пяток, когда де у них бывает и порча, и то не в торелках, разве кольца до носки, и то не у многих... а торелки де у них никогда не ломаютца, хотя б было и жестокое железо»¹²⁵.

Разбор вышеприведенного дела показал, что работники подрядчика Василия Дмитриева при работе с эфесами действовали по упрощенной технологии, пробивая отверстия зубилами, в то время как отделщики Бархатного двора при отделке просечных щитков растачивали отверстия небольшими напильниками, поперечное сечение которых совпадало с хвостовиками клинков («пилами против пяток»). Другая небрежность мастеров подрядчика, о которой Василий Дмитриев якобы не подозревал, состояла в том, что при насадке черенов отверстие в них прожигалось самими хвостовиками клинков, причем последние раскалялись выше меры, что привело к порче «гербов» (геральдических композиций) на пятках клинков. Крайне интересно, что в начале документа подрядчик называет эфесы описываемых шпаг крыжами¹²⁶, следовательно, крыжом могла именоваться вся гарда в целом, включая крестовину, чашку, дужку и нижние дужки под крестовиной.

Постараемся реконструировать описанные шпаги. «Заморские», наиболее вероятно, импортные немецкие клинки имели на пятках геральдические (гравированные?) композиции или арматуры. Вряд ли они размещались непосредственно у крестовины: клинки были «отожжены на четверть аршина», то есть (примерно на 17,5 см), следовательно, «гербы» от крестовины находились на расстоянии, сравнимом с общей длиной испорченного участка. О морфологии клинков судить наверняка нельзя, но, вполне вероятно, они были шестигранными и не имели рикассо. Железный эфес включал дужку, прикрепленную к округлому навершию («яблоку»), крестовину («носки»), дополненную «тарелкой», вероятно, двойной чашкой, и нижними подпальцевыми дужками («кольцами»). Такой эфес можно определить как валлонский, на что указывает характерный прорезной декор защитной чашки.

---

¹²⁵ Дела Оружейной палаты за май – декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 265 об. — 266.

¹²⁶ Там же. Л. 265.

Дизайн описанного эфеса мог быть заимствован у шпаг основного противника русской армии. Прорезные защитные чашки имели как кавалерийские, так и пехотные шведские шпаги рассматриваемого времени (Berg 1982, 26–28, 33; Новоселов 2019, 132–135). Судя по наличию подпальцевых дужек, частично забракованная партия представляла собой пехотные шпаги. Черены были обвиты медной проволокой.

Сочетание сложной и относительно дорогой отделки (гравированные "гербы" на клинках, медная проволока на рукоятях, прорезной декор деталей гарды) с большим количеством заказанных шпаг (пять тысяч) говорит о том, что это могли быть не только офицерские армейские шпаги, но и гвардейские, предназначенные в первую очередь для солдат Преображенского и Семеновского полков. Крайне важно, что в документе на защитных чашках упоминаются отверстия относительно небольшого размера, сравнимые по площади с сечением хвостовиков («дирами... мерою против пяток»). Вряд ли можно буквально понимать упоминание о том, что эти отверстия пробивались зубилом, – если так, то отверстия в чашках были бы, скорее, квадратными. С большой вероятностью ближайший аналог указанных шпаг сохранился в Музеях Московского Кремля, – это олонецкая шпага 1710 г. Чашка эфеса этой шпаги имеет многочисленные круглые отверстия, окантованные и расточенные с обеих сторон так, что зрительно они воспринимаются как квадратные, благодаря чему в Описи 1885 г. чашка названа «сетчатой»¹²⁷.

Обилие производственных документов 1700-х гг. создает впечатление, что работа на Бархатном дворе не прекращалась ни на минуту, причем одновременно исполнялись самые разные заказы, разные детали и виды вооружения. Так, в середине апреля 1703 г. на Бархатном дворе «Самуила Григорьев отковал дватцать четыре багинета шесть дней. Семен Соснин отковал в пять дней пятнатцать алебард... Ствольного приказу отдельщики три дни присаживали шпаги в день по дватцети шпаг всякой человек, да два дни на фузеи погоны нагоняли, да день черные крыжи

---

¹²⁷ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. № 5758. Шпага будет опубликована в работе В. Р. Новоселова, посвященной олонецким шпагам и палахам (Новоселов 2023).

обтирали»¹²⁸. При этом оружейные мастера Ствольного приказа могли практически в одно и то же время выполнять заказы на разные виды оружия: «В нынешнем 1703-м году маяя з 17 по 24 число... работают... на Бархатном дворе Ствольного приказу чернodelьцы на горнах с работниками. Григорей Новой у палашей пятки наваривал пять дней по шестьдесят в день, шестым днем отковал четыре богинета... Корнила Петров пять дней пятки наваривал по шестьдесят в день, шестым днем отковал шесть крыжей»¹²⁹. Как видно, работа велась и над палашными клинками, и над эфесами, и над штыками для фузей. В сентябре 1705 г. «Андрей Кобелев отделал в пять дней дватцать пять эфесов с яблоки, да дватцать пять фузей присадил в новые станки»¹³⁰.

Ощущение энергичной работы на Бархатном дворе создают другие записи из приходно-расходной книги 1703 г.: «Мая з 24-го по 29 число... принето... у тульских кузнецов у Микулы Семенова... у дватцати человек тритцать стволов немецких отделаных, да у них же принято ис починки тритцать фузей, приделывали вновь курки, огнива, пружины... да они ж два дни на фузеи погоны нагоняли по четырнатцати в день, они ж работали день при отдаче ружья в полки и скобы прибывали, и на шпаги ножны надевали»¹³¹. «Июля з 5-го числа по 10 число... на Бархатном дворе тульские казенные станошники Левонтей Васильев с товарищи два человека семьдесят станок чинили и поклеивали, они в анбары ходили к отпуску, на палашы ножны надевали и у палашей черенья обвивали»¹³². Картина общей запутанности и даже хаотичности производства возникает благодаря тому, что работники разных специальностей выполняли одну и ту же работу,

---

¹²⁸ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 176 об. – 177.

¹²⁹ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 293.

¹³⁰ Дела Оружейной палаты за октябрь – декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 58 об.

¹³¹ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 292.

¹³² Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 404.

например, в сборке шпаг могли участвовать и отдельщики, и станочники, замки чинили не только замочники, но и «гульские казенные кузнецы»¹³³.

И наоборот, мастера одной специальности выполняли заметно разные производственные задания. Например, весной 1702 «были у дела на Бархотном дворе Ствольного приказу замощники и отделщики... Павел Кобылин зделал одно седло в три дни, Петр Кобылин зделал два багинета и присадил к фузеи четыре дни, Максим Чечкин присаживал по дватцати шпаг в день, работал пять дней»¹³⁴. Седла, упоминаемые в этом документе, скорее всего, драгунские, в своей основе были сделаны в других мастерских, а на Бархатном дворе они дополнялись специальной металлической оправой. Впрочем, в одном документе 1703 г. говорится, что «на Бархотном дворе Ствольного приказу отдельщики» Иван Анбар и еще 12 работников «зделали в шесть дней по четыре седла и прикрепили к деревью седельному»¹³⁵. Но заметно чаще документы говорят о том, что драгунские седла на Бархатном дворе отделявали или оковывали железом¹³⁶. Один раз в документах значатся «два седла немецких, которые зделаны новыми мастера для обрасца в Оружейную полату» с позолоченными шляпками гвоздей¹³⁷. Также упомянем единичные свидетельства о производстве шпор, которые именовались острогами или острожками; в июле 1707 г. мастера Бархатного приказа «отделали... сто десять пар острог, двести дватцать скоб»¹³⁸. Интересно, что аналогичные

---

¹³³ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 23.

¹³⁴ О даче кормовых денег Ствольного приказа замочникам и отдельщикам. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36022. Л. 1.

¹³⁵ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 400.

¹³⁶ О даче посторонним отдельщикам за отделявание на Бархатном дворе драгунских седел кормовых денег. 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9122. Л. 1; О даче Ствольного приказа кузнецу Корниле Петрову кормовых денег. 14 июня 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9133 Л. 1; Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 406.

¹³⁷ Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 440.

¹³⁸ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 20.

шпоры изготавливались и посадскими мастерами: «Взято в Оружейную полату для отпуску в драгунской Тоболской полк Бронной слободы у тяглеца у Андрея Сорокина дватцать восемь пар острошков против того ж, каковы в тот полк деланы на Бархатном дворе особливым маниром, а за те острога по договору доведетца ему выдать по три алтына по две денги за пару»¹³⁹. Дополним данные о драгунском снаряжении следующей цитатой из челобитной 1705 г.: «Державнейший царь... по твоему государеву указу в Оружейной полате делаю... немецкие драгунские сапоги, а твоего... жалования на нынешний год за пять месяцев не выдано... Оружейной полаты сапожного дела мастер иноземец Кашпир Эерт»¹⁴⁰.

К традиционной деятельности мастеров Ствольного приказа можно отнести контрольный отстрел стволов: «В нынешнем 1702-м году ноября з 12-го и в сие 20 число по указу великого государя работали на Бархотном дворе посторонние станочники Афонасей Зиновьев с товарищи пять человек, разбирали и простреливали и збирали шестьсот шездесят фузей, которое было ружье у Микиты Демидова в деле, и чистили, а работали восем дней»¹⁴¹. Неожиданным видом работ, которые проводились на Бархатном дворе была выварка железа из «горелых» ружейных стволов, то есть побывавших в пожаре. В июне-июле 1703 г. работали «на Бархатном дворе тульские казенные кузнецы Федор Вялой с товарищи четыре человека, проваривали из горелых стволов вновь железа, принето вывареного железа восем пуд пять дней»¹⁴². Рядом с военной тематикой несколько неуместным выглядит сообщение о том, что летом 1707 г. станочники Ствольного приказа

---

¹³⁹ Там же. Л. 31.

¹⁴⁰ Дела Оружейной палаты за октябрь – декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 4. На обороте того же листа приведено другое написание имени мастера – Кашпир Эерт.

¹⁴¹ Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 299.

¹⁴² Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 396.

разбирали для ремонта иконостас церкви Адриана и Наталии на Мясницкой¹⁴³.

Завершая обзор деятельности Бархатного двора, необходимо еще раз подчеркнуть, что мы не можем даже примерно указать дату начала его функционирования как оружейной мастерской и складского комплекса. Однако мы знаем наверняка, когда оружейное производство было свернуто, – осенью 1707 г. В расходной книге Оружейной палаты 1707 г. указано, что «1707-го сентября в день¹⁴⁴ по указу великого государя царя... генеральный президент и Сибирских провинций судия князь Матвей Петрович Гагарин приказал из Оружейных полатей выдать денег сто рублей Оружейным полатям купчинам на строение нового Оружейного дому и на перевозку з Бархотнаго двора отделных изб и анбаров с роспискою»¹⁴⁵, деньги были выданы подрядчику Константину Кафтыреву. Этот документ частично цитировался еще А. В. Викторовым¹⁴⁶. Позднейшие документы об изготовлении на Бархатном дворе армейского вооружения за редким исключением нам не встречались.

Причина, по которой успешно функционирующее производство было перенесено в другое место, кажется нам очевидной. Именно в летние месяцы 1707 г. в Москве началась кампания по подготовке города к возможной осаде войсками Карла XII (Забелин 1905, 170–171). Указ Петра I от 6 мая 1707 г. об укреплении Кремля и Китай-города в частности предусматривал, чтобы вдоль крепостной стены «от Неглинной до Москвы-реки сделать везде болварки, ров и контрошкарф, и двory разломать, а которые за контрошкарфом, и тех не замать до времени нужного»¹⁴⁷. В подобной ситуации выглядит вполне естественным и разумным перенесение производства и складских помещений с оружием из относительно незащищенного места у наружной стороны кремлевской крепости, которое, кроме того, также нужда-

---

¹⁴³ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 70.

¹⁴⁴ Для точного указания дня в документе оставлено место.

¹⁴⁵ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 167.

¹⁴⁶ Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Сост. А. Викторов. Вып. 2. М., 1883. С. 484.

¹⁴⁷ ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. С. 381, № 2149.

лось в очистке перед лицом возможной осады. Эта причина также позволяет предположить, что «амбары и избы» Бархатного двора были эвакуированы в Кремль, наиболее защищенное место Москвы, возможно, во внутренний двор строящегося здания Арсенала, который в ведомственном отношении принадлежал к Оружейной палате¹⁴⁸. Возможно поэтому в цитированном документе упоминается «Оружейный дом». То же название носил кремлевский Арсенал в указе о постройке, который цитировал еще И. Е. Забелин (Забелин 1905, 409): «В прошлом 1701 г. ноября в 12 день великий государь указал в Кремле, от Николаевских ворот... до Троицких всякое по правую сторону строение ломать до пошвы, и на том месте строить вновь Оружейный дом, именуемый Цейхоуз по чертежам, каковы даны будут из Преображенского... и ведать то строение в Оружейной палате»¹⁴⁹. Другую формулировку того же указа приводил Н. Е. Бранденбург: «...строить вновь Оружейный двор, который именуется цейхгаузом» (Бранденбург 1876, 381).

Возможно, что в связи с пристановкой производства на Бархатном дворе в конце лета 1707 г. традиционная для этой мастерской сборка ружей частично переместилась в Тулу: «...августа в 13 день по указу великого государя... выдать... денег за фузеи, которые стволы и замки четыре тысячи немецкой работы посланы на Тулу ради осадки в станки, и в то число прислано с Тулы тысяча фузей»¹⁵⁰.

---

¹⁴⁸ В цитированных нами приходно-расходных книгах Оружейной палаты неоднократно встречаются материалы, проливающие свет на историю постройки московского Арсенала. Стройкой руководил живописец Оружейной палаты М. И. Чоглоков. См. например, Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 104, 280; Дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 25; Расходные дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 285–287; Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 128–129.

¹⁴⁹ Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Сост. А. Викторов. Вып. 2. М., 1883. С. 469–470. Тем не менее в позднейших документах, описывающих постройку Арсенала, он именуется не Оружейным домом, а Цейхоузом.

¹⁵⁰ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 100.

Но и на новом месте производство активно разворачивается уже осенью 1707 г.: «В Оружейной полате... доносит тая ж полаты замочного дела мастер Костянтин Абакумов. В октябре месяце сего ж 1707-го году по указу великого государя делан на Новом оружейном дворе стан мушкатанной новой да два колеса болших деревянных для сверленья»¹⁵¹. Надо полагать, что речь идет о станке для рассверливания мушкетонных стволов, более ранние документы об изготовлении мушкетонов в Москве нам не встречались.

В остальном на новом Оружейном дворе продолжается выпуск того же ассортимента продукции, который мы видели ранее на Бархатном дворе в 1700–1707 гг.¹⁵²: «1708-го генваря с 1 числа... на Оружейном дворе работали подрядчики Иван Гаврилов да с ним четыре человека работных людей, подредились сверлить мартиру... в тех же числах работали черноделцы... Петр Клест, Иван Черепан, Михайла Соснин... отдывали мартиры... 1707-го октября с 28-го числа нынешнего 1708-го генваря по 28 число работали на Оружейном дворе станошного дела мастеровые люди... присадили в новые станки по двенатцати фузей»¹⁵³, в равной степени идет работа над отделкой «багинетов»¹⁵⁴.

Впрочем, на Бархатном дворе еще долгое время после 1707 г. продолжают функционировать отдельные складские помещения. Вероятно, этот двор отчасти возобновил деятельность после того, как миновала опасность наступления на Москву шведской армии. Так, согласно записи в книге Оружейной палаты 1711 г. ямщики «возили с старого Бархатного двора в Верхние оружейныя полаты ружье тринадцатъ тысяч фузей и шпажныя клинки на прошлой 708 год июня в 25 день по 6 число», а также занимались «перевозкой угля с старого Бархатного двора на новой Оружейной

---

¹⁵¹ Расходные дела Оружейной палаты за июль – декабрь 1707. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 257.

¹⁵² Исключая нарезное оружие.

¹⁵³ Дела по денежным расходам Оружейной палаты за январь – июнь 1708. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1003. Л. 25–26.

¹⁵⁴ Там же. Л. 24, 27.

двор»¹⁵⁵. Интересно, что руководившие этой перевозкой и чистившие оружие кузнецы в этом документе были названы «кузнецами Бархатного двора». В действительности, в документах мастера бывшего Ствольного приказа записывались отдельно от других оружейников Оружейной палаты вплоть до 1711 г., когда большая часть мастеров была переведена в Санкт-Петербург. В списках мастеров 1711 г. ствольщики, замочники и станочники упоминаются дважды, один раз как работники с относительно высоким жалованием, принадлежащие «Мастерской палате» (Новоселов 2021, 268–269), другой раз как «мастеровые люди оружейного дела с окладом по 4 рубля» (Новоселов 2021, 269–270). Это, несомненно, две группы мастеров, восходящих к Оружейной палате и Ствольному приказу, различавшиеся не столько квалификацией, сколько областью приложения. Первые были ориентированы на создание единичных предметов парадного вооружения, вторые – на серийное боевое оружие, изготовленное по установленным образцам. В опубликованных списках переехавших в Санкт-Петербург «мастеровых с окладом по 4 рубля» встречается множество имен оружейников, работавших на Бархатном дворе до 1707 г., это, например, Сидор Федоров, Михаил и Петр Ельчаниновы, Михаил Соснин, Тимофей Рундин, Никифор Камаев, Петр и Павел Кобылины, Савва Федоров, Никита и Андрей Кобелевы, Емельян Хапов.

Здесь будет уместным привести историю появления одной из первых образцовых фузей русской армии, которая была послана в Тулу в 1695 г: «Велено сделать в казну великих государей в Оружейную палату на Туле... 1000 фузей... мерою и во всем в отделке учинить против образцовой, какова фузея сделана и дана им для образца за клеймом мастерства ствольного и замочного и станочного дела мастеров Афонасья Вяткина и Филипа Балтыря»¹⁵⁶. По-видимому, два ведущих московских оружейника – Афанасий Вяткин и Филипп Тимофеев Болдырев – могут считаться авторами одного из первых, если не первого эталона армейского стандартизированного оружия петровского времени.

---

¹⁵⁵ Приходная и расходная книги Оружейной палаты 1711. Ф. 396. Оп. 2. Д. 974. Л. 62.

¹⁵⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Сост. Г. В. Есипов. Т. 1. М., 1872. С. 150, № 567.

Качество оружия, выходявшего с Бархатного, а потом и Оружейного двора, вряд ли было высоким. Как писал из Москвы в 1705 г. английский дипломат Чарльз Уитворт: «Русские начали также выделывать мушкеты и пистолеты, добыв несколько оружейников из Берга, из владений курфюрста пфальцского; эти мастера изготовили оружие для многих полков, но виденные мною образчики их работы очень неудовлетворительны»¹⁵⁷. Однако это положение можно будет подтвердить только после того, как в музейных собраниях будут обнаружены образцы работы мастеров Ствольного приказа первого десятилетия XVIII в.

Итак, в первые годы XVIII в. Бархатный двор представлял собой крупнейший производственный центр, общероссийскую оружейную мастерскую по производству строевого вооружения для русской армии. Организация производства на Бархатном дворе позволяет считать его полноценной мануфактурой. На Бархатном дворе одновременно трудились мастера Ствольного приказа, тульские казенные оружейники, кузнецы из Устюжны, полковые мастера из Холмогор, «посторонние» мастера без указания их места жительства, в меньшей степени – мастера Оружейной палаты. При этом Оружейная палата осуществляла общее руководство, распределяла внешние заказы на комплектующие части оружия или, напротив, передавала подрядчикам стволы и замки, клиночные полосы и эфесы для сборки фузей и клинкового вооружения. В Оружейной палате изготавливались военные знамена, иногда по образцам, присылаемым непосредственно Петром I¹⁵⁸. Также Оружейная палата была крупнейшим логистическим центром, осуществлявшим перемещение оружия, закупаемого и отправляемого в полки русской армии.

В документах 1700–1707 гг., описывающих производство на Бархатном дворе, содержится информация о нескольких основных видах оружия, в первую очередь это строевые фузеи со штыками, шпаги и палаши. Ружейные стволы, замки и полосы длинноклинкового оружия на Бархатном дворе в начале XVIII в., скорее всего, не изготавливались вообще. Основное количе-

---

¹⁵⁷ Сборник РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 56.

¹⁵⁸ ПБПВ. Т 5. СПб., 1897. С. 167, № 1654.

ство стволов, замков и клинков поставлялось европейскими торговцами. При этом если клинковое оружие изготавливалось из новых деталей, стволы и замки для ружей часто были «починошными», снятыми со старых мушкетов и отремонтированными. Значительное количество стволов и замков поставляли тульские казенные кузнецы, а также иноземцы, развернувшие свое производство в России. Бархатный двор в больших масштабах осуществлял сборку оружия из отдельных деталей, имеющих разное происхождение. Виды оружия, основные детали которых производились на Бархатном дворе, – алебарды и ручные мортирки¹⁵⁹.

Библиография

- Алексеев Т.В. Оружейное производство России с XVI века по 1917 год в отечественной дореволюционной историографии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2019 г. Ч. 1. – СПб., 2019. – С. 7–23.
- Алексеев Т.В. Оружейное производство допетровской России в отечественной историографии // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 2. – С. 104–129.
- Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. – Л., Искусство, 1990. – 206 с.
- Арсеньев Ю.В. К истории Оружейного приказа в XVII веке // Вестник археологии и истории. Вып. 16. – СПб., 1904. – С. 131–198.
- Бескровный Л.Г. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. // Исторические записки. – 1951. – Т. 36. – С. 101–141.

---

¹⁵⁹ Этому производству будет посвящена наша статья «Первые русские алебарды и ручные мортирки».

- Богоявленский С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. – М., Языки славянской культуры, 2006. – 603 с.
- Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. – СПб., 1876. – 555 с.
- Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. – М., 1826.– 412 с.
- Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. – М., 1954. – С. 3–60.
- Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания российских императоров. – СПб., «Атлант», 2002. – 408 с.
- Забелин И.Е. История города Москвы. – М., 1905. – 652 с.
- Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. – М., 1996. – 345 с.
- Левинсон-Нечаева М.Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков // Государственная оружейная палата Московского Кремля. Сб. научных работ по материалам Государственной оружейной палаты.– М., 1954. – С. 307–386.
- Лермонтова Е.А. Шелковая фабрика в правление царевны Софьи Алексеевны. – Пг., 1915. – 32 с.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI—XVII вв. Словарь-справочник. – М.–Л., 2015. – 304 с.
- Маковская, Л.К. – М., Военное издательство, 1992. – 200 с.
- Малицкий Г.Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сб. научных работ по материалам Государственной оружейной палаты. – М., 1954. – С. 507–560.

- Мышковский Е.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 4. – Л., 1959. – С. 57–73.
- Новиков Н. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающихся. Ч. 20. – М., 1791. – 442 с.
- Новоселов В.Р. Европейское холодное клинковое оружие X–XX веков. Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». – М., 2019. – 352 с.
- Новоселов В.Р. Олонецкие шпаги и палаши 1710–1721 гг. из собрания Музеев Московского Кремля. – 2023. – [В печати].
- Новосёлов В.Р. Закрытие Мастерской палаты и перевод её мастеров в Санкт-Петербург // Оружейный сборник. Вып. 1. – Материалы заседаний Оружейного семинара Государственного Эрмитажа, 2016–2020. Памяти Л.И. Тарасюка. – СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. – С. 260–270.
- Орленко С.П. Русские щиты Оружейной палаты XVII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. Ч. 3. – СПб., 2014. – С. 317–336.
- Орленко С.П. Оружейная палата и вооруженные силы России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 2 – С. 71–78.
- Павлович М.К. Реорганизация кремлевских сокровищниц и мастерских при Петре // Материалы и исследования. Вып. 13. – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Петр Великий – реформатор России. – М., 2001. – С. 139–143.
- Павлович М.К. Мастера оружейного дела в Московском Кремле в XVIII веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая между-

- народная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. Ч. 2. – СПб., 2011. – С. 165–175.
- Рабинович М.Д. Полки Петровской армии 1698–1725. – М., 1977. – С. 30–31.
- Смирнова Е.И. К вопросу о составе и денежном обеспечении мастеров Оружейной и Мастерской палаты в 1711–1730 годах // Материалы и исследования. Вып. 6. – Государственные Музеи Московского Кремля. История и реставрация памятников Московского Кремля. – М., 1989. – С. 95–100.
- Ульянов О.Г. Бронный приказ и его роль в развитии московской оружейной школы XVI–XVII веков (Специализация и проблемы секретности) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. 18–20 мая 2016 г. Ч. 5. – СПб., 2016. – С. 169–190.
- Чубинский А.Н. Казачьи пищали в собрании Оружейной палаты // Материалы и исследования. Вып. 21. – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Изучение музейных коллекций и памятников Московского Кремля. – М., 2012. – С. 122–141.
- Чубинский А.Н. Предметы вооружения, утраченные Оружейной палатой в XVII–XIX вв. Утраты мнимые и действительные // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. 18–20 мая 2016 г. Ч. 5. – СПб., 2016. – С. 341–358.
- Чубинский А.Н. Русское огнестрельное оружие и снаряжение XVI – начала XVIII века. – Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». – М., 2023. – Т. 1. [В печати].
- Яблонская Е.А., Орленко С.П. Оружейной палаты дозорщики XVII века // Материалы и исследования. Вып. 28 – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Оружейное со-

брание музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. – М., 2019. – С. 105–127.

Berg Olof P. Svenska blankvapen. Del. 1. Officersvapen. Göteborg, 1982. 176 p.

Сокращения

ОРПГФ ММК – Отдел рукописных, печатных и графических фондов
Музеев Московского Кремля

ПБПВ – Письма и бумаги Петра Великого

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РИО – Российское историческое общество

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России

References

Alekseev T.V. (2021). Oruzhejnoe proizvodstvo dopetrovskoj Rossii v otechestvennoj istoriografii [Arms Production in Russia Before Peter the Great in the Russian historiography]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija* [Historical Journal: Scientific Researches], № 2, 104–129.

Alekseev T.V. (2019). Oruzhejnoe proizvodstvo Rossii s XVI veka po 1917 god v otechestvennoj dorevoljucionnoj istoriografii [Arms Pproduction in Russia from the 16th century to 1917 in the Russian Pre-revolutionary Historiography]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Devjatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii 15–17 maja 2019 g.* [War and Weapons. New Research and Materials. Works of the Ninth International Scientific and Practical Conference], Ch. 1, 7-23 SPb.

Alekseeva M.A. (1990). *Gravjura petrovskogo vremeni* [Printmaking in Peter the Great's Time]. L., Iskusstvo. 206 p.

- Arsen'ev Ju.V. (1904). K istorii Oruzhejnogo prikaza v XVII veke [To History of the Moscow Armoury in XVII c]. *Vestnik arheologii i istorii* [Archeology and History Bulletin], iss. 16, 131-198. SPb.
- Berg Olof P. (1982). *Svenska blankvapen*. Del. 1. Officersvapen. Göteborg. 176 s.
- Beskrovnyj L.G. (1951). Proizvodstvo vooruzhenija i boepripasov na russkikh zavodah v pervoj polovine XVIII v. [Weapons and Ammunition Production in Russia During the First Half of the XVIII c]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], v. 36, 101–141.
- Bogojavlenskij S.K. (2006). *Moskovskij prikaznoj apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vv.* [Moscow State Departments and Office Administration in XVI–XVII c]. M., Jazyki slavjanskoj kul'tury. 603 p.
- Brandenburg N.E. (1876). *Materialy dlja istorii artillerijskogo upravlenija v Rossii* [Materials for the History of Ordnance Department in Russia]. SPb. 555 p.
- Chubinsky A.N. (2012). Kazach'i pishhali v sobranii Oruzhejnoj palaty [Cossak Guns in Collection of the Moscow Armoury]. *Materialy i issledovanija. Vyp. 21. – Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Moskovskij Kreml'»*. *Izuchenie muzejnyh kollekcij i pamjatnikov Moskovskogo Kremlja* [Materials and Research. Vol. 21. The State Historical and Cultural Museum-Preserve «Moscow Kremlin». Study of Museum Collections and Monuments of the Moscow Kremlin], 122-141. M.
- Chubinsky A.N. (2016). Predmety vooruzhenija, utrachennye Oruzhejnoj palatoj v XVII–XIX vv. Utraty mnimye i dejstvitel'nye [Some Weapons Lost by the Moscow Armoury in the XVII–XIX c. Imaginary and Real Losses]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Sed'moj mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. 18–20 maja 2016 g.* [War and Weapons. New Research and Materials. Works of the Seventh International Scientific and Practical Conference], Ch. 5, 341-358. SPb.
- Chubinsky A.N. (2023). Russkoe ognestrel'noe oruzhie i snarjazhenie XVI – nachala XVIII veka [Russian Firearms and Equipment from the XVI to the early XVIII]. *Katalog sobranija Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo*

muzeja-zapovednika «Moskovskij Kreml'» [Catalogue of the Collection of the Moscow Kremlin State Historical And Cultural Museum And Heritage Site], v.1. M. [not yet published].

Gamel' I.H. (1826). *Opisanie Tul'skogo oruzhejnogo zavoda v istoricheskom i tehničeskom otnošenii* [Description of the Tula Arms Factory in Historical and Technical Terms]. M. 412 p.

Gordeev N.V. (1954). Russkoe ognestrel'noe oruzhie i мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века [Russian Firearms and Gunsmiths of the Armory in the XVII]. *Gosudarstvennaja Oruzhejnaja palata Moskovskogo Kremlja. Sbornik nauchnyh trudov po materialam Gosudarstvennoj Oruzhejnoj palaty* [The State Armory of the Moscow Kremlin. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the State Armory Chamber], 3-60. M.

Gosudareva Oruzhejnaja palata. Sto predmetov iz sobranija rossijskich imperatorov [Armoury Chamber of the Russian Tsars. One Hundred Items from the Collection of the Russian Emperors]. SPb., Atlant, 2002. 408 p.

Jablonskaja E.A., Orlenko S.P. (2019). Oruzhejnoj palaty dozorshhiki XVII века [Weapon Keepers of Moscow Armory in XVII]. *Materialy i issledovanija. Vyp. 28 – Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Moskovskij Kreml'»*. *Oruzhejnoe sobranie Muzeev Moskovskogo Kremlja. Pamjatniki, istorija, problemy izučeniija* [State Moscow Kremlin Museums. Collection of Weapons of the Moscow Kremlin Museums. Artifacts, History, Research Problems], 105-127. M.

Lermontova E.A. (1915). *Shelkovaja fabrika v pravlenie carevny Sofi Alekseevny* [Silk Factory During the Reign of Tsarevna Sofia Alekseevna]. Pg. 32 p.

Levinson-Nechaeva M.N. (1954). Odezhda i tkani XVI–XVII vekov [Clothes and Fabrics of the XVI and XVII]. *Gosudarstvennaja oruzhejnaja palata Moskovskogo Kremlja. Sb. nauchnyh rabot po materialam Gosudarstvennoj oruzhejnoj palaty* [The State Armory of the Moscow Kremlin. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the State Armory Chamber], 307-386. M. 307–386.

- Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., Jeskin Ju.M. (2015). *Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI—XVII vv. Slovar'-spravochnik* [Departments of the Moscow State of the XVI—XVII c. Dictionary Index]. M.–L. 304 p.
- Makovskaja, L.K. (1992). *Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie Russkoj armii konca XIV—XVIII vekov. Opredelitel'* [Hand Firearms of the Russian Army of the Late XIV—XVIII c. The Identifier]. M., Voennoe izdatel'stvo. 200 p.
- Malickij G.L. (1954). K istorii Oruzhejnoj palaty Moskovskogo Kremlja [To the History of Moscow Kremlin Armoury]. *Gosudarstvennaja Oruzhejnaja palata Moskovskogo Kremlja. Sb. nauchnyh rabot po materialam Gosudarstvennoj oruzhejnoj palaty* [The State Armory of the Moscow Kremlin. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the State Armory Chamber], 507-560. M.
- Myshkovskij E.V. (1959). Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie russkoj armii perioda severnoj vojny [Hand Firearms of the Russian Army During the Northern War]. *Sbornik issledovanij i materialov Artillerijskogo istoricheskogo muzeja* [Collection of Research and Materials of the Artillery Historical Museum], iss. 4, 57-73. L.
- Novikov N. (1791). *Drevnjaja Rossijskaja vivliofika, sodержashhaja v sebe sobranie drevnostej rossijskih, do istorii, geografii i genealogii rossijskie kasajushhihsja* [Old Russian Library, Containing a Collection of Russian Antiquities Concerning to the History, Geography and Genealogy of Russia], Ch. 20. M. 442 p.
- Novoselov V.R. (2019). *Evropejskoe holodnoe klinkovoe oruzhie X—XX vekov. Katalog sobranija Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo muzeja-zapovednika «Moskovskij Kreml'»* [European Edged Weapons of the X—XX c. Catalogue of the Collection of the Moscow Kremlin State Historical And Cultural Museum And Heritage Site]. M. 352 p.
- Novoselov V.R. Oloneckie shpagi i palashi 1710–1721 gg. iz sobranija Muzeev Moskovskogo Kremlja [Smallswords and Broadswords from the Olonets

Factory of 1710–1721 from the Collection of the Moscow Kremlin Museums]. – 2023. – V pečati [not yet published].

Novosjolov V.R. (2021). Zakrytie Masterskoj palaty i perevod ejo masterov v Sankt-Peterburg [Closure of the Workshop Chamber and Transfer of its Masters to St. Petersburg]. *Oruzhejnyj sbornik. Vyp. 1. – Materialy zasedanij Oruzhejnogo seminara Gosudarstvennogo Jermitazha* [Materials of the Weapons Seminar Sessions of the State Hermitage], 2016–2020, Pamjati L.I. Tarasjuka [In Memory of L.I. Tarassuk], 260-270. SPb., Izdvo Gos. Jermitazha.

Orlenko S.P. (2014). Russkie shhity Oruzhejnoj palaty XVII v. [Russian Shields Made in the Moscow Armoury in XVII]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Pjatoj Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 14–16 maja 2014 g.* [War and Weapons. New Research and Materials. Works of the Fifth International Scientific and Practical Conference], 317-336, Ch. 3. SPb.

Orlenko S.P. (2016). Oruzhejnaja palata i vooruzhennye sily Rossii vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII v. [The Moscow Armoury and the Armed Forces of Russia in the Second Half of the XVII – Early XVIII]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations], 71-78, v. 21, № 2.

Pavlovich M.K. (2001). Reorganizacija kremlevskih sokrovishhnic i masterskih pri Petre [Reorganization of the Kremlin Treasuries and Workshops under Peter the Great]. *Materialy i issledovanija. Vyp. 13. – Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Moskovskij Kreml'». Petr Velikij – reformator Rossii* [Materials and Research. Vol. 13. The State Historical and Cultural Museum-Preserve «Moscow Kremlin». Peter the Great as a Reformer of Russia], 139-143. M.

Pavlovich M.K. (2011). Mastera oruzhejnogo dela v Moskovskom Kremle v XVIII veke [Gunsmiths in the Moscow Kremlin in the XVIII]. *Vojna i oruzhie.*

Novye issledovanija i materialy. Vtoraja mezhdunarodnaja nauchno-praktičeskaja konferencija 18–20 maja 2011 g. [War and Weapons. New Research and Materials. The Second International Scientific and Practical Conference] Ch. 2, 165-175. SPb.

Rabinovich M.D. (1977). *Polki Petrovskoj armii 1698–1725* [Regiments of Peter the Great 's Army of 1698–1725]. M.

Smirnova E.I. (1989). K voprosu o sostave i denezhnom obespečenii masterov Oruzhejnoj i Masterskoj palaty v 1711–1730 godah [About Staffing and Financial Support of the Masters of the Armuory and the Workshop Chamber in 1711–1730]. *Materialy i issledovanija. Vyp. 6. – Gosudarstvennye Muzei Moskovskogo Kremlja. Istorija i restavracija pamjatnikov Moskovskogo Kremlja* [Materials and Research. Vol. 6. The State Museums of Moscow Kremlin. History and Restoration of Monuments of the Moscow Kremlin], 95-100. M.

Ul'janov O.G. (2016). Bronnyj prikaz i ego rol' v razvitii moskovskoj oruzhejnoj shkoly XVI–XVII vekov (Specializacija i problemy sekretnosti) [The Armour Department and the Development of the Moscow Armory School of the XVI–XVII c (Specialization and Problems of Secrecy)]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Sed'moj mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. 18–20 maja 2016 g.* [War and Weapons. New research and Materials. Works of the Seventh International Scientific and Practical Conference], Ch. 5, 169-190. SPb.

Zabelin I.E. (1905). *Istorija goroda Moskvy* [The History of the City of Moscow] M. 652 p.

Zaharov V.N. (1996). *Zapadnoevropejskie kupcy v Rossii. Jepoha Petra I* [Western European Merchants in Russia. The Era of Peter the Great]. M. 345 p.

Abbreviations

ОРИПФ ММК — Department of Handwritten, Printed and Graphic Collections of the Moscow Kremlin Museums

ПБПВ — Letters and Papers of Peter the Great

ПСЗРИ — The Complete Collection of Laws of the Russian Empire

РГАДА — Russian State Archive of Ancient Acts

РИО — Russian Historical Society

АЮБ — Acts Relating to the Legal life of ancient Russia

Нератова Е. И.

Судьбы музейщиков и музейных предметов.

К биографии К. З. Кавтарадзе

Fates of museologists and museum items.

To the biography of K. Z. Kavtaradze

Нератова Елизавета Ивановна — зав. отделом спец. хранения, хранитель Особой кладовой Российского этнографического музея (Санкт-Петербург, Россия).

Elizaveta I. Neratova — Curator of Special Collections of the Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg, Russia).

e.neratova@mail.ru

Аннотация: В данной статье автор старается показать, что обстоятельства влияют не только на судьбы стран, народов, людей..., но и на музейные предметы. И в связи с этим представляет вниманию читателей четыре предмета кавказского оружия (один кинжал и три сабли), а также рассказывает о возникшем недоразумении при регистрации трех из них в собрании музея и восстанавливает имя собирателя — Константина Зурабовича Кавтарадзе (1879 – 1941).

Судьба самого К. З. Кавтарадзе была достаточно витиевата — талантливый художник-портретист, преподаватель рисования, успешно пробовавший себя и в зубопротезном деле, создатель антропологических манекенов Этнографического Отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей) и реставратор. К. З. Кавтарадзе выезжал в экспедиции в Закавказье, где собирал по программе Этнографического Отдела коллекции, делал зарисовки. Кроме того, он около трех лет проработал в музее истории Грузии. Но большая часть его профессиональной жизни была связана с Петербургом — Ленинградом, о чем кратко говорится в статье.

Автор уделяет внимание экспедиционно-собирательской деятельности К. З. Кавтарадзе, перечисляя все его поездки и кратко их характеризуя,

обращая основное внимание на поездку, откуда им было привезено в музей холодное оружие.

Ключевые слова: РЭМ, К. З. Кавтарадзе, Закавказье, кавказское оружие.

Abstract: This article is an attempt to show that circumstances affect not only fates of countries and people... but also fates of museum objects. And in this regard, the author presents four items of Caucasian arms (one dagger and three sabers), as well as describes the error that occurred during the registration of three of them in the museum collection and restores the collector's name - Konstantin Zurabovich Kavtaradze (1879 - 1941).

The fate of K.Z. Kavtaradze himself was quite unusual: a talented portrait painter, an art teacher who successfully tried himself in dental prosthetics, a creator of anthropological mannequins of the Ethnographic Department of the Russian Museum (now Russian Museum of Ethnography) and a restorer. K.Z. Kavtaradze used to go on expeditions to Transcaucasia where he collected items for the Ethnographic Department and made sketches. He also worked at Museum of History in Georgia for about three years. But most of his professional life was connected with St. Petersburg (Leningrad) as briefly described in the article.

The author pays attention to expeditionary and collecting activities of K.Z. Kavtaradze, listing all his trips and briefly characterizing them, as well as focusing on the trip from which he brought cold arms to the museum.

Keywords: Russian Museum of Ethnography (RME), K.Z. Kavtaradze, Transcaucasia, Caucasian arms.

Изучение музейных собраний — это важная часть повседневной музейной работы. Ибо музей – это не склад старых предметов, это учреждение, занимающееся изучением, комплектованием и показом этих собраний посетителям, образовательной и научно-просветительской деятельностью. Эта работа не может проводиться без соответствующих знаний сотрудников.

Но, как это не покажется странным, некоторые вещи, хранящиеся в музеях, по тем или иным причинам оказываются недостаточно изученными, а

какие-то имеют ошибочную атрибуцию. Поэтому многие музейщики отчасти «детективы». Ведь у музеев, как это бывает в жизни, в процессе работы случаются запутанные истории, непредвиденные обстоятельства, разные трудности, подчас катастрофические, последствия которых приводят к тем или иным ошибкам. И это заставляет нас вглядываться в прошлое и распутывать клубок заблуждений, «счищать» слой за слоем неточности и искать правду. К сожалению, она не всегда открывается нам. Но бывают счастливые моменты, когда работа «музейным детективом» приносит свои плоды. В результате уточняется атрибуция предметов, выясняется история их поступления в музей, и это позволяет иначе взглянуть на музейные вещи и правильнее их использовать в текущей музейной и научной работе.

Эта работа сталкивает нас и с судьбами сотрудников музея. Ведь большинство людей, которые отдают этому поприщу большую часть своей жизни, действительно сплетаются своей судьбой с жизнью того музея, в котором они служат. Современные музейщики вспоминают своих предшественников, открывая все новые и новые детали их творческой, научной, выставочной, экспедиционной и другой деятельности.

Константин Зурабович Кавтарадзе (1879–1941) был человеком, чья работа до сих пор находит отклик в сердцах сотрудников Российского этнографического музея¹, которому он посвятил большую часть своей жизни. Л. П. Потапов² вспоминал о К. З. Кавтарадзе как о незаменимом специалисте, прекрасном реставраторе, вдумчивом и квалифицированном коллекционере, хорошем художнике³. И. Б. Абесадзе⁴ в своей статье приводит слова Е. Н. Студенецкой⁵, которые она написала в 1941 году в письме родным по

---

¹ Нынешний Российский этнографический музей (РЭМ) до 1934 года был Этнографическим Отделом Русского музея (ЭОРМ), с 1934 по 1991 год он назывался Государственным музеем этнографии (ГМЭ).

² Потапов Леонид Павлович (1905, г. Барнаул – 2000, Санкт-Петербург) – этнограф-сибиревед, в 1930-40-х годах сотрудник ГМЭ.

³ აბესაძე ი. მუზეუმის მოამაგე მხატვარი: [კ. კავთარაძე] // საბჭოთა ხელოვნება. 1989. – № 3, გვ.143

⁴ Абесадзе Ирина Бидзиновна (1949 г. р.) – искусствовед.

⁵ Е. Н. Студенецкая (1908–1988) этнограф-кавказовед, музейщик, с 1930 г. сотрудница ЭОРМ (с 1934 г. ГМЭ), с 1938 по 1981 г. заведующая отделом Кавказа музея.

поводу кончины К. З. Кавтарадзе: «Мы будем строить новые и новые выставки, а когда будем работать в фондах, на каждом шагу будем встречать плоды работ Константина Зурабовича, отдавшего всю свою жизнь нашему музею»⁶. И это высказывание не утратило своего смысла и в настоящее время, ибо мы, пусть и не на каждом шагу (ведь прошло много лет), но вспоминаем К. З. Кавтарадзе, благодаря его обширной и разнообразной музейной работе.

Обращаясь к личности неординарного человека, нельзя не коснуться истории его жизни, становления и работы. Нам повезло, в архиве Российского этнографического музея хранится автобиография К. З. Кавтарадзе, написанная 10 мая 1931 года.

Константин Зурабович Кавтарадзе (Илл. 1) родился 21 мая 1879 года в Тифлисе в семье безземельного имеретинского крестьянина, происходившего из сел. Ргани Шорапанского уезда Кутаисской губ., Зураба Ивановича Кавтарадзе⁷ и уроженки Тифлиса Екатерины Агаевны (урожд. Джанкуловой)⁸. Его отец не имел конкретной профессии. Он работал в Тифлисе то разнорабочим по найму, то помощником мастера по серебряному делу, одно время был подсобным рабочим в театре, позже горнорабочим на Чиатурских марганцевых коях, строителем, наконец, поваром... А его мать была швейей⁹.

Илл. 1. Константин Зурабович Кавтарадзе, 1911 г. (?). Фотография из газеты «Темми», № 36 от 12.09.1911 г.

В 1889 году Константин Кавтарадзе был отдан родителями на обучение в начальное 3-классное училище при Тифлисской духовной семинарии. По окончании этого училища он поступил в 1-ю Тифлисскую гимназию¹⁰, где

⁶ აბესაძე ი. მუზეუმის მოამაგე მხატვარი: [კ. ქავთარაძე] // საბჭოთა ხელოვნება. 1989. – № 3, გვ.143

⁷ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

⁸ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 3.

⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

¹⁰ По другим сведениям, в реальное училище.

обучался до 4-го класса (включительно), но не окончил ее из-за недостатка средств¹¹.

Как пишет в своей биографии сам К. З. Кавтарадзе: «С самого раннего детства я проявлял художественный талант к великому огорчению моих родителей и домохозяев, так как все стены я разукрашивал своими рисунками углем»¹². Эта тяга к рисованию и определила его дальнейшую судьбу. Первым его учителем стал живший в Тифлисе художник Г. Ф. Гриневский, который обратил внимание на способного юношу и стал руководить его художественным образованием¹³. В августе 1898 года Кавтарадзе поступил в школу живописи и скульптуры Кавказского общества поощрения изящных искусств в Тифлисе, где его педагогами были Г. Ф. Гриневский (до 1900 года), затем (в 1900–1904 годах) О. И. Шмерлинг, Г. И. Габаев (Габашвили) и Л. Г. Лонго¹⁴ (Художники народов СССР 1995, 586).

Завершив образование в Тифлисе, К. З. Кавтарадзе в 1904 году отправился в Санкт-Петербург, где посещал вольнослушателем занятия в Академии художеств, работая под руководством профессора В. В. Матэ. Одновременно с этим он занимался ретушированием фотографий, исполнял заказы на портреты, был иллюстратором журналов «Живописное обозрение» и «Нива», преподавал рисование и заведовал художественными мастерскими (столярной, токарной, мастерской резьбы по дереву, а также переплетной) в Училище попечительства о глухонемых Императрицы Марии Федоровны¹⁵. Тем не менее недостаточность средств и совет знакомого зуботехника И. И. Клемша подвигли К. З. Кавтарадзе к освоению новой профессии. Он прошел обучение и после не только работал техником у различных зубных врачей (в 1906–1910 годах), изготавливая зубные протезы, но был преподавателем зуботехники в зубоучебной школе Е. Ф. Вангль и на курсах усовершенствования врачей¹⁶. В эти же годы он начал участвовать в выставках. В 1910 году Константин Зу-

---

¹¹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

¹² Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

¹³ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9.

¹⁴ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9 об.

¹⁵ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 9 об.

¹⁶ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10.

рабович вернулся в Тифлис, чтобы поправить здоровье. Там он продолжил свою деятельность как зубной техник, но не оставил своих занятий как художник и иллюстратор периодических изданий. Основной темой для него были народные типы и быт Закавказья. По предложению газеты «Сахалхо газети» (სახალხო გაზეთი «Народная газета») Кавтарадзе устроил в 1911 году выставку своих работ¹⁷. Она состоялась в Тифлисе, в здании грузинского театра. На ней были представлены рисунки и этюды К. З. Кавтарадзе. В основном это были рисунки типов народов Кавказа и жанровые сценки. Газета «Теми» (თემი «Общество») от 12 сентября 1911 года отмечала особенно интересные работы автора, а также сообщала, что за первые три недели работы выставки было продано 60 его работ¹⁸, многие из которых были приобретены музеем этнографии и антропологии при Тифлисском университете¹⁹. В результате успеха этой выставки последовали предложения провести аналогичные в городах Батум и Кутаис²⁰. И именно на выставке 1912 года в Батуме произошла важная для всей дальнейшей судьбы К. З. Кавтарадзе встреча. Там он познакомился с Александром Александровичем Миллером²¹ – сотрудником ЭОРМ, который предложил Константину Зурабовичу отказаться от «стихийной продажи» его произведений и представить их все для приобретения в ЭОРМ²².

В результате осенью 1912 года К. З. Кавтарадзе приехал в Петербург и предложил свои работы на рассмотрение Совета ЭОРМ (Илл. 2, 3, 4, 5 и 6).

---

¹⁷ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10.

¹⁸ კოტე ქავთარაძის ნახატების გამოფენა // თემი. – 1911, № 36, 12 сентября – с. 3 (Выставка картин Коте Кавтарадзе // Теми. Газета. – 1911, № 36, 12 сентября – с. 3)

¹⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10.

²⁰ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10.

²¹ А. А. Миллер (1875–1935) – известный отечественный археолог и этнограф, лидер отечественной школы палеоэтнологии, востоковед и кавказовед, музейщик: с 1907 года внештатный сотрудник ЭОРМ, с декабря 1908 – хранитель ЭОРМ, курировавший весь комплекс работ по востоковедению, в 1918–1921 годах – директор Русского музея и одновременно заведующий ЭОРМ, с 1925 – заведующий отделением Кавказа и Туркестана ЭОРМ.

²² Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10 об.

Илл. 2.

Кавтарадзе К.З. Портрет кн. Андроникова. Кахетия (РЭМ № 2563 – 2), 1902 г.

Бумага, пастель.

Длина – 65,1 см; ширина – 48,0 см.

Илл. 3.
Кавтарадзе К.З. Карталинский крестьянин (РЭМ № 2563 – 3), 1912 г.
Бумага, карандаш, пастель.
Длина – 62,8 см; ширина – 47,3 см.

Илл. 4.

Кавтарадзе К.З. Гуриец (РЭМ № 10873 – 2), 1912 г.

Бумага, карандаш.

Длина – 63,0 см; ширина – 47,4 см.

Илл. 5.

Кавтарадзе К.З. Портрет поэта Ал. Шаншиашвили (РЭМ № 10873 – 3), 1912 г. (?).

Бумага, карандаш, пастель.

Длина – 65,0 см; ширина – 49,7 см.

Илл. 6.

Кавтарадзе К.З. Портрет старика. Тифлис (РЭМ № 10873 – 6), 1905 г.

Бумага, карандаш, пастель.

Длина – 62,0 см; ширина – 47,7 см.

Рисунки были приобретены²³, а сам К. З. Кавтарадзе был приглашен на должность художника-мастера музея. Тогда же ему было поручено оборудование манекенной мастерской²⁴, работа в которой выполнялась по контрактам, а с 9 февраля 1913 года по сдельной оплате²⁵. Как пишет сам Кавтарадзе, им «был выработан тип манекенов, значительно превосходящих заграничные образцы как с конструктивной, так и с художественной стороны, обходящийся притом в восемь раз дешевле заграничных»²⁶.

За время своей работы в ЭОРМ К. З. Кавтарадзе изготовил около 1000 манекенов, причем около 800 в дореволюционный период его работы (Илл. 7), которые в 1930-х годах полностью обеспечивали все экспозиции музея. И в дальнейшем налаженная работа манекенной мастерской и изготовленные им формы давали возможность использовать их на новых и новых экспозициях.

Илл. 7. Первые манекены музея и сотрудники: А.А. Миллер, Н.М. Могилянский, П.А. Смелов (?) и К.З. Кавтарадзе (РЭМ № ИМ 1 – 35), 1914-1915 гг. (?).

²³ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 1, д. 79, л. 52 об.

²⁴ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10 об.; ф. 1, оп. 1, д. 89, д. 6 об.

²⁵ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 1, д. 89, л. 7.

²⁶ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10 об.

Любопытно, но в начале XX века была принята очень условная окраска манекенов (по европейским аналогам), что видно на ранних фотографиях. И только 13 октября 1926 года на совещании сотрудников ЭОРМ был поставлен вопрос об изменении окраски имеющихся манекенов. В результате было принято решение о необходимости использования иной тональности окраски, при которой, сохраняя некоторую условность, надо было стремиться к воспроизведению реальных данных пигментации, о чем было доложено на Совете ЭОРМ 10 ноября 1926 года (Журнал заседаний Совета Этнографического Отдела № 460)²⁷. Поэтому манекены в начале 1930-х годов постепенно перекрасили, и они обрели привычный нам вид. Часть из них, пройдя многочисленные реставрации, продолжает использоваться в музее и поныне. И мало кто задумывается, что им уже больше ста лет²⁸.

Кроме работы в манекенной мастерской, К. З. Кавтарадзе с 1914 года участвовал в расширении и налаживании работы реставрационной и муляжной мастерских (как его деятельность зафиксирована в Трудовом списке: «мастер-художник реставрационной, формовочной и манекенной мастерских»²⁹), где работал под общим руководством А. А. Миллера и совместно с художником П. А. Смеловым³⁰. Сам Кавтарадзе по большей части специализировался на реставрации предметов из металлов, дерева, кости, а также керамических изделий³¹.

В 1915 году К. З. Кавтарадзе совершил по поручению ЭОРМ свою первую этнографическую экспедицию в Тифлисскую и Елисаветпольскую

---

²⁷ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 174а, л. 75.

²⁸ Интересно, что не только наш музей до сих пор использует манекены, сделанные К.З.Кавтарадзе и его коллегами. В 1929 году ЭОРМ передал в Этнографический музей Анкары (основанный в 1924 году) костюм хакасского шамана на манекене. Это был межмузейный обмен (взамен ЭОРМ получил костюм дервиша, правда, без манекена). В 1942 году манекен с шаманским костюмом из Этнографического музея Анкары был передан в музей университета Анкары, где до сих пор экспонируется.

²⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 23 (Трудовой список).

³⁰ Павел Александрович Смелов (1874, г. Чистополь – 1942, Ленинград) – художник, с 1925 или 1930 года сотрудник отдела Антропологии Музея антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР, с 1941 года – комендант МАЭ.

³¹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 10 об.

губ.³² В начале 1916 года состоялась его вторая экспедиция. Теперь К. З. Кавтарадзе посетил Дагестанскую обл. и Бакинскую губ.³³

По возвращении в Петроград весной 1916 года К. З. Кавтарадзе был призван на военную службу ратником ополчения 2-го разряда³⁴ и направлен исполнять воинские обязанности в Российском Красном Кресте³⁵ в лаборатории челюстно-протезной хирургии госпиталя в Зимнем дворце³⁶ помощником заведующего Д. А. Энтина³⁷. Период его службы в Красном Кресте совмещался отчасти с его деятельностью в ЭОРМ ввиду близости прохождения медицинской воинской службы.

В конце апреля 1917 года Кавтарадзе получил отпуск³⁸ по военной службе (для женитьбы) и отправился в Тифлис, куда пробовал перевестись по работе в Красном Кресте, но отказался от этой идеи и вскоре вернулся в Петроград.

Отправляясь в отпуск в 1917 году, Константин Кавтарадзе получил задание от ЭОРМ по сбору коллекций в Тифлисской губ. Это была его третья этнографическая экспедиция. По возвращении из отпуска он продолжил службу в госпитале и в музее, но вскоре работа К. З. Кавтарадзе в ЭОРМ бы-

---

³² Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 1-1об., 11-15, 26-32.

³³ Д. 305, л. 8, 16-23.

³⁴ В результате военной реформы, проведенной по инициативе военного министра Д. А. Милютин, с 1874 года была введена всеобщая воинская повинность (вместо рекрутского набора), но сохранены неподлежащие призыву категории. Появилась также категория ратников – государственного ополчения, проходившего с 1890 года военные сборы. Ратниками второго разряда были мужчины в возрасте от 21 до 43 лет, не проходившие прежде воинской службы.

³⁵ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 42.

³⁶ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 11.

³⁷ Давид Абрамович Энтин (1888–1957) – стоматолог, с 1918 года старший протезист и заведующий отделением челюстной хирургии госпиталя Российского красного креста, с 1924 года – преподаватель Военно-медицинской академии в Ленинграде, профессор, во время Великой Отечественной войны – главный стоматолог РККА.

³⁸ Любопытно, что на время отъезда К. З. Кавтарадзе манекенная мастерская в музее была поручена его брату П. З. Кавтарадзе, в обязанности которого входил надзор и вечерние работы, о чем есть запись в журнале Совета ЭОРМ № 368 от 8 июня 1917 года (Архив РЭМ: ф. 1, оп. 1, д. 117, л. 7 об.). Это единственный документ, в котором упоминается брат К. З. Кавтарадзе.

ла прервана. И причиной тому стала его женитьба, состоявшаяся в мае 1917 года. Как он пишет в своей биографии, «привыкшая к провинциальной тиши» его супруга не смогла жить в Петрограде³⁹, и в результате К. З. Кавтарадзе осенью 1917 года снова уехал на Кавказ, где намеревался продолжить собирать вещи для музея, но с 13 ноября 1917 года уволился из ЭОРМ⁴⁰.

После этого он работал несколько лет в Тифлисе как свободный художник и как техник. Гордился тем, что им были впервые изготовлены и введены в употребление стальные шрифты для пишущих машин для всех кавказских алфавитов⁴¹.

Однако в 1921 году, после развода с женой, К. З. Кавтарадзе вернулся в Петроград, привезя с собой ряд предметов, приобретенных им для музея после 1917 года⁴², и восстановился на работе в ЭОРМ. Он был принят в Этнографический Отдел художником-реставратором⁴³ и проработал в этой должности с августа 1921 по ноябрь 1924 (или весну 1925 года?), когда он отказался от командировки, во время которой должен был ознакомиться с постановкой музейного дела и с практической работой в реставрационных лабораториях (мастерских) в музеях Лондона, Парижа, Рима, Берлина и Мюнхена. Отказ произошел из-за разногласий с руководством ЭОРМ по длительности этой поездки. В результате Кавтарадзе уволился и в мае 1925 года уехал в Тифлис, поступил на работу в музей Истории Грузии в качестве художника-реставратора, где проработал один год. Работая в этом музее, он участвовал в археологических раскопках с профессором Г. Б. Ниорадзе в районе близ ЗаГЭС и в Белом Ключе, занимаясь там также зарисовками, изготовлением муляжей и эстампажей⁴⁴.

В 1927 – первой половине 1929 года К. З. Кавтарадзе продолжал заниматься зарисовками в Тифлисе, Эривани, Нахичевани и Баку. В Баку такие работы он выполнял по заказу Азкомстариса (Азербайджанского комитета

---

³⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 11.

⁴⁰ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 42.

⁴¹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 11-11 об.

⁴² Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 48а, л. 55.

⁴³ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 7 об., л. 23 (трудовой список).

⁴⁴ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 11 об., л. 23 (трудовой список).

охраны памятников старины, искусства и природы): он сделал зарисовки Шахской мечети, Девичьей башни, храма огнепоклонников и других памятников старины Баку и его окрестностей⁴⁵.

В конце лета 1929 года К. З. Кавтарадзе окончательно вернулся в Ленинград, где 1 октября 1929 года снова поступил на службу в ЭОРМ в качестве художника-реставратора, 21 мая 1930 года был переведен на должность научного сотрудника 1-го разряда, а в апреле 1932 года стал старшим научным сотрудником. Однако в июне 1933 года был уволен из музея по сокращению штатов.

В короткий «безмузейный» период 1933 года он работал по временным договорам: выполнял художественные работы для Кутаисского химического комбината и для Северной судостроительной верфи по оформлению выставки в Доме культуры Московско-Нарвского района⁴⁶ Ленинграда.

В мае 1934 года вновь зачислен в штат Государственного музея этнографии (так с 1934 года стал называться Этнографический Отдел), где и проработал до конца своих дней.

Работал он в разных должностях: старшим научным сотрудником, художником-реставратором, наконец, заведующим реставрационной мастерской. Все эти годы он очень горячо переживал за состояние сохранности музейных предметов, разрабатывая и подавая идеи улучшения работы в фондах и реставрационной мастерской⁴⁷.

Весь период работы в ЭОРМ (ГМЭ) Константин Зурабович жил на территории музея, где были оборудованы квартиры для сотрудников (по Инженерной ул. в доме 4/1, в кв. 47, а позже в кв. 6). Скончался К. З. Кавтарадзе 22 января 1941 года.

По воспоминаниям сотрудников музея в память о К. З. Кавтарадзе в 1941 году в Государственном музее этнографии был издан специальный бюл-

---

⁴⁵ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 3, д. 82, л. 12, л. 23 (трудоустройство).

⁴⁶ Впоследствии получил название ДК им. А. М. Горького (теперь Дворец искусств Ленинградской области).

⁴⁷ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 556, л. 12-13 об.

летень⁴⁸ с его фотографиями и письмами. Однако в настоящее время следов этого издания найти не удалось.

Резюмируя вклад К. З. Кавтарадзе в музейное дело, надо отметить, что за годы своей работы в ЭОРМ – ГМЭ:

1) К. З. Кавтарадзе выполнил около 1000 манекенов для экспозиций.

2) На протяжении 15 лет (с перерывом в 4 года) занимался реставрацией музейных предметов.

3) Пополнил коллекцию музея своими рисунками, среди которых есть рисунки типов Кавказа, приобретенные музеем в 1912 году, и специально выполненные рисунки по заказу музея. Эти рисунки представляют собой кавказские типы и типы населения Европейской России, которые делались и как бытовые зарисовки Кавтарадзе (61 рисунок в нескольких коллекциях⁴⁹), и как работы, являвшиеся основой для создания манекенов (112 рисунков).

4) Выезжал в экспедиции и собирал вещевые коллекции для музея в соответствии с предложенными ему музеем программами.

В поездках в Закавказье (в 1915, 1916 и 1917 годах) им были собраны большие и достаточно репрезентативные коллекции по грузинам, армянам, азербайджанцам, горским евреям и небольшая по персам (всего более 800 предметов в нескольких коллекциях).

В первой экспедиции, задачей которой было изучение этнического состава г. Шуши, было собрано 310 предметов. 308 из них характеризуют народы Елисаветпольской губ., проживавшие в г. Шуше и его окрестностях: армян⁵⁰ (209 предметов), азербайджанцев⁵¹ (97 предметов), персов⁵² (2 предмета). Остальные были приобретены попутно в г. Тифлисе и характеризуют грузин⁵³ (2 предмета).

---

⁴⁸ აბესაძე ი. მუზეუმის მოამაგე მხატვარი: [კ. ქავთარაძე] // საბჭოთა ხელოვნება. 1989. – № 3, გვ.143

⁴⁹ Коллекции РЭМ №№ 2563, 2564, 2565 (исключена по результатам послевоенной сверки: ордер № 634/09.07.1955), 10873, 10874, 10875, 10876, 10877 и 10879.

⁵⁰ Коллекции РЭМ № 3518 и № 3599.

⁵¹ Коллекции РЭМ № 3519 и № 3600.

⁵² Коллекция РЭМ № 3601.

⁵³ Коллекция РЭМ № 3602.

Во второй экспедиции, задачей которой было изучение евреев г. Дербента Дагестанской обл. и азербайджанцев Бакинской губ., было собрано 406 предметов. По результатам этой поездки были сформированы коллекции по горским евреям⁵⁴ (33 предмета) и по азербайджанцам⁵⁵ г. Шемахи и сел. Лагич, Гарджеван (Гюрджеван) и Ахсу Шемахинского уезда Бакинской губ. (373 предмета).

В третьей экспедиции, задачей которой было изучение грузин⁵⁶ Тифлисской губ., было приобретено 135 предметов. Среди предметов, купленных Кавтарадзе в его грузинской экспедиции 1917 года, было четыре образца холодного оружия, которые нас и будут интересовать в первую очередь. Кроме того, (в дополнение к материалам данной экспедиции) К. З. Кавтарадзе уже после доставки в ЭОРМ результатов экспедиционного сбора было приобретено в Тифлисе еще 12 предметов⁵⁷.

Но если приобретения Кавтарадзе в первых двух его экспедициях были зарегистрированы в фонды музея сразу, то материалы его последней экспедиции ждали своей регистрации несколько лет. Более того, те 12 предметов, которые он привез, вернувшись в Петроград в 1921 году, были тоже зарегистрированы сразу. А вот его сбор в Телавском уезде Тифлисской губ., привезенный в музей 16 сентября 1917 года, принятый музеем 22 сентября 1917 года (под вход. № 24) и состоявший из 68 номеров (135 предметов), был представлен на Совете ЭОРМ только в 1921 году, одновременно с новой коллекцией из 10 номеров (12 предметов), привезенной Кавтарадзе из Грузии.

Такая задержка объясняется тем, что музей в те годы переживал не самые лучшие времена. Тут были и эвакуация основных коллекций в Москву (они хранились в сундуках, на территории Кремля), и их сложное возвращение в музей, состоявшееся только в декабре 1920 года. И трудные условия работы, когда (с 1917 по 1924 год) музей стоял зимой без отопления и работы были возможны лишь в одном небольшом, оборудованном буржуйкой помещении (так называемом «теплом углу»), в котором заниматься планомерной

---

⁵⁴ Коллекция РЭМ № 3704.

⁵⁵ Коллекции РЭМ № 3705, № 3706 и № 3707.

⁵⁶ Коллекции РЭМ № 4643, № 6061 и № 6266.

⁵⁷ Коллекция РЭМ № 3933.

регистрацией больших коллекций было совершенно невозможно. Поэтому небольшая коллекция из 10 номеров была зарегистрирована сразу (3933), а большая из 68 – нет. Иными словами, регистрация предметов в состав музейных коллекций шла значительно медленнее, чем хотелось бы. Но и эта задержка была только началом проблемы. Наводнение, случившееся в Ленинграде 23 сентября 1924 года, не просто заставило отложить все плановые работы, но «спутало все карты». Оно стало серьезным испытанием для Этнографического Отдела. Поскольку строительство здания Отдела было приостановлено в 1914 году, то «депозитарий» (помещения для хранения предметов, именуемые ныне фондами или фондохранилищами), за исключением единственного фонда музея, был только в проекте. Поэтому большинство музейных предметов хранилось в подвале. Но завершение строительства тогда еще предполагалось, под вторую часть здания был вырыт котлован, и вплоть до наводнения он сохранялся незасыпанным и примыкал к построенной части здания Отдела. Это привело к тому, что полное затопление подвалов, где хранились вещи, произошло всего за полчаса. Я уже приводила в одной из моих прежних публикаций (Нератова 2018) свидетельства очевидцев тех событий. Здесь для полноты картины должна процитировать их вновь. Сотрудник музея Б. Г. Крыжановский⁵⁸ писал: «Во время наводнения вода, наполнившая выемку для фундамента недостроенной части здания, подняла сложенные здесь дрова, вышибла ими ворота в кочегарку центрального отопления, и отсюда бурный поток пронесся через все подвалы, ломая в некоторых местах полки и сдвигая тяжелые шкафы. Когда вода была удалена, подвалы представляли собой картину полного разгрома. Все вещи были перепутаны, сброшены со своих мест, много керамики и стекла побито, все ткани промочены и загрязнены»⁵⁹. В справке⁶⁰, составленной Н. П. Гринковой⁶¹ и

---

⁵⁸ Крыжановский Борис Георгиевич (1886, г. Смоленск – 1937, пос. Медвежья Гора) возглавлял в те годы II отделение ЭОРМ (этнография восточных и зарубежных славян).

⁵⁹ Отдел научной документации РЭМ: Приложение № 1 к Ордеру № 634: книга 730, л. 89.

⁶⁰ Отдел научной документации РЭМ: Приложение № 1 к Ордеру № 634: книга 730, л. 90-91.

Е. Э. Бломквист⁶², было зафиксировано удручающее состояние музейных предметов после наводнения. Было указано, что музейное оборудование (шкафы и сундуки) не выдержало натиска воды, расклеилось и развалилось, поэтому после откачки воды сотрудникам музея по пояс в воде пришлось разбирать груды вещей. Они выносили предметы во двор, раскладывали и сушили их во дворах музея на траве, веревках, козлах, ступенях... А по мере их просушки переносили на чердак Художественного отдела, в мастерские, в недостроенное здание на канале Грибоедова, а также в Мраморный зал ЭОРМ... Музейные предметы оказались перепутанными. В течение 1925–1928 годов все вещи прошли через реставрационную мастерскую, где их по возможности привели в порядок, а затем распределили по отделениям музея, а внутри них по типам вещей, и разложили по вновь сделанным шкафам и сундукам⁶³. Предметы, утратившие учетные обозначения, опознавали, восстанавливали номера, либо составляли на них Охранные описи для дальнейшей работы, ряд из них позже составил музейные коллекции, предметы в которых так и не были опознаны и были определены как «ранее незарегистрированные». С этими коллекциями мы работаем до сих пор и время от времени происходят «открытия».

Результатом этого наводнения в нашей истории стала не только задержка регистрации экспедиционного привоза К. З. Кавтарадзе, но временная утрата информации о принадлежности к нему трех сабель.

Весь грузинский экспедиционный привоз К. З. Кавтарадзе (кроме трех сабель) был зарегистрирован Г. К. Щипковой⁶⁴ в два этапа: в 1938 году в коллекцию № 6061 (16 номеров, 18 предметов) и в 1940 году в коллекцию

---

⁶¹ Гринкова Надежда Павловна (1895, Санкт-Петербург – 1961, г. София) – филолог-славист, в те годы научный сотрудник I отделения ЭОРМ (этнография русских и финнов).

⁶² Бломквист Евгения Эдуардовна (1890, Санкт-Петербург – 1956, Ленинград) – этнограф, в те годы научный сотрудник I отделения ЭОРМ (этнография русских и финнов).

⁶³ Отдел научной документации РЭМ: Приложение № 1 к Ордеру № 634: книга 730, л. 96.

⁶⁴ Щипкова Галина Казимировна (1909, Санкт-Петербург – 1942, ст. Буй?) – сотрудник ГМЭ в 1937-1942 годах.

№ 6266 (46 номеров, 111 предметов). Но сабли не пропали. В 1927 году (гораздо раньше остальных экспедиционных материалов Кавтарадзе 1917 года) они были зарегистрированы сотрудником музея Ф. А. Фиельstrupом⁶⁵. И составили коллекцию № 4643 (3 номера, 6 предметов). Ф. А. Фиельstrup отнес эти сабли к поступившим в музей из коллекции Е. Е. Тевяшова⁶⁶ в 1926 году.

Изучение материалов по коллекции Е. Е. Тевяшова показывает ошибочность данной регистрации, ибо в его собрании не было подобных предметов. В список предметов, собранных Е. Е. Тевяшовым, входили разнообразные луки и стрелы (и именно эти предметы составляли большую часть его собрания), другую часть его коллекции составляло защитное вооружение, холодное и огнестрельное оружие, копья, стремена и «мелочи», а именно: деревянная скульптурная модель рукоятки меча и сибирский щиток для защиты от ударов тетивы. Список холодного оружия состоял всего из 12 пунктов: монгольской сабли (из кургана), петровского палаша (с пилой), эспантона Лейб-Гвардии Измайловского полка, пики кавалергардской, хевсурского «меча»⁶⁷ и кинжала-кама, марокканской сабли, турецкого ножа, цейлонского «полумеча», кинжала-кама с клеймом, кинжалов разных и персидского кинжала⁶⁸. В этом собрании не было ни одной кавказской сабли. Но история вопроса такова: 7 октября 1917 года Е. Е. Тевяшов впервые обратился в ЭОРМ с просьбой принять всю его коллекцию на временное хранение в упакованном виде⁶⁹. В декабре 1918 года он вновь обратился в музей сначала с желанием продать в музей свою коллекцию оружия⁷⁰, а в 1919-м — с просьбой передать ее на хранение⁷¹ с расчетом на дальнейшее приобретение. Все это

---

⁶⁵ Фиельstrup Федор Артурович (1889, Санкт-Петербург – 1933, Ленинград) – этнограф, тюрколог, сотрудник ЭОРМ.

⁶⁶ Тевяшов (Тевяшев) Евгений Евгеньевич (1874, Санкт-Петербург – 1942, Ленинград) – спортсмен, коллекционер.

⁶⁷ Имелся в виду палаш.

⁶⁸ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 6; Дмитриев С. В. Фонд Этнографического Отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб, 2012, с. 741-742.

⁶⁹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁷⁰ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 11а, л. 48 об. -49.

⁷¹ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 17об.

было следствием выхода декрета СНК РСФСР «О сдаче оружия» от 10 декабря 1918 года. Но в связи с отсутствием денежных средств Тевяшову было предложено забрать свою коллекцию. Велись лишь переговоры о приобретении из его собрания луков и стрел. Его коллекция в результате была передана в МАЭ⁷². В наш же музей в дар от владельца в декабре 1923 года поступил только хевсурский палаш (он же «меч» в списке коллекции), названный в журнале Совета ЭОРМ № 437 от 13 декабря 1923 года хевсурской саблей⁷³.

Таким образом, ни в общем списке предметов, собранных Е. Е. Тевяшовым, ни среди предметов, отобранных для приобретения музеем, нет ни одной закавказской сабли, подобной приобретенным К. З. Кавтарадзе. Из-за наводнения эти три предмета оказались в стороне от остальных вещей экспедиционного сбора 1917 года, и после их просушки были отнесены к известному в то время в коллективе музея оружейному собранию, о котором в период до 1924 года было много разговоров на Совете Этнографического Отдела. Так, описанные Ф. А. Фиельstrupом сабли из экспедиции К. З. Кавтарадзе стали числиться саблями из коллекции Е. Е. Тевяшова. Поэтому одной из задач этой статьи является восстановление имени собирателя. Но мое рассуждение по этому поводу не первое. В 1938-40-х годах Г. К. Щипкова, которой было поручено зарегистрировать предметы грузинской экспедиции Кавтарадзе, соотносила свою регистрацию со счетом экспедиции, составленном в 1917 году и включавшем данные три сабли. Именно ею была сделана карандашная отметка о том, что сабли, приобретенные Кавтарадзе, зарегистрированы под коллекционным номером 4643. Но дальше этих пометок, сохранившихся в счете экспедиции, дело не пошло. Никто не внес корректировку в данные о собирателе в коллекцию 4643, и на долгие годы эти сабли стали числиться предметами, относившимися к коллекции Е. Е. Тевяшова. Более того, одну из этих сабель постигла еще одна неприятность. Поврежденная во время наводнения, она со временем, вероятно, уже во время Великой Отечественной войны, утратила рукоять, на которой по аналогии с другими предметами из данной коллекции был написан ее музей-

---

⁷² Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 7.

⁷³ Архив РЭМ: ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 8; Коллекция РЭМ № 4260.

ный номер. Поэтому при послевоенной сверке музейных предметов саблю не опознали, ее списали по Ордеру № 944 от 10.10.1956, а неизвестную и безномерную сабельную полосу зарегистрировали в 1954 году под новым номером № 6790–16 в сборную черноморскую коллекцию. Регистрацией занимался А. С. Бежкович⁷⁴, и он наряду с балканскими ружьями из Охранной описи отдела Украины и Белоруссии включил в нее интересующий нас предмет, не входивший в довоенные Охранные описи ни одного из отделов музея.

Но сабельной полосе, видимо, «не хотелось» жить под чужим именем и новый номер (6790–16) от нее открепился, в 2007 году она была включена в Охранную опись № 1/2007, однако, спустя пять лет, опознана по коллекционным описям музея (акт опознания № 32 от 25 сентября 2012 года) и восстановлена под номером 6790–16.

Изучение наследия К. З. Кавтарадзе заставило обратить внимание на коллекцию № 4643 и попытаться найти утраченную саблю. Саблю найти не удалось, но удалось выявить в другой коллекции музея, сохранившуюся сабельную полосу. Клинок полностью соответствует раннему регистрационному описанию сабли. И по своей геометрии полностью соответствует ножнам, хранящимся под номером 4643–2/2.

Таким образом, удалось не только восстановить имя К. З. Кавтарадзе как собирателя предметов коллекции 4643 для музея, но и восстановить целостность одного из комплексов, которая была прежде утрачена.

Итак, в собрании Российского этнографического музея хранится холодное оружие, привезенное из экспедиции К. З. Кавтарадзе 1917 года в Тифлисскую губ. (Илл. 8), которое включает кинжал (с самого начала зарегистрированный как приобретенный К. З. Кавтарадзе) и три сабли, принадлежность которых к этому же экспедиционному сбору установлена в настоящее время.

---

⁷⁴ Бежкович Афанасий Семенович (1890, ст. Нововеличковская Екатеринодарского отдела Кубанской обл. – 1977, Ленинград) – этнограф, с 1948 по 1960 – сотрудник ГМЭ.

Илл. 8.

Холодное оружие, привезенное из экспедиционной поездки К. З. Кавтарадзе в Телавский уезд Тифлисской губ. в 1917 г.

Начнем с кинжала (Илл. 9 и 10), приобретенного К. З. Кавтарадзе в городе Телаве⁷⁵ Тифлисской губ. и зафиксированного собирателем как: «Кинжал княжеский серебряный. *Ханджали*. Цена 65 руб.»⁷⁶. Это кинжал-бебут. Клинок изогнутый, обоюдоострый, со следами воронения. Имеет два неглубоких узких симметричных дола с каждой стороны. С лицевой стороны долы не доходят до пяты. Это место оставлено для изображения и надписи, выполненных в технике инкрустации латуњью (всечки). Это изображение представляет собой стилизованное изображение русского герба. Как уже упоминалось в моей статье «Кубачинское оружие... Предметы, приобретенные Е. М. Шиллингом» (Нератова 2023)⁷⁷, изображение гербов на оружии является очень давней традицией, и на Кавказе оно нашло свое широкое применение.

---

⁷⁵ Современный г. Телави.

⁷⁶ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 36.

⁷⁷ Статья опубликована в этом же номере.

Илл. 9.

Кинжал-бебут *ханджали* с ножнами (РЭМ № 6266 – 46/1,2). Лицевая сторона.

1880 – начало 1890-х годов. Телавский уезд Тифлисской губ.

Длина общая (в ножнах) – 46,3 см; длина кинжала (острие обломано) – 43,5 см;
длина клинка – 32,5 см, ширина клинка (у рукояти) – 3,6 см; длина ножен – 35,0 см.

Сталь, серебро, кость, рог, дерево, кожа.

Илл. 10.

Кинжал-бебут ханджали с ножнами (РЭМ № 6266 – 46/1,2). Тыльная сторона.

На данном кинжале перед нами герб Российской Империи (Илл. 11), сделанный местным мастером для неизвестного, к сожалению, местного же пользователя. Здесь герб, по-видимому, является либо прихотью заказчика, либо указанием на достойное (уважаемое, заметное) положение мастера, претендующего на свою известность за пределами региона, то есть во всей Российской Империи. Ну а несколько вольное обращение с государственной символикой и замена корон подписью мастера несколько не умаляют значения герба с местной точки зрения. Более того, возможно, это только усиливает статус мастера, позволившего себе записать свое имя, включив его в геральдическое изображение. Это же изображение помогает датировать данный кинжал. Исходя из иконографии герба Российской Империи, несмотря на примитивность его исполнения и вольную трактовку на данном клинке, он более всего напоминает малый герб Российской Империи 1883 года и может быть отнесен к эпохе Александра III.

Все остальные детали кинжала не противоречат такой датировке. Рукоять из двух пластин с фигурно вырезанной головкой: с лицевой стороны стоит кость, с тыльной – черный рог. Ножны из деревянных плашек, обтянутых окрашенной в черный цвет кожей. Серебряная отделка выполнена хорошим мастером, украшена в технике гладкой черни (под чернь выгравированы бороздки, заполненные черневым составом, после все детали гладко отполированы), дополнена поясками из ложной зерни и скани.

Три сабли, приобретенные Кавтарадзе в том же 1917 году, отличались качеством отделки, а следовательно, и их стоимостью. Первая в списке к отчету собирателя сабля (РЭМ № 4643 – 1/1,2) записана как: «Сабля серебряная

Илл. 11.
Кинжал-бебут ханджали.
(РЭМ № 6266 – 46/1). Фрагмент.
На лицевой стороне клинка
расположено сильно
стилизованное изображение
двуглавого орла и надпись
арабской графикой:
«Сделал Амир (?)».

и серебряная насечка. *Хмали*. Цена 90 руб.»⁷⁸, вторая сабля (РЭМ № 4643 – 3/1,2): «Сабля. Медная насечка. Цена 20 руб.»⁷⁹, третья сабля (РЭМ № 4643 – 2/1,2): «Сабля. Медная насечка. *Хмали*. Цена 45 руб.»⁸⁰. Все три сабли одного региона, одного типа с весьма незначительными отличиями в богатстве отделки. Обращает на себя внимание, что в архивном документе две из них названы *хмали*, а одна – нет. Учитывая, что *хмали* – это любое длинноклинковое оружие, то это какое-то ситуационное (на 1917 год) восприятие собирателя либо банальная случайность (недописанное слово). Тем не менее, имея подробные описания предметов в коллекционной описи 1927 года (сделанной до утраты рукояти на одной из сабель), можно предположить, что К. З. Кавтарадзе для своего времени называл термином *хмали* сабли, имевшие «дужку»-цепочку, соединявшую головку рукояти с крестовиной.

Описание сабли РЭМ № 4643-1/1,2, сделанное Ф. А. Фиельstrupом в 1927 году: «...клинок слегка выгнутый, с двумя продольными желобками, узким и широким вдоль спинки. Клеймо в нижней части клинка [регистратором приведен рисунок] на левой стороне. Эфес прямой с изогнутым впереди под прямым углом кончиком, покрыт черной кожей. Рукоять охвачена тремя серебряными кольцами, покрытыми, как и крестовина, черненым рисунком. Между кольцами штампованные серебряные розетки. От передней ости крестовины к кончику эфеса протянута тройная серебряная цепь с шариком посередине»⁸¹. Описание сабли РЭМ № 4643-2/1,2 в той же коллекционной описи: «...клинок слегка выгнутый, с тремя продольными желобками вдоль спинки. Клеймо в нижней части клинка [рисунок: GENOVA] с обеих сторон. Эфес прямой с загнутым вперед под прямым углом кончиком, покрыт черной кожей. Крестовина украшена насечкой из золотой проволоки. От передней части крестовины к загнутому кончику эфеса подвешена двойная серебряная цепочка с шариком посередине, оторванная от ушка на кончике эфеса (подвязана)»⁸². Наконец, описание сабли РЭМ № 4643-3/1,2: «...клинок слегка вы-

---

⁷⁸ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 36.

⁷⁹ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 36.

⁸⁰ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 36.

⁸¹ Архив РЭМ: Рукописные описи, т. 63, л. 585.

⁸² Архив РЭМ: Рукописные описи, т. 63, л. 585.

гнутой, с двумя неровно сделанными продольными желобками вдоль средней части спинки. Клеймо в нижней части клинка: восьмиконечная звезда с вписанным квадратом, внутри которого надпись [регистратором приведен рисунок]. Кончик эфеса отломлен, и черная кожа покрывает только основание рукояти. Крестовина украшена насечкой из медной проволоки»⁸³.

Рассмотрим подробнее эти сабли. Все они относятся к одному типу. Это классические закавказские сабли с клинком слабой кривизны, с несколькими долами. Рукояти деревянные, покрыты кожей, черен рукоятей расширен к крестовине, крестовины стальные, небольшие, без ребер, с короткими поперечными концами, завершающимися расширениями-«шариками». Эти «шарики» в продольном сечении имеют приплюснутую ромбовидную форму, в поперечном — круглую.

Э. Г. Аствацатурян называет подобные сабли «грузинскими иранского типа» (Аствацатурян 2004, 332-334). На мой взгляд, это справедливо отчасти. Такие сабли бытовали во всем Закавказье, имея лишь незначительные отличия в отделке или используемых материалах (например, наличие роговой рукояти или деревянной, покрытой кожей, с одинаковым расширением к основанию). Среди подобных сабель ярко выделялись только сабли горцев Восточной Грузии, имевшие очень характерные черты в украшениях. Остальные были довольно схожи, хотя и отличались наличием или отсутствием «дужки»-цепочки и незначительными отличиями угла наклона головки рукояти (под прямым или тупым углом с лезвием).

Ножны этих сабель также однотипны. Они состоят из деревянных плашек, обтянутых черной шагреновой кожей. Прибор состоит из стальных наконечника и двух обоймиц. Верхний край наконечника треугольный, всегда спрятан под кожу ножен (чаще под отдельно изготовленную дополнительную кожаную муфту). Форма наконечника лаконичная: он плавно сужается к нижнему концу и закруглен. Обоймицы небольшие, овальной формы с фигурными петлями для крепления портупей (обычно с наружной стороны петли имеют форму, приближающуюся к ромбовидной, или овальную).

---

⁸³ Архив РЭМ: Рукописные описи, т. 63, л. 586.

Центр изготовления такого оружия нам неизвестен. Предположительно, они изготавливались по всему Закавказью довольно широко.

Сабля с ножами (Илл. 12, 13, 14), имеющая музейный номер РЭМ № 4643-1/1,2, была самой дорогой по отделке и по сохранности при ее приобретении в 1917 году. Клинок данной сабли имеет два дола, идущих вдоль обуха: один более узкий, второй — более широкий. На расстоянии 14,5 – 15,0 см верхний дол заканчивается и обух резко сведен на нет. На одной стороне клинка (тыльной) имеется выбитое клеймо, состоящее из окружности с четырьмя ромбовидными выступами и точками слева и справа от центральной фигуры (Илл. 15). Рукоять имеет деревянную основу, обтянута черной шагреновой кожей, охвачена тремя фигурными серебряными поясками, украшенными полосами скани и ложной зерни, неглубокой гравировкой и чернью. Рисунок стилизованный растительный, не очень плотный, фон заполнен зигзагообразными гравированными линиями. Между поясками на рукоять набиты серебряные обойные гвоздики со штампованными шляпками-розетками. Головка рукояти отогнута под прямым углом к лезвию и укреплена стальным колпачком с четырьмя «лепестками». В основании рукояти — стальная крестовина. Колпачок и крестовина украшены насечкой серебром по стали. Рисунок стилизованный растительный, густой. Орнамент на крестовине отличается с лицевой и с тыльной стороны (с тыльной стороны — композиция рамочная). Поперечные концы крестовины имеют расширения «шарики», верхний продольный конец крестовины закрыт украшениями черена рукояти. На вершине колпачка имеется ушко, к которому прикреплена сложная «дужка»-цепочка. Другой конец этой цепочки прикреплен к одному из расширений «шариков» крестовины. «Дужка» состоит из трех цепочек якорного плетения из восьмеркообразных звеньев с перпендикулярно развернутыми колечками, прерываемых в центре украшением в виде ажурного шарика. Ножны деревянные, обтянутые черной шагреновой кожей. Прибор ножен стальной, состоит из наконечника, верхняя часть которого закрыта кожаной муфтой, и двух обоймиц с фигурными литыми ушками с вогнутой стороны ножен (сабельный подвес). Прибор ножен украшен насечкой серебром по стали. Рисунок стилизованный растительный, густой, отличающийся по ор-

наменту с лицевой и с тыльной стороны ножен (с тыльной стороны – композиция на каждой детали рамочная).

Илл. 12.
Сабля хмали с ножнами.
(РЭМ № 4643 – 1/1,2).
Лицевая сторона.

Илл. 13.
Сабля хмали с ножнами.
(РЭМ № 4643 – 1/1,2).
Тыльная сторона.

Середина – начало второй половины XIX века. Телавский уезд Тифлисской губ.
Длина общая (в ножнах) – 93,5 см; длина сабли – 92,2 см; длина клинка – 80,0 см;
ширина клинка (у рукояти) – 3,0 см; длина ножен – 80,5 см.

Сталь, серебро, дерево, кожа.

Илл. 14. Сабля *хмали* с ножнами (РЭМ № 4643 – 1/1,2). Фрагмент.

Илл. 15. Сабля *хмали* с ножнами (РЭМ № 4643 – 1/1,2). Фрагмент.

Клеймо состоит из окружности и точек.
Имеется только на тыльной (левой) стороне клинка.

Сабельная полоса с ножнами (Илл. 16, 17), имеющая музейные номера РЭМ № 6790–16 и № 4643 – 2/2, при приобретении стоила в два раза дешевле предыдущей. Она имела более бедную отделку, но сохранность ее была полной. Клинок имел рукоять с крестовиной и «дужкой»-цепочкой. В настоящее время сохранилась только сабельная полоса, которая имеет три узких дола, идущих вдоль обуха: ближайший к обуху короче двух других. На расстоянии 22,5 см от острия верхний дол заканчивается и обух резко сведен на нет. На обеих сторонах клинка имеется выбитое клеймо, состоящее из надписи латинскими буквами GENOVA и двух дуг сверху и снизу от нее (Илл. 18).

Илл. 16.
Сабля хмали с ножнами.
(РЭМ № 6790-16 и № 4643-2/2).
Лицевая сторона.

Илл. 17.
Сабля хмали с ножнами.
(РЭМ № 6790-16 и № 4643-2/2).
Фрагмент.

Середина – начало второй половины XIX века. Телавский уезд Тифлисской губ.
Длина сабельной полосы – 80,7 см; длина клинка – 73,5 см;
ширина клинка (у пяты) – 3,0 см; длина ножен – 77,0 см.
Сталь, латунь, дерево, кожа.

Илл. 18. Сабельная полоса (РЭМ № 6790-16). Фрагмент.
Клеймо «GENOVA» с дугами.
Имеется на обеих сторонах клинка.

Ножны деревянные, обтянутые черной шагреновой кожей. Прибор ножен стальной, состоит из наконечника, верхняя часть которого закрыта кожаной муфтой, и двух обоймиц с фигурными литыми ушками с вогнутой стороны ножен (сабельный подвес). Прибор ножен украшен насечкой латуны по стали. Рисунок стилизованный растительный, редкий, отличающийся по орнаменту с лицевой и с тыльной стороны ножен (с лицевой стороны орнамент состоит из рельефных повторяющихся элементов, а с тыльной – композиция гладкая и очень сильно стилизованная, обозначенная буквально несколькими штрихами).

Сабля с ножнами (Илл. 19, 20, 21), имеющая музейный номер РЭМ № 4643-3/1,2, была самой дешевой, имела утраченные фрагменты (головку рукояти, а возможно вместе с ней и «дужку»-цепочку, наконечник ножен) еще до приобретения в музей. Клинок этой сабли имеет два дола, идущих вдоль обуха: один более узкий, второй — более широкий. На предыдущих двух клинках долы идут от основания клинка (от рукояти), на этом образце — они начинаются, отступя от него на 16,0 – 20,0 см (с лицевой стороны) и 15,0 – 17,5 см (с тыльной). На расстоянии 19,0 – 20,0 см от острия верхний дол заканчивается и обух плавно сведен на нет. На одной стороне клинка (тыльной) имеется выбитое штампом восьмиугольное клеймо с надписью арабской графикой, вписанной в квадрат: «Сделано Мухаммадом» (Илл. 22).

Илл. 19.
Сабля хмали с ножнами.
(РЭМ № 4643 – 3/1,2).
Лицевая сторона.

Илл. 20.
Сабля хмали с ножнами.
(РЭМ № 4643 – 3/1,2).
Тыльная сторона.

Середина – начало второй половины XIX века. Телавский уезд Тифлисской губ.
Длина общая (в ножнах) – 87,5 см; длина сабли (головка рукояти обломана) – 87,0 см;
длина клинка – 76,0 см; ширина клинка (у рукояти) – 3,5 см;
длина ножен (наконечник ножен обломан) – 70,3 см.
Сталь, латунь, дерево, кожа.

Илл. 21. Сабля *хмали* с ножнами (РЭМ № 4643 – 3/1,2). Фрагмент.

Илл. 22. Сабельная полоса (РЭМ № 4643 – 3/1). Фрагмент.
Восьмиугольное клеймо с надписью арабской графикой: «Сделано Мухаммадом».
Имеется только на тыльной (левой) стороне клинка.

Рукоять имеет деревянную основу, обтянута черной почти гладкой кожей. В основании рукояти — стальная крестовина (верхний вертикальный конец крестовины не скрыт под кожей). Крестовина украшена насечкой латуни по стали и всечкой. Рисунок в виде розетки, вписанной в крестовину, обрамление вдоль края крестовины — инкрустация латунной проволокой (всечка). Орнамент на крестовине отличается с лицевой и с тыльной стороны (с тыльной стороны рисунок сильно стилизованный, обозначенный штрихами). Ножны деревянные, обтянутые черной кожей, украшенной тиснением (рисунок геометрический). Прибор ножен стальной, состоит из двух обоймиц с фигурными литыми ушками с вогнутой стороны ножен (сабельный подвес).

Прибор ножен украшен насечкой латунию по стали. Украшение обоймиц аналогично украшению крестовины этой сабли.

Приобретение такого комплекта вооружения (кинжал и три сабли) не было случайным. К. З. Кавтарадзе работал в 1917 году в Тифлисской губ. по особой (специально составленной для этой поездки) программе Отдела, на что ему было выделено 1500 руб.⁸⁴ Задание, которое он получил перед отъездом, включало в себя следующий пункт: «...постараться найти в полном комплекте один мужской дворянский грузинский костюм при полном соответствующем вооружении, а также с шубейкой *куладжа*. Сфотографировать этот костюм правильно надетый, записать всю терминологию по-грузински»⁸⁵.

В дальнейшем К.З.Кавтарадзе был приобретен еще один образец оружия – кремневый пистолет. Он был привезен им в музей наряду с другими предметами, собранными им в Тифлисе и его окрестностях в 1917–1920-ых годах, и куплен музеем в 1921 году. Но этот предмет не составляет единого экспедиционного приобретения с представленными здесь кинжалом и тремя саблями. Более того, он достоин отдельного рассмотрения и будет представлен читателям впоследствии.

Настоящей статьей я надеюсь пополнить сведения о коллекции грузинского оружия Российского этнографического музея, а также внести коррективы в каталог (Холодное оружие 2006.) холодного оружия нашего музея, изданный в 2006 году, в котором две сабли были даны с неверным источником поступления, а также восполнить пробел в каталоге, опубликовав здесь третью саблю из данного экспедиционного привоза.

Примечание:

Творческие работы К. З. Кавтарадзе (рисунки, портреты, картины) хранятся в следующих собраниях: Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург), Государственном музее политической истории (Санкт-

---

⁸⁴ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 1, д.117, л. 6 об.

⁸⁵ Архив РЭМ: ф. 1, оп. 2, д. 305, л. 24 и 44.

Фотограф вещевых памятников РЭМ — О. В. Волкова.

Петербург), Воронежском областном художественном музее им. И. Н. Крамского, Национальном музее Грузии (Тбилиси).

Благодарность:

Автор выражает благодарность Левану Двалишвили за предоставление периодики на грузинском языке: газеты «Теми» (თემი. – 1911, № 36, 12 сентября) и журнала «Советское искусство» (საბჭოთა ხელოვნება. 1989. – № 3).

Библиография

- Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. — СПб., — 2004. — 432 с.
- Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). — СПб., 2012. — 832 с.
- Нератова Е. И. Кубачинское оружие в Российском этнографическом музее. Часть 1: Предметы, приобретенные для музея Е. М. Шиллингом // Историческое оружиеведение. — 2023. — № 12. — С. 68 — 108.
- Нератова Е.И. К истории среднеазиатской пашки, приобретенной для Российского этнографического музея С. М. Дудиным // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Выпуск 1. Составитель В.Р.Новоселов. — М.: БуксМАрт, 2018. — С. 194–206.
- Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. — СПб, 2006. — 247 с.
- Художники народов СССР. Библиографический словарь в 6 томах. — Т. 4, кн. 2. — М., 1995. — 624 с.

Сокращения:

ЭОРМ – Этнографический Отдел Русского музея

ГМЭ – Государственный музей этнографии

РЭМ – Российский этнографический музей

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

СНК – Совет народных комиссаров

References

Astvacaturjan Je.G. (2004). *Oruzhie narodov Kavkaza* [Weapons of the peoples of the Caucasus]. SPb. 432 p.

Dmitriev S.V. (2012). *Fond Jetnograficheskogo otdela Russkogo muzeja po kul'ture narodov zarubezhnogo Vostoka: istorija formirovaniya i sud'ba (1901–1930-e gg.)* [Fund of the Ethnographic Department of the Russian Museum for the Culture of the Peoples of the Foreign East: History of Formation and Fate (1901–1930s)]. SPb. 832 p.

Holodnoe oruzhie v sobranii Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja [Edged weapons in the collection of the Russian Jetnographic Museum]. SPb, 2006. 247 p.

Hudozhniki narodov SSSR. Bibliograficheskij slovar' v 6 tomah [Artists of the peoples of the USSR. Bibliographic dictionary in 6 volumes], v. 4, b. 2. M., 1995. 624 p.

Neratova E.I. (2018) K istorii sredneaziatskoj shashki, priobretennoj dlja Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja S. M. Dudinym [On the history of the Central Asian drafts acquired for the Russian Ethnographic Museum by S. M. Dudin]. *Istoricheskoe oruzhie v muzejnyh i chastnyh sobranijah* [Historical weapons in museum and private collections], iss. 1, pp. 194–206. M., BuksMArt Publ.

Neratova E.I. (2023). Kubachinskoe oruzhie v Rossijskom jetnograficheskom muzeje. Chast' 1: Predmety, priobretennye dlja muzeja E. M. Shillingom [Kubachi arms in Russian Museum of Ethnography. Part 1: Items acquired for the museum by E. M. Shilling]. *Istoricheskoe oruzhievedenie* [Weapons History Journal], № 12, pp. 68 — 108.

Abbreviations

ЭОПМ – Ethnographic Department of the Russian Museum

ГМЭ – State Museum of Ethnography

РЭМ – Russian Ethnographic Museum

МАЭ – Museum of Anthropology and Ethnography

ЧК – Council of People's Commissars

Звягинцев М. И.

Опыт реконструкции системы конного фехтования по «Правилам и наставлениям по упражнениям с мечом в кавалерии» с использованием оригиналов сабли легкой кавалерии обр. 1796 г.

Reconstruction of the Mounted Swordsmanship System According to "Rules and Regulations for the Sword Exercise of the Cavalry" With the Use of the Original Pattern 1796 Light Cavalry Sword

Звягинцев Максим Игоревич — частный исследователь, область интересов: конное фехтование (Европа, XV – нач. XX вв.), классическая выездка в военно-прикладном аспекте. (Барнаул, Россия).

Maksim I. Zvjagincev — private researcher in the field of fencing on horseback (Europe, XV - early XX centuries) and classical dressage in the military-applied aspect. (Barnaul, Russia).

zmi1477@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются результаты реконструкции системы конного фехтования Дж. Г. ЛеМарчанта¹ согласно «Правилам и наставлениям по упражнениям с мечом в кавалерии» («Rules and Regulations for the Sword Exercise of the Cavalry») применительно к сабле легкой кавалерии обр. 1796 г. (the pattern 1796 light cavalry sabre), с использованием двух оригинальных экземпляров сабель данной модели.

Экспериментальным путем, в том числе посредством выполнения приемов верхом, установлены аспекты приспособления сабли легкой кавалерии обр. 1796 г. к требованиям Наставлений. Выявлены особенности выполнения фехтовальных техник, которые либо прямо и недвусмысленно не были

---

¹ Фамилия Le Marchant французского происхождения и в оригинале должна произноситься как «Ле Маршан». Но исторически эта фамилия перешла в английский язык, где обрела звучание «Ле Марчант». Собственно, так эта фамилия и произносится ее современными английскими обладателями и большинством исследователей.

зафиксированы в Наставлениях, либо в принципе не могли быть описаны с достаточной степенью подробности из-за разработки закрепленной в нем системы как достаточно абстрактного руководства, показывающего видение автором идеальной системы конного фехтования.

Установлены основные причины выбора автором рубки как приоритетного атакующего действия для противостояния конному оппоненту, связанные с особенностями техники нанесения отдельных ударов и их последовательности.

Экспериментально определены критически важные для рубки моменты, связанные с эффектом дополнительного рычага, который дает рукоять внутри ладони, и движение выпрямленной руки в горизонтальной плоскости в сторону удара. Определены причины усложнения системы введением оригинальных способов удержания сабли для отбивов (некоторых часто применимых) и уколов, их преимущества и недостатки; технические аспекты переходов к этим способам удержания. Установлен характер приспособления сабли легкой кавалерии обр. 1796 г. к их использованию.

В части, касающейся письменных источников, исследование охватило не только собственно Наставления, но и другие синхронные источники по конному фехтованию (Западная Европа и САСШ), главным образом из числа подражаний системе Ле Маршанта, что позволило не только найти дополнительное подтверждение тезисам работы, но и выявить некоторые технические нюансы, опущенные в самих Наставлениях. В завершение сделан вывод об оригинальном характере системы Ле Маршанта.

Ключевые слова: конное фехтование, сабля легкой кавалерии обр. 1796 г., рубка, Ле Маршант.

Abstract: The article analyzes reconstruction results of the mounted swordsmanship system developed by John Gaspard Le Marchant in his "*Rules and Regulations for the Sword Exercise of the Cavalry*". The analysis is applied to the Pattern 1796 Light Cavalry sword which was presented in two original copies.

Experiments, including performance of horse-riding techniques, established the aspects of adapting the Pattern 1796 Light Cavalry sword to the require-

ments of *Regulations*. The article reveals the peculiarities of sword techniques which either were not directly and clearly fixed in *Regulations*, or in principle could not be described in detail due to the abstract nature of the manual. This demonstrates the fact that the author of *Regulations* had some ideal view on mounted swordsmanship system.

The article establishes the main reasons why the author of *Regulations* chooses cuts as a priority attacking action against equestrian opponents. Experiments allowed to determine critical moments for cutting which relate to an additional leverage effect of a handle inside a palm and a movement of a straight arm horizontally towards the impact. Analysis defines the reasons for complicating the system by introducing original ways of holding a sword for parries and thrusts, as well as the conditions for using the Pattern 1796 Light Cavalry sword in such cases. Other sources on mounted swordsmanship are also considered in the article which allows to additionally confirm a number of theses, as well as to reveal some technical nuances missed in *Regulations* themselves. A conclusion is made about the original nature of Le Marchant's system.

Keywords: British Cavalry swordsmanship, British Cavalry swords, John Gaspard Le Marchant, Rules and Regulations for the Sword Exercise of the Cavalry.

Исследование длинноклинкового холодного оружия, в том числе кавалерийского, с точки зрения воспроизведения приемов фехтования несомненно является одним из существенных элементов изучения оружия, так как позволяет понять его с функциональной стороны именно в той сфере, для применения в которой оно было создано. С другой стороны, понимание смысла и значения тех или иных положений руководств по владению холодным оружием на коне невозможно в полной мере без привлечения к их воспроизведению оригинальных образцов.

Однако такая работа в большинстве случаев неизбежно сталкивается с рядом сложностей как практического, так и теоретического характера (отсутствие специально предназначенного для данной модели оружия наставления).

Одним из наиболее значимых исключений являются официально утвержденные для всей британской регулярной кавалерии и действовавшие в период 1796-1819 гг. «Правила и наставления по упражнениям с мечом в кавалерии» (Великобритания, 1796 г., далее – Наставление) авторства Джона Гаспара Ле Марчанта² и созданная специально под них сабля легкой кавалерии обр. 1796 г. (далее сабля обр. 1796 г.) (Le Marchant 1841, 49-51), состоявшая на вооружении до замены на саблю обр. 1821 г. Наставление распространялось и на подготовку тяжелой кавалерии с палашем тяжелой кавалерии обр. 1796 г., который, однако, не являлся специально разработанной под Наставление моделью.

Наставление до настоящего времени не получило должного внимания в литературе. Г. Яллоп (Yallop 2019, 216-236; Yallop 2020, 123-156) касался данного предмета в том числе в аспекте взаимоотношения Наставления и сабли обр. 1796 г., и хотя в нескольких случаях сделанные им выводы показали убедительную связь между отдельными техниками Наставления и некоторыми конструктивными особенностями сабли обр. 1796 г., различные сугубо практические аспекты выполнения разных техник либо не были затронуты им вовсе в силу отсутствия экспериментальной части исследования (или ее редуцированного и не проиллюстрированного характера), либо были разрешены, на наш взгляд, неудовлетворительно. В целях заполнения названного пробела представляется возможным на основе реконструкции системы конного фехтования, изложенной в Наставлении, с использованием оригинальных экземпляров сабель обр. 1796 г. установить экспериментальным путем (как пешим, так и конным): (1) аспекты приспособления сабли обр. 1796 г. к требованиям Наставления; (2) особенности выполнения фехтовальных техник по Наставлению, накладываемые использованием сабли обр. 1796 г.

В настоящем исследовании использовано следующее оружие: сабля обр. 1796 г. работы П. В. Кнехта (г. Золинген)³, произведенная для Нидерландов ориентировочно в конце 1813 - начале 1814 года (голландское обозначение

---

² Авторство Дж. Г. Ле Марчанта подтверждается следующими источниками: Egerton 1798, 84; Hoyt 1813, С. iii; а также мемуарами автора, скомпилированными его сыном Деннисом (Le Marchant 1841, 48).

³ № 464 в Adolf M. (и др.) 2020, 98.

ние – Sabel der Lichte Cavalerie No. 1) (Hof 2006, 3, 4)⁴, и офицерская сабля той же модели – редкая версия с двудольным клинком со скосом обуха к острию (так называемый «клип пойнт»)⁵, предположительно британского производства, датируемая по аналогу⁶ 1808-1820 гг. (в силу худшей сохранности не используется в работе верхом и рубке мишеней) (Илл. 1).

Илл. 1. Сабли легкой кавалерии образца 1796 г.
Солдатская (вверху), офицерская с нетипичным клинком (внизу).
Собрание М.И. Звягинцева (г. Барнаул).

Солдатская: общая длина 960 мм; масса 0,94 кг; центр тяжести 195 мм от крестовины.

Офицерская: общая длина 967 мм; масса 0,775 кг; центр тяжести 150 мм от крестовины.

В силу большого объема материала, подлежавшего освоению кавалеристом в рамках Наставления, настоящая работа сосредоточена на реконструкции техник владения саблями только в части, которая относится к выполнению техник конного фехтования против другого кавалериста. Эта часть наиболее оригинальна, а в некоторых отношениях уникальна, что ставит перед исследователем значительное количество вопросов; блок, посвященный приемам против пехоты, такой оригинальностью не обладает.

---

⁴ Подробнее об этой сабле см. М.И.Звягинцев. 1796-я = М 1813 № 1: британская сабля, сделанная немцами для голландцев. https://vk.com/@longsword_club-1796-ya-m-1813-1-britanskaya-sablya-sdelannaya-nemcami-dlya. Доступно на 25.03.2023.

⁵ Подробнее об этой сабле см. М.И.Звягинцев. Редкая 1796-я с клинком клип пойнт. https://vk.com/@longsword_club-redkaya-1796-ya-s-klinkom-klip-point-podrobnyye-obmery. Доступно на 25.03.2023.

⁶ <https://collections.royalarmouries.org/object/rac-object-7530.html>

Разобьем изложение блока «конный против конного» на три части: рубка, отбивы, уколы. Однако, прежде чем переходить к рубке, следует остановиться на Исходной позиции⁷, так как она во взаимодействии со всеми прочими фехтовальными действиями предопределяется прежде всего именно техникой выполнения ударов против кавалериста.

Исходная позиция (далее – Исх. позиция, исходные позиции для укола и других техник будут обозначаться как «начальная позиция») характеризуется следующими признаками:

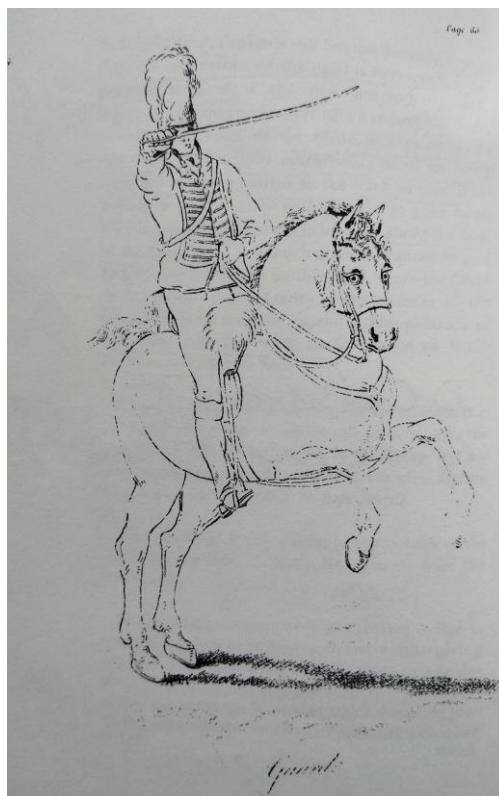
– рука полностью выпрямлена и вытянута вперед, кулак направлен в левое ухо противника (так дужка прикрывает голову рубящего);

– правая кисть выше уровня плеча;

– клинок параллельно фронту лезвием вперед близко к горизонтальному положению, но «острие удерживается скорее выше эфеса»⁸ (Le Marchant 1796, 14);

– дужка направлена слегка вниз, чтобы она «могла защитить кисть и руку снизу» (Указ. соч., 14-15).

На иллюстрациях самого Наставления 1796 г. острие в Исх. позиции изображено едва выше эфеса (Илл. 2).

Илл. 2. Исх. позиция (guard) согласно Наставлению.

⁷ Здесь и далее перевод терминов будет даваться предпочтительно контекстуально, а не буквально. В частности, «guard» формально отнесена автором к отбивам, однако, поскольку по существу таковым не является, а представляет собой именно исходную позицию для рубки, перевод термина учитывает данный момент.

⁸ Здесь и далее, если не указано иное, перевод фрагментов Наставления и иных источников — автора статьи.

На момент принятия Наставления сабля обр. 1796 г. еще не была разработана, поэтому иллюстрации в Наставлении не могли отражать специфику принятия Исх. позиции с саблей обр. 1796 г., а текст допускает достаточно широкое толкование. Если удерживать саблю обр. 1796 г. так, как изображено, то на поддержание клинка в таком положении тратится значительное мышечное усилие, боевой конец стремится опуститься вниз, при этом приподнимается правое плечо, что еще более усугубляет опускание острия. Приподнимание плеча, на наш взгляд, тесно связано с ошибкой выдвижения вперед правого плеча в Исх. позиции (Указ. соч., 24), которую упоминал Ле Маршант.

Если же в Исх. позиции приподнимать острие так, чтобы угол между клинком и горизонталью составлял около 20-30°, то усилие, требуемое для ее поддержания, ощутимо уменьшается, плечевой сустав не стремится более приподняться вверх, нагрузка перераспределяется в большей степени на широчайшую мышцу спины, чем на надостную мышцу. Упрощенно, так мы удерживаем саблю более спиной, чем рукой (Илл. 3)⁹. Поддержание Исх. позиции перестает быть утомительным.

Илл. 3.
Пример, предположительно,
Исх. позиции в ее трактовке
применительно к сабле
обр. 1796 г. на изображении
рядового 7-го гусарского полка.
National Army Museum.
NAM. 1950-11-33-11.
Out of Copyright.

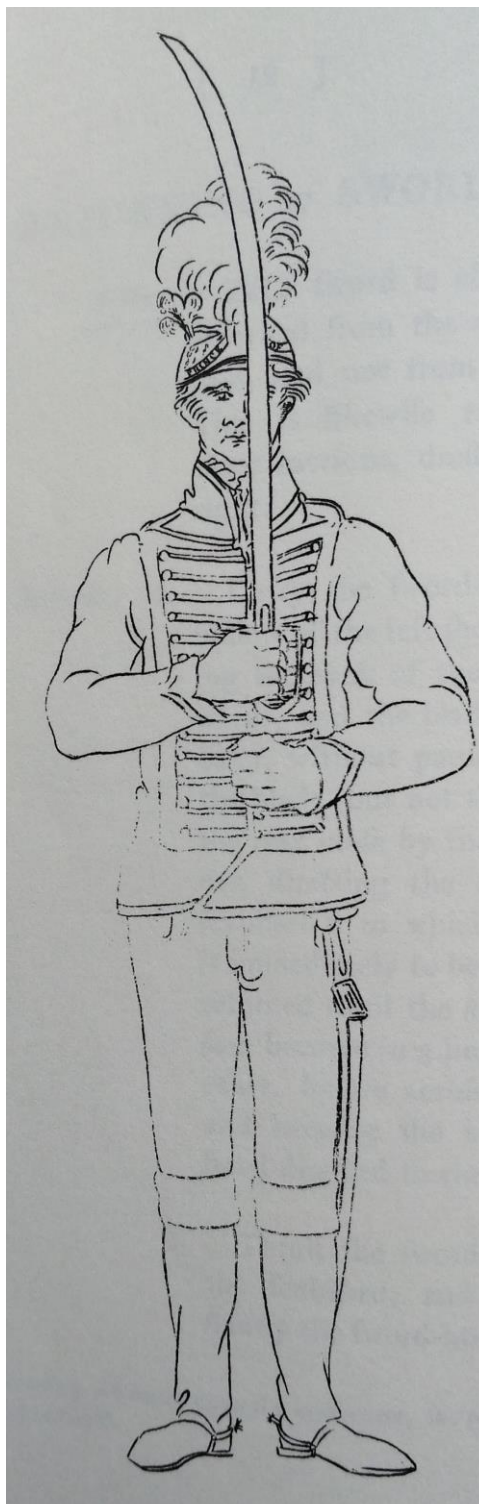
---

⁹ A Private of the 7th or Queens Own (Hussars), 1812. Aquatint by J. C. Stadler after Charles Hamilton Smith, 1812. National Army Museum (Лондон, Великобритания). NAM 1950-11-33-11. <https://collection.nam.ac.uk/detail.php?acc=1950-11-33-11>

Сказанное согласуется с описанием перехода в Исх. позицию из промежуточной позиции, именуемой «Готовсь к исходной позиции» (далее – «Готовсь») (Илл. 4), как резкого движения, подобного удару кулаком (Указ. соч., 14).

Автор упоминает укрепление локтя как побочный эффект резкого движения, однако многократная отработка перехода «Готовсь» – Исх. позиция показала, что его резкость автоматически (при условии соблюдения упомянутого угла клинка относительно горизонтали) обеспечивает оптимальное распределение нагрузки на широчайшую мышцу спины.

Изучение Исх. позиции позволяет дать первый ответ в плане соотношения конкретных черт дизайна сабли обр. 1796 г. с содержанием системы Ле Маршанта, а именно связать Исх. позицию и отбивы из нее (против нисходящих ударов в голову и плечи разгибанием кисти (Указ. соч., 14) и против восходящих – опусканием руки вниз (Указ. соч., 4, 80) примерно на 30 см (Perron 1797, 10)) с Р-образностью дужки гарды.

Илл. 4. Позиция «Готовсь»
(Prepare to guard) согласно Наставлению.

Р-образная дужка, особенно при описанной трактовке Исх. позиции, лучше, чем простая D-образная дужка, прикрывает кисть снизу от восходящих ударов (Илл. 5), а при выполнении в Исходной позиции указанных отбивов – требует меньшего разгибания запястья и меньшего опускания руки, так как из-за большего расстояния между пальцами и дужкой контур дужки в ее задней части раньше начинает перекрывать контур кисти.

Илл. 5. Вид спереди крупным планом на положение дужки в Исх. позиции в соответствии с приведенной трактовкой.

Таким образом, мотивом внедрения Р-образной дужки на сабле обр. 1796 г., на наш взгляд, являлось стремление повысить защитные свойства однодужковой гарды исключительно в описанной Исх. позиции и в отбивах, в ней выполняемых.

Исх. позиция оптимально приспособлена для нанесения любого из шести ударов в технике рубки против конного противника (Le Marchant 1796, 4, 15-16).

РУБЯЩИЕ УДАРЫ (РУБКА).

Для рубки рукоять берется всеми пальцами в обхват (далее хват № 1)¹⁰. Такой вид удержания сабли принимается с момента принятия позиции «Готовсь» и остается неизменным в Исх. позиции, предшествующей рубке.

«Кольцо» из большого и указательного пальца максимально стабильно (Указ. соч., 19, 21), хват остальными пальцами не является фиксированным во время рубки. Дается указание не сжимать рукоять слишком сильно (Указ. соч., 19), положение костяшек пальцев задает «приложение лезвия в направлении клинка» (Указ. соч., 3, 17, 18) – фактически речь идет об условии соблюдения плоскости удара во избежание заваливания клинка (Указ. соч., 3). На соблюдение этого требования работает и «кольцо» из большого и указательного пальцев (Указ. соч., 26).

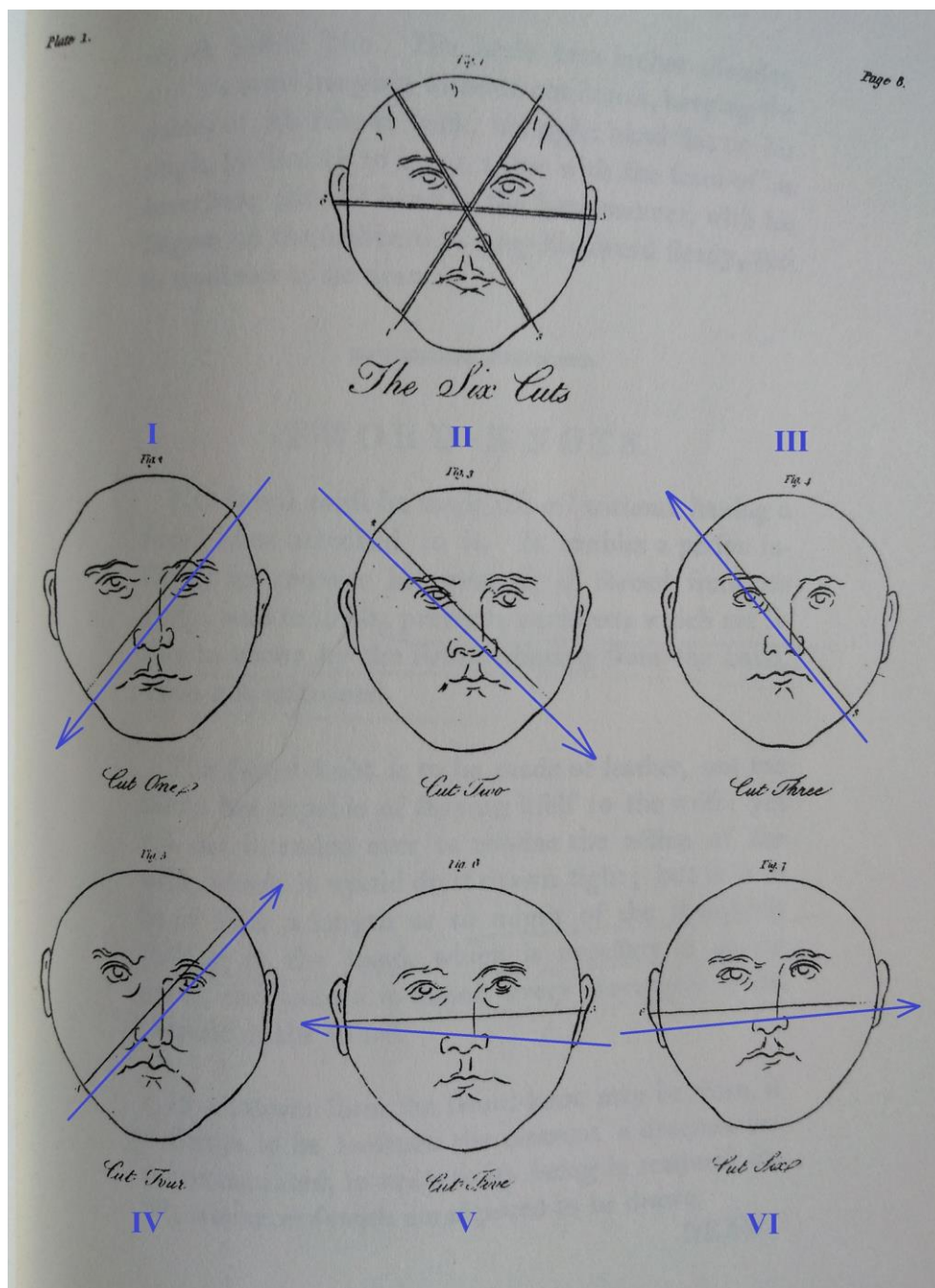
Наставлением предусмотрены шесть ударов: четыре диагональных (I-IV) и два горизонтальных (V-VI) (Илл. 6). Бегло упоминается в Наставлении и деление диагональных ударов на «верхние» и «нижние», то есть нисходящие и восходящие (Указ. соч., 14 (в прим.): I, II и III, IV соответственно. Также для удобства анализа мы введем деление ударов по критерию стороны, с которой они наносятся, на удары слева (все четные) и удары справа (все нечетные).

От вида удара по стороне, с которой он наносится, определяемой относительно рубящего, необходимо отличать сторону, в которой наносится удар, относительно коня рубящего. Любые из шести ударов против кавалериста могут наноситься на обе стороны от коня – как на правую, так и на левую стороны.

Условимся о стадиях удара. Деление удара на стадии во многом опирается на Наставление, предполагающее на начальном этапе обучения рекрут разбивку ударов на отдельные приемы, но в нашем случае поможет упростить анализ техники рубки. 1-я стадия – замах, 2-я – собственно удар, когда клинок поражает/должен поражать цель, на 3-й стадии производится поворот кисти.

---

¹⁰ Наименования разных способов удержания сабли в самом Наставлении отсутствуют.

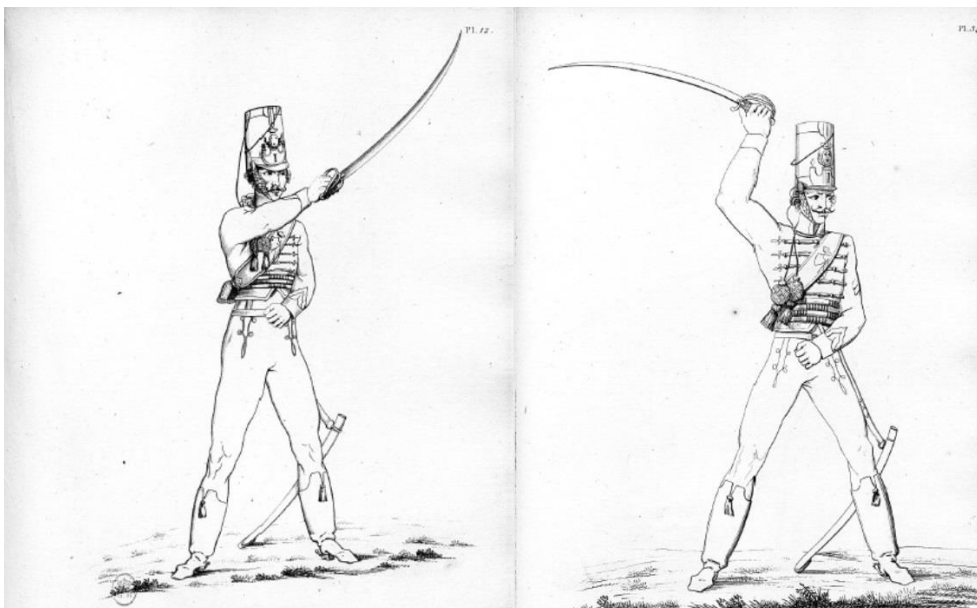

Илл. 6. Направления ударов согласно Наставлению.
 Направления ударов V и VI отмечены стрелкой отличным от Наставления образом,
 так как данные удары описаны Ле Марчантом как слегка восходящие
 (Le Marchant 1796, 23, 24).

Разделим наступательный и оборонительный аспекты рубки: первый отвечает на вопрос, как вывести противника из строя, второй – как при этом самому рубящему давать оппоненту наименьшее количество открытий, то есть быть наименее уязвимым для противника.

Начнем со второго аспекта, так как именно он предопределяет оригинальность техники рубки против кавалерии по Ле Марчанту и основан на стремлении устранить главный недостаток «обычной» рубки, а именно создание открытий при замахе.

Большинство прочих систем конного фехтования для получения максимальной силы удара предусматривали «обычный» замах (назовем его широким или амплитудным), который чаще всего предполагал значительное сгибание руки в локте либо (реже) отведение прямой руки с саблей в сторону, противоположную той, в которой будет нанесен удар. Это касалось в том числе наставлений авторов-современников Ле Марчанта: Тимлиха (Тимлих 1796, 17, 19), Мюллера (Muller 1816, илл. 12, 14, 30, 34) (Илл. 7).

Илл. 7. Обычная практика рубки в кавалерии с отведением руки в сторону замаха/сгибанием локтя на замахе на примере двух ударов из французского наставления Мюллера 1816 г.

Но при таком подходе замах открывает вооруженную руку и/или голову на 1-й стадии удара; что касается других стадий, то на 2-й и 3-й стадиях нисходящих ударов рука уводятся вниз и в сторону, открывая руку, корпус и голову. Данная особенность рубки часто или прямо называлась, или подразумевалась как серьезный риск для рубящего. Например, де ля Туш (1670) и Э. Лоннерган (1771) в своих фехтовальных трактатах в главах, посвященных конному фехтованию, упоминали удар в кисть/руку, открытые замахом, а также исходили из того, что амплитудные замахи провоцируют противника на укол в ближайшее открытие (Touche 1670, 100; Lonnergan 1771, 235); Рэдклифф (1818) писал в своем проекте наставления по конному фехтованию 1818 г., что, хотя «пехотные удары» (то есть удары по пехоте) с амплитудными замахами и вложением усилия от поворота и наклона корпуса в удар - это наиболее естественный способ нанесения ударов, его не следует использовать против неприятеля, который оказывает сопротивление (соответственно, может дать ответ в открытие) (Radclyffe 1818, 25).

В Наставлении прослеживается следующая логика устранения указанного недостатка рубки:

– дужка должна прикрывать голову от ударов сверху, по общему смыслу изложенного, на любой стадии удара (Le Marchant 1796, 16, 18, 75);

– вооруженная рука рубящего не должна создавать открытие ни на одной стадии удара, в особенности при замахе: «...при сгибании локтя вооруженная рука открывается; обстоятельство, которым неприятель едва ли упустит случай воспользоваться для своей выгоды, так как удар в эту часть тела может быть выполнен с наибольшей надежностью, и если будет верно направлен, то приведет к фатальным последствиям, поскольку разом решит исход противостояния» (Указ. соч., 2).

Как следствие сказанного, рубка против кавалерии по Наставлению предполагает соблюдение нескольких правил, которые мы можем вывести путем систематического толкования текста Наставления.

Правило 1. Рука на всех стадиях удара остается выпрямленной, в локте не сгибается. В то же время опыт реконструкции показал, что локтевой сустав не должен быть полностью заблокирован: это вызывает излишнее

напряжение и перегрузку локтевого сустава. Анатомически и функционально оправданная степень сгибания локтя отражена, в частности, в иллюстрациях испанского наставления, составленного анонимным подражателем Ле Маршанта (J. V. M. de P. 1819) (Илл. 8).

Илл. 8. Замах на удар III из испанского наставления 1819 г.
Обратите внимание, что локтевой сустав не заблокирован.

Экспериментально установлено, что для соблюдения этого требования на замахе во всех ударах (кроме удара II) необходимо дополнительно вытягивать руку до появления ощущения «натянутости», но избегая блокировки локтевого сустава ([Видео 1](#)¹¹). На остальных стадиях удара тенденция ненужного сгибания локтя обычно не проявляется; в этой связи только удары слева обладают особенностью – на 3-й стадии удара (то есть при повороте кисти) рука стремится несколько согнуться в локте ([Видео 2](#)¹², [Видео 3](#)¹³).

Правило 2. Выпрямленная рука даже при замахе должна оставаться нацеленной на левое ухо противника, то есть как в Исх. позиции (Указ. соч., 15-16, 26 (в прим.), 75); по общему смыслу Наставления рука не должна опускаться ниже уровня плеча и на последующих стадиях удара (Указ. соч., 16, 55 (в прим.)), так как это чрезмерно открывает голову, которая при правильном выполнении удара в любой момент рубки остается прикрытой дужкой.

Правило 3. Замах производится исключительно клинком (Указ. соч., 26 (в прим.)), то есть приведением клинка в плоскость удара: «...первое движение в любом ударе состоит из отклонения клинка назад для приобретения замаха, в то же самое время расположив клинок в направлении, в котором удар будет выполнен...» (Указ. соч., 17). Обеспечивает это действие поворот запястья и расслабление мизинца, среднего и безымянного пальцев (далее – три последних пальца) (первое действие на [Видео 4](#)¹⁴), при этом при расслаблении трех последних пальцев сабля без дополнительного усилия, только за счет изгиба и смещенного к боевому концу баланса, слегка наклоняется на рубящего обухом, располагаясь под оптимальным углом относительно вы-

---

¹¹ Видеозапись 1. Удар III.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239545%2Fpl_222052249_-2.

Все ссылки на видео, приведенные в статье далее, доступны по состоянию на 25.03.2023.

¹² Видеозапись 2. Удар VI в замедленном воспроизведении (без ошибки в виде сгибания локтя на 3-й стадии удара).

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239544%2Fpl_222052249_-2

¹³ Видеозапись 3. Удар VI в замедленном воспроизведении (с ошибкой в виде сгибания локтя на 3-й стадии удара).

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239543%2Fpl_222052249_-2

¹⁴ Видеозапись 4. Расслабление и нажим трех последних пальцев.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239541%2Fpl_222052249_-2

прямленной руки. Этот угол с достаточной определенностью Ле Марчантом не указан ни для одного удара, однако приведен его подражателем из САСШ для удара II: примерно 60° (Нойт 1813, 67). Полагаем, что эту величину можно распространить и на все остальные удары.

Расслабление трех последних пальцев, на наш взгляд, ни в коем случае не является причиной, послужившей обращению к Р-образной форме дужки, как утверждает Г. Яллоп (Yallop 2019, 222), так как при таком расслаблении не требуется большее пространство между дужкой и рукоятью: последняя хотя и отходит от ладони вследствие стремления клинка наклониться обухом на рубящего, но указанные пальцы не отрываются от брюшка и упора для мизинца. Таким образом, это действие выполнимо даже при самой «тесной» гарде.

Если рубящий при замахе дополнительно подключает отведение кисти (движение кистью на себя), это, как правило, приводит к сгибанию локтя и/или отведению руки в сторону замаха – и то и другое является ошибкой, так как чрезмерно открывает локоть и в целом руку снизу. Исключение – удары IV и VI, в которых одним только расслаблением трех последних пальцев без отведения кисти выполнить замах невозможно, так как Наставление требует отведения клинка к левому локтю или несколько выше (удар IV) (Le Marchant 1796, 22), или к плечевому суставу (удар VI) (Указ. соч., 24). В замахах на эти удары также чаще по сравнению с другими ударами проявляется ошибка в виде отведения прямой руки в сторону замаха. Эта тенденция компенсируется дополнительным вытягиванием руки в сторону левого уха оппонента (см. Правило 1) ([Видео 5](#)¹⁵).

Последствия несоблюдения изложенных постулатов недвусмысленно обозначены Наставлением.

«Если Исходная позиция правильно взята, нет риска при атаке [ударом], так как эфес меча непосредственно препятствует ответу оппонента, однако, когда удар производится из неверной позиции, первое движение открывает голову» (Указ. соч., 16). Отведение прямой руки в сторону, противопо-

---

¹⁵ Видеозапись 5. Удар IV в замедленном воспроизведении.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239542%2Fpl_222052249_-2

ложную направлению удара, при замахе на любой удар справа/слева делает вооруженную руку открытием для аналогичного удара справа/слева (Указ. соч., 16, 26). И самая серьезная ошибка заключается в сгибании локтя при замахе, с аналогичными предыдущей ошибке последствиями (Указ. соч., 2, 16). Исключением из правила о недопустимости сгибания локтя в рубке против конного является случай нанесения горизонтального удара (аналогичного удару VI) назад направо по преследователю справа сзади (Указ. соч., 30, 32).

Важно отметить, что Правило 3 относится только к одиночным ударам, в случае соединения ударов оно видоизменяется (см. ниже).

Теперь о главном, наступательном аспекте рубки.

Правило 4. Из сопоставления Правил 1-3 можно сделать вывод о том, почему именно левое ухо названо в качестве ориентира для направления правой кисти: промежуток между левым щитком¹⁶ и пятой клинка помогает нацеливанию удара (промежуток между правым щитком и пятой клинка перекрыт из-за небольшого наклона дужки вниз), так как вплоть до начала замаха кавалерист видит в этот «прицел» лицо противника, причем независимо от того, слева или справа от него тот находится. Ле Марчант не приводит подробностей такого прицеливания. Однако эксперименты показали, что для упрощения нацеливания удара с момента перехода в Исходную позицию на подъезде к мишени, последняя визуально должна находиться чуть ниже клинка на некотором расстоянии от эфеса. По мере сближения мишень постепенно приближается к области пяты клинка и перед самым моментом замаха оказывается в «прицеле».

Правило 5. Собственно удар наносится движением выпрямленной руки в плечевом суставе в сторону удара в горизонтальной плоскости (при этом сам клинок движется в плоскости удара) с обязательным дополнительным ускорением, придаваемым клинку сабли нажимом тремя последними пальцами на рукоять, за мгновение до того ослабившими хват на замахе (Указ. соч., 19). Для эффективности удара в рассматриваемой технике рубки последнее

---

¹⁶ Так как у сабель данного типа отсутствует перекрестье в выраженном привычном виде, и употребление этого термина может ввести в заблуждение, в статье предлагается использовать термин "щиток".

действие носит критически важный характер, формируя значительную часть энергии удара за счет дополнительного ускорения боевого конца¹⁷.

Именно нажим тремя последними пальцами при реконструкции системы показал свою ключевую роль в формировании энергии удара, в отличие от приведения кисти (наклона кисти от себя в плоскости удара), что позволило установить смысл фраз о преимуществах быстроты кисти (наподобие «Действие руки не идет ни в какое сравнение с той быстротой, к которой предрасположена кисть...» (Указ. соч., 3).

Эксперименты позволяют соотнести упомянутую в цитате быстроту действия кисти именно с ускорением клинка, достигаемым посредством задействования дополнительного рычага, предоставляемого рукоятью внутри ладони, при этом ось этого рычага приходится на область охвата большим и указательным пальцами, а плечом рычага является брюшко рукояти и упор для мизинца в области удержания тремя последними пальцами (Указ. соч., 21). Приведение кисти само по себе не дает сколь-либо схожего эффекта, происходит самопроизвольно (так как вызывается ускорением боевого конца сабли к цели) одновременно с нажимом тремя пальцами, производно от нажима и оказывает влияние в большей степени на небольшое увеличение дистанции удара, чем на его усиление.

Участие плечевого сустава в рубке против конного нуждается в подробном обосновании. Дело в том, что если рассматривать в Наставлении описания каждого из шести ударов в отдельности, то может сложиться впечатление, что плечевой сустав вообще не задействован, точно так же, как и локоть. Но при этом общие фразы о плечевом суставе как еще одном, наряду с кистью, «приводе» удара неоднократно встречаются в тех фрагментах наставления, которые касаются рубки в целом, однако без пояснения того, как двигается прямая рука при нанесении удара. Этот момент даже ввел в некоторое заблуждение Яллопа (2020), который пришел к выводу о факультативности включения движений прямой руки в рубке против конного, а не его обязательности и универсальности (Yallop 2020, 127-128, 134).

---

¹⁷ См. [Видео 4](#).

По данному вопросу Наставление содержит следующие тезисы: «Действие одних лишь кисти и плеча направляют клинок...» (Le Marchant 1796, 2);

«...завершенность усвоения первых уроков... ограничивается развитием гибкости запястья и плеча...» (Указ. соч., 3);

«В противостоянии кавалерии рука становится осью, вокруг которой кисть вращает меч независимо от любого другого действия, кроме того, что может быть получено от плеча...» (Указ. соч., 16).

Также мы имеем императивное правило о том, что в Исходной позиции и при рубке кулак смотрит в левое ухо оппонента (Правило 2). Если мы согласимся с тем, что это правило относится ко всем стадиям нанесения удара, то получится, что плечевой сустав все-таки не участвует в рубке против конного.

Однако такой вывод противоречит приведенным выше фрагментам. Значит, тезис о том, что правая кисть продолжает смотреть в левое ухо противника, относится только к замаху, то есть к 1-й стадии удара: такое толкование уже не исключает движение прямой руки при самом ударе. А учитывая, что все шесть ударов в рубке против конного могут наноситься в обе стороны от рубящего (Указ. соч., 2) (то есть и на правую, и на левую стороны от его коня), клинок должен при любом ударе (и на любой его стадии) проходить на безопасной высоте от головы коня. Следовательно, общий вектор движения прямой руки при рубке — горизонтальный, выпрямленная рука движется в сторону удара для его усиления.

Такое толкование согласуется:

1) с типичными упомянутыми Наставлением целями для ударов, которые располагаются высоко и поэтому не требуют опускания руки ниже уровня плеча – лицо/голова в целом (Указ. соч., 80, 81) (скорее всего, также и шея) и вооруженная рука, а в особенности кисть и локоть, которые оппонент открывает при амплитудных замахах и которые, как отмечал Ле Маршант, особенно хорошо поражаются восходящими ударами (удары III, IV) (Указ. соч., 2, 80);

2) с указанием на усиление предыдущим ударом каждого последующего удара в комбинации (Указ. соч., 26): в случае отсутствия какого-либо движения выпрямленной руки в сторону удара указанному эффекту усиления последующего удара было бы неоткуда возникнуть (см. далее).

В части, касающейся механики рубки, в рамках данного правила остается нераскрытым еще один вопрос – последовательность действий плечевого сустава и кисти на 2-й стадии удара. В части теоретического обоснования Яллоп (2020), на наш взгляд, абсолютно справедливо (из-за наличия лакуны в Наставлении) обращается к проекту Э. Рэдклиффа 1818 г., который хотя и критиковал систему Ле Маршанта, однако в части рубки заимствовал, в частности, разделение техники рубки в зависимости от высоты цели (пехотинец или конный). Против пехоты рубка велась с амплитудным замахом, а «во втором способе [рубки] меч точно так же направляется рукой... но получает непосредственный импульс от кисти и локальное направление от запястья. Плечевой сустав, таким образом, выступает первичной осью, а кисть – вторичной, посредством которой клинок может двигаться с большей скоростью...» (Radclyffe 1818, 25).

При этом под импульсом от кисти предположительно подразумевается импульс от нажима на рукоять тремя последними пальцами при ударе, а под локальным направлением от запястья – поворот кисти для приведения клинка в плоскость удара при замахе. Действие плечевого сустава как первичной оси означает, что 2-я стадия удара начинается с движения выпрямленной руки в сторону удара, кисть включается в работу с небольшим запозданием (Видео 6¹⁸).

Правило 6. На 3-й стадии удара кисть после прохода боевого конца через цель поворачивается (Le Marchant 1796, 18, 20, 21-24) примерно на 180°. Поворот кисти обеспечивает перенаправление инерции клинка в иное фехтовальное действие (или ее погашение при возврате в Исх. позицию). При отсутствии/несвоевременности такого поворота: 1) в любых ударах есть риск

---

¹⁸ Видеозапись 6. Последовательность включения суставов в рубку на примере удара III в замедленном воспроизведении.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239540%2Fpl_222052249_-2

потери правильного хвата (саблю по инерции начинает выворачивать из руки); 2) в нисходящих ударах (I, II) сабля увлекает за собой руку вниз, что открывает голову рубящего (нарушение Правила 2); 3) во всех ударах слева перегружается локтевой сустав. После любого удара слева одновременно с поворотом кисти необходимо расслабить три последних пальца (точно так же, как это делается при замахе), в противном случае усугубляется проблема непроизвольного сгибания локтя, упомянутая в Правиле 1. После любого удара справа расслабление трех последних пальцев требуется только в случае перехода к следующему удару.

Торс не участвует в рубке против конного ни наклоном, ни поворотом в сторону удара. Первое вытекает из соображений сохранения правильного равновесия всадником (Указ. соч., 65); второе косвенно подтверждается умолчанием в самом Наставлении, учитывая, что применительно к технике рубки против пехоты, основанной на чрезвычайно амплитудных замахах и сгибании-разгибании локтя, наоборот, поворот корпуса в сторону удара для его усиления был прямо предусмотрен (Указ. соч., 54).

Отчасти исключением из данного правила, выявленным экспериментально, является выполнение ударов справа на левую сторону. В этом случае поворот торса вынужденно сопровождает проезд мимо цели в процессе нанесения удара, так как в противном случае амплитуду движения прямой рукой в сторону удара сильно ограничивает грудная клетка самого рубящего ([Видео 7](#)¹⁹).

Также исключениями из неприменения поворота торса в рубке против конного являются случаи, когда:

1) в комбинации нескольких ударов меняется сторона нанесения удара и поворот торса будет совпадать с направлением удара (например, когда после удара V по противнику слева тут же возникает необходимость нанести удар VI по противнику справа (Указ. соч., 56-57) ([Видео 8](#)²⁰, [Видео 9](#)²¹);

---

¹⁹ Видеозапись 7. Удар I как пример вынужденного задействования поворота торса при ударах справа на левую сторону.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239539%2Fpl_222052249_-2

²⁰ Видеозапись 8. Удар V по противнику слева - удар VI по противнику справа.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239538%2Fpl_222052249_-2

2) на правой стороне наносится любой удар слева в направлении направо назад – как для удара по преследователю справа сзади, где на поворот корпусом прямо указано Наставлением (Указ. соч., 32-33) ([Видео 10²²](#)), так и в случае комбинации ударов, завершающихся любым ударом слева (см. далее).

Оптимальные углы нанесения диагональных ударов.

Ле Марчант не останавливается на данном вопросе. Схемы направлений ударов показывают общие направления ударов, где для диагональных ударов траектории показаны под углом примерно 45° к горизонтали. Полагаем, что 45° обозначают максимальный угол плоскости удара. Реконструкция системы показала, что оптимальные сектора для любых ударов сужаются: как правило, наносить пологие диагональные удары ($< 30^\circ$) проще, чем крутые ($30-45^\circ$), так как меньше усилий нужно на выполнение, несколько меньше времени требуется и на замах.

Нисходящие удары (I и II) при крутой траектории теряют в эффективности из-за значительного несовпадения векторов движения клинка в плоскости удара и движения прямой руки в горизонтальной плоскости на 2-й стадии удара. По этой же причине непрактичны варианты с углом плоскости удара относительно горизонтали более 45° .

Восходящие удары (III и IV) при крутой траектории становятся сложнее и утомительнее в исполнении: удар IV – из-за необходимости сильнее вытягивать руку и сильнее отводить кисть на себя; удар III – из-за сложности столь сильного поворота запястья с одновременным максимальным среди всех ударов расслаблением трех последних пальцев, без сгибания локтя. По этой же причине непрактичны варианты восходящих ударов с углом плоскости удара относительно горизонтали более 45° .

---

²¹ Видеозапись 9. То же верхом.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239537%2Fpl_222052249_-2

²² Видеозапись 10. Удар направо назад (в данном случае аналог удара VI, по преследователю).

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239536%2Fpl_222052249_-2

Важно также отметить, что пологие траектории ударов ($< 30^\circ$) обеспечивают безопасное для боевого коня нанесение любых ударов на любую сторону, в том числе со сменой стороны, в которой наносится удар, без прерыва в нанесении ударов. Замечание связано с тем, что некоторые удары опасны для головы коня рубящего при нанесении на определенную сторону, если будет превышен указанный порог по крутизне траектории.

Наставление опускает эти подробности, однако пробел позволяет восполнить Рэдклифф, указывающий на данный риск при выполнении ударов: IV на правой стороне, III на левой стороне (Radclyffe 1818, 26).

Используемая в рубке область²³ клинка.

Касательно взаимодействия с целью, действенный удар невозможен без соблюдения условия о его нанесении правильной частью клинка. «Пусть лезвие будет заточено на шесть дюймов [ок. 15 см] от острия, для того чтобы вы могли быть способны использовать его результативно... Следует помнить, что требуется небольшое усилие, чтобы произвести эффект от применения лезвия, если [удар] выполняется умело, и что с прямым мечом, что с изогнутым клинком ни один удар не может быть произведен результативно или надежно, когда оружие мгновенно не будет высвобождено из цели, по которой применено, иначе оно неизбежно повернется в руке и будет произведен лишь скорее ушиб, а не удар. По этой причине те раны наиболее тяжелы, которые сделаны ближайшей к острию [областью лезвия]. Фехтовальщик поэтому не может быть излишне точным в определении дистанции в пределах досягаемости его оружия, что может быть достигнуто только привычкой и пристальным вниманием. Для нанесения раны противнику используйте часть клинка не более, чем 4 или 5 дюймов [10-12 см] от острия...» (Le Marchant 1796, 74-75).

Мы видим, что Ле Марчант обращает особое внимание на легкость высвобождения боевого конца в завершении 2-й стадии удара, достигаемого при рубке областью лезвия, максимально близкой к острию.

---

²³ Понятие «область» использовано для обозначения какого-то отрезка длины клинка в пределах его слабой части.

Удары в описанной технике рубки по эффекту воздействия на цель можно охарактеризовать как «секущие» или «режущие», так как они оставляют разной глубины порезы, что мы можем наблюдать на свиной ноге, по которой в описанной технике на рабочем либо среднем галопе было нанесено несколько ударов в подобной технике (глубина зарубок около 2-8 мм при свободно закрепленной на стойке мишени) (Илл. 9).

Илл. 9.

Итак, отсутствие сгибания (на 1-й стадии удара)/разгибания (на 2-й стадии удара) локтя делает удар более быстрым в выполнении при прочих равных условиях, чем удар, требующий сгибания/разгибания локтя. Отсюда вывод: «...сравнивая с названным выше способом (рубка с амплитудными замахами против пехоты – М.З.), удар значительно теряет в силе; однако много выигрывает в проворстве и в надежности применения» (Radclyffe 1818, 25). «Надежность» здесь означает повышенную точность, так как рука остается наведенной на цель в том числе на замахе (см. Правило 4). Отсюда типичные мишени для тренировки: репа (Le Marchant 1796, 73), крупное яблоко, картофель (Нойт 1813, 80), размеры которых согласуются с небольшими габаритами реальных целей (кисть, лицо).

Соединение ударов.

Приоритетные цели рубки в схватке кавалеристов (лицо, правая рука), характер ранений (неглубокий порез/рассечение), а также особенности устройства острия сабли (скос лезвия к обуху) обеспечивают возможность быстрого высвобождения боевого конца после удара, что приобретает особую важность при соединении ударов в комбинации. Комбинации из шести ударов (так называемые «Атаки», Assaults) включены в три из шести групп приемов (Le Marchant 1796, 48, 50, 51), а две из шести групп приемов подразумевают отработку последовательности из двух ударов (Указ. соч., 55-56, 57). Группа приемов здесь — это последовательность техник, имитирующих

владение оружием в типичных для кавалериста тактических ситуациях (атака, рукопашная, преследование и т. д.) и позволяющих отработать применение оружия.

Соединение ударов производится с их чередованием: за любым ударом слева идет удар справа, и наоборот ([Видео 11](#)²⁴, [Видео 12](#)²⁵). Такой вывод основан на приведенных в Наставлении примерах (комбинирование ударов II и III, IV и V) (Указ. соч., 25).

Почему чередование ударов слева/справа столь существенно? Только при соблюдении данного правила происходит усиление каждого последующего удара в сравнении с первым ударом в комбинации: «...один удар ведет к другому, посредством чего, когда в целом они выполняются быстро, клинок движется с удвоенной силой, приобретенной благодаря скорости действия клинка, вследствие беспрепятственного движения по траектории»²⁶ (Указ. соч., 26). Если в первом ударе комбинации замах выполняется только изменением положения клинка (как и при нанесении одиночных ударов), то на 3-й стадии первого удара рука, из-за того, что прошла короткую дугу в горизонтальной плоскости в сторону удара, оказывается в положении замаха для второго удара, после второго удара – в положении замаха для третьего, и т. д. Иными словами, второй удар, как и все последующие удары в комбинации, наносится так, как не разрешено наносить одиночный удар: с дополнительным замахом прямой рукой, отведенной в сторону, противоположную направлению планируемого удара.

Сказанное автоматически исключает вариант комбинирования однородных (например, после любого удара справа – любой удар справа) либо тождественных ударов (например, после удара II – удар II), так как в этом случае будет отсутствовать дополнительная амплитуда прямой руки, вызывающая упомянутое усиление второго (и последующих) ударов. Кроме того,

---

²⁴ Видеозапись 11. «Атака».

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239535%2Fpl_222052249_-2

²⁵ Видеозапись 12. То же в замедлении.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239534%2Fpl_222052249_-2

²⁶ Аналогичную идею, но несколько иными словами, высказывал и Э. Хойт (Нойт 1813, 69).

для нанесения последующего удара при таком соединении ударов придется возвращать прямую руку в положение, из которого был нанесен предыдущий удар, клинок делает полный круг, что влечет за собой потерю времени.

Также необходимо рассмотреть и тактические соображения (на уровне отдельного бойца). Как указывал Ле Маршант, выбор конкретного удара в бою определяется с учетом доступного для удара открытия оппонента (Указ. соч., 2). Если тот парирует первый удар слева, то быстро нанесенный еще один удар слева скорее также окажется парирован; если противник запоздает с парированием, то к моменту второго однородного удара скорее всего будет готов к его парированию. И тот, и другой вариант невыгоден рубящему.

На этапе комбинирования ударов также становится ясным, почему важно соблюдение правила о недопустимости сгибания локтя не только на замахе, но и на 2-й и 3-й стадиях нанесения удара. Во всех ударах слева (II, IV, VI) проявляется тенденция сгибания локтя на переходе от 2-й к 3-й стадии удара: полагаем, что вопрос повышения уязвимости руки из-за сгибания локтя в этот момент не настолько актуален, но что более важно, сгибание в локте замедляет выполнение второго удара в комбинации, так как требуется дополнительное усилие и время для того, чтобы вновь разогнуть локоть, даже если это сгибание было незначительным.

Однако наиболее важным в соединении ударов представляется все же не усиление последующих ударов, а то, что соединение ударов в описанном ключе позволяет максимально полно использовать потенциал этой техники рубки в части скорости нанесения удара и скорости перехода от одного удара к другому.

Вероятно, условия кавалерийской атаки в разомкнутом строю повышали ценность этого качества, несмотря на относительную слабость каждого отдельного удара: одиночное попадание уже могло вывести неприятеля из строя, и при этом рубка самым концом клинка не задерживала клинок в переходе к следующему удару. Таким образом, кавалерист мог поражать или угрожать поражением с максимально эффективным использованием длины клинка как можно большему числу неприятелей с минимальным интервалом

во времени и незначительной затратой усилий, при этом не предоставляя противнику чрезмерно уязвимых открытий за счет постоянно выпрямленной вперед и не опускающейся вниз руки, двигающейся горизонтально вправо-влево с небольшой амплитудой, и постоянного прикрытия головы дужкой гарды.

В группах приемов тактические ситуации, имитируемые при подготовке кавалериста, вначале предполагали обучение длинной комбинации ударов («Атаки» из шести ударов) последовательно по нескольким конным противникам, а затем комбинирование двух ударов по одному неприятелю, как следует из общего смысла, изложенного в 5-й группе приемов (Указ. соч., 55-56), за одну встречную сшибку, то есть за один проезд на галопе мимо него.

Рэдклифф, в общих чертах заимствовавший систему Ле Маршанта в части рубки, в своем проекте наставления сначала отмечает, что последний удар в комбинации предполагается к выполнению по уже «...пораженному или удаляющемуся противнику и дается далеко назад настолько, насколько может быть нанесен...» (Radclyffe 1818, 26). Далее он пишет, что при проезде мимо противника (по смыслу сказанного можно понять, что подразумевается отдельно взятый противник) «не предполагается, что все пять ударов могут быть выполнены в момент прохода, возможно не более, чем один», при этом подразумевается, что такой «догоняющий» удар выполняется вторым темпом, то есть до него первым темпом выполняется иная атака (Указ. соч., 35).

Возможность выполнить за одну сшибку на встречных курсах два фехтовальных действия подразумевал и Ле Маршант, описывая необходимость при проезде мимо оппонента сразу после удара либо укола переходить к отбиву (Le Marchant 1796, 71, 73-74). Сказанное означает, что два темпа за одну сшибку могут быть использованы в том числе на соединении двух ударов.

Опыты с соединением двух ударов по одной цели за один проезд, имитирующие выполнение комбинации по одному конному противнику во встречной сшибке, показали, что оптимальными являются следующие комбинации.

На правую сторону:

1) любой удар справа – любой удар слева ([Видео 13](#)²⁷, [Видео 14](#)²⁸); второй удар выполняется максимально назад с сильным поворотом корпуса вправо, стремясь «догнать» концом клинка оппонента, который уже практически разорвал дистанцию;

2) любой удар слева – любой удар справа ([Видео 15](#)²⁹); второй удар здесь не требует скручивания торса вправо, однако этот вариант проигрывает первому варианту в том, что малое расстояние между клинком и целью после первого удара лишает второй удар дополнительной амплитуды, поэтому он чаще превращается в порез; с другой стороны, защититься от него противнику будет сложнее, так как клинок рубящего оказывается «внутри» позиции оппонента, между его лицом и оружием.

На левую сторону:

любой удар справа – любой удар слева ([Видео 16](#)³⁰, [Видео 17](#)³¹).

Вариант удар слева – удар справа на левую сторону показал себя крайне непрактичным, так как требует чрезмерного скручивания торса влево. Оно, в свою очередь, затруднено необходимостью поддержания стабильного положения левой руки с поводом (универсальная сложность для конного бойца (правши) в действии холодным оружием на левую сторону); и при этом дистанция удара справа в направлении налево назад значительно короче, чем в зеркальной ситуации на правой стороне. Трудность скручивания корпуса влево на втором ударе максимально ограничивает амплитуду движения правой руки в направлении удара налево назад.

---

²⁷ Видеозапись 13. Соединение двух ударов: справа – слева (на правую сторону).

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239533%2Fpl_222052249_-2

²⁸ Видеозапись 14. То же, с замедлением.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239532%2Fpl_222052249_-2

²⁹ Видеозапись 15. Соединение двух ударов: слева – справа (на правую сторону).

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239531%2Fpl_222052249_-2

³⁰ Видеозапись 16. Соединение двух ударов: справа – слева (на левую сторону).

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239530%2Fpl_222052249_-2

³¹ Видеозапись 17. То же с замедлением.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239529%2Fpl_222052249_-2

В свете сказанного приобретает полную ясность 5-я группа приемов, начинающаяся с двух ударов (I и II) по противнику с левой стороны и продолжающаяся двумя ударами (также I и II) с правой стороны по следующему противнику (Указ. соч., 55-56), так как она совпадает с оптимальными комбинациями для каждой стороны, выявленными экспериментально.

Полагаем, что возможность нанесения комбинации из двух ударов за одну сшибку по одному противнику является наиболее ярким выражением потенциальных преимуществ в конном фехтовании, которые кавалерист мог извлечь в результате использования техники рубки саблей обр. 1796 г. против конного противника.

Сабли обр. 1796 г., как можно судить по использованным в исследовании экземплярам, проявляют свои преимущества главным образом в разобранной технике рубки. Оба экземпляра, столь различающиеся характеристиками, показывают удивительное сходство в том, что в равной мере демонстрируют свой «ведущий» характер в рубке именно в технике против конного (когда клинку в ударе достаточно правильно придать начальный импульс, далее его боевой конец «ведет» в ударе), позволяя максимально эффективно реализовать потенциал импульса от нажима тремя последними пальцами, расслабляемыми на замахе, который в рубке дополнительно увлекает за собой саблю и руку рубящего в конце 2-й стадии удара и не требует, в отличие от рубки с «обычными» замахами (которую у Ле Маршанта представляет рубка против пехоты), значительных затрат усилий от рубящего.

Ярче всего подобную специализацию показывает наиболее массивная сабля – солдатская, с центром тяжести (далее — ЦТ), лежащим в 19 см от крестовины. Инерция боевого конца легко перенаправляется при соединении ударов, контроль над движением клинка выше на любой стадии удара – в сравнении с ударами в технике рубки против пехоты.

Офицерская сабля со скосом обуха к острию из-за ощутимо меньшей массы и более близкого расположения ЦТ (15 см) дает меньший контраст между двумя названными техниками рубки, однако, подобно солдатской сабле, проявляет «ведущий» характер в технике рубки против конного.

Что касается приспособления эфеса к рубке, то выраженное сужение профиля рукояти за брюшком и упор для мизинца («клюв») позволяют эффективнее использовать технику расслабления/нажима тремя последними пальцами: увеличивается доступная амплитуда качания рукояти внутри ладони, и обеспечивается устойчивый упор мизинца, в отсутствие которого при рубке возможно соскальзывание кисти в сторону наверх от действия центростремительной силы. Даже небольшое смещение кисти изменяет точку приложения усилия нажима тремя последними пальцами, когда расположенный над мизинцем, а не перед ним (как при правильном хвате № 1), безмянный палец не позволяет мизинцу эффективно использовать рукоять в качестве рычага. Однако в этом аспекте проявляется преимущество офицерской сабли, рукоять которой в указанной области сужается более выраженно, а упор для мизинца длиннее и более пологий, что обеспечивает более стабильное положение кисти без склонности к соскальзыванию мизинца вниз на кончик упора для мизинца в длинной комбинации ударов – недостаток, которого не лишена солдатская сабля, и который имеет тенденцию проявляться тем больше, чем длиннее комбинация ударов.

ОТБИВЫ.

Отбивы/парирования³² составляют второй сектор, в котором проявилась оригинальность системы конного фехтования, изложенной в Наставлении.

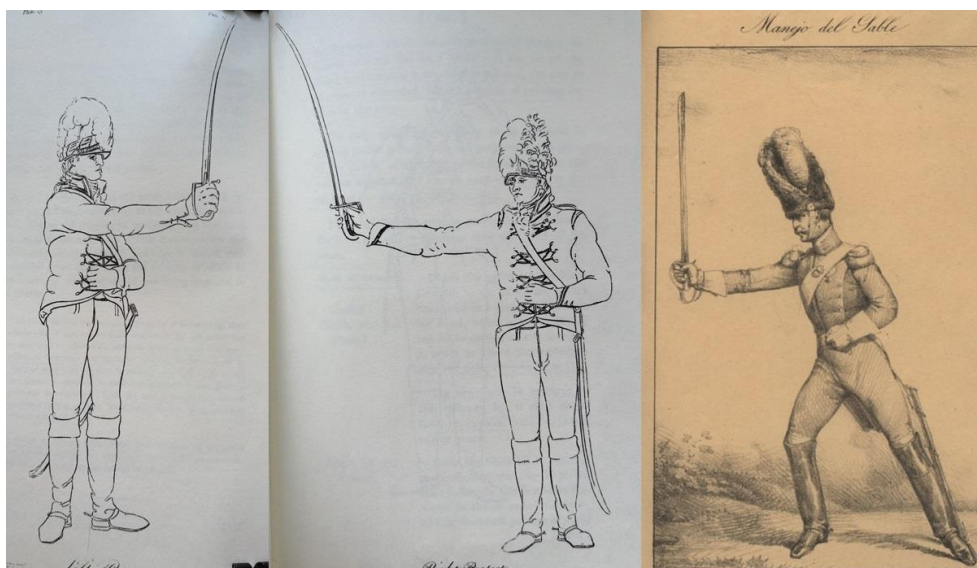
Отбивы, предназначенные для защиты кавалериста сзади/сзади-сбоку и головы коня слева, саблей с опущенным вниз острием, по существу являются широко распространенными подвидами «подвешенной защиты» (у Ле Маршанта – защита левой руки, защита вооруженной руки и защита [головы] коня слева), поэтому не представляют особого интереса для исследования. Защита же головы коня справа, наоборот, исключительно своеобразна, однако подчиняется общим правилам отбивов направо/налево, описанных ниже.

---

³² Термины используются в статье как синонимы.

Значительный интерес представляют три отбива (два из которых однотипны). Их уникальность проявляется в специальном хвате (отбивы направо/налево) и в использовании удара для сбива клинка оппонента в наиболее сложном для кавалериста секторе слева сзади (парирование слева (сзади)).

Отбивы направо/налево сами по себе не выделялись бы на общем фоне (горизонтально вытянутая вперед рука, клинок, направленный вертикально вверх), если бы не предусмотренный для их выполнения отдельный способ удержания (далее – хват № 2) (Илл. 10, 11).

Илл. 10. Отбивы налево и направо (слева и в середине) с использованием хвата №2 для отбива обухом согласно Наставлению. Справа для сравнения приведен отбив направо без изменения хвата №1 для отбива лезвием по испанскому наставлению 1819 г.

Илл. 11. Реконструкция отбивов направо и налево с использованием хвата №2 согласно Наставлению, применительно к сабле обр. 1796 г.

По сравнению с «молотковым» хватом, в хвате № 2 рукоять повернута в ладони вправо (если смотреть на кулак сверху) на 120°, а большой палец вытягивается вдоль правой боковины рукояти и накладывается на правый щиток, дистальная фаланга пальца занимает всю длину щитка и прижата к нему; в остальной своей части большой палец не может быть плотно прижат к рукояти, что не снижает надежность данного хвата (Илл. 12).

Илл. 12. Хват №2. Реконструкция.

Указанные детали устанавливаются применительно к сабле обр. 1796 г. только опытным путем. Текст Наставления в этом отношении довольно абстрактен, не упоминает задействование щитка, так как последний в качестве увеличенного перекрестья, появился только на сабле обр. 1796 г. уже после принятия Наставления. Вероятно, Ле Маршант при подготовке текста подразумевал саблю с более длинной рукоятью (например, как у сабли легкой кавалерии обр. 1788 г.) и без широких щитков. С другой стороны, иллюстрации самого Наставления с очевидностью демонстрируют нехватку места для большого пальца в пределах длины рукояти.

Причину такого усложнения хвата можно установить путем сопоставления теории с результатами практического эксперимента (по соображениям безопасности, проведенного парно, но пешим по конному).

Ключевыми моментами теории являются:

1) ясные указания относительно атак, от которых отбивы налево/направо защищают (уколы, горизонтальные и нисходящие диагональные удары (Указ. соч., 4, 28, 57-58);

2) ограниченный набор тактических ситуаций, в которых эти отбивы используются (атака в сомкнутом строю и тесная свалка (Указ. соч., 4), которая скорее всего предполагает риск временного локального преимущества

неприятеля по численности, заставляющего выполнять несколько отбивов подряд);

3) использование большого пальца, вынесенного ближе к ЦТ сабли в хвате № 2, и обеспечиваемое им парирование обухом (Указ. соч., 27-28, 29);

4) указание на важность работы в соединении в процессе парирования («...отбивы выполняются с большим пальцем, распложенным таким образом, чтобы противопоставить обух клинка движениям неприятеля. Должно быть неизменным правилом не позволять противнику разрывать соединение с его клинком непосредственно после парирования, разве что он начнет атакующее движение, в случае чего (исключая выполнение им финта) парирование в противоположном направлении с определенностью встретит его клинок») (Указ. соч., 79).

Таким образом, в общем виде отбивы направо/налево представляют собой перенос приблизительно вертикально поднятого клинка выпрямленной рукой навстречу атаке (Указ. соч., 4, 27-28, 29) с целью либо остановить клинок противника (при ударе), либо сместить его (при уколе), приняв его на обух сабли в сильной части клинка.

Опыты по парированию ударов показали, что какого-либо выигрыша в силе, чтобы «выдержать силу удара» (Указ. соч., 29), хват № 2 не дает: столь же уверенно выполняется парирование удара лезвием сабли без смены хвата (то есть сохраняя хват № 1). Преимущества хвата № 2 выявляются, на наш взгляд, только при отбиве уколов: за счет вынесенного ближе к центру тяжести большого пальца на правом щитке возрастает контроль соединения со стороны парирующего, который может продлить соединение до конца сшибки, обеспечив себе максимальную безопасность, либо в выгодный для себя момент разорвать соединение для нанесения удара ([Видео 18](#)³³, [Видео 19](#)³⁴).

При этом парирование именно обухом представляется существенным только с точки зрения того, что сабля своим изгибом «нависает» над против-

---

³³ Видеозапись 18. Смещение укола отбивом направо на правой стороне, наружу. https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239528%2Fpl_222052249_-2

³⁴ Видеозапись 19. То же, но отбивом налево и на левой стороне. https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239527%2Fpl_222052249_-2

ником, который, стремясь разорвать соединение, пытается увести свой клинок, однако вынужден его уводить вдоль изгиба сабли в сторону от парирующего вдоль изгиба обуха, что безопаснее для последнего, и возможно, позволяет несколько продлить момент соединения клинков под контролем кавалериста, выполняющего отбив. Также следует отметить непроизвольно возникающий в указанных отбивах наклон клинка вперед, возникающий из-за вектора усилия большого пальца, способствующего приведению (наклону вниз) кисти: так укол или удар парируются немного дальше от защищающегося, чем в случае парирования лезвием без смены хвата, что повышает надежность парирования, главным образом против уколов, и косвенно соотносится с указанием Ле Маршанта парировать рукой, удерживаемой как можно дальше от корпуса (Указ. соч., 28).

Таким образом, в парированиях хват № 2 выступает аналогом хвата с большим пальцем вдоль спинки рукояти, недоступного на сабле обр. 1796 г. из-за небольшой длины рукояти – аналогом отчасти улучшенным, поскольку обеспечивает вынесенную вперед (ближе к ЦТ за счет щитка) точку контроля.

Наставление не уточняет, какой частью клинка парировать удары и уколы (это умолчание касается всех отбивов). Полагаем, что в порядке аналогии могут быть использованы поздние указания Зайдлера, также рассчитанные на саблю с одной дужкой: «Удары следует встречать серединой сильной части. Парирование ближе к эфесу с саблей с простой дужкой может легко травмировать пальцы»³⁵ (Зайдлер 1843, 8).

Процесс смены хвата с хвата № 1 на хват № 2 Наставлением не описан, упоминается только два базовых способа перехода в него: из Исх. позиции и из позиции «Готовсь». Из последней переход делается заблаговременно (Le Marchant 1796, 29), «перекатом» рукояти в ладони. В процессе этого поворота сабля опирается на указательный палец крестовиной, поэтому по завершении перехода к хвату № 2 кисть оказывается придвинутой ближе к крестовине, чем в случае хвата № 1 ([Видео 20](#)³⁶).

---

³⁵ Перевод С. Самгина.

³⁶ Видеозапись 20. Смена хвата №1 на хват №2 из позиции «Готовсь».

Из Исх. позиции выполнить переход к отбиву налево/направо сложнее, так как смена хвата происходит в процессе перехода к отбиву и наиболее вероятен риск потери контроля над оружием ([Видео 21](#)³⁷). Кроме того, при переходе из Исх. позиции относительно стабильно выполним только переход к отбиву налево; для перехода сразу к отбиву направо требуется совместить подъем клинка поворотом запястья вправо с поворотом рукояти в ладони, по-прежнему не сгибая локоть – комбинация действий, отличающаяся чрезмерной технической сложностью. Отсюда описанная в Наставлении последовательность начальной отработки отбивов: Исх. позиция – отбив налево – отбив направо (Указ. соч., 27-28). По этой причине замечание Г. Яллопа о странности задания Ле Марчантом подобных последовательностей, в том числе описанной, видится не вполне обоснованным (Yallop 2020, 128, 130): вероятно, находясь в Исходной позиции, предполагалось парировать соответствующие атаки только отбивом налево; при потребности в большем спектре возможностей кавалерист мог переходить свободно в любой из указанных отбивов из позиции «Готовсь».

Последняя существенная деталь, относящаяся к отбивам налево/направо, связана с их выполнением по общему правилу на выпрямленной руке, не сгибая локоть (Le Marchant 1796, 28, 29), то есть точно так же, как при рубке. Подробно мотив данного указания Наставлением не раскрыт.

Учитывая, что второй раз данное ограничение упоминается скорее как общее правило для рубки и отбивов направо/налево (Указ. соч., 79), можно предположить, что требование не сгибать локоть применительно к отбивам вызвано той же причиной, что и для рубки (см. выше), так как нельзя исключать вариант финта ударом или уколом, от которого кавалерист будет защищаться отбивом с хватом № 2, в то время как действительную атаку его оппонент выполнит восходящим ударом в локоть, если тот во время парирования откроется при сгибании руки в этом суставе.

---

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239526%2Fpl_222052249_-2

³⁷ Видеозапись 21. Смена хвата №1 на хват №2 из Исх. позиции с выполнением последовательно отбивов налево и направо.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239525%2Fpl_222052249_-2

Вторая причина требования выпрямленной руки для данных отбивов может заключаться в необходимости их комбинации с ударами – прямая рука в отбиве означает отсутствие потери времени и усилия на ее распрямление для следующего за ним удара.

Комбинации отбивов направо/налево с ударами

Комбинация удар – отбив направо/налево упоминается в Наставлении однократно для ситуации встречной сшибки, когда после выполнения удара I кавалерист следом защищается отбивом направо от горизонтального удара в шею. При реконструкции системы комбинация любого удара – отбива хватом № 2 показала себя в целом неработоспособной, несмотря на принципиальную возможность использования инерции боевого конца после удара для смены хвата в процессе перехода от удара к отбиву, так как:

1) слишком велико время перехода к отбиву, даже в случае наиболее удобной для выполнения комбинации любой удар слева – отбив направо;

2) достаточно велик риск неправильной фиксации хвата № 2 на рукояти либо вообще нехватки инерции боевого конца для завершения этой комбинации фиксацией хвата № 2;

3) кисть остается незащищенной от ударов/случайного пореза, так как дужка оказывается развернутой вперед, а не назад (как при «молотковом» хвате), в сторону отъезжающего противника – деталь, существенная с той точки зрения, что точно определить высоту удара, который парируется, на встречной сшибке на галопе в особенности, весьма затруднительно ([Видео 22](#)³⁸).

Все эти недостатки отсутствуют в случае перехода после удара к защите левой/вооруженной руки, так как она не требует смены хвата (в том числе поэтому выполняется быстрее, причем после любого удара на любую сторону) и оставляет кисть прикрытой дужкой ([Видео 23](#)³⁹).

---

³⁸ Видеозапись 22. Удар II – отбив направо с хватом №2.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239524%2Fpl_222052249_-2

³⁹ Видеозапись 23. Удар I – защита левой руки.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239523%2Fpl_222052249_-2

Комбинация отбив направо/налево – удар, напротив, показала свою работоспособность. Она упоминается Ле Марчантом для встречных сшибок с выполнением на правую сторону в следующих вариантах: защита [основания] бедра (производная от отбива направо) – удар VI (горизонтальный слева), направленный назад направо в шею отъезжающему противнику; отбив налево – удар III (восходящий справа) в правую кисть отъезжающему противнику (Указ. соч., 80). Эксперименты с различным комбинированием отбивов и ударов показали, что наиболее оптимальным ответом после любого отбива хватом № 2 является любой удар слева, так как при ослаблении хвата № 2 клинок под весом боевого конца опускается и одновременно поворачивается в плоскость любого удара слева под собственным весом, без дополнительных усилий. В нужной стадии опускания и поворота по продольной оси кавалерист останавливает клинок, возобновляя хват № 1 уже в процессе нанесения удара ([Видео 24](#)⁴⁰, [Видео 25](#)⁴¹, [Видео 26](#)⁴²). Выполнение же в качестве ответа удара справа в принципе возможно, но усложняется тем, что для перевода клинка из положения отбива хватом № 2 в плоскость любого удара справа требуется дополнительное усилие для поворота клинка направо с одновременным разворотом рукояти в ладони.

Несомненным приспособлением сабли обр. 1796 г. к хвату № 2 являются широкие уплощенные щитки. По существу, правый щиток служит площадкой для большого пальца. Хуже приспособлена к хвату № 2 офицерская сабля – для этого хвата рукоять теснее, чем у солдатской (в том числе за счет более длинного упора для мизинца), но самое главное препятствие для его использования – непрочное крепление щитков (пайкой) по сравнению с солдатской саблей (выполнены монолитно с гардой). Паяный щиток неспособен выдерживать частое приложение весьма существенного давления большим пальцем.

---

⁴⁰ Видеозапись 24. Отбив направо – удар VI (на правую сторону).

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239522%2Fpl_222052249_-2

⁴¹ Видеозапись 25. То же в замедленном воспроизведении.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239521%2Fpl_222052249_-2

⁴² Видеозапись 26. Отбив налево – удар VI (на левую сторону) в замедленном воспроизведении.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239520%2Fpl_222052249_-2

Парирование слева (сзади).

Наиболее уязвимым кавалерист является в том случае, если противнику удалось заехать слева сзади, косвенно из этого постулата исходит и Ле Марчант (Указ. соч., 70, 71). Особенно здесь опасен укол оппонента-преследователя – дистанция любого фехтовального действия налево назад для конного фехтовальщика минимальна из-за уже отмечавшейся выше трудности скручивания корпуса влево при сохранении стабильного положения левой руки, удерживающей повод, над передней лукой седла (Radclyffe 1818, 19). Упомянутые выше вариации «подвешенной защиты» с клинком острием вниз за спиной мало подходят для парирования укола, поскольку не создают условий для контроля соединения сильной частью клинка парирующего. Более того, при уколе, например, в поясницу, парировать таким способом укол, смещая клинок неприятеля, вообще невозможно, так как тот проходит на уровне слабой части клинка парирующего. Невозможно сместить – однако возможно сбить. Поэтому Ле Марчант предложил оригинальный отбив для парирования укола, нацеленного в спину или поясницу исключительно в указанном проблемном секторе (Le Marchant 1796, 81), — парирование слева (сзади) (Илл. 13): «...перенеся кисть вооруженной руки к выемке левого плеча... удерживая тыльную сторону ладони наружу, и острие перпендикулярно... бросьте острие клинка насколько возможно дальше назад на левой стороне, сделав круг посредством его перемещения по окружности вперед в то же положение» (Указ. соч., 57). И следом обозначена механика парирования: «...когда он [противник] выполняет укол, бросьте клинок наружу; это собьет его острие» (Указ. соч., 58)

Илл. 13.

Исходная позиция для парирования слева (сзади), на примере испанского наставления 1819 г.: угроза укола в спину исходит с направления слева сзади, взгляд обращен на преследователя, плечевой пояс сильно развернут влево. Поправку необходимо сделать только на высоту правой кисти – в варианте Ле Марчанта она должна быть на уровне плеча.

([Видео 27](#)⁴³, [Видео 28](#)⁴⁴).

Как и в случае иных парирований, Ле Марчант не дает указаний относительно того, какой областью клинка должен сбиваться клинок оппонента. Полагаем, что эффективность парирования в данном случае зависит от скорости клинка парирующего, поэтому этот отбив, в отличие от отбивов направо/налево, должен выполняться слабой частью клинка.

КОЛЮЩИЕ УДАРЫ (УКОЛЫ)

Уколы выполняются и против кавалериста, и против пехотинца одним способом, различаясь только высотой локтя в начальной позиции для укола, которая вне зависимости от его направления и высоты цели подразумевала расположение кисти на уровне правого уха на некотором расстоянии от головы (около 15 см) (Указ. соч., 35), лезвие смотрит наружу, то есть всегда вправо от колющего, правая плоскость клинка смотрит вверх (Указ. соч., 35, 38, 39). Наиболее эффективным способом нацеливания острия показало себя опускание/поднимание локтя в зависимости от того, выше или ниже цель. В интересующем нас противостоянии конному локоть располагается несколько ниже плеча (Илл. 14), что нашло подтверждение в ходе экспериментов. Кисть согнута, в уколах против кавалериста предплечье ближе к вертикальному положению, благодаря чему запястье в значительной мере разгружается, вес сабли принимает на себя главным образом плечо. Опыты с саблями обр. 1796 г. продемонстрировали особенности реализации указаний Наставления. Предплечье наклонено вперед под углом около 45° от горизонтали. Уменьшение этого угла чрезмерно перегружает запястье и провоцирует промахи заметно ниже намеченной мишени ([Видео 29](#)⁴⁵).

---

⁴³ Видеозапись 27. Демонстрация механики парирования слева (сзади) в парном выполнении пешим по конному, стоя на месте.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239519%2Fpl_222052249_-2

⁴⁴ Видеозапись 28. Парирование слева (сзади) сольно верхом.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239518%2Fpl_222052249_-2

⁴⁵ Видеозапись 29. Укол верхом по мишени, по высоте расположения имитирующей конного противника.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239517%2Fpl_222052249_-2

Илл. 14. Укол, выполняемый верхом против конного оппонента или имитирующую его мишень в направлении вперед направо, согласно Наставлению.

С этой начальной позицией, обосновываемой в части противостояния конному необходимостью прикрытия клинком корпуса, а головы – дужкой (Указ. соч., 34), неразрывно связан способ удержания для укола (далее хват № 3) (Илл. 15-17). В нем большой палец выполняет несущую функцию, так как в начальной позиции он располагается внизу, а также корректирует положение острия выше и правее. Три последних пальца прижимают заднюю часть спинки и навершие к основанию большого пальца. Вытянутый вперед указательный палец с помощью брюшка рукояти помогает трем последним пальцам чуть плотнее прижимать заднюю часть спинки и навершия (Указ. соч., 35).

Илл. 15. Хват №3. Фрагмент иллюстрации Наставления.

Илл. 16. Реконструкция хвата №3
в соответствии с Наставлением.
Вид со стороны большого пальца.

Илл. 17. Реконструкция хвата №3
в соответствии с Наставлением.
Вид со стороны указательного пальца.

Этот эффект от подобного расположения указательного пальца, учитывая его распрямление и относительную слабость, может показаться крайне незначительным, однако если не вытягивать указательный палец как показано, а обхватывать им брюшко близко к среднему пальцу, то в начальной позиции для укола возникает нежелательный зазор между 2-й фалангой большого пальца и спинкой, снижающий надежность удержания хватом № 3. Указательный палец также помогает корректировать направление острия ниже и левее.

Характеристики хвата № 3 также связаны с указанным выше углом наклона предплечья относительно горизонтали. Увеличение данного угла влечет отрыв от спинки 2-й фаланги большого пальца в хвате № 3 (тяжесть боевого конца стремится вывернуть саблю из ладони), что заметно ухудшает контроль над положением острия в уколе.

Выравнивание клинка и предплечья в линию укола в процессе нанесения укола (при виде сверху) вместе с упором навершия в основание боль-

шого пальца дают достаточно эффективную передачу усилия в цель (даже не взирая на сильный изгиб клинка и форму острия стандартных клинков как у солдатской сабли на Илл. 1). Однако при виде сбоку линия укола, как правило, не выдерживается – из-за смещенного к боевому концу баланса и максимально смещенного к навершию хвата № 3 линия укола приобретает «излом» в запястье в процессе нанесения укола – деталь, которую отражает не только практика, но и точные иллюстрации испанского наставления анонимного автора 1819 г. (Видео 30⁴⁶, Илл. 18).

Илл. 18.

Положение руки и сабли в момент полного распрямления руки, демонстрирующее типичный «излом» линии укола в области кисти (на примере иллюстрации из испанского наставления 1819 г.)

Указанный «излом» линии укола является одной из причин того, что острие в процессе нанесения укола, как правило, уходит немного ниже нацеленной области, что необходимо учитывать при прицеливании. Это также потенциально травмоопасно для запястья.

Согнутый локоть в начальной позиции для укола может показаться деталью, противоречащей идее Ле Маршанта о критичности вопроса снижения уязвимости правой руки, реализованной им в рубке против кавалерии и в отбивах направо/налево. Однако полагаем, что в данном случае противоречие – мнимое, так как в начальной позиции для укола (когда рука согнута и локоть потенциально наиболее уязвим) правое плечо и соответственно вся правая рука всегда отведены максимально назад относительно расположения

⁴⁶ Видеозапись 30. Укол (пешим): демонстрация «излома» линии укола в замедленном воспроизведении.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239516%2Fpl_222052249_-2

противника. Таким образом, правая рука в начальной позиции для укола не является для неприятеля выгодным для атаки открытием по соображениям неоптимальной дистанции для атаки.

Переход к начальной позиции для укола требует смены хвата № 1 на хват № 3.

В Наставлении она чаще всего упоминается из «Готовсь» (Указ. соч., 35, 47, 48, 52, 54, 56) и, как выявлено опытным путем, выполняется легким подбрасыванием вверх, пока клинок находится приблизительно в вертикальном положении напротив лица ([Видео 31](#)⁴⁷).

Наставление также однократно упоминает переход к уколу из Исходной позиции (Указ. соч., 57). В этом случае смену хвата № 1 на хват № 3 выполнить сложнее, так как клинок находится в положении, близком к горизонтальному, и должен остаться в нем в начальной позиции для укола, однако при ослаблении хвата, неизбежном при смене хвата, конец клинка стремится под действием силы тяжести бесконтрольно опуститься вниз, что усугубляет смещенный к боевому концу баланс сабли, в особенности для солдатской сабли. Избежать этого помогает выполняемый одновременно со сгибанием локтя кратковременный подъем клинка в вертикальное положение, позволяющий стабилизировать хват № 3 точно так же, как в первом варианте перехода к нему; сразу после фиксации нового хвата на рукояти острие опускается на нужную высоту сгибанием запястья одновременно с отведением руки назад ([Видео 32](#)⁴⁸).

Несмотря на то, что два указанных способа перехода к хвату № 3 можно назвать базовыми и наиболее простыми в выполнении, и в том, и в другом варианте при неверном дозировании расслабления хвата в процессе смены хвата на хват № 3 существует постоянный риск получить чрезмерно смещенное к наверху положение кисти, которое осложняет и без того непростой контроль над острием.

---

⁴⁷ Видеозапись 31. Смена хвата №1 на хват №3 из позиции «Готовсь».
https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239515%2Fpl_222052249_-2

⁴⁸ Видеозапись 32. Смена хвата №1 на хват №3 из Исх. позиции.
https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239514%2Fpl_222052249_-2

Указанные переходы в силу относительной простоты выполнения, несомненно, были востребованы в ходе подготовки рекрута, но в боевых условиях, полагаем, эффективность применения укола с хватом № 3 в значительной степени зависела от возможности перехвата на укол сразу же после ударов. Однако Наставление не упоминает комбинаций ударов с уколами, которые бы не разделяла позиция «Готовсь».

Эксперименты показали, что благодаря использованию *инерции боевого конца* сразу после удара возможен переход к уколу, когда после 3-й стадии удара хват расслабляется, позволяя выдвинуться рукояти в ладони чуть вперед, в нужный момент фиксируя на ней хват № 3 ([Видео 33](#)⁴⁹). При несомненной выполнимости нельзя не отметить повышенную сложность такого перехода по сравнению с двумя базовыми переходами: инерция боевого конца здесь насколько помогает смене хвата, настолько же может и помешать ей, так как возрастает риск чрезмерного проскальзывания рукояти в ладони, что влечет за собой потерю контроля над острием и требует полного восстановления молоткового хвата перед новой попыткой сменить хват.

Переходы после укола от хвата № 3 к ударам и отбивам направо/налево требуют в качестве отдельного движения возврата хвата № 1 и пусть кратковременного, но восстановления Исх. позиции, что вкупе с вышесказанным вносит свой вклад в оценку уколов по Ле Марчанту как техники едва ли не более сложной, чем выполняемые с хватом № 2 отбивы.

Самым же сложным для выполнения соединенных техник, в котором предполагается смена хвата на хват № 3, показал себя переход от отбива направо непосредственно к уколу (Указ. соч., 58) – комбинация, требующая мгновенной смены хвата № 2 на хват № 3 ([Видео 34](#)⁵⁰, [Видео 35](#)⁵¹).

---

⁴⁹ Видеозапись 33. Смена хвата №1 на хват №3 после удара в замедленном воспроизведении.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239513%2Fpl_222052249_-2

⁵⁰ Видеозапись 34. Смена хвата №2 на хват №3 в замедленном воспроизведении, пешим.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239512%2Fpl_222052249_-2

⁵¹ Видеозапись 35. То же верхом.

https://vk.com/video/@id222052249?z=video222052249_456239511%2Fpl_222052249_-2

Из сказанного выше следует, что в рамках системы Ле Маршанта укол является крайне «нефехтовальным» средством атаки и в некоторых аспектах едва ли не более трудной техникой, чем, как было сказано, отбивы с хватом № 2. Хват № 3 показал себя не приспособленным для длительного поддержания – вероятно, в том числе по этой причине даже при следовании одного укола за другим между ними вставлена позиция «Готовсь» (Указ. соч., 54, 56). Смена любого другого хвата на хват № 3 чревата потерей контроля над острием. Промаях или отбив укола рискованны тем, что колющий не может максимально быстро перейти к защите из-за трудности восстановления контроля над острием и необходимости возвращения от хвата № 3 к иному хвату, и опасны тем, что чрезмерно долго оставляют голову и руку открытыми сверху. При этом смена хвата № 1 на хват № 3 облегчает неприятелю задачу парирования укола, так как оппонент приобретает дополнительное время для реакции. Предсказуемость укола (и из-за этого опасность для самого колющего) отмечает и сам автор Наставления (Указ. соч., 5). С точки зрения атакующего потенциала нельзя не отметить трудность перенацеливания острия из-за смещенного к боевому концу баланса, при этом инерционность следования острия по траектории укола оказывается настолько гипертрофированной, что становится еще одним недостатком – в процессе нанесения укола невозможно исправить ошибку в прицеливании. Сам хват № 3 в совокупности с начальной позицией для укола представляется вынужденным компромиссом, при всех упомянутых недостатках обеспечивая прикрытие головы и корпуса и одновременно с этим эффективную передачу усилия в цель с минимальным риском травматизма для колющего, связанным главным образом с упомянутым «изломом» линии укола; большой палец не может быть ушиблен о крестовину из-за надежного упора наверхия в ладонь и расположения большого пальца сбоку на спинке далеко от крестовины, при этом как и в случае функционально аналогичного способа удержания с большим пальцем на спинке по центру, обеспечивает дополнительный контроль над острием, повышая точность укола.

Комплексная оценка приводит к выводу о том, что предписанная Наставлением техника укола в совокупности с характеристиками сабли

обр. 1796 г. делала укол подходящим только для атаки на не оказывающего сопротивление противника, то есть когда сведен к минимуму риск парирования/ответа от неприятеля (в случаях бегства, ранения; неприятель занят борьбой с другим оппонентом и т. п.).

Такой вывод соотносится со сферой применения укола против конного противника, обозначенной в Наставлении – уколы вперед направо и вперед налево наносятся только в преследовании и только преследователем, уколы вбок – аналогично (Указ. соч., 6, 34). Только в одном случае Наставление упоминает пример использования укола вбок (налево и направо) во встречающихся сшибках (Указ. соч., 56).

С точки зрения дизайна сабли очевидным приспособлением к уколу служит плавный переход спинки рукояти в округлое навершие с выполненным заподлицо расклепом хвостовика, что дает надежный и безопасный упор в основание большого пальца при поддержании хвата № 3. Сужение рукояти за брюшком, хотя и имеет основным предназначением оптимизацию рукояти под описанную выше технику рубки, факультативно также делает хват № 3 чуть надежнее, так как уменьшение обхвата задней части рукояти позволяет надежнее охватить ее тремя последними пальцами и прижать к основанию большого пальца.

При сравнении двух сабель обр. 1796 г. – солдатской и офицерской, как колющего оружия по Наставлению, выявляется очевидный факт: все описанные недостатки гипертрофированно выражены на относительно тяжелой, с далеко расположенным ЦТ солдатской сабле. Тем не менее далеко расположенный ЦТ в ее случае связан с не слишком резким дистальным сужением, которое обеспечивает достаточную жесткость клинка для уколов. Офицерская сабля с клинком со скосом обуха к острию, будучи антиподом солдатской, обладает на этом фоне преимуществами в облегчении поддержания начальной позиции для укола и в нацеливании острия (из-за относительно близкорасположенного ЦТ и слабого изгиба клинка). Последнее преимущество, вероятнее всего, было не выраженным у офицерских сабель с уставной формой клинка (как у солдатской). С другой стороны, эти преимущества, вероятнее всего, не могли быть полноценно реализованы в уколах по причине

довольно гибкого клинка, заставлявшего колоть, даже в описанных выше условиях преследования, крайне осторожно.

ВЫВОДЫ.

На основании сказанного мы можем попытаться вывести *принципы* системы конного фехтования Ле Марчанта в части ведения боя против другого кавалериста:

1) первичность наступательной, агрессивной манеры ведения боя (Указ. соч., 15, 80 (в прим.), краеугольным камнем которой являются серии малоамплитудных ударов;

2) компромисс между наступательными и оборонительными качествами: прикрытие головы кавалериста в ходе любого наступательного действия на всех стадиях атаки (рубка) либо на стадии начальной позиции (уколы) и минимизация уязвимости правой руки в рубке и отбивах направо/налево, а также в начальной позиции для укола;

3) максимальное задействование инерции боевого конца после ударов при соединении их друг с другом и с иными техниками.

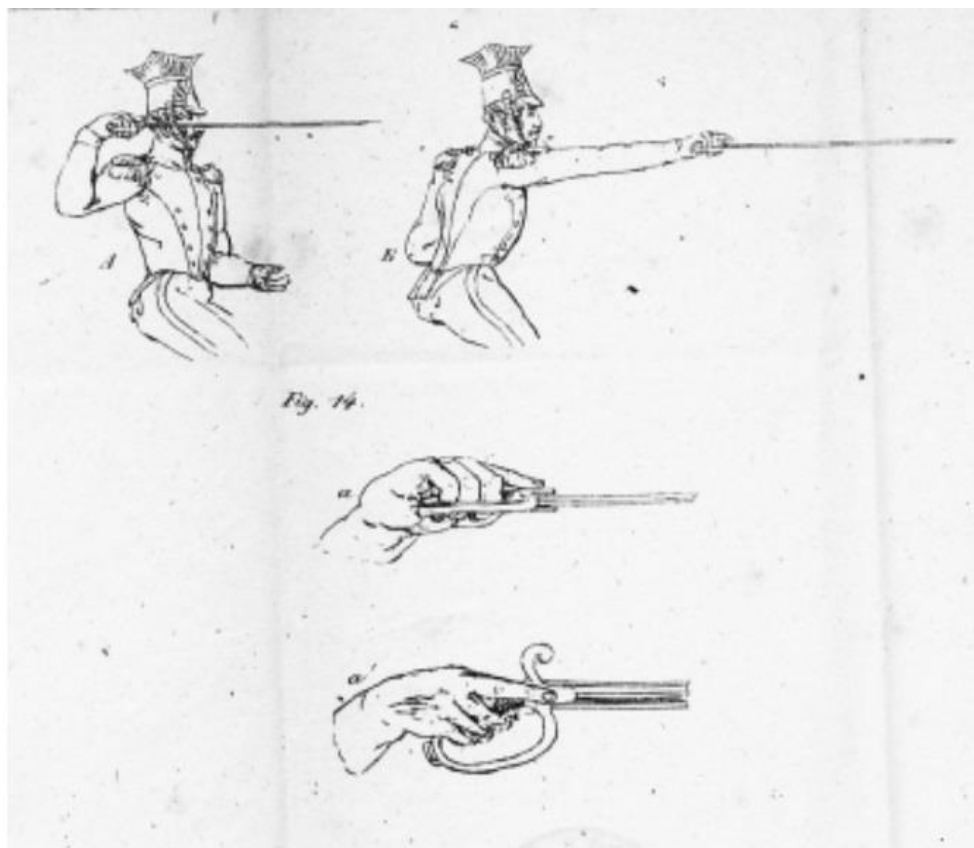
Техника рубки против кавалерии представляется наиболее ценной и практически значимой частью системы, ее «ядром», предположительно дававшим освоившему систему потенциальные преимущества в противостоянии кавалеристу, опиравшемуся главным образом на рубку, а также, возможно, некоторые преимущества в противостоянии кавалеристу, полагавшемуся на уколы.

Вызывавшие наибольшее опасение относительно своей выполнимости техники, а именно отбивы налево/направо и уколы, требующие использования специальных способов удержания, в практической плоскости исследования показали свою принципиальную работоспособность.

Сложные в выполнении из-за хвата № 2 отбивы направо/налево, полагаем, могли быть предусмотрены Ле Марчантом именно в таком усложненном виде в том числе для того, чтобы стимулировать более агрессивный стиль ведения боя, полагаясь в наибольшей степени на «забрасывание» оппонента сериями быстрых секущих ударов по лицу и руке, а к отбивам прибе-

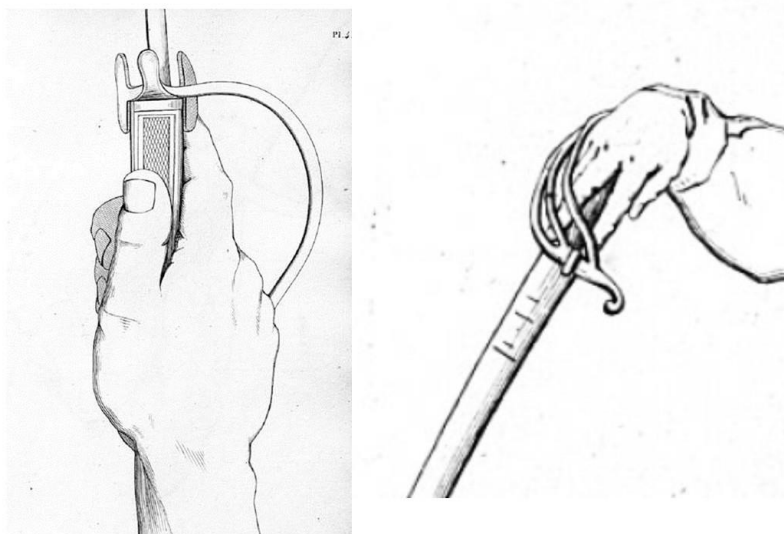
гать лишь в тех ситуациях крайней необходимости, которые прямо указаны автором.

Работоспособность системы подтверждается и несколькими зарубежными подражателями, в частности Э. Хойтом (САСШ) (Hoyt 1813), анонимным автором (Королевство Испания) (Р. 1819), Дж. Вайсс (Королевство обеих Сицилий) (Weiss 1830), М. Ивановским (Франция) (Ivanowski 1834) (Илл. 19), заимствовавшими идеи Ле Маршанта.

Илл. 19. Хват и начальная позиция для укола по (Ivanowski, 1834), принципиально схожие с таковыми у Ле Маршанта.

Все без исключения зарубежные подражатели отказывались только от хвата № 2 для отбивов направо/налево; хват № 3 для укола показал свою жизнеспособность, причем не только в рамках обозначенных выше наставлений «круга Ле Маршанта», но и вне его, в частности во французском руководстве А. Мюллера 1816 г. (Илл. 20).

Илл. 20. Хват для укола с «раскрытой» кистью по Мюллеру.
Аналог хвата №3 по Ле Марчанту.

Здесь же нельзя не отметить оригинальность системы Ле Марчанта. На наш взгляд, утверждения об ее «австрийскости» (Yallop 2020, 124, 139) не выдерживают критики: в дневнике Дж. Г. Ле Марчанта, составленном его сыном на основе архива автора, указано обращение Ле Марчанта в ходе его участия в кампании в Нидерландах в первой половине 1790-х гг. к некому австрийскому сержанту как к наставнику по владению холодным оружием, однако тут же отмечается, что «не найдя свои взгляды значительно подвинувшимися вперед от этой помощи», Ле Марчант далее не упускал возможности консультации у любых кавалеристов, отличавшихся высоким уровнем навыка в этой сфере, вне зависимости от их национальной принадлежности (Le Marchant 1841, 44). Сопоставление с австрийским наставлением Тимлиха также 1796 г. только подтверждает данный вывод: ни одного существенного пункта сходства, кроме приоритета рубки, между ними не обнаружено.

Высокая степень приспособления сабли обр. 1796 г. к наступательному духу Наставления в целом и к отдельным его техникам, нашедшая свое подтверждение в ходе реконструкции системы конного фехтования Ле Марчанта, пожалуй, первый пример в истории европейского конного фехтования, когда уставное оружие было столь тщательно разработано для наиболее эффективного воплощения на практике постулатов официального наставления.

Библиография

- Зайдлер. Руководство по фехтованию саблей и кирасирской шпагой прежде всего для обучения кавалерийских частей, наряду с замечаниями о решительной борьбе пешком. Перевод С. Самгин. — Издательские решения. — 2021. — 48 с.
- Тимлих К. Всесторонний трактат по искусству фехтования с помощью ударов пешком и верхом. Перевод С. Самгин. — Издательские решения. — 2021. — 64 с.
- Adolf M., Immel I., Meefout P., Petterson E. Charge! Cavalry Sabre Sale. International sabres in Dutch service 1807-1840. et al. (2020). 123 p.
- Egerton T. General Regulations and Instructions for the Ten Troops of Wiltshire Yeomanry. London: Printed by T. Egerton at the Military Library, Whitehall, 1798. 92 p.
- Hof G. R. De Nederlandse Sabel der Lichte Cavalerie No.1. Wapenfeiten, (1), 2006, pp. 3-7.
- Hoyt E. Rules and Regulations for Drill, Sabre Exercise, Equitation, Formation and Field Movements of Cavalry. Greenfield: Denio & Phelps, 1813. 252 p.
- Ivanowski M. Nouveau système d'escrime pour la cavalerie. Paris: de Poussielgue, 1834. 52 p.
- Le Marchant D. Memoirs of the late Major General Le Marchant. London: Printed by S. Bentley, 1841. 315 p.
- Le Marchant J.G. Rules and Regulations for the Sword Exercise of the Cavalry. London: Adjutant General's Office; repr. Uckfield: The Naval & Military Press, 1796. 98 p.
- Lonnergan A. The Fencer's Guide. London: W. Griffin, 1771. 268 p.
- Muller A. Theorie sur l'escrime a cheval. Paris: Cordier, 1816. 67 p.
- Pepper W. An Abridgment of the New Broad Sword Exercise. London, 1797. 34 p.

- P., J. V. M de. Manejo del sable: colección de 40 diseños lithográficos que representan las diversas posiciones de este ejercicio a caballo dedicado a sus compañeros de armas. 1819. 40 p.
- Radclyffe C. E. A New System of Cavalry Swordsmanship. Huntingdon: Ken Trotman Publishing, 2019. 110 p.
- Touche P. de la. Les Vrays Principes de l'espee seule. Paris, 1670. 102 p. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8452406x.r=Philibert%20La%20Touche?rk=21459;2>
- Weiss G. Istruzione sulla scherma a cavallo. Napoli: dalla Reale tipografia della Guerra, 1830. 48 p.
- Yallop H. A Sword for a System: The Pattern 1796 Light Cavalry Sword. The Sword: Form and Thought, pp. 216-236. 2019.
- Yallop H. The Sword Exercises of the British Cavalry: 1796-1858. Acta Periodica Duellatorum, 8/1, pp. 123-156, 2020.

References

- Adolf M., Immel I., Meefout P., Petterson E. (2020). *Charge! Cavalry Sabre Sale. International sabres in Dutch service 1807-1840*. 123 p.
- Egerton T. (1798). *General Regulations and Instructions for the Ten Troops of Wiltshire Yeomanry*. London: Printed by T. Egerton at the Military Library, Whitehall. 92 p.
- Hof G. R. (2006). De Nederlandse Sabel der Lichte Cavalerie No.1 [The Dutch Saber of the Light Cavalry No.1]. *Wapenfeiten* [Feats of Arms], (1), pp. 3-7.
- Hoyt E. (1813). *Rules and Regulations for Drill, Sabre Exercise, Equitation, Formation and Field Movements of Cavalry*. Greenfield: Denio & Phelps. 252 p.

- Ivanowski M. (1834). *Nouveau système d'escrime pour la cavalerie* [New cavalry fencing system]. Paris: de Poussielgue. 52 p.
- Le Marchant D. (1841). *Memoirs of the late Major General Le Marchant*. London: Printed by S. Bentley. 315 p.
- Le Marchant J.G. (1796). *Rules and Regulations for the Sword Exercise of the Cavalry*. London: Adjutant General's Office; repr. Uckfield: The Naval & Military Press. 98 p.
- Lonnergan A. (1771). *The Fencer's Guide*. London: W. Griffin. 268 p.
- Muller A. (1816). *Theorie sur l'escrime a cheval* [Horse fencing theory]. Paris: Cordier. 67 p.
- P., J. V. M de (1819). *Manejo del sable: colección de 40 diseños lithográficos que representan las diversas posiciones de este ejercicio a caballo dedicado a sus compañeros de armas* [Handling the saber: collection of 40 lithographic designs that represent the various positions of this exercise on horseback dedicated to their comrades-in-arms]. 40 p.
- Pepper W. (1797). *An Abridgment of the New Broad Sword Exercise*. London. 34 p.
- Radclyffe C. E. *A New System of Cavalry Swordsmanship*. Huntingdon: Ken Trotman Publishing, 2019. 110 p.
- Seidler (1840). *Anleitung zum Fechten mit dem Sábel und dem Cuirassiers degen. Berlin*. (Russ. ed.: Rukovodstvo po fehtovaniju sablej i kirasirskoj shpagoj prezhde vsego dlja obuchenija kavalerijskih chastej, narjadu s zamechanijami o reshitel'noj bor'be peshkom. Perevod S. Samgin. [b.m.]: Izdatel'skie reshenija, 2021. 48 p.).
- Timlih K. (1796). *Gründliche Abhandlung der Fechtkunst auf den Hieb und zu Fuß und zu Pferde; zum Gebrauch der Cavallerie* [Thorough treatise on the art of fencing at the blow and on foot and on horseback; for use by the cavalry]. (Russ. ed.: Vsestoronnij traktat po iskusstvu fehtovanija s pomoshh'ju

ударов пешком и верхом. Perevod S. Samgin. [b.m.]: Izdatel'skie reshenija, 2021. 64 p.).

Touche P. de la. (1670). *Les Vrays Principes de l'espee seule* [The True Principles of the Sword]. Paris. 102 p. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8452406x.r=Philibert%20La%20Touche?rk=21459;2>.

Weiss G. (1830). *Istruzione sulla scherma a cavallo* [Horse fencing instruction]. Napoli: dalla Reale tipografia della Guerra 48 p.

Yallop H. (2019). A Sword for a System: The Pattern 1796 Light Cavalry Sword. *The Sword: Form and Thought*, pp. 216-236.

Yallop H. (2020). The Sword Exercises of the British Cavalry: 1796-1858. *Acta Periodica Duellatorum*, 8/1, pp. 123-156.

Талантов С. В.

**О клинках кинжалов и шашек, бытовавших у казаков
Терского казачьего войска в конце XIX - начале XX века**
On blades of daggers and shashkas used by
the Terek Cossack Host in the late 19th to early 20th centuries

Талантов Сергей Вадимович — независимый исследователь, область интересов: кавказское и российское оружие XVII — начала XX вв. (Москва, Россия).

Sergey V. Talantov — private researcher in the field of Caucasian and Russian weapons of the late XVII – early XX centuries (Moscow, Russia).

talantovsv@gmail.com

Аннотация: В известных публикациях по российскому, кавказскому и казачьему историческому оружию вопросам, связанным с холодным оружием казаков Терского казачьего войска, уделено не так много внимания. Возможно, это связано с тем обстоятельством, что для изучения кинжалов и шашек терских казаков требовалось исследование как производства на Златоустовской оружейной фабрике, так и на Кавказе. Данная статья, как предполагается, должна устранить этот пробел.

В статье исследованы заказы шашек и кинжалов на Златоустовской оружейной фабрике, большая часть информации о которых публикуется впервые. В отношении местного кавказского производства в статье показано, что спрос на украшенное оружие для офицеров подразделений Российской императорской армии, дислоцированных на Кавказе, на оружие в произвольной отделке для кавказского казачества, а также на целые партии клинков для казаков-новобранцев стал определяющим фактором развития оружейного и ювелирного производства в Терской области. Особое внимание уделено заказам партий кинжалов и шашек владикавказским мастерам и, в первую очередь, мастерской Гузуна Гузунова. Отдельно рассмотрены некоторые особенности деталей отделки холодного оружия, характерные для шашек и кинжалов казаков Терского казачьего войска.

В ходе работы над статьей были использованы многочисленные письменные и изобразительные источники, в том числе приказы по Терскому казачьему войску и документы из российских архивов, которые позволяют дополнить и уточнить существующие представления о клинках шашек и кинжалов, бытовавших у терских казаков на рубеже XIX - XX вв. Также проведена работа по поиску и изучению предметов оружия терских казаков в музейных и частных собраниях, результатом которой стала публикация ряда редких образцов холодного оружия производства Златоустовской оружейной фабрики и мастеров Терской области.

Ключевые слова: Терское казачье войско, терские казаки, историческое оружие Кавказа, Гузунов, кинжал ТКВ, шашка ТКВ, Златоустовская оружейная фабрика, холодное оружие кавказских казаков, кинжал Г-М, клинки кинжалов и шашек терских казаков.

Abstract: The issues related to cold weapons of the Terek Cossack Host do not receive much attention in the known publications on Russian, Caucasian and Cossack historical arms. This may be due to the fact that the study of daggers and shashkas required research both of the production at the Zlatoust Arms Factory and in the Caucasus. This article is supposed to fill this gap.

The article investigates the orders of shashkas and daggers at the Zlatoust Arms Factory. Most information about these arms is published for the first time. Regarding local Caucasian arms production, the article shows that the determining factors for the development of arms and jewelry production in the Terek Oblast are the demand for decorated arms for officers of the Imperial Russian Army units stationed in the Caucasus; the demand for arms with arbitrary decoration for the Caucasian Cossacks; and the demand for batches of blades for Cossack recruits. Particular attention is paid to orders for batches of daggers and shashkas to Vladikavkaz craftsmen and, in the first place, to the workshop of Guzun Guzunov. Some features of cold weapon decoration typical for shashkas and daggers of the Terek Cossack Host are considered separately.

For this article the author uses numerous written and visual sources, including Orders concerning the Terek Cossack Host and documents from Russian ar-

chives, which allow to supplement and clarify existing ideas about the blades of shashkas and daggers that were used by the Terek Cossacks at the turn of the 19th - 20th centuries. The author also conducted search and study of the Terek Cossack weapons in museum and private collections, which resulted in the publication of some rare examples of cold weapons produced by the Zlatoust Arms Factory and craftsmen of the Terek Oblast.

Keywords: the Terek Cossack Host, the Terek Cossacks, historical arms of the Caucasus, Guzun Guzunov, daggers of the Terek Cossack Host, shashkas of the Terek Cossack Host, the Zlatoust Arms Factory, cold weapons of the Caucasian Cossacks, G-M regiment mark, blades of daggers and shashkas of the Terek Cossacks.

В российском историческом оружьеведении сложился феномен, заключающийся в том, что детальное изучение холодного оружия кавказских казаков выходит за рамки интереса исследователей уставного оружия и в то же время остается без должного внимания специалистов по кавказскому оружию, в основу изучения которого положен искусствоведческий подход. В известной работе А. Н. Кулинского «Русское холодное оружие» не представлена пашка Терского казачьего войска и при классификации кавказских казачьих пашек не выделен в отдельный тип ее клинок, несмотря на отличие структуры долов от клинка пашки Кубанского казачьего войска (Кулинский 2014, 235-236). В книге того же автора «Русские именные клинки» не атрибутирован опубликованный кинжал с клеймом на клинке в виде литер на погоны офицеров Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска «Г-М» (Кулинский 2011, 535). В базовом труде по кавказскому оружию Э. Г. Аствацатурян «Оружие народов Кавказа» подробно рассмотрено производство в административном центре Терской области — городе Владикавказе. Однако основное внимание в этом исследовании уделено определению оружия кавказских мастеров по орнаменту, и роль Российской императорской армии в целом и казачества в частности в формировании спроса на оружие кавказского производства в конце XIX — начале XX века осталась недооценена. Вследствие чего целый пласт предметов, относящихся к драгунским

полкам, дислоцированным на Кавказе, и кавказскому казачеству, остался не исследованным в полной мере. Исключением является фундаментальный труд Б. Е. Фролова «Холодное оружие кубанских казаков», в котором автору удалось досконально изучить и проанализировать разноуровневые источники, благодаря чему заявленная в названии книги тема была успешно раскрыта. К сожалению, холодное оружие казаков Терского казачьего войска долгое время оставалось практически не изученным в силу разных причин. Немногочисленные публикации носили обзорный характер, но их безусловная ценность заключается в том, что в этих работах были введены в оборот предметы, дополняющие наши представления о казачьем оружии. Так, клеймам на кинжалах терских казаков было уделено внимание в работе В. В. Паришкура «Клейма на кинжалах для Кавказских казачьих войск 19-20 века». Интерес к холодному оружию казаков Терского казачьего войска среди российских и зарубежных коллекционеров позволил за последние десятилетия выявить ряд разновидностей клинков шашек и кинжалов. Таким образом, со временем приобрел актуальность вопрос о том, что для дальнейшей классификации и правильной атрибуции шашек и кинжалов терских казаков из музейных и частных собраний не хватает источников. В ходе работы над настоящей статьей была предпринята попытка комплексного анализа массива письменных источников и фотографий казаков исследуемого периода, а также проведена работа по поиску и изучению предметов холодного оружия в музейных и частных собраниях. В статье вводятся в научный оборот несколько десятков новых источников, в том числе ряд приказов по Терскому казачьему войску¹, содержащих информацию о холодном оружии казаков, и документы из российских архивов (Российский государственный военно-исторический архив, Архив Златоустовского городского округа, Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания) о заказе оружия на Златоустовской фабрике и во владикавказских мастерских Гузунова и Аванесова, которые позволяют дополнить и уточнить наши представления о вооружении ка-

---

¹ Приказы, приказания, рапорты и объявления по Терскому казачьему войску цитируются по печатной версии, хранящейся в Российской национальной библиотеке, шифр хранения 135/243.

заков Терского казачьего войска в конце XIX — начале XX века. Не претендуя на полноту исследования, мы надеемся, что настоящая статья будет иметь практическую пользу для оружейников, историков и коллекционеров, так как освещает вопросы, связанные с бытованием у казаков шашек со старыми клинками, в том числе златоустовского и золингенского производства, с заказами шашек и кинжальных клинков на Златоустовской оружейной фабрике, а также с развитием производства холодного оружия в Терской области под влиянием спроса, сформированного терскими казаками. Мы выражаем искреннюю благодарность директору Национального музея Республики Северная Осетия-Алания Цуциеву Аслану Аркадьевичу и директору Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе Охонько Николаю Анатольевичу за предоставление права публикации предметов из собраний музеев, а также куратору фондов драгоценных металлов и оружия Национального музея Грузии Мамуке Капианидзе за предоставленную возможность изучить шашку с жалованным клинком XVIII века. Мы благодарим Киреева Феликса Сергеевича за консультации и предоставленные фотографии из его архива, Кузнецова Андрея Юрьевича за постановку некоторых вопросов, Серегина Андрея Александровича за предоставленные фотографии. Отдельную благодарность мы выражаем российским и зарубежным коллекционерам, любезно согласившимся предоставить предметы из своих коллекций для изучения и публикации.

В связи с тем, что ряд источников в нашем исследовании содержит названия административных единиц, а также термины, связанные с организацией службы в казачьем войске, которые могут быть не знакомы читателю, мы сочли уместным привести ниже информацию справочного характера, касающуюся административного деления в Терской области и организации службы терских казаков в исследуемый период.

8 февраля 1860 года (здесь и далее даты по старому стилю — *С.Т.*) был издан указ императора, по которому правое крыло Кавказской линии впредь было повелено называть Кубанской областью, левое крыло Кавказской линии — Терской областью. Все пространство, находящееся к северу от хребта Кавказских гор и заключающее в себе как упомянутые области (Тер-

скую и Кубанскую), так и Ставропольскую губернию, впредь было повелено именовать Северным Кавказом². Управление в областях передавалось областным Начальникам, которые были одновременно и командующими войсками. По указу императора от 25 мая того же года командующий войсками правого крыла Кавказской линии стал именоваться «Начальник Кубанской области», а командующий левого крыла – «Начальник Терской области»³. В соответствии с указом от 19 ноября 1860 г. «О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска» бывшее Черноморское казачье войско стало называться Кубанским, и к нему присоединили «первые шесть бригад Кавказского линейного войска, в полном составе, с землею, которою они доселе пользовались...», а «из остальных бригад Кавказского линейного войска, также в полном составе, с землею, всем хозяйством и находящимися в районе их зданиями (повелевалось — *С.Т.*) образовать особое войско, которому принять название Терского казачьего»⁴. Тем самым на Северном Кавказе создавались два новых казачьих войска и проводилась граница между ними, которая соответствовала административной границе между Кубанской и Терской областями. Таким образом, можно сказать, что после 1860 года понятия «терский казак» и «кубанский казак» приобретают современное значение. Казаки станиц, расположенных на территории Терской области, служившие в Терском казачьем войске (далее — ТКВ), стали называться терскими, а казаки станиц Кубанской области, служившие в Кубанском казачьем войске, — кубанскими. «Кавказскими» называли казаков обоих войск. С 1 июля 1888 года Терская область была разделена на три отдела: Пятигорский (станции Волгского полка и станции Горско-Моздокского полка), Кизлярский (станции Кизляро-Гребенского полка) и Сунженский (станции Сунженско-Владикавказского полка) и четыре округа — Владикавказский, Хасав-Юртовский, Нальчикский и Грозненский. Во главе Терской области стоял Начальник области и по совместительству Наказной Атаман Тер-

---

² ПСЗРИ-2, 1862, т. 35 (1), 122 (35421).

³ Там же, 604 (35822).

⁴ ПСЗРИ-2, 1862, т. 35 (2), 391 (36327).

ского казачьего войска, который в военном отношении пользовался правами начальника дивизии, в непосредственном ему подчинении состоял Войсковой штаб, а по гражданскому управлению ему принадлежали все права и обязанности, присвоенные губернаторам (Омельченко 1991, 124-125). В 1899 году из Пятигорского отдела был выделен Моздокский отдел, в который вошли станицы Горско-Моздокского полка (Киреев 2017, 8).

На основании Высочайше утвержденного 3 июня 1882 года Положения о воинской повинности и военной службе казаков Кубанского и Терского казачьих войск в мирное время Терское войско должно было выставять четыре четырехсотенных (после 1889 года — шестисотенных) конных полка, две конно-артиллерийские батареи на общем основании и два эскадрона Лейб-гвардии Его Императорского Величества Конвоя. Этим частям присваивались названия: 1-й и 2-й Терские казачьи эскадроны Собственного Его Величества Конвоя; 1-й Волгский полк ТКВ, 1-й Горско-Моздокский полк ТКВ, 1-й Кизляро-Гребенской полк ТКВ, 1-й Сунженско-Владикавказский полк ТКВ, 1-я Конно-артиллерийская батарея ТКВ, 2-я Конно-артиллерийская батарея ТКВ. 12 марта 1891 года эскадроны Его Императорского Величества Конвоя были переименованы в сотни, а 26 мая того же года Лейб-гвардии 1-я и 2-я Терские казачьи сотни Конвоя получили названия 3-я и 4-я. В 1907 году для несения службы внутри войска были сформированы четыре местные казачьи команды: Грозненская, Владикавказская, Горячеводская и Прохладненская. Казаки первоочередных частей в начале XX века несли воинскую повинность в следующих местах: Лейб-Гвардии Терские сотни Конвоя — в Царском Селе, Кизляро-Гребенской полк — в Грозном и Владикавказе (Терская область), Волгский — в Каменец-Подольске (Подольская губерния), Сунженско-Владикавказский — в урочище Хан-Кенды (Елисаветпольская губерния), Горско-Моздокский — в местечке Ольты (Карсская область), 1-я Терская батарея — в городе Ахалкалаки (Тифлисская губерния), 2-я Терская батарея — в Моздоке (Терская область) (Киреев 2017, 9). В военное время каждый из конных полков должен был развернуться в три шестисотенных полка с тем же названием под номерами 1, 2, 3.

Служилый состав разделялся на три разряда: приготовительный (возраст от 19 до 21 года), строевой (возраст от 21 года до 33 лет⁵) и запасный (возраст от 33 до 38 лет). Находясь в приготовительном разряде, казаки обзаводились всем необходимым на службе снаряжением и обучались началам военной службы; строевой разряд назначался для комплектования выставляемых казачьими войсками строевых частей и команд; казаки запасного разряда назначались для пополнения убыли в строевых частях в военное время и для формирования, в военное же время, особых частей и команд. Казаки служилого состава, неспособные к службе, но способные к труду, со времени зачисления их в эту категорию до увольнения сверстников в отставку уплачивали особый сбор (не более 15 рублей в год) в доход станиц для снаряжения беднейших казаков на службу; уплата этого сбора могла быть заменена четырехлетней службой в войсковых учреждениях. За время нахождения в служилом составе, но не на действительной службе, казаки приготовительного и строевого разрядов призывались на четыре недели в году для строевых и тактических занятий в учебные лагеря, для которых отводились из войсковых запасных земель необходимые участки. Казаки, остававшиеся по разным причинам не командированными в первоочередные части, собирались в лагерь три раза (на втором, третьем и четвертом году), а казаки второй очереди — два раза (на втором и четвертом году состояния на льготе). Льготные артиллеристы собирались за все время нахождения их на льготе два раза, каждый раз на четыре недели. Казаки третьей очереди могли быть вызываемы в учебный сбор только с особого разрешения Военного Министра, причем были обязаны в таком случае являться на годных для строевых занятий лошадях. Ближайшее определение сроков вызова в лагерь льготных казаков предоставлялось усмотрению Наказного Атамана. В Терском войске эти сборы происходили весной в апреле-мае и осенью в августе-сентябре в следующих лагерях: на реке Камбилеевке около города Владикавказа — для Сунженского отдела, на реке Нефтянке около города Грозного — для Кизлярско-

---

⁵ По достижении 21 года казак переходил в строевой разряд на действительную службу и поступал в строй, где оставался в мирное время четыре года, после чего увольнялся на льготу, где числился четыре года во второй очереди, а остальное время до 33 лет — в третьей очереди (Омельченко 1991, 127-128).

го отдела и около станицы Прохладной (совр. город Прохладный, Кабардино-Балкарская Республика — *С.Т.*) — для Моздокского и Пятигорского отделов. Артиллеристы собирались в лагерь при 2-й батарее (в Моздоке) в октябре. Помимо того, на атаманов отделов возлагался надзор за содержанием льготными казаками в исправности своего форменного оружия, а для установления действительного наблюдения за вооружением, людским и конским снаряжением и обмундированием казаков Наказным Атаманам вменялось в обязанность собирать казаков приговорительного и строевого разрядов для проверки их строевого имущества два раза в год (обычно в феврале и октябре), каждый раз не более, как на одни сутки, причем расходы по производству этих осмотров оплачивались за счет войсковых сумм (Караулов 1912, 321-324).

Перейдем далее непосредственно к вопросам, связанным с холодным оружием, бытовавшим у терских казаков в исследуемый период. В «Описании формы обмундирования и снаряжения генералов, штаб- и обер-офицеров и нижних чинов Кубанского и Терского казачьих войск», Высочайше утвержденном 14 декабря 1871 года и приложенном к правительственному распоряжению № 129 «О форме обмундирования и снаряжения чинов Кубанского и Терского казачьих войск» от того же числа (объявлено в Приказе по Военному ведомству № 380 от 16 декабря 1871 года), были использованы следующие определения холодного оружия: «кинжал азиатский с произвольной отделкой» и «шашка азиатского образца с произвольной оправой»⁶. Необходимо подчеркнуть, что определение «азиатского образца» относительно шашек до начала XX века имело достаточно обобщенный характер — помимо шашки солдатской образца 1834 года, «азиатскими» или «азиатского образца» в российских документах назывались шашки, украшенные в кавказском стиле, с рукоятями, утапливаемыми в раструб ножен. Только в 1913 году, после утверждения соответствующего образца, офицерская шашка с прибором из латуни, конструктивно схожая с офицерской шашкой Нижегородского драгунского полка, получила название "азиатского образца", которое в наше

---

⁶ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 7. За 1871 год. Санкт-Петербург: 1872. С. 301, 312, 313.

время принято использовать для атрибуции шашек, украшенных в кавказском стиле, с рукоятью, не утапливаемой в раструб ножен.

Несмотря на то, что в период 1860-1870 гг. кинжалы и шашки терских казаков были произвольными, можно проследить некоторые изменения внешнего вида отделки предметов. Так, на рубеже 1870-1880 гг. с распространением среди казаков шашек и кинжалов варшавского производства в моду вошла отделка из мельхиора (так называемого «польского серебра»). Варшавские кинжалы конца 1870-х гг., отличавшиеся узкими клинками без долов и рукоятями большой длины с вытянутыми головками (Илл. 1), привозились казаками на Кавказ, где оказали заметное влияние на региональную моду.

Этим влиянием и спросом, который поддерживался кавказскими казаками, можно объяснить появление и производство реплик варшавских кинжалов в отделке из мельхиора в Елисаветпольской губернии с основным центром производства в городе Шушу (совр. Шуша, Нагорный Карабах, Республика Азербайджан — *С.Т.*) в 1880-х гг. Помимо клинков с двумя или тремя узкими долами, эти кинжалы отличались от варшавских тем, что при отделке их прибора использовалась чернь, в то время как большинство известных кинжалов варшавского производства имеют клинки без долов и прибор, украшенный только в технике гравировки.

Для наглядности мы публикуем изображение кинжала с надписью «ШУШУ» на устье ножен (Илл. 2) и кинжала в цельнометаллических ножнах (Илл. 3) с перечисленными характерными внешними признаками, по которым эти кинжалы можно достаточно легко идентифицировать на фотографиях кавказских казаков⁷. Заметим, что до конца 1870-х гг. кинжалы с такими внешними признаками не были характерны для Восточного Закавказья.

---

⁷ 1-й Сунженско-Владикавказский конный полк ТКВ. Учебная команда 1890 года (у казака, стоящего справа в 3-м ряду, виден кинжал с перечисленными внешними признаками). Государственный исторический музей (Москва), Инв. № И VI 6683, <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2463999>

Илл. 1.
Кинжал с ножнами.
Варшава.
1876 год.
Частное собрание.

Илл. 2.
Кинжал с ножнами.
Елисаветпольская губерния.
1880-е гг.
Частное собрание.

Илл. 3.
Кинжал с ножнами.
Елисаветпольская губерния.
1880-е гг.
Частное собрание.

Рассмотрим далее некоторые типы клинков шашек, получивших широкое распространение у кавказских казаков в 1850-1860-х гг. В конце 1850-х гг. Кавказское Линейное казачье войско столкнулось с проблемой нехватки шашечных клинков надлежащего качества, для решения которой пришлось прибегать к заказам клинков европейского производства. В 1858 году войском было заказано 3000 шашечных клинков, изготовленных одним из золингенских предприятий (P. D. Lünenschloss) по образцу, утвержденному генерал-адъютантом графом Евдокимовым. Можно предположить, что при проектировании образца клинка за основу был взят клинок с клеймом «Гурда» европейского производства или его кавказская реплика, для которых характерны такая геометрия и структура долов (Илл. 4). Шашки с такими клинками получили название «таннеровские» по имени торговца оружием Германа Таннера, который много лет сотрудничал с заказчиками из Российской империи. В 1859 году Таннер поставил в войско 2934 шашки стоимостью 4 руб. 25 коп. каждая. В 1860 году Линейное войско сделало еще один заказ на 3000 шашек. Всего для Кавказских казачьих войск Таннер поставил 2934 шашки с ножнами и 8111 шашек без ножен (Фролов 2009, 111). После окончания Кавказской войны актуальность вопроса о качестве клинкового оружия несколько снизилась, и на рынке стали появляться недорогие изделия варшавского и местного кавказского производства сомнительного качества. При этом шашки золингенского производства, изготовленные по образцу, утвержденному генералом Евдокимовым (далее — таннеровка, таннеровки), имели заслуженную популярность среди кавказских казаков и бытовали несколько десятилетий до начала XX века.

Илл. 4. Шашка без ножен.
Северный Кавказ, XIX век. Частное собрание.

В изученных нами приказах по ТКВ с отчетами, содержащими информацию об оружии казаков, следовавших на пополнение полков первой очереди, артиллерийских батарей и Терских сотен Конвоя императора, а также находившихся на лагерных сборах, к которым мы обращаемся в нашем исследовании, встречаются многократные упоминания о таннеровках под разными названиями (Таннеровские, Таннера, Солингенские, Золингенские, Солингена). Нельзя исключать, что «солингенскими» могли назвать шашки и с другими клинками, изготовленными одним из золингенских производителей, однако мы склонны предполагать, что под этим названием подразумевались именно таннеровки, в первую очередь из-за количества поставленных в 1850-1860-х гг. шашек этого образца, а также потому, что во всех случаях при перечислении золингенских клинков они упомянуты во множественном числе, что указывает на их одинаковый тип.

Судя по предметам, изученным в музейных и частных собраниях, имеющим достоверный провенанс, помимо таннеровок, до начала XX века у казаков бытовали шашки со старыми европейскими клинками XVIII века и клинками «под старину», изготовленными европейскими производителями в XIX веке для кавказского (восточного) рынка, редко — с клинками восточных сабель XVII-XVIII вв., клинками варшавского производства 1860-1880 гг., кавказского производства XIX века. У казаков, возвращавшихся со службы в Конвое императора, могли бытовать клинки, относящиеся к предметам Санкт-Петербургского производства 1860-1880 гг., приобретенным конвойцами за время службы. Значительную долю среди прочих составляли клинки златоустовского производства, переделанные из сабельных. Практика переделки сабельных клинков и их сборка с шашечными эфесами до середины XIX века носила массовый характер. Казакам двух Малороссийских полков, прибывшим на Кавказскую линию в 1833 году, командованием Отдельного Кавказского корпуса было разрешено переделать сабли в шашки, заменив эфес и ножны. В середине 1830-х гг. для Кавказского Линейного казачьего войска было заказано 8000 сабельных клинков, ножны, эфес и портупей к которым планировалось изготовить на месте по линейному образцу (Фролов 2009, 75). Помимо сабельных, переделывались и клинки казачьих шашек об-

разца 1838 г. (так называемого «донского образца» — *С.Т.*). В этом случае менялась форма хвостовика клинка — под монтаж с эфесом из двух роговых пластин. 20 августа 1869 г. офицер, назначенный осматривать оружие в Терской области, капитан Сафонов, в докладной записке на имя Начальника штаба войск Терской области доложил о возможности приобретения со складов артиллерийского ведомства старых клинков, продающихся там как железный лом. Предоставив на рассмотрение Наказного Атамана Терского казачьего войска образец переделочной шашки, 2 октября 1869 г. капитан Сафонов в новой докладной записке делает предложение о переделке вышеупомянутых клинков: «Клинки приобретаются из Арсеналов и складов на суммы войска по одному рублю серебром за пуд, перевозятся его средствами в г. Владикавказ и сдаются в мое распоряжение» (капитан Сафонов являлся по совместительству техническим надзирателем Войсковой оружейной мастерской ТКВ), «я же, от себя, отдаю их вольным мастерам для переделки и исправления. По окончании переделки клинки поступают в оружейную мастерскую, и войско возвращает мне за переделку их по одному рублю серебром, за каждый экземпляр, удерживая в войсковой капитал ту сумму, которая была заплачена за клинки в артиллерийские арсеналы и склады». Предложение капитана Сафонова было одобрено Наказным Атаманом ТКВ генерал-адъютантом Лорис-Меликовым (Кузнецов 2015, 451-452). В цитируемых ниже документах однодольные шашечные и сабельные клинки златоустовского производства названы «Златоустовские старого изделия». Клинкам производства Златоустовской оружейной фабрики, изготовленным для Терского казачьего войска в 1882-1904 гг., а также клинкам владикавказского производства посвящена отдельная часть нашего исследования.

Рассмотрим далее источники, позволяющие получить представление о клинках, бытовавших у терских казаков в конце XIX - начале XX века, сопроводив их необходимыми комментариями. В Приказе по ТКВ от 10 мая 1892 года № 118 перечислено оружие казаков, следовавших на укомплектование 1-го Сунженско-Владикавказского конного полка, среди которого было отмечено значительное количество старых шашек: «Шашки: из числа 197 клинков 113 оказалось новых, выписанных войском с Златоустовского заво-

да, из остальных часть приобретенных в шестидесятых годах у фабриканта Таннера (заграничного изготовления) и часть старых Златоустовских, вполне годных к употреблению. Портупей из хорошего ремня, почти у всех казаков новые. Ножны крепкие, у многих казаков с металлическою оправою. Кинжалы и пояса в хорошем виде».

Достаточно интересная статистика приведена в Рапорте Начальника Войскового штаба ТКВ № 273 от 9 ноября 1893 года, приложенном к Приказу по ТКВ № 273 от 28 ноября 1893 года, в котором сообщены результаты осмотра оружия⁸ казаков 2-й очереди, младших возрастов строевого разряда, не бывших на действительной службе, и старшего возраста подготовительного разряда Сунженско-Владикавказского и Волгского полковых округов: «Всего на лицо годных шашек — Сунженско-Владикавказского полкового округа — 1124 (из 1303), Волгского полкового округа — 891 (из 1175). В том числе войсковых Златоустовского завода — 418 (37%), 98 (11%); Златоустовских и Солингенских, приобретенных самими казаками, — 308 (27%), 245 (27%). Азиатских⁹ и Варшавских фабрикантов — 398 (36%); 548 (62%)». У казаков сменной команды 1-го Волгского полка, результаты осмотра оружия которых были сообщены в Приказе по ТКВ № 50 от 27 февраля 1894 года, из 273 клинков шашек оказалось «Златоустовской фабрики, выписанных по заказу войска — 165, Златоустовских старого изготовления — 71, местных азиатских — 37». В рапорте № 16 от 26 октября 1894 года об осмотре казаков льготного состава и старшего возраста приготовительного разряда Сунженско-Владикавказского полкового округа, объявленном в Приказе по ТКВ № 317 от 15 декабря 1894 года, было доложено следующее: «Относительно

---

⁸ При осмотре оценивался внешний вид и состояние ножен шашек и кинжалов, портупей и поясов к ним. Отдельно проверялось состояние поверхности клинков на предмет наличия ржавчины, зазубрин, трещин и других дефектов, а также наличия и правильности заточки. Упругость клинков оценивалась по результату испытания изгибом. Если после испытания клинок оставался в согнутом состоянии, он признавался негодным (также использовались определения «мягкий», «из мягкого железа», «железный»), если выпрямлялся не полностью, то комиссия, проводившая осмотр, чаще признавала его годным.

⁹ Под определением «азиатские», «азиатского изготовления», «азиатских мастеров» подразумевались клинки кавказского производства.

шашек нужно сказать, что кроме Златоустовских нового образца, встречается очень много шашек старых Златоустовских, у которых размеры клинков значительно уже настоящих, а концы от точки (заточки — *С.Т.*) уже несколько закруглились, а между тем они, в виду доброкачественности стали, из которой сделаны, признаются годными; очень много есть клинков чеченского изделия и несколько Солингенских». В Приказе по ТКВ № 120 от 8 мая 1895 года шашки золингеновского производства упомянуты среди холодного оружия, осмотренного у казаков, командированных на укомплектование 1-го Сунженско-Владикавказского полка: «Холодное оружие. 202 казака (в том числе 16 нестроевых) имели шашечные клинки из числа приобретенных войском от Златоустовского завода; у остальных 10 человек клинки шашек Солингенские и работы местных мастеров, все годные. У казаков, не бывших на смотре, по сведениям, представленным Заведывающим (Заведующим¹⁰ — *С.Т.*) 2-м Сунженско-Владикавказским полком, войсковых клинков — 25, Солингенских — 2. Кинжалы у всех казаков в общем признаны удовлетворительными» и 1-го Кизляро-Гребенского полка: «Из числа 213 шашечных клинков оказалось: Златоустовских войсковых — 127, старого изготовления — 26, Солингенских — 8, старинных азиатских — 18 и негодных, подлежащих браку — 36. Шашечные ножны исправны; портупей из хорошего ремня, но у некоторых казаков дурно пригнаны. Шашки содержаны чисто, но много не отточенных. Из 236 кинжалов найдено негодными 6, которые приказано заменить другими. В общем числе кинжалов заключаются: Войсковых Златоустовского завода — 142, работы местных мастеров, годных — 88, все содержатся чисто. Пояса к кинжалам вполне удовлетворительны». При изучении фотографий терских казаков конца XIX - начала XX века нами был обнаружен снимок, на котором у казака 1-го Сунженско-Владикавказского полка достаточно хорошо видна шашка с однодольным клинком. Вероятно, это укороченный сабельный клинок златоустовского производства с переточенным боевым концом, смонтированный с шашечным эфесом (Илл. 5).

---

¹⁰ Далее при цитировании в названии должности «Заведывающий полком» первое слово везде заменено на «заведующий» в соответствии с нормами современного русского языка.

Илл. 5. Терские казаки.
Слева — казак 1-го Сунженско-Владикавказского полка.
Начало XX века. Частное собрание.

Также для наглядности приведем изображение таннеровской шашки со следами интенсивного бытования (Илл. 6, 7). От многократной заточки изменилась геометрия боевого конца — он стал более коротким и заметно более узким.

В начале 1900-х гг. таннеровки и шашки со старыми златоустовскими клинками еще встречались среди шашек, с которыми казаки являлись на лагерные сборы, но в тот период они уже составляли совсем незначительную часть от общего количества. В отчете об осмотре казаков Волгского полкового округа, находившихся на сборе в лагере под станицей Прохладной, приложенному к Приказу по ТКВ № 407 от 18 декабря 1902 года, сообщалось, что «шашечные клинки почти у всех казаков из числа новых Златоустовских. Встречались, но очень мало, старые Златоустовские, Таннеровские, а также и других изделий, но для службы вполне годные. Кинжалы признаны удовлетворительными и вполне соответствующими своему назначению». В Приказе № 339 от 11 октября 1904 года объявлялся отчет об осмотре казаков, следовавших на укомплектование 1-го Горско-Моздокского полка, в котором о шашках сообщалось следующее: «Шашечные клинки большей частью установленного образца Златоустовского завода; старинных азиатских клинков — 8 и Золингенских — 3». Обратим внимание, что во всех случаях клинки золингенского производства признавались годными, что еще раз подчеркивает их высокое качество.

Представленные документы наглядно демонстрируют, что срок службы шашечных клинков достигал нескольких десятилетий, и это не могло не сказаться на их внешнем виде.

Илл. 6. Шашка без ножен.
Пруссия, 1860-е гг. Частное собрание.

Судя по изученным документам, состояние многих старых шашечных клинков, с которыми казаки являлись на лагерные сборы, оставляло желать лучшего. Так, в Рапорте № 22 от 8 октября 1894 года об осмотре в Волгском полковом округе казаков 2-й очереди, младшего возраста и строевого разряда, не бывших на действительной службе, и старшего возраста приговорительного разряда, собранных в лагере под ст. Прохладной, отмечалось следующее: «К этому считаю необходимым присовокупить, что в числе годных шашек, показаны такие шашки Златоустовского же завода, но старого изготовления, которые по своей сточенности должны бы быть изъяты из употребления... Что касается содержания оружия, то оно оставляет желать весьма многого: большинство шашек со свежей ржавчиной или с глубокими следами старой; Исключение составляли лишь клинки последних двух заказов на Златоустовском заводе, что следует приписать, не столько содержанию их, сколько непродолжительности времени нахождения этого оружия на руках у казаков. Почти все шашки, за весьма ничтожным исключением, не отточенные». В Акте об осмотре сменной команды из 204 казаков, следовавших на укомплектование 1-го Горско-Моздокского полка, объявленном в Приказе по ТКВ № 382 от 27 сентября 1905 года, на состояние клинков было обращено особое внимание: «Шашки: большинство клинков войскового изготовления Златоустовского завода¹¹ хорошего качества, 2 клинка железных, изготовления местных мастеров, негодны к службе, 6 шашек старинных, сильно сточенных с узкими и короткими

Илл. 7. Шашка без ножен. Фрагмент.
Клеймо производителя
P. D. Lünenschloss Solingen

К этому считаю необходимым присовокупить, что в числе годных шашек, показаны такие шашки Златоустовского же завода, но старого изготовления, которые по своей сточенности должны бы быть изъяты из употребления... Что касается содержания оружия, то оно оставляет желать весьма многого: большинство шашек со свежей ржавчиной или с глубокими следами старой; Исключение составляли лишь клинки последних двух заказов на Златоустовском заводе, что следует приписать, не столько содержанию их, сколько непродолжительности времени нахождения этого оружия на руках у казаков. Почти все шашки, за весьма ничтожным исключением, не отточенные». В Акте об осмотре сменной команды из 204 казаков, следовавших на укомплектование 1-го Горско-Моздокского полка, объявленном в Приказе по ТКВ № 382 от 27 сентября 1905 года, на состояние клинков было обращено особое внимание: «Шашки: большинство клинков войскового изготовления Златоустовского завода¹¹ хорошего качества, 2 клинка железных, изготовления местных мастеров, негодны к службе, 6 шашек старинных, сильно сточенных с узкими и короткими

¹¹ Под определениями «войсковые», «войскового изготовления», «войскового заказа» подразумеваются клинки, изготовленные на Златоустовской оружейной фабрике или у мастеров, работавших в Терской области, с клеймом с аббревиатурой войска, нанесенным ударом или травлением.

клинками... В общем оружие содержано удовлетворительно, но много клинков со следами ржавчины и со ржавчиной».

Отдельного внимания заслуживает вопрос о шашках и кинжалах ТКВ производства Златоустовской оружейной фабрики, которым уделена значительная часть нашего исследования. Златоустовские клинки шашек ТКВ имеют оригинальную структуру долов и геометрию, отличающиеся от клинков шашек Кубанского казачьего войска, — три дола (два узких и один широкий), площадку на основании клинка с левой стороны, на которую травлением наносился картуш с аббревиатурой войска «Т.К.В.», и меньший изгиб. Примечательно, что четырехдольный казачий кинжальный клинок был разработан и изготовлен для ТКВ, а в 1886 году был одобрен как базовый образец для будущих заказов и Кубанским войском, которое «признало вполне удовлетворительным клинок Терского казачьего войска, почему заказываемые клинки должны быть изготовлены по образцу Терского» (Фролов 2009, 231). До этого Кубанское войско заказывало на Златоустовской оружейной фабрике кинжалы с клинками, имеющими один асимметричный дол с каждой стороны (Илл. 8).

Илл. 8. Кинжал с ножнами. Златоуст, 1877 г.
Ножны — Кубанская область.
Частное собрание.

В 1876 году Войсковой комиссией Кубанского казачьего войска был утвержден образец шашечного клинка с двумя узкими долами вдоль обуха и сделан заказ на Златоустовской фабрике, который был изготовлен в 1877 году (Фролов 2009, 119-120). Клинки с такой геометрией и структурой долов (с незначительными изменениями толщины боевого конца) являлись базовыми для Кубанского войска на протяжении более четверти века и были взяты за основу при утверждении образца шашки Кавказских казачьих войск в 1904 году. Не имея на тот момент собственного образца шашечного клинка, офицеры Терского казачьего войска, оценив клинки шашек кубанцев, уже в 1878 году отправляли на Златоустовскую фабрику частные заказы на клинки «кубанского образца». Так, в рапорте смотрителя Арсенала Златоустовской фабрики Гордеева от 13 апреля 1878 года сообщается, что ящик с клинками «кубанского образца с золотыми украшениями», заказанными командиром 2-й Конно-Артиллерийской батареи ТКВ полковником Эльяшевичем, готов к отправке¹². Судя по описанию отделки клинков, упомянутых в других изученных документах фабрики, «золотыми украшениями» могли называть украшения клинка в технике травления с позолотой. Летом того же года полковником Эльяшевичем было заказано еще пять шашечных клинков: один клинок «простого полира» и один — «высокого полира», оба — «боевого образца» (вероятно, под этим определением подразумевался образец кубанского клинка — *С.Т.*), один клинок «с вызолоченными украшениями (облегченного образца)», два клинка «с вызолоченными украшениями (легкого образца) по прилагаемой вырезке, которая посылается, собственно, как длина этих клинков». Стоимость клинков из этого заказа составила 2 руб. 30 коп. за клинок простого полира, 3 руб. 50 коп. за клинок высокого полира и 6 руб. 93 коп. за украшенный, итого 26 рублей 59 копеек¹³.

В 1882 году на Златоустовской оружейной фабрике был размещен первый заказ на клинки для ТКВ. В апреле 1882 года Командующий войсками Кавказского военного округа, «принимая во внимание засвидетельствование Наказного Атамана Терского казачьего войска о настоятельной необхо-

---

¹² АЗГО Ф. И-24 Оп. 1 Д. 2582 Л. 72.

¹³ АЗГО Ф. И-24 Оп. 1 Д. 2582 Лл. 186, 188, 188 об.

димости в скорейшей замене в строевых частях вверенного ему войска мало-годных шашечных клинков, изволил разрешить произвести немедленно заказ Златоустовской оружейной фабрике трех тысяч шашечных клинков для Терского казачьего войска по образцу, выработанному в 1880 г. в Войсковой оружейной мастерской...»¹⁴. Вместе с шашечными клинками войском были заказаны и кинжальные четырехдольные. В Приказании по ТКВ № 60 от 19 октября 1883 года содержится ряд деталей, представляющих интерес для нашего исследования, поэтому мы приводим его полный текст: «В виду признанной необходимости в замене как в строевых, так и в льготных частях Терского казачьего войска холодного оружия оружием лучшего качества Войсковым Штабом был произведен заказ на Златоустовской оружейной фабрике на изготовление 3000 экземпляров шашечных и 1010 кинжальных клинков по образцам, выработанным в 1880 году в Войсковой оружейной мастерской. Упомянутые клинки, по качествам своим не оставляющие желать ничего лучшего, ныне изготовлены и сданы на хранение в оружейный склад при названной мастерской в ст. Прохладной¹⁵. Объявляя об этом по Терскому казачьему войску по приказанию Временно исполняющего должность Наказного Атамана, покорнейше прошу Атаманов военных отделов и командиров полков и батарей, теперь же войти с требованием в Войсковой Штаб о высылке необходимого количества означенных клинков для продажи их желающим офицерам и нижним чинам. К сему присовокупляю, что каждый шашечный клинок, за всеми расходами по изготовлению и доставке в ст. Прохладную, обошелся в 3 руб. 35 коп., а каждый кинжальный — в 2 руб. 50 коп. Подлинный подписал: Начальник Штаба полковник Родзевич». В изученных приказах по ТКВ 1880-1900-х гг., касающихся вопросов, связанных с заказами шашек на Златоустовской фабрике и их бытованием у казаков, термин «клинок» часто является синонимом шашки. Мы предполагаем, что на оружейный склад Войсковой оружейной мастерской ТКВ поступили

---

¹⁴ РГВИА Ф. 330 Оп. 26 Д. 838 Л. 1.

¹⁵ В Приказании по ТКВ № 31 от 23 мая 1885 года было объявлено о том, что согласно разрешению Командующего войсками Кавказского военного округа 16 мая 1885 года Войсковой склад оружия и Войсковая оружейная мастерская Терского казачьего войска были окончательно перемещены из станицы Прохладной в город Владикавказ.

клинки с рукоятями без ножен. В пользу этого предположения говорит и указанная стоимость (3 руб. 35 коп.), всего на 10 копеек отличающаяся от стоимости шашки из заказа 1891 года, на котором мы подробнее остановимся ниже.

Рассмотрим далее шашку с клинком из заказа 1882 года (Илл. 9). Картуш с аббревиатурой войска нанесен на площадку, расположенную на основании клинка шашки с левой стороны (Илл. 10). Обратим внимание, что на правой стороне клинка шашки отсутствует картуш с аббревиатурой фабрики. Травление с сокращенным названием фабрики расположено на обухе клинка (Илл. 11). Также на клинках шашек из заказа 1882 года выход широкого дола на основание клинка имеет форму, отличающуюся от этой детали отделки на клинках, изготовленных по заказам 1890-1900 гг. Рассмотрим далее кинжал ТКВ с клинком златоустовского производства 1880-х гг. (Илл. 12). Картуши сильно стертые, однако вертикальные линии первой буквы в аббревиатуре войска просматриваются достаточно четко (Илл. 13), год в картуше с аббревиатурой фабрики стерт. Обратим внимание на форму верхней и нижней шляпок заклепок рукояти кинжала — они имеют оригинальную сферическую форму (Илл. 14). Шляпки заклепок такой же формы известны на кинжалах Кубанского казачьего войска, изготовленных в 1887 году с деревянными рукоятями.

Илл. 9. Шашка с ножнами. Златоуст, 1880-е гг.

Ножны — Кавказский край.

Частное собрание.

Илл. 10. Шашка с ножнами, Златоуст. Фрагмент.
Картуш с аббревиатурой войска на клинке шашки.

Илл. 11. Шашка с ножнами, Златоуст. Фрагмент.
Картуш с сокращенным названием фабрики и датой.

Можно было бы предположить, что рукоять публикуемого кинжала также изготовлена на Златоустовской фабрике. Помимо характерной формы шляпок заклепок, на это косвенно указывает фактура материала — рог такого цвета нетипичен для изделий кавказского производства. Однако не в пользу такого предположения говорит цена — «кинжальный клинок» в 1883 году с доставкой до Войсковой оружейной мастерской ТКВ обошелся в 2 руб. 50 коп., а цена кинжальных клинков без рукояти с доставкой в заказе 1891 года, упомянутом ниже, составила 2 руб. 60 коп. за штуку. Таким образом, разница в цене составила те же 10 копеек, что и в цене шашек. В то же время заметим, что цена кинжалов с однодольными клинками с деревянными рукоятями, изготовленными для Кубанского войска в 1879 году, составила 2 руб. 45 коп. за штуку, с доставкой в Екатеринодар - 2 руб. 54 коп. (Фролов 2009, 230). Оставляя вопрос о месте производства рукояти, отметим, что форма картушей и букв в них на клинке кинжала имеет очевидное стилистическое сходство с картушами на клинке шашки. Клейма на клинке кинжала в виде букв «П» в круге и «С» в круге аналогичны клеймам на клинке шашки.

Заметим, что, согласно упомянутому приказанию, клинки златоустовского производства, поступившие на склад, предназначались для продажи не только нижним чинам, но и офицерам. Таким образом, наличие на шашке или кинжале златоустовского клинка со стандартным набором картушей не является признаком, по которому предмет может быть атрибутирован как оружие

нижних чинов. На наш взгляд, при атрибуции шашек и кинжалов ТКВ с клинками, изготовленными по образцам, разработанным в Войсковой оружейной мастерской в 1880 году, уместно использовать определения «шашка Терского казачьего войска с клинком образца 1880 года» и «кинжал Терского казачьего войска с клинком образца 1880 года».

Наличие на складе оружия со златоустовскими клинками позволяло оперативно заменять шашки и кинжалы, признанные негодными при осмотрах. О такой практике упомянуто в том числе в Приказе по ТКВ № 122 от 9 декабря 1886 года, в котором были объявлены результаты осмотра казаков приговорительного разряда Кизлярского Гребенского полкового округа: «...холодное оружие совсем не хорошее у 213 казаков (из 251), так что 136 шашечных клинков¹⁶ были в лагере же заменены Златоустовскими из хранящегося при Управлении отдела запаса» и Волгского и Горско-Моздокского полковых округов: «...холодное оружие неудовлетворительно: много шашек совершенно негодных; старинные клинки попадают все реже: замена негодных производится частью Златоустовскими из войскового запаса». Ножны, прибор и портупеи к златоустовским шашкам заказывались казаками у местных мастеров.

Илл. 12. Кинжал с ножнами. Златоуст, 1880-е гг.
Ножны — Кавказский край.
Частное собрание.

¹⁶ Как уже было отмечено выше, в изученных приказах, касающихся вопросов, связанных с заказами шашек на Златоустовской фабрике, «клинками» часто назывались шашки без ножен.

Илл. 13. Кинжал с ножнами, Златоуст. Фрагмент.
Картуш с аббревиатурой войска на клинке кинжала.

Илл. 14. Кинжал с ножнами, Златоуст. Фрагмент.
Шляпки заклепок рукояти кинжала.

На протяжении многих лет командование ТКВ предпринимало меры для замены холодного оружия, признанного неудовлетворительным, на шашки и кинжалы с клинками надлежащего качества. В Приказе по ТКВ № 165 от 18 октября 1889 года Наказным Атаманом было объявлено следующее: «Во исполнение приведенного выше приказа по Кавказским казачьим войскам № 298, предлагаю Атаманам отделов принять меры к снабжению казаков вполне исправным конским снаряжением и хорошим холодным оружием, заменяя негодные клинки Златоустовскими, имеющимися в запасе в войсковом складе оружия. Командирам же полков вменяется в обязанность, в случае обнаружения у казаков холодного оружия, не удовлетворяющего условиям

боевого оружия, заменять таковое упомянутыми Златоустовскими клинками на счет ремонтных денег, получаемых нижними чинами».

Обратим внимание, что кинжалы для Терского войска на Златоустовской фабрике заказывались реже и в значительно меньшем количестве, чем шашки. Так, Распоряжением № 244 от 2 ноября 1891 года Военный Совет постановил: «Для Терского казачьего войска заказать на Златоустовской фабрике 3000 шашечных клинков (азиатского образца) и 300 кинжальных клинков, первые — с рукоятками из бакаутового дерева, а кинжальные — вовсе без рукояток, в отточенном виде, с доставкой во Владикавказ по 3 руб. 45 копеек за шашечный и 2 руб. 60 копеек за кинжальный ... и с доставкой означенных клинков в г. Владикавказ не позже, как в навигацию 1892 года, а при возможности для фабрики и ранее»¹⁷. Для сравнения заметим, что в том же году для Кубанского войска были заказаны 10 000 шашечных и 10 000 кинжальных клинков¹⁸. В 1892 году Златоустовской фабрикой были изготовлены и отправлены 3000 терских шашек по упомянутой выше цене¹⁹. Информации об изготовлении в 1892 году 300 кинжальных клинков в изученных нами документах фабрики, и об их получении — в приказах по ТКВ, обнаружено не было. В то же время, в Ведомости о производительности Златоустовского завода и Оружейной фабрики за 1893 год числятся 1100 "клинков кинжальных азиатского образца с деревянными ручками" для Терского войска стоимостью 3 руб. за штуку²⁰. Не исключено, что заказ на 300 клинков без рукоятей был изменен на 1100 кинжалов. Надеемся, что в ходе дальнейшей работы будут выявлены источники, которые позволят уточнить этот вопрос. Подчеркнем, что кинжалы ТКВ златоустовского производства достаточно редко встречаются не только в частных, но и в музейных собраниях. При этом, картуши на клинках некоторых известных кинжалов находятся в плохом состоянии, а пластины рукояти закрывают приемочные клейма, что усложняет датировку клинков.

---

¹⁷ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 27. За 1891 год. Санкт-Петербург: 1892. С. 452.

¹⁸ Там же, С. 449.

¹⁹ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 255 Лл. 231 об, 232.

²⁰ АЗГО Ф. И-20 Оп. 1 Д. 60 Лл. 190, 192 об, 193.

Приведем изображение шашки из заказа 1891 года (Илл. 15). Отметим, что картуши и шрифт на клинках из этого и следующих заказов имеют заметные отличия от картушей на клинках 1882 года (Илл. 16). Изменилось и место расположения картуша с аббревиатурой фабрики — он стал наноситься на правую сторону клинка (Илл. 17). Вместе с изменением места нанесения клейма в картуши с аббревиатурой фабрики перестали добавлять цифры года производства. Для датировки клинков шашек ТКВ производства Златоустовской фабрики, изготовленных после 1891 года, имеет смысл применять метод сравнительного анализа. Судя по изученным клеймам на клинках шашек ТКВ и сопоставлению их с клеймами на клинках шашек златоустовского производства, изготовленных по заказам Кубанского казачьего войска в 1892-1898 гг., на которых в картуше с аббревиатурой фабрики нанесен год производства, на терских клинках из заказа 1891 года выбиты клейма в виде букв «П» в круге и «С» в круге. От клейм на клинках из заказа 1882 года они отличаются размером букв в круге — на известных нам клинках из заказа 1891 года буква «П» имеет меньший размер, чем на клинках из первого заказа.

Илл. 15. Шашка с ножнами. Златоуст, 1890-е гг.
Ножны — Кавказский край.
Частное собрание.

Илл. 16. Шашка с ножнами, Златоуст. Фрагмент.
Картуш с аббревиатурой войска на клинке шашки.

Илл. 17. Шашка с ножнами, Златоуст. Фрагмент.
Картуш с аббревиатурой фабрики на клинке шашки.

В 1890-х гг. ТКВ регулярно сталкивалось с дефицитом златоустовских шашек на Войсковом оружейном складе Войсковой мастерской. Из Объявления по ТКВ № 1 от 31 марта 1892 года, текст которого полностью приведен ниже, следует, что период отсутствия златоустовских шашек на Войсковом складе достигал нескольких месяцев: «Некоторые из станичных атаманов обратились в Войсковой Штаб с рапортами о высылке шашечных клинков из войскового оружейного склада. В виду этого Войсковой Штаб считает нужным объявить по Терскому казачьему войску: 1) Что шашечных клинков в настоящее время в войсковом складе в наличности не имеется, а потому и заявления о высылке их удовлетворены быть не могут; 2) Что для Терского войска заказано на Златоустовском заводе 3 тыс. шашечных клинков, но клинки эти могут быть доставлены в гор. Владикавказ не ранее осени сего года, и лишь после того войсковой склад получит возможность удовлетворить требования станиц. Подписал: Временно Исполняющий должность Начальника Войскового Штаба полковник Чиков».

Примечательно, что предъявленное к осмотру холодное оружие могло значительно отличаться даже у казаков из станиц одного отдела. Наличие клинков надлежащего качества у новобранцев в значительной степени зависело от того, насколько внимательны были станичные атаманы к вопросам, связанным с вооружением казаков. Так, при произведенном 29, 30 и 31 марта 1894 года в лагере под городом Грозным осмотре команды из 268 казаков, следовавших на укомплектование 1-го Кизляр-Гребенского полка, о результатах которого Наказному Атаману было доложено в Рапорте Старшего Помощника Начальника Терской области и Наказного Атамана ТКВ генерал-майора Н. А. Шепелева № 6 от 28 апреля 1894 года, «шашечных клинков оказалось: 100 штук из них выписанных войском из Златоустовского завода, 10 штук тоже Златоустовского завода, только старого изделия, а остальные разного изготовления, причем 81 из них неудовлетворительны и должны быть заменены, но обращавшиеся в войсковой оружейный склад за высылкой необходимого числа клинков станицы не могли быть удовлетворены за неимением таковых на складе. Кинжалов Златоустовского завода из войскового оружейного склада имеется всего 29, остальные разного изготовления, в том числе 40 негодных... В заключение считаю необходимым отметить, что лучшей станицей по снаряжению в настоящем укомплектовании заявила о себе станица Александрийская... вещи все прекрасного качества, и даже у всех казаков шашечные и кинжальные клинки выписаны из войскового оружейного склада. Все это свидетельствует о заботливости и почтенной деятельности станичного атамана».

Исходя из информации о новом заказе, можно составить представление, за какой период были распроданы шашки из предыдущего. Так, в Приказании по ТКВ № 73 от 12 ноября 1894 года сообщалось, что «по случаю распродажи из войскового оружейного склада Терского казачьего войска всех шашечных и кинжальных клинков Златоустовского изготовления и вследствие дальнейшего требования таковых, Наказным Атаманом в июле месяце текущего года сделано представление о производстве нового заказа шашечных клинков на той же фабрике, в количестве 3425 шт.».

Заказанные клинки не были изготовлены фабрикой в срок, и к осени 1895 года в ТКВ образовался такой дефицит шашечных клинков, что у некоторых казаков сменных команд не оказалось шашек. В Приказе по ТКВ № 230 от 14 сентября 1895 года об осмотре оружия 225 казаков, следовавших на укомплектование 1-го Горско-Моздокского полка, было сообщено следующее: «Из числа шашечных и кинжальных клинков, согласно представленного Заведующим 2-м Горско-Моздокским полком сведения, оказалось: шашечных клинков Златоустовского завода старого и нового изготовления, выписанных из войскового склада — 100, работы частных мастеров годных — 26, негодных — 65. Совсем не имели шашек 14 казаков... Кинжальных клинков выписанных из войскового же склада 36, работы туземцев-мастеров 162. Содержаны как те, так и другие сносно». Такое обстоятельство не могло остаться без внимания начальства, и в адрес Атамана Пятигорского отдела в том же приказе было сделано следующее замечание: «Обращаю внимание на то, что 65 казаков имели негодные шашки, а 14 их вовсе не имели. Хотя это случилось потому, что ожидаемые из Златоустовского завода шашки не прибыли в срок, но это обстоятельство в моих глазах не служит оправданием, так как в настоящем случае следовало отправляющихся на службу казаков снабдить шашками казаков льготного полка, а сим последним выдать шашки, ожидаемые к получению. Предлагаю тотчас по получении шашек с Златоустовского завода, выслать в полк 79 новых шашек взамен негодных и недостающих и принять меры, чтобы в будущем подобного случая отправления казаков с негодными шашками и вовсе без шашек, не повторялось». По Отношению Штаба Терского казачьего войска № 1513 от 18 июля 1895 года заказ был принят фабрикой заново, в этот раз войско заказало 3000 шашек. В 1895 году фабрика изготовила 1677 шашек, в 1896 году — оставшиеся 1323 шашки²¹. Стоимость шашки с рукоятью из бакаутового дерева в этом заказе составила 4 рубля 25 копеек²². Судя по изученным предметам, на клинках из этого заказа выбиты приемочные клейма фабрики в виде букв «П» в круге и «И».

---

²¹ АЗГО Ф. И-20 Оп. 1 Д. 136 Лл. 4 об, 5.

²² АЗГО Ф. И-20 Оп. 1 Д. 228 Л. 2.

В апреле 1897 года Войсковой штаб ТКВ заказал на Златоустовской фабрике 900 шашек с бакаутowymi рукоятями по цене 4 руб. 25 коп. за штуку. Шашки были изготовлены в том же году и отправлены по следующим местам назначения: 600 шт. — в г. Пятигорск Атаману Пятигорского отдела, 226 шт. — в г. Грозный Заведующему 2-м Кизляро-Гребенским полком, 74 шт. — в г. Владикавказ Атаману Сунженского отдела²³. Вероятно, на клинках из этого заказа выбиты клейма в виде букв «П» и «Ш».

Из сведений, содержащихся в отчетах об осмотре оружия, можно сделать вывод, что в 1890-х гг. у казаков некоторых сменных команд кинжалов с клинками златоустовского производства было очень мало или не было вовсе. В Приказе по ТКВ № 103 от 18 мая 1893 года упомянуто оружие казаков, прибывших на укомплектование конных полков Терской казачьей бригады. В частности, об оружии, осмотренном у эшелона 1-го Сунженско-Владикавказского полка, было сообщено следующее: «Шашки. Из числа 235 шашечных клинков оказалось Златоустовского завода новых — 190 и покупных разного изделия — 45. Портупей у всех из прочного хорошего ремня. Ножны к шашкам у большинства в металлической оправе, исправные. Кинжалы содержатся чисто; из 235 клинков 3 оказались Златоустовского завода, все остальные — работы местных мастеров: грузин, дагестанцев и чеченцев». В то же время у казаков из эшелона 1-го Кизляро-Гребенского полка оружие было признано значительно менее качественным: «Шашки. Из числа осмотренных 233 клинков оказалось: 113 штук новых, выписанных войском из Златоустовского завода; остальные разного изготовления — причем в числе их 34 годных и 86 неудовлетворительных; последние неотлагательно заменить новыми, выписав таковые из войскового оружейного склада. Портупей из хорошего ремня и почти у всех казаков новые. Кинжалов малогодных оказалось 92, которые также заменить из войскового оружейного склада. Пояса к кинжалам в хорошем виде». В упомянутом приказе обращает на себя внимание тот факт, что офицеры из комиссии, проводившей осмотр сменной команды 1-го Сунженско-Владикавказского полка, идентифицировали кинжалы производства мастеров разных национальностей. Можно предположить, что

---

²³ АЗГО Ф. И-20 Оп. 1 Д. 228 Лл. 8, 9, 9 об.

кинжалы, помимо некоторых характерных деталей отделки прибора, определялись по следующим известным внешним признакам клинков: грузинских мастеров — большая, по сравнению с другими, ширина и характерная структура долов (три дола с обеих сторон клинка и псевдо-долы на основании с лицевой стороны); дагестанских — один асимметричный дол с каждой стороны; чеченских — ромбического сечения или плоские, с двумя узкими центральными долами и широкой кромкой лезвия.

В контексте вопросов, связанных с заказами златоустовских клинков, необходимо упомянуть об изменениях в клеймении клинков казачьих шашек и кинжалов производства Златоустовской оружейной фабрики, произошедших в 1899 году. Распоряжением правительства № 26 от 14 апреля 1899 года «Об изменении порядка снабжения казачьих войска холодным оружием» (объявлено в Приказе по Военному ведомству 1899 года № 132) для своевременного снабжения казачьих войск (кроме Приамурских) доброкачественным холодным оружием устанавливались следующие правила:

«1) Казачье холодное оружие изготовлять на Златоустовской оружейной фабрике по заказам Главного Артиллерийского управления на основании Высочайше утвержденных 14 марта 1894 года временных правил для дачи и исполнения на казенных горных заводах нарядов Военного и Морского министерств.

2) Размер ежегодного наряда на это оружие определять по сведениям о количестве и образце его, доставляемым Главному Артиллерийскому Управлению Главным Управлением казачьих войск не позже 1 марта года, предшествующего тому, на который делается наряд.

3) Прием от Златоустовской фабрики казачьего оружия возложить на артиллерийского приемщика и двух при нем особых браковщиков.

4) За приемку этого оружия определить вознаграждение браковщикам по 360 руб. в год каждому и приемщику 600 руб. в год, а всего 1320 руб.

5) Сумму эту ежегодно разверстывать между казачьими войсками пропорционально их капиталам; определившиеся части включать в кредиты, ассигнуемые по войсковым расходным сметам на заготовку предметов об-

мундирования и снаряжения и обращать их в распоряжение Главного Артиллерийского Управления.

6) Доставку изготовленного казачьего холодного оружия к местам назначения производить на счет подлежащих войсковых казачьих капиталов распоряжением Златоустовской оружейной фабрики.

7) Расчеты с горным ведомством за изготовленное и доставленное оружие производить по исполнению заказов, непосредственно самим казачьим войскам из кредитов, испрашиваемых через Военный Совет Главным Управлением казачьих войск из подлежащих войсковых капиталов.

8) Расходы, произведенные из казачьих капиталов на уплату Златоустовской оружейной фабрике за изготовленное ею оружие, возмещать путем продажи его казакам по заводской цене»²⁴.

Таким образом, с 1899 года на клинки кинжалов и шашек обоих кавказских казачьих войск, изготовленные по заказам Главного Артиллерийского Управления Военного ведомства (далее ГАУ — *С.Т.*), ставилось клеймо артиллерийской приемки в виде двух букв, над одной из которых изображена корона.

Перечислим далее заказы на шашки и кинжалы златоустовского производства, сделанные ТКВ через ГАУ в конце XIX — начале XX века, а также упомянем о частных заказах на фабрике.

В декабре 1899 года ТКВ через Главное Управление казачьих войск и ГАУ инициировало заказ 500 шашек с бакаутowymi рукоятями по цене 4 руб. 25 коп. за штуку, который был окончательно согласован со Златоустовской фабрикой 21 марта 1900 года²⁵. Во второй половине 1900 года было изготовлено и отправлено следующее количество терских шашек (далее указаны дни отправки): 8 августа — 200 штук, 12 октября — 200 штук и 23 ноября — 100 штук²⁶. Также в 1900 году были изготовлены «кинжалы терского образца в кожаных ножнах» в количестве 325 штук по цене 4 руб. 85 коп. за кинжал²⁷.

---

²⁴ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 35. За 1899 год. Санкт-Петербург: 1900. С. 40-41.

²⁵ АЗГО Ф. И-20 Оп. 1 Д. 573 Лл. 2 об, 15, 16.

²⁶ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 330 Лл. 19, 34, 38.

²⁷ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 313 Лл. 5 об, 38 об, АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 280 Лл. 377 об, 378.

Судя по известным образцам, кинжалы из этого заказа были изготовлены с деревянными рукоятями, верхняя и нижняя шляпки заклепок которых имели цилиндрическую форму с полусферическим завершением и центральная — форму половины эллипса, и с металлическим прибором ножен, состоящим из наконечника небольшой длины и обоймицы, расположенной достаточно близко к устью²⁸.

На 1901 год ГАУ разместило на Златоустовской фабрике наряд на 580 терских шашек без ножен²⁹. Стоимость одной шашки в этот раз составила 4 руб. 30 коп., принятый заказ фабрика исполнила в срок: 100 шашек были изготовлены в феврале, 100 — в октябре, 380 — в декабре³⁰. В 1902 году войском был сделан заказ на 707 шашек по цене 4 руб. 35 коп. за штуку. Шашки из этого заказа были изготовлены и отправлены фабрикой только в ноябре 1903 года³¹.

В 1903 году ТКВ через ГАУ сделало заказ на 656 шашек, которые были изготовлены Златоустовской фабрикой в 1903-1904 гг. по цене 4 руб. 35 коп. за штуку. В декабре 1903 года по этому заказу было изготовлено 285 шашек, остаток в количестве 371 шашки был изготовлен и отправлен в январе 1904 года³². На клинках из этого заказа стоят клейма Младшего Артиллерийского приемщика Штабс-капитана В. Н. Деханова в виде заглавной буквы «Д» и той же буквы под короной, которому 26 ноября 1903 года передал свои обязанности Штабс-капитан А. К. Шокальский³³. Клейма последнего в виде буквы «Ш» и той же буквы под короной, судя по известным клинкам кинжалов и шашек Кубанского казачьего войска с датой в картуше с аббревиатурой фабрики, стоят на клинках, изготовленных в 1899-1903 гг.

---

²⁸ Кинжал ТКВ с ножнами, Златоуст, 1900 год. Государственный исторический музей (Москва), Инв. № Оп-2942/1-2. <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/1675344>, <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/1675328>

²⁹ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 307 Лл. 220, 233 об, 234.

³⁰ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 313 Лл. 117, 322 об, 361 об.

³¹ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 456 Л. 305 об, 306, 328 об.

³² АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 456 Л. 359 об; АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 534 Лл. 2 об, 3, 9, 29 об.

³³ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 465 Л. 116.

На 1904 год ГАУ разместило наряд на изготовление 540 терских шашек³⁴. Однако в «Сведении об исполнении срочных нарядов Военного ведомства по Златоустовскому заводу и фабрике в 1904 г.» указано, что эти шашки не были изготовлены «за изменением образца»³⁵. В итоге в 1905 году для ТКВ фабрикой было изготовлено 540 клинков уже по образцу клинка шашки Кавказских казачьих войск обр. 1904 года по цене 3 руб. 30 коп. за штуку³⁶.

С утверждением образцов шашки и кинжала Кавказских казачьих войск в 1904 году, объявленным в Приказе по Военному ведомству № 133 того же года, произошла унификация клинков, и общим для шашек обоих войск стал клинок «кубанского» образца, после чего ТКВ заказывало на Златоустовской оружейной фабрике шашечные клинки без рукоятей. Так, в 1908 году на 1909 год было заказано 200 клинков для Пятигорского и 100 для Кизлярского отделов ТКВ по цене 3 руб. 60 коп. за клинок. После доставки в отделы ТКВ к клинкам у местных мастеров заказывались рукояти. Стоимость одной роговой рукояти в эти годы составляла 1 руб. 30 коп. На изготовление рукоятей из рога буйвола по войсковой расходной смете ежегодно назначалась необходимая сумма. Изготовление ножен и портупей войском не оплачивалось³⁷. Помимо заказов, которые делались войском и ГАУ, частные заказы на казачьи клинки на Златоустовской фабрике размещали коммерсанты, продававшие оружие кавказским казакам, и сами казаки. Клинки, изготовленные по частным заказам, не проходили артиллерийскую приемку. На такие клинки с 1899 года, помимо клейм в виде букв «П» и «Ш», ставилось дополнительное клеймо в виде комбинации букв «Ч.З.» в круге (Илл. 18, 19) (Фролов 2009, 239). Количество клинков при заказах могло быть любым — от единиц до нескольких десятков. К примеру, в 1900 году Златоустовской фабрикой для одного из заказчиков были изготовлены и отправлены три шашечных клинка «терских солдатских с вытравлен[ными] буквами Т.К.В.», для другого — один шашечный «солдатский терский» клинок наряду с клинками других образцов.

---

³⁴ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1. Д. 534 Лл. 2 об, 380 об, 381.

³⁵ АЗГО Ф. И-18 Оп.1 Д. 468 Лл. 54 об, 55.

³⁶ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 583 Лл. 75 об, 76.

³⁷ ЦГА РСО-А Ф. 54 Оп. 5 Д. 5087 Лл. 19, 25, 25 об.

Цена этих клинков без рукоятей составляла 3 руб. 50 коп. за штуку³⁸. В документах фабрики относительно клинков шашек и кинжалов Терского и Кубанского казачьих войск регулярно встречается определение «солдатское», под которым, очевидно, подразумевается оружие с клинками стандартных образцов. Судя по изученным документам начала XX века, на фабрику периодически поступали частные заказы на клинки терского образца без травления с аббревиатурой войска. Таким образом, эти клинки могли быть смонтированы с эфесами шашек других моделей.

Обратим также внимание на следующую особенность — в Терской области практика частных заказов партий шашечных и кинжальных клинков златоустовского производства местными коммерсантами в конце XIX - начале XX века не имела такого широкого распространения, как в соседней Кубанской. В изученных документах фабрики этого периода, содержащих сведения об изготовленном и отправленном оружии, клинки ТКВ, изготовленные по частным заказам, встречаются редко. В то же время кубанские шашечные и кинжальные клинки заказывались десятками, в некоторых случаях — сотнями. Заказчиками партий клинков являлись как атаманы станиц Кубанского казачьего войска, так и владельцы магазинов по продаже обмундирования и вооружения для казаков. В частности, большое количество клинков регулярно заказывали владелец магазина «азиатских вещей» в Армавире Архип Петрович Давыдов³⁹ и один из самых крупных покупателей златоустовских клинков из Кубанской области — владелец магазина обмундирования в станице Уманской купец Давид Захарович Арутюнов⁴⁰.

Илл. 18. Шашка без ножен. Терская область, конец XIX - начало XX вв.
Клинок — Златоуст. Частное собрание.

³⁸ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 330 Лл. 36, 36 об.

³⁹ АЗГО Ф. И-20 Оп.1 Д. 575 Л. 39.

⁴⁰ Д. З. Арутюнов лично посетил Златоуст в 1888 году, после чего началось его длительное сотрудничество с фабрикой (АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 161 Л. 406).

Илл. 19. Шашка без ножен. Фрагмент.
Клеймо на клинке шашки.

Клинки, изготовленные по заказам Арутюнова, отличаются от других тем, что вместо картуша с аббревиатурой войска на них нанесен картуш с надписью «По заказу Д.З.А.» (По заказу Давида Захаровича Арутюнова — С.Т.)⁴¹. В городах и больших станицах Кубанской области, из которых поступали заказы на златоустовские клинки, работали мастера, занимавшиеся отделкой. Местное клинковое производство, сконцентрированное в Екатеринодаре, не могло обеспечить рынок необходимым количеством изделий. В Терской области мастерских по производству клинков было значительно больше, с конца XIX века они в основном были сконцентрированы во Владикавказе, частично — в населенных пунктах Грозненского округа. Заметим, что в начале 1890-х гг. владельцы так называемых «магазинов азиатских вещей» в Терской области еще заказывали клинки на Златоустовской фабрике. В частности, в начале 1890 года от Баяндурова и Бакрадзе из Владикавказа на фабрику поступил заказ на 30 шашечных «клинков казачьих высшего достоинства», 20 — «облегченных» и один «казачий кинжальный клинок для пробы». Заказ был выполнен к июлю, стоимость клинков составила, соответственно, 4 руб. 50 коп., 3 руб. 50 коп. и 5 руб. 50 коп. за штуку. В качестве клинков «высшего достоинства» фабрика поставила клинки кубанского образца «высокого полира», в качестве «облегченных» — клинки «из числа приготовленных облегченных для командира 1-го Хоперского полка (Кубанского казачьего войска — С.Т.)», в качестве кинжального — четырехдольный «высокого полира» с вызолоченным картушем⁴². В том же году фабрикой были изготовлены и отправлены 50 шашечных клинков терского об-

⁴¹ АЗГО Ф. И-18 Оп.1 Д. 386 Л. 34 об.

⁴² АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 231 Лл. 163-169.

разца с аббревиатурой войска «Т.К.В.» стоимостью 3 рубля за штуку по заказу Ивана Герасимовича Яралова из Моздока⁴³.

Параллельно с развитием клинкового производства во Владикавказе, происходившим в последнем десятилетии XIX века, частные заказы на партии златоустовских клинков от коммерсантов из Терской области прекратились. При этом на фабрику продолжали периодически поступать индивидуальные заказы от офицеров ТКВ.

Златоустовские украшенные клинки пользовались популярностью у офицеров Российской императорской армии. К началу XX века фабрика стала ежегодно рассылать рекламные прејскуранты на свои изделия, что привело к увеличению индивидуальных заказов (Окунцов 2011, 158). Не пренебрегали возможностью приобретать на уральской фабрике оружие, изготовленное по индивидуальным заказам, и офицеры ТКВ. В частности, в 1901 году по заказу Командира 2-й сотни 1-го Сунженско-Владикавказского полка были изготовлены один клинок «кинжальный литой стали пластунский»⁴⁴ за 2 руб. 80 коп., один клинок офицерский шашечный «кавказской формы» с рукоятью из рога буйвола за 10 рублей, один — той же формы с рукоятью из черного дерева за 7 руб. 25 коп., два офицерских шашечных клинка, изготовленных по одному присланному чертежу, по 4 руб. 50 коп. за штуку, один офицерский шашечный клинок, изготовленный по другому чертежу, за 4 руб. 50 коп.⁴⁵ Можно предположить, что предметы из подобных заказов приобретались несколькими офицерами, а в качестве заказчика, оформлявшего частный заказ на фабрике, выступал один из них.

В некоторых случаях, после объявления фабрикой цены на изделие в соответствии с индивидуальными пожеланиями заказчика, заказ не оформлялся. Так, 19 июля 1901 года Златоустовской фабрикой было получено письмо следующего содержания: «Не откажите сообщить, что будет стоить шашка, кавказского образца дамасской стали (сварочный булат), по возмож-

---

⁴³ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 231 Лл. 214, 216.

⁴⁴ В документах Златоустовской фабрики конца XIX — начала XX века «пластунскими», вероятно, названы кинжальные клинки длиной 39 см, «кавалерийскими» — стандартной длины 33 см.

⁴⁵ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 386 Л. 18.

ности легкая. Длина без ручки 77 сантиметров. Ручка вовнутрь ножен оленьего рога. Ножны крокодиловой кожи зеленого цвета или (в крайнем случае) коричневой шагрени. Пряжки на португее, наконечники и гайки на шашке и португее стальные с золотой насечкой. На клинке две буквы золотом (В.Б.). На ответ прилагаю почтовую марку. Адрес мой: Ольты Карсской области 1-го Горско-Моздокского полка Хорунжему Виктору Геденовичу Бычкову. Хорунжий Бычков 19 4/VII 01 м. Ольты». 10 августа фабрика отправила хорунжему предложение, в котором была указана стоимость шашки с указанными деталями отделки — 135 рублей, после чего дальнейшая переписка с обсуждением заказа прекратилась⁴⁶. Напомним, что в этот период стоимость шашки ТКВ с рукоятью составляла 4 руб. 30 коп. Отметим также, что индивидуальных заказов от терских офицеров на Златоустовскую фабрику поступало заметно меньше, чем от офицеров Донского и Кубанского казачьих войск, что, очевидно, связано с возможностью заказывать оружие во Владикавказе.

Шашки и кинжалы в произвольной отделке у кавказских казаков были фактически узаконены Высочайшим повелением от 24 апреля 1901 года (объявлено в Приказе по Военному ведомству 1901 года № 157), в котором император соизволил «казаков Кубанского и Терского казачьих войска не неволить иметь оружие казенного образца и, не стесняясь однообразностью его, разрешать казакам выходить на службу с доставшимися им от отцов и дедов шашками и кинжалами, лишь бы оружие это было годно в боевом отношении»⁴⁷.

Отметим, что «доставшиеся от отцов и дедов...» шашки и кинжалы действительно бытовали у терских казаков, но по понятным причинам их берегли и на действительную службу и лагерные сборы с такими предметами старались не являться, поэтому оружие с клинками XVIII века практически не нашло отражения в отчетах об осмотре. В начале XX века некоторые казаки, понимая ценность старинных клинков, особенно с жалованными надпи-

---

⁴⁶ АЗГО Ф. И-18 Оп. 1 Д. 353 Лл. 227 — 228 об.

⁴⁷ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 37. За 1901 год. СПб: 1902. С. 167.

сями середины XVIII века, дарили или продавали шашки с такими клинками в музеи. В частности, в 1902 году в дар Кавказскому Военно-историческому музею в Тифлисе была передана шашка с европейским клинком первой половины XVIII века, принадлежавшим предку дарителя — гребенскому казаку Прокофию Ларионову, с жалованной надписью 1754 года⁴⁸. Этот предмет хранится в Национальном музее Грузии и был изучен нами несколько лет назад. Клинок имеет структуру, характерную для европейских клинков этого семейства: от рукояти идут два широких дола, на некотором расстоянии верхний дол делится на три узких, на правой стороне клинка долы со стороны основания спилены и образована площадка, на которой вырезана надпись «БЖИЕЮ МЛТИЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ ПОЖАЛОВАЛИ СЕЮ САБЛЕЮ ГРЕБЕНСКАГО ВОЙСКА КАЗАКА ПРАКОФЬЯ ЛАРИОНОВА В ЗИМОВОЙ СТАНИЦЕ ПРИ ВОЙСКОВОМЪ АТАМАНЕ ИВАНЕ ИВАНОВЕ ЗА ЕВО ВЕРНУЮ И ПОКАЗАННУЮ СЛУЖБУ В САНКТПЕРБУРХЕ ЛЕТА 1754 ГОДУ ИЮНЯ ДНЯ». Основание клинка с левой стороны украшено изображением арматуры с перекрещенными копиями, алебардами и щитом в центре, выше и ниже арматуры расположены изображения элементов в виде зарослей с завитками. Клинок сильно укорочен — вероятно, боевой конец был обломан до узких долов и переточен. Рукоять изготовлена из двух роговых пластин, скрепленных с хвостовиком двумя заклепками. Судя по характерной для 1880-1900 гг. форме рукояти с достаточно крупной головкой и некоторым деталям отделки ножен, в том числе полосатой клеенчатой ткани в нижней части, клинок был «переодет» в конце XIX века. В Государственном Эрмитаже хранится шашка с ножнами (Инв. № В.О. — 3809), приобретенная в 1909 году у урядника 4-й Терской сотни Конвоя. Прибор шашки изготовлен из серебра, украшенного растительным орнаментом в технике гравировки и черни, с Санкт-Петербургскими пробирными клеймами, относящимися к периоду 1896-1908 гг., клинок — восточного происхождения XVII-XVIII вв. с жалованной надписью «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ ИМПЕРАТРИЦА И САМО-

---

⁴⁸ Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1907. С. 281.

ДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ ПОЖАЛОВАЛИ СЕЮ САБЛЕЮ ЗИМОВОЙ СТАНИЦЫ КАЗАКА ДМИТРЕЯ НИКИТИНА СНА ЧЕРЕДНИКОВА ЗА ЕВО ВЕРНЫЯ СЛУЖБЫ ПРИ АТАМАНЕ АНДРЕЕ ПЕРСИДСКОМЪ В САНКТЪ ПЕТЕРБУРХЕ 1760 ГОДУ ОКТЯБРЯ 13 ДНЯ». Судя по имени атамана, казак Чередников, пожалованный саблей, служил в Волжском войске, которое позже было переселено на Кавказ (Образцов, 2014, С. 291-292). Стоит добавить, что во Дворце Начальника Терской области и Наказного Атамана во Владикавказе в начале XX века хранились две сабли, пожалованные в 1756 году императрицей Елизаветой Первой казакам зимовой станицы, пять сабель, пожалованных императрицей Екатериной Второй (одна — сотнику, две — есаулам, две — казакам), и четыре старинных клинка. Все эти сабли были пожалованы и принадлежали казакам войск, из которых позже было сформировано Терское казачье войско (Караулов 1912, 383-384).

Необходимо подчеркнуть, что, как отмечалось выше, терские казаки в значительной степени формировали и поддерживали спрос на холодное оружие в регионе, что способствовало развитию местного производства. При работе над статьей мы столкнулись с интересным противоречием, связанным с проблемой вооружения казаков кинжалами надлежащего качества, которое возникло в середине 1890-х гг. Из-за большого количества кинжалов неудовлетворительного качества местного производства, которые комиссии, производившие осмотр новобранцев, признавали негодными, командование стремилось к вооружению казаков кинжалами с клинками златоустовского производства. Так, в Приказе по ТКВ № 225 от 25 сентября 1894 года по результату осмотра сменной команды 1-го Горско-Моздокского полка Атаману Пятигорского отдела предлагалось «неослабно продолжать распространять среди казаков служилого состава шашечные и кинжальные клинки Златоустовского завода, взамен клинков местного изготовления, которые, обходясь гораздо дороже, уступают по доброкачественности Златоустовским клинкам». В контексте этого несколько курьезным выглядит объяснение причины отсутствия заказов кинжальных клинков златоустовского производства из Приказания по ТКВ № 73 от 12 ноября того же 1894 года, в котором содер-

жится противоположная информация о цене кинжалов местного производства: «Что же касается до кинжальных клинков, то они не выписываются вследствие того, что казаки могут приобретать их во всякое время у частных мастеров Терской области довольно хорошего качества и сравнительно дешевле изготовленных Златоустовской фабрикой». Таким образом, вероятно, середина 1890-х гг. стала тем рубежом, после которого местные производители, принимая условия сложившегося рынка, смогли снизить цены на кинжалы для казаков, стараясь при этом поддерживать качество клинков на уровне, соответствующем требованиям комиссий, осматривающих сменные команды полков первой очереди. Именно к концу последнего десятилетия XIX века основным центром производства казачьего холодного оружия в регионе становится Владикавказ, где было сконцентрировано наибольшее количество оружейных и ювелирных мастерских Терской области.

Перед тем как перейти к рассмотрению вопросов, связанных с клинками владикавказского производства, заметим, что при изучении холодного оружия терских казаков необходимо отдельно выделить кинжалы чеченских мастеров, которые были достаточно распространены среди казаков до начала 1900-х гг., когда владикавказские мастерские смогли наладить массовое производство четырехдольных кинжальных клинков надлежащего качества для казаков-новобранцев и клинков произвольного вида. Кинжалы производства чеченских мастеров в произвольной отделке занимали значительную долю рынка холодного оружия в Терской области и, судя по известным фотографиям, на которых видны характерные детали отделки, пользовались спросом у казаков ТКВ. Станицы Кизлярского, Моздокского и Сунженского отделов ТКВ граничили с Грозненским округом, в который входили чеченские селения, где изготавливалось холодное оружие, в том числе и известный центр клинкового производства — аул Старые Атаги. Таким образом, для изделий чеченских мастеров был обеспечен дополнительный стабильный рынок сбыта. Возможно, именно непосредственным соседством с потребителями продукции можно объяснить то, что среди чеченских клинчоников практика отходничества не получила такого распространения, как у мастеров из центральных районов Дагестана, которые в 1890-е гг. заняли значительную долю

рынка производства холодного оружия во Владикавказе. Также на развитие чеченского производства в последней четверти XIX века оказала влияние доступность сырья из ремонтных мастерских Владикавказской железной дороги, построенной в 1875 году. Заметим, что среди прочих в Приказах по ТКВ № 103 от 18 мая 1893 года и № 317 от 15 декабря 1894 года, к которым мы обращались выше, отдельно упомянуты шашки и кинжалы с клинками чеченских мастеров. В исследуемый период стабильный спрос на клинки, сформированный казачеством, во многом способствовал сохранению и развитию оружейного производства в регионе, так как Правилами ношения оружия туземцами в пределах Терской области от 17 октября 1882 года, подтвержденными приказом по области от 28 марта 1891 года, было установлено, что «в пределах всей Терской области туземцам воспрещается появляться с оружием, как огнестрельным, так и холодным: в городах, окружных центрах, ставках приставов, в штаб-квартирах, укреплениях, станицах, поселках, колониях, слободках, равно на почтовых дорогах»⁴⁹. Исключение допускалось только в отношении лиц, состоящих на действительной службе, офицеров, числящихся по армии, и местной милиции, в том числе на действительной службе не состоящих, и лиц, которым при особом доверии к ним Начальником округа было выдано персональное разрешение (свидетельство) на ношение оружия⁵⁰. В соответствии с теми же Правилами оружие у нарушителей должно было безвозвратно отбираться и обращаться в лом, который продавался в пользу Горских штрафных сумм — специальных фондов, средства из которых шли на финансирование нужд горского населения.

Меры ограничительного и запретительного характера, принимаемые администрацией области для обеспечения безопасности, оказывали влияние на объем и характер спроса на холодное оружие в регионе, что сказывалось и на конъюнктуре рынка. Из-за политических и социальных изменений, произошедших в регионе после окончания Кавказской войны, необходимость во владении шашками у жителей Терской области отпала, и спрос на шашечные клинки местного производства значительно сократился. В целом горский

---

⁴⁹ Терский календарь на 1892 год, Книга 1-я, Отд. III. Владикавказ, 1891. С. 131-132.

⁵⁰ Там же, 132.

спрос на холодное оружие в исследуемый период можно разделить на военно-административный и внутренний; первый формировался горцами, служившими в Российской императорской армии и иррегулярных подразделениях, а также в местных административных структурах, второй — жителями населенных пунктов Терской области, не связанными со службой. В отличие от военно-административного, внутренний горский спрос был ограничен только кинжалами, которые являлись традиционным дополнением к мужскому костюму.

Добавим также, что вышеупомянутые меры не оказывали существенного влияния на внутренний горский спрос, так как в последние два десятилетия XIX века в регионе имел место значительный экономический рост и, как следствие, улучшение материального благополучия населения. Подчеркнем, что с начала 1880-х гг. основной спрос на шашечные клинки поддерживался кавказским казачеством, офицерами полков Российской императорской армии, приобретающими шашки в произвольной отделке, конструктивно схожие с офицерскими шашками Нижегородского драгунского полка, чинами местной милиции и национальных кавказских подразделений, таких как Дагестанский конный полк и Осетинский конный дивизион. Другими словами, носить шашку в этот период могли только те подданные Российской империи, которые служили государству.

Показательным примером изменений под влиянием экономических факторов является переезд мастера-клиночника Чиллы Муртазалиева из чеченского селения Старый-Юрт (совр. Толстой-Юрт, Грозненский район, Чеченская Республика — *С.Т.*) во Владикавказ около 1890 года, где клинки его производства, несмотря на высокую цену, пользовались популярностью, в том числе среди казачьих офицеров (Аствацатурян 2004, 161). Мастерская Муртазалиевых, работавшая под именем «ЧИЛЛА», также принимала заказы на партии клинков для казаков, которые от других клинков этой мастерской отличаются тем, что клеймо на них не вырезано, а нанесено ударом. Кинжалы с клинками чеченского производства, изготовленными мелкими партиями для казаков, отличаются более простой отделкой клинков, в том числе отсутствием традиционных надписей и клейм, а также нехарактерной для чечен-

ских кинжалов формой головки рукояти и шляпок заклепок⁵¹ — для рукоятей казачьих кинжалов чеченского производства характерны рукояти из двух пластин рога с головкой трапециевидной формы, закругленной сверху, и шляпки заклепок пулевидной формы небольшого размера.

Исследователем чеченского оружия И. А.-Р. Асхабовым в ходе этнографической экспедиции была собрана информация о том, что для ТКВ выполняли заказы клинчники Саид Рашидов и его сын Махмад из аула Джигурта Грозненского округа⁵² (совр. село Джугурты, Курчалоевский район, Чеченская Республика — *С.Т.*) (Асхабов 2001, 140-145). В одной из частных коллекций хранится такой кинжал с клинком, имеющим характерные внешние признаки производства мастеров из семьи Рашидовых, но без традиционных клейм в виде кувшинчиков и надписей религиозного содержания (Аствацатурян 2004, 164). Форма головки рукояти и пулевидные шляпки заклепок имеют заметное сходство с теми же деталями на казачьих кинжалах. Для сравнения формы и деталей рукояти мы показываем этот предмет рядом с кинжалом производства мастерской Гузунова (Илл. 20, 21).

Рассмотрим далее ряд источников, связанных с производством оружия для казаков мастерскими, работавшими в административном центре Терской области в конце XIX — начале XX века. Этот период сопровождался экономическим ростом в регионе, что привело к значительному увеличению численности населения Владикавказа, динамику которого наглядно демонстрирует статистика: в 1888 году численность населения города составляла 36 961 человек, в 1895 — 46 531, в 1906 — 59 973, в 1915 — 76 983 (Торчинов, 1999, С. 35). Таким образом, за 27 лет численность населения в городе увеличилась больше, чем в два раза, а с 1895 по 1906 год — больше, чем на четверть.

---

⁵¹ У кинжалов производства чеченских мастеров, изготовленных в начале XX века для продажи на местном рынке, головка рукояти часто имеет форму арки с выступами, шляпки заклепок — форму граненого конуса, сами рукояти изготовлены из цельного куска рога.

⁵² До 1888 г. и после 1905 г. аул Джигурта входил в состав Веденского округа Терской области.

Илл. 20. Кинжал без ножен, Владикавказ.
Конец XIX - начало XX вв.
Кинжал с ножнами, Грозненский округ.
Конец XIX - начало XX вв.
Частное собрание.

Илл. 21.
Шляпки заклепок на рукоятях кинжалов.

Среди владикавказских производителей особого внимания в контексте исследования холодного оружия терских казаков заслуживает мастерская Гузуна Гузунова⁵³ — выходца из лакского селения Кази-Кумух. Помимо изготовления и продажи украшенного оружия, эта мастерская специализировалась на производстве серийных изделий для кавказских казаков и других заказчиков, которым требовались партии серийных изделий. Известно изображение обложки прейскуранта Гузунова, надпись на которой гласит: «Прейскурант магазина и мастерской поставщика Терских казачьих войск шашек и кинжалов...» (Аствацатурян 2004, 127). Судя по исследованным документам, в начале XX века мастерская Гузунова действительно являлась основным местным производителем холодного оружия для ТКВ. Из приведенного ниже текста Приказа по ТКВ № 409 от 19 октября 1905 года можно сделать вывод об особом статусе мастерской Гузуна Гузунова в этот период: «Из актов комиссий, осматривающих эшелоны молодых казаков, командируемых на укомплектование первоочередных полков, нередко усматривается, что в числе других вещей много бракуется кинжалов, представляющих немалую ценность для казака. Это нежелательное явление происходит, нужно полагать оттого, что кинжалы заказываются иногда лицам, не имеющим ничего общего с кинжальным мастерством, как например, поставщикам обмундирования и конского снаряжения эшелонов. Между тем в Приказании по Терскому казачьему войску 1900 года за № 7 рекомендовались кинжалы Владикавказского мастера Гузуна Гузунова, образцы которых были одобрены образованной при Войсковом Штабе комиссией и затем разосланы атаманам отделов для руководства в отношении определения по ним вообще качеств клинков. Названный мастер обязался отпускать кинжалы установленных образцов по 2 руб. 60 коп. за экземпляр. В настоящее время, как видно из поступившего ко мне заявления Гузунова, среди мелких Владикавказских кустарей появилось много кинжальных мастеров, сбывающих свои плохие изделия с клей-

---

⁵³ Обладая всеми соответствующими признаками, предприятие Гузунова фактически являлось централизованной мануфактурой (в рекламных объявлениях предприятия встречается даже слово «Фабрика»). Определение «мастерская» используется нами в статье в качестве традиционно сложившегося названия предприятий кавказских мастеров.

мом Гузунова, подрывая таким образом достоинство фирмы названного мастера. Принимая во внимание, что высокие качества кинжалов мастера Гузунова известны мне лично, я, в интересах обеспечения казаков вполне годным для службы оружием, рекомендую атаманам отделов и командующим полками изделия Гузунова, как вполне добросовестного и знающего свое дело мастера. Подписал: Временно исполняющий должность Наказного Атамана Генерал-Майор Ржевуский». Очевидно, заказ упомянутых в приказе кинжалов был инициирован войском вследствие исполнения правительственного распоряжения № 204 от 10 декабря 1899 года, согласно которому Военный совет постановил дополнить объявленные в Приказе по Военному ведомству 1899 года № 132 Правила о порядке снабжения казачьих войск (кроме Приамурских) холодным оружием статьей № 9 следующего содержания: «Казакам Кавказских казачьих войск предоставляется право иметь на вооружении кинжалы местного производства при том условии, чтобы таковые соответствовали утвержденному подлежащим наказным атаманом образцу», о чем также было объявлено в Приказе по Военному ведомству 1900 года № 7⁵⁴.

Судя по изученным предметам, можно предположить, что кинжалы, рекомендованные в качестве образцовых, имели четырехдольный клинок с битыми клеймами с аббревиатурой войска и кратким названием мастерской (Илл. 22), рукоять с головкой трапецевидной формы, закругленной сверху, состоящую из двух роговых пластин, скрепленных с хвостовиком тремя заклепками с шляпками, имеющими пулевидную форму, и ножны, покрытые кожей черного цвета, с обоймицей и

Илл. 22.
Клейма с аббревиатурой войска и кратким названием мастерской на клинке кинжала.

⁵⁴ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 35. За 1899 год. Санкт-Петербург: 1900. С. 263.

наконечником из железа⁵⁵. Кинжалы с перечисленными внешними признаками изготавливались мастерами Терской области и ранее, и, очевидно, образцы, представленные Гузуновым в 1900 году, были разработаны на основе одного из распространенных на тот момент вариантов отделки казачьих кинжалов. Заметим, что предложенная Гузуновым цена за готовый кинжал (2 руб. 60 коп.) была существенно ниже цены кинжала в ножнах златоустовского производства (4 руб. 85 коп.) и даже ниже цены златоустовского кинжального клинка без рукояти (2 руб. 80 коп.). Таким образом, владикавказское производство смогло выиграть в конкурентной борьбе с уральской фабрикой, и местная продукция в первые годы XX века заняла практически весь рынок кинжалов для казаков ТКВ. Добавим, что производственные мощности мастерской Гузунова позволяли ее владельцам находить потребителей продукции и за пределами Терской области. Так, в 1901 году Кубанским казачьим войском было приобретено 330 кинжальных клинков гузуновского производства по цене 1 руб. 75 коп. за штуку (Фролов 2009, 266). Известны кинжалы, изготовленные этой мастерской для чинов Бакинской городской полиции (Илл. 23).

Илл. 23. Кинжал с ножнами. Владикавказ, конец XIX - начало XX вв.
Частное собрание.

⁵⁵ Изображение кинжала без ножен производства мастерской Гузунова с перечисленными признаками опубликовано выше (Илл. 20, 21). На казачьих кинжалах исследуемого периода также были распространены рукояти с головкой формы шлемовидного купола, традиционной для производства дагестанских мастеров.

Помимо четырехдольных встречаются (реже) и трехдольные клинки со схожей геометрией и площадкой на основании с битым клеймом «ГУЗУНОВЪ» в рамке, с битым клеймом «ГУЗУНОВЪ» с птичками по краям, а также с картушами, нанесенными травлением, с аббревиатурой войска «Т.К.В.» и стилизованным изображением герба и кратким названием мастерской «ГУЗУНОВЪ». Можно предположить, что эти клинки с тремя долами изготовлены до 1900 года. Известны клинки производства той же мастерской с клеймом «ГУЗУНЪ» в рамке, в том числе и казачьи четырехдольные, с аббревиатурой войска⁵⁶. Помимо казачьих кинжалов производства мастерской Гузунова нам встречались кинжалы со следующими клеймами на четырехдольных клинках: «М.АБАКАРОВЪ» и «Т.К.В.» (Илл. 24, 25), «ОСМАНЪ» и «Т.К.В.», «ИССА.ГАМ.» (сокращенная форма имени и фамилии мастера Исы Гамадова — *С.Т.*) без клейма с аббревиатурой войска, «Н.АВАНЕСОВЪ» и «Т.К.В.», «МАГОМЕТЪ» и «ТЕР.КАЗ.ВОЙСК.» (также известны клинки с клеймом «ТЕР.КАЗ.ВОЙСК.» без клейма с именем мастера, вероятно, изготовленные в той же мастерской) (Илл. 26, 27).

Илл. 24.
Клеймо с аббревиатурой войска на клинке кинжала.

Илл. 25.
Кинжал без ножен.
Терская область.
Конец XIX - начало XX вв.
Частное собрание.

⁵⁶ На клинках производства мастерской Гузунова встречаются два варианта битых клейм с аббревиатурой «Т.К.В.» (оба — в прямоугольной рамке со слегка закругленными углами). Первый вариант — с прописными (заглавными) буквами, второй — с буквами в готическом стиле.

Илл. 26.

Клеймо с сокращенным названием войска.

Заметим, что клейма с аббревиатурой войска на клинках производства разных мастерских отличаются формой и шрифтом букв — этот факт, на наш взгляд, опровергает бытующее среди некоторых исследователей и коллекционеров предположение о том, что клеймо «Т.К.В.» наносилось в Войсковой оружейной мастерской при приемке изделий.

Судя по отчетам и актам комиссий, производящих осмотр сменных команд в начале 1900-х гг., мастерская Гузунова сумела наладить серийное производство кинжальных клинков надлежащего качества, существенно потеснив продукцию конкурентов. В акте комиссии, осмотревшей казаков, командированных на укомплектование 1-го Кизляр-Гребенского полка, приложенном к Приказу по ТКВ № 152 от 9 мая 1901 года, сообщалось, что «на смотре молодые казаки большей частью имели кинжалы изделия частных мастеров — кинжалы эти оказались негодными и были заменены годными изделиями (производства — С.Т.) мастера Гузунова». Спустя два года, у 252 казаков сменной команды, следовавшей на укомплектование того же полка, большинство кинжалов уже было «изделия мастера Гузунова», о чем сообщалось в отчете, приложенном к Приказу по ТКВ № 362 от 24 октября 1903 года.

Илл. 27.
Кинжал без ножен.
Терская область.
Конец XIX - начало XX вв.
Частное собрание.

Кустарный характер производства не позволял кавказским производителям клинков поддерживать стабильность качества своих изделий, особенно при изготовлении массовой продукции. В контексте Приказа по ТКВ № 409 от 19 октября 1905 года, в котором отмечается высокое качество кинжалов производства Гузунова, вызывает удивление информация из отчета об осмотре сменной команды, следовавшей на укомплектование 1-го Волгского полка, упомянутого в Приказе по ТКВ № 93 от 10 марта того же 1905 года: «...строевое имущество в общем хорошо, за исключением поставленных мастером Гузуновым кинжалов, из которых 200 штук забраковано, как изготовленные не по образцу и плохого качества». Были ли эти кинжалы действительно изготовлены мастерской Гузунова, или комиссия, производившая осмотр оружия казаков, столкнулась с поддельными клинками, неизвестно. Учитывая дату приказа, можно также предположить, что под определением «изготовленные не по образцу» подразумевалось несоответствие внешнего вида отделки кинжалов образцу 1904 года. Судя по изученным предметам, после 1904 года мастерская Гузунова изготавливала кинжалы с мельхиоровым прибором в соответствии с образцом Кавказских казачьих войск. При этом на клинки по-прежнему ударом наносились клейма в рамке с аббревиатурой войска «Т.К.В.» и кратким названием мастерской «ГУЗУНОВЪ». Детали отделки прибора некоторых кинжалов имеют небольшие отличия от деталей кубанского производства: завершение наконечника имеет форму, характерную для кинжалов мастеров Терской области, обоймица не припаяна по бокам устья, а представляет собой деталь, полностью опоясывающую устье. Головка рукояти на кинжалах производства мастерской Гузунова, по сравнению с кубанскими, имеет меньшую длину и более выраженную трапециевидную форму (Илл. 28). Также не исключено, что на некоторых кинжалах в простой оправе прибор был заменен на мельхиоровый после утверждения образца кинжала Кавказских казачьих войск в 1904 году.

Заметим, что в Приказе по ТКВ № 409 от 19 октября 1905 года также были упомянуты кинжалы неудовлетворительного качества, которые заказывались поставщикам обмундирования и конского снаряжения эшелонов сменных команд. Одним из поставщиков снаряжения был магазин Алек-

сандра Аванесова, располагавшийся в доме Татузова на Соборной площади в г. Владикавказе (Илл. 29). Вероятно, с ним связана известная группа кинжалов с клеймами на клинках в виде литер на погоны офицеров Волгского и Горско-Моздокского полков ТКВ «В» и «Г-М»⁵⁷, на вопросах атрибуции которых мы остановимся подробнее. В Акте об осмотре эшелона казаков, командированных в феврале 1900 года от Пятигорского отдела на укомплектование 1-го Волгского полка, приложенном к Приказу по ТКВ № 79 от 18 марта 1900 года, сообщалось следующее: «Все шашечные клинки Златоустовского завода, ножны и портупей к ним вполне хорошие. Осмотренные кинжальные клинки оказались разные. 100 клинков, с клеймом «В», доставленные купцом Ованесовым, 46 клинков, доставленные Владикавказским купцом Гузуновым, 30 клинков с клеймом «Т.К.В.», 3 клинка с клеймом «К.К.В.» и 6 клинков вовсе без клейма. На мой взгляд, из всех кинжальных клинков годны только 79, с клеймом «Т.К.В.» и «К.К.В.» и доставленные купцом Гузуновым. Все остальные гнутся и не выпрямляются. Как кинжалы, так и шашки не отточены».

Илл. 28.

Кинжал с ножнами. Терская область, начало XX в.
Частное собрание.

⁵⁷ ПСЗРИ-2, 1876, т. 49 (3), л. 114.

Илл. 29. Рекламное объявление. Терский календарь на 1902 год.
Выпуск № 11. Владикавказ, 1901 год.

В изученных приказах по ТКВ конца XIX — начала XX века встречаются оба варианта написания фамилии поставщика: Аванесов и Ованесов, и, очевидно, речь в них идет об одном и том же человеке. Из текста акта следует, что клинки с клеймом «В» оказались невысокого качества. Вероятно, речь идет об известных однодольных клинках с битыми клеймами в виде прописной буквы «В» с лицевой стороны клинка и монограммы «НА» с оборотной⁵⁸. Клинки с такой же структурой долов и геометрией известны и с клеймами «Г-М» и «НА» (Филиппов 2016, 216-217). В контексте этого представляет интерес информация, содержащаяся в Отчете об осмотре молодых

⁵⁸ Кинжал с ножнами, Терская область, конец XIX - начало XX века. На клинке выбиты клейма в виде буквы «В» и монограммы «НА». Muzeum Narodowe w Krakowie (Краков, Польша), инв. № V-1845/1-2. <https://zbiory.mnk.pl/pl/wyniki-wyszukiwania/katalog/434006> (по состоянию на март 2023 г. недоступно с IP-адресов из РФ).

казаков, командированных в феврале 1902 года от Волгского полкового округа на укомплектование 1-го Волгского полка, копия которого была объявлена в Приказе по ТКВ № 146 от 26 апреля 1902 года: «Из числа кинжалов, изготовленных Владикавказским мастером Аванесовым, много клинков гнется, а потому таковые значительно уступают по качеству своему клинкам, изготовленным мастером Гузуновым. Клинки эти, по заявлению Заведующего 2-м Волгским полком, были поставлены Аванесовым для казаков Волгского и Горско-Моздокского полковых округов, передававшихся в первоочередные полки несколько лет тому назад, от которых затем по окончании ими службы перешли к молодым казакам, передаваемым на укомплектование полков в настоящем году». С учетом того, что срок службы казаков в полках первой очереди составлял четыре года, можно предположить, что клинки Аванесовым первым сменным командам были поставлены к началу 1898 года. Это предположение также косвенно подтверждается информацией из акта об осмотре казаков, следовавших на укомплектование 1-го Волгского полка, приложенного к Приказу по ТКВ № 61 от 19 марта 1898 года: «Все осмотренные кинжалы оказались довольно однообразными и вполне удовлетворительного качества; значительное большинство их было приобретено распоряжением Атамана отдела у Кавказских мастеров, по цене в 2 руб. 50 коп. за экземпляр».

Помимо упоминания о невысоком качестве многих клинков производства Аванесова, интерес представляет факт смены владельцев оружия — кинжалы после возвращения казаков со службы в полках первой очереди были переданы казакам новой сменной команды. Заметим, что во время осмотра оружия новобранцев клинки их шашек и кинжалов должны были быть отточены, и у большей части изученных нами однодольных клинков с клеймами «В» и «Г-М» присутствуют следы от многократной заточки. Помимо клинков с клеймами «Г-М» и «НА» (Илл. 30, 31) нам встречался кинжал с клеймами «Г-М» и «ОСМАНЪ» также на однодольном клинке. Коллекционерами и исследователями казачьего оружия высказывались различные версии расшифровки монограммы «НА». Некоторые предполагали, что это изображение вензеля императора или цесаревича. Однако, сопоставив содержание и даты

упомянутых выше приказов с известными кинжалами с однодольными клинками с клеймами «В» и «Г-М», мы считаем допустимым сделать предположение о том, что «НА» — это монограмма с инициалами мастера. У читателя может возникнуть закономерный вопрос о правомерности такого предположения, так как выше мы привели изображение рекламного объявления, в котором указано имя владельца магазина обмундирования, снаряжения и оружия Аванесова — Александр. Однако известны кинжалы с четырехдольными клинками и битыми клеймами «Н.АВАНЕСОВЪ» в прямоугольной рамке и «Т.К.В.» (Илл. 32, 33). Таким образом, мы знаем о существовании мастера Аванесова, начальные буквы имени и фамилии которого совпадают с буквами в клейме «НА», и который, вероятно, был родственником владельца магазина. Остается вопрос, почему на клинки с клеймами «Г-М» и «В» мастер ставил клеймо в виде монограммы, а не начальной буквы имени и фамилии полностью. Надеемся, что в будущем нам удастся обнаружить дополнительные источники, которые подтвердят или опровергнут наше предположение. Независимо от расшифровки монограммы «НА», на основе сопоставления информации из изученных приказов с известными предметами, с большой долей вероятности можно утверждать, что клинки с этим клеймом были поставлены для казаков сменных команд 1-го Горско-Моздокского и 1-го Волгского полков ТКВ именно Аванесовым.

Илл. 30.

Кинжал без ножен. Терская область, конец XIX - начало XX вв.
Национальный музей Республики Северная Осетия-Алания (с).
Инв. № КМСО 9582.

Илл. 31.

Кинжал без ножен. Фрагмент.
Клеймо на клинке кинжала.
Национальный музей Республики
Северная Осетия-Алания (с).
Инв. № КМСО 9582.

Вероятно, после 1900 года, когда атаманам отделов были разосланы образцовые клинки производства Гузунова, о которых мы упоминали выше, Аванесов и другие мастера стали изготавливать для казаков Горско-Моздокского полкового округа четырехдольные клинки, на которые вместо клейма с аббревиатурой войска ставилось клеймо «Г-М». Нам известны кинжалы с че-

тырехдольными клинками с клеймом «Г-М» и клеймами с кратким названием мастерских «М.МАГОМАДОВЪ» в рамке и «ИСМАИЛЬ» (Илл. 34, 35), но чаще других такие клинки встречаются с тем же клеймом «НА». Не исключено, что в будущем станут известны клинки с клеймом «Г-М» производства других мастерских, работавших в Терской области. В Акте комиссии об осмотре эшелона молодых казаков, следовавших на укомплектование 1-го Горско-Моздокского полка, объявленном в Приказе по ТКВ № 347 от 25 октября 1902 года, сообщалось, что «кинжальные клинки большей частью изготовления частных мастеров, приняты и заклеены полком перед выдачей их казакам...». Можно предположить, что в тексте акта идет речь о клеймении клинков описанным выше клеймом «Г-М». Вопрос технического характера о том, можно ли было на готовые закаленные клинки наносить ударом клейма такой глубины, которую мы видим на известных образцах, или в отдел поставлялись клинки с уже выбитыми клеймами, оставим за рамками нашего исследования, так как при обращении за консультацией к современным кузнецам мы столкнулись с прямо противоположными мнениями относительно возможности такой операции. Несмотря на заметное сходство клейм «Г-М» на клинках производства разных мастеров (при некоторых не-

больших отличиях), которое может косвенно указывать на централизованное клеймение, дать аргументированный ответ на вопрос о месте, где производилось клеймение, без источников надлежащей степени достаточности и достоверности не представляется нам возможным.

Добавим, что упоминания о кинжальных клинках производства Аванесова встретились нам в приказах периода рубежа XIX-XX вв., на который, вероятно, пришлась наибольшая деловая активность этого мастера. В Акте об осмотре эшелона из 204 молодых казаков, отправленных в сентябре 1905 года на укомплектование 1-го Горско-Моздокского полка, копия которого была объявлена в Приказе по ТКВ № 382 от 27 сентября 1905 года, сообщается следующее:

Илл. 32.
Кинжал с ножнами. Кавказский край.
Фрагмент.
Клеймо с кратким названием мастерской
на клинке кинжала.

Илл. 33.
Кинжал с ножнами.
Кавказский край.
Клинок — Терская область.
Начало XX века.
Частное собрание.

Илл. 34. Кинжал без ножен, Терская область.
Фрагмент. Клеймо на клинке кинжала.
Ставропольский государственный музей-заповедник
имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Паве (с).
Инв. № 11617.

«Кинжалы: большинство клинков изготовления мастера Аванесова удовлетворительны, но по качеству значительно уступают войсковым клинкам изготовления Златоустовского завода. У 25 казаков кинжальные клинки изготовления различных мастеров Северного Кавказа, железные и к службе негодны».

Примечательно, что в акте комиссии, осмотревшей обмундирование, снаряжение и оружие сменной команды, следовавшей на укомплектование 1-го Горско-Моздокского полка в 1906 году, приложенном к Приказу по ТКВ № 550 от 22 декабря 1906 года, сообщалось, что у казаков были «кинжалы изготовления частных Владикавказских мастеров войскового заказа, отточенных очень мало». Судя по использованному в акте определению «войскового заказа», у этих кинжалов были клинки с битым клеймом с аббревиатурой войска «Т.К.В.». Таким образом, можно предположить, что клинки с клеймом «Г-М» в середине 1900-х гг. атаманом Моздокского отдела уже не заказывались.

Илл. 35.

Кинжал без ножен. Терская область, конец XIX - начало XX вв.
Ставропольский государственный музей-заповедник имени
Г. Н. Прозрителева и Г. К. Паве (с).
Инв. № 11617.

Обратим внимание, что, судя по информации из упомянутого выше Акта, приложенного к Приказу по ТКВ № 79 от 18 марта 1900 года, еще до 1904 года, когда были утверждены общие для Кавказских казачьих войск образцы шашки и кинжала с аббревиатурой «К.К.В.» в картуше на клинках, у терских казаков встречались кинжалы с клеймами «К.К.В.». Под термином «клеймо» в упомянутом Акте, возможно, подразумевается не только клеймо, нанесенное ударом, но и картуши, нанесенные травлением. В пользу этого предположения говорит то, что в тексте не уточнено наличие клейм на клинках производства Гузунова, на которых с большой вероятностью могли быть выбиты клейма с аббревиатурой войска «Т.К.В.». Можно предположить, что в данном случае речь идет о кинжальных клинках златоустовского производства со стандартными картушами с аббревиатурами «К.К.В.» и «Т.К.В.».

Отметим, что, судя по изученным отчетам из приказов по ТКВ, ко второй половине 1900-х гг. у казаков, командированных на пополнение полков и батарей, по сравнению с предыдущим десятилетием увеличилась доля шашек с клинками производства местных мастеров, изготовленными по образцу клинка шашки Кавказских казачьих войск 1904 года. В некоторых случаях у казаков сменных команд все шашки были местного производства, при этом подавляющее большинство их было с клинками производства мастерской Гузунова. Так, в отчете, приложенном к Приказу по ТКВ № 516 от 8 ноября 1907 года, упомянуто оружие, осмотренное у молодых казаков, прибывших 1 октября на укомплектование 2-й Терской казачьей батареи: «Шашечных клинков 34, из них 31 войсковые — работы мастера Гузунова и 3 азиатского изготовления. Все шашки отточенные и хорошо содержаны. Кинжальных клинков — 34, из них 29 войсковые, 4 азиатского производства и 1 по негодности забракован. Кинжалы по качеству, отточке и содержанию удовлетворительны». Под определением «войсковые» применительно к шашкам здесь, вероятно, подразумеваются клинки, структура долов и геометрия которых соответствовали клинку шашки Кавказских казачьих войск обр. 1904 года, с клеймом с аббревиатурой войска. Обратим внимание, что клинки шашек произвольного вида владикавказского производства отличались от изготовленных для казаков сменных команд по образцу 1904 года структурой долов

и геометрией. Для произвольных клинков характерны большой изгиб и структура с двумя широкими долами (один из которых (верхний) на некотором расстоянии от рукояти делится на два узких) или с одним широким и двумя узкими долами (Илл. 36).

При производстве казачьих клинков с двумя узкими долами вдоль обуха и небольшим изгибом местным мастерам не всегда удавалось изготовить изделия с надлежащим весом и балансом. Возможно, с такими клинками производства владикавказской мастерской Османа Омарова столкнулась комиссия, осмотревшая гвардейскую сменную команду и отметившая, что среди шашек было «четыре Османовских прямых, плохого отвеса», о чем было сообщено в акте, приложенном к Приказу по ТКВ № 331 от 12 августа 1906 года.

Значительное количество шашек производства местных мастеров находящихся у казаков сменных команд в некоторые годы было связано в том числе и с тем, что после того, как заказы на клинки отправлялись на Златоустовскую фабрику, ТКВ сталкивалось с ситуацией, когда атаманы отделов получали сведения от станичных атаманов о необходимости дополнительного снабжения казаков шашками.

Илл. 36.

Шашки с ножами.

Владикавказ, конец XIX - начало XX вв.

Частное собрание.

В этом случае атаманы отделов обращались к мастерам, работавшим в Терской области. В мае 1909 года атаман Пятигорского отдела, ожидавший заказанные в 1908 году 200 златоустовских клинков, просил уведомить Войсковой штаб, «не встретится ли со стороны Наказного Атамана препятствия к заказу недостающих клинков мастеру Гузунову с тем, чтобы шашечные клинки были построены согласно описания, приложенного к Приказу по Военному ведомству 1904 года за № 133 по цене не выше заводской, по которой изготавливает упомянутые клинки Златоустовская фабрика»⁵⁹.

В ходе изучения предметов в частных собраниях нами были обнаружены две шашки с клинками производства мастерской Гузунова, которые можно условно отнести к изготовленным по образцу 1904 года (Илл. 37). На основание клинка одной из них с левой стороны нанесен картуш с аббревиатурой войска «Т.К.В.» (Илл. 38), с правой стороны – картуш с кратким названием мастерской «ГУЗУНОВ» (Илл. 39). На клинок другой шашки нанесен картуш с аббревиатурой «К.К.В.» и названием мастерской «ГУЗУНОВЪ». Отметим, что не только структура долов этих клинков, но и форма картушей имеют сходство с образцовыми.

Илл. 37.

Шашка без ножен. Владикавказ, начало XX в.

Шашка с ножнами. Владикавказ, начало XX в.

Частное собрание.

⁵⁹ ЦГА РСФСР Ф. 54 Оп. 5 Д. 5087 Лл. 14, 14 об.

Илл. 38. Шашка с ножнами, Владикавказ.
Фрагмент.
Картуш с аббревиатурой войска.

Илл. 39. Шашка с ножнами, Владикавказ.
Фрагмент. Картуш с кратким названием
мастерской.

Отдельного внимания заслуживает холодное оружие кавказских казаков, служивших в Собственном Его Императорского Величества Конвое. Кинжалы и шашки конвойцев можно условно разделить на две группы: к первой относятся предметы, с которыми казаки приезжали на службу, ко второй — приобретенные во время службы в Конвое.

В период 1860-1880 гг. одним из крупнейших производителей оружия для служивших в Конвое казаков являлась мастерская Станислава Карловича Лещинского. В 1867 году эта мастерская упоминалась по адресу: Санкт-Петербург, улица Кирочная, д. 10, в 1874 — улица Надеждинская, д. 15 (Иванов 2002, 361).

Прибор шашек и кинжалов из этой мастерской обычно изготовлен из серебра, украшенного черневым и гравированным орнаментом в своеобразном стиле, являющемся интерпретацией черкесского, на многих предметах серебро покрыто позолотой (Илл. 40).

Обратим внимание, что на большинстве известных предметов из мастерской Лещинского стоят клинки местного производства, имеющие характерные детали отделки, по которым их можно атрибутировать⁶⁰ (Илл. 41).

Илл. 40.

Шашка с ножнами, Санкт-Петербург.

1870-1880 гг.

Частное собрание.

Илл. 41.

Шашка с ножнами, Санкт-Петербург.

Фрагмент.

---

⁶⁰ Для шашечных клинков характерны неглубокие долы (из-за чего многие клинки имеют большой вес и не очень хорошо сбалансированы) и выраженная граница кромки лезвия на пяте. Встречаются клинки с изображениями, имитирующими рисунки на клинках европейских сабель XVIII века, а также с клеймами в виде повторяющихся символов, стилизованных под внешний вид клейма «гурда».

На некоторых клинках выбито клеймо «СТАНИСЛАВЪ» (Илл. 42, 43). Шашки с клинками европейского или кавказского производства, украшенные в санкт-петербургских мастерских, встречаются значительно реже. Вероятно, изначально шашки с этими клинками привозились казаками на службу в Конвой и «переодевались» в столичных мастерских. Позже, в конце XIX — начале XX века, в Санкт-Петербурге работали магазины «азиатских вещей», которыми владели в основном выходцы из Дагестана. В этих магазинах можно было не только приобрести готовое оружие, но и заказать новую оправу для кинжалов и шашек, с которыми казаки приезжали на службу. На Златоустовской фабрике магазинами среди прочих заказывались четырехдольные кинжальные клинки, украшенные травлением с изображением герба Российской империи, оправа для которых изготавливалась мастерами, работавшими в Санкт-Петербурге.

Внешнему виду казаков, следовавших на службу в Конвой, начальство уделяло особое внимание. Перед отправкой в Царское Село их собирали и осматривали в лагере под ст. Прохладной. В обязанности Заведующего 2-м Горско-Моздокским полком входила подготовка гвардейской сменной команды и контроль соответствия их обмундирования, снаряжения и вооружения надлежащим требованиям. Значительный интерес для нашего исследования представляет попытка унифицировать отделку шашек и кинжалов казаков гвардейской сменной команды, предпринятая в 1895 году Наказным Атаманом ТКВ С. В. Кахановым.

Илл. 42.

Шашка с ножнами. Санкт-Петербург, 1860-1880 гг.

Частное собрание.

Илл. 43.

Шашка с ножнами, Санкт-Петербург.
Фрагмент. Клеймо на обухе клинка шашки.

В Приказе по ТКВ № 163 от 24 июня 1895 года сообщалось, что «при осмотре оружия невольно обращало на себя внимание разнообразие в отделке шашек с портупейями и кинжалов. Так, например, встречались шашки с роговыми ручками, но наряду с этим были и с ручками в металлической оправе». В том же приказе было предложено:

4) (здесь и далее — нумерация пунктов из приказа — *С.Т.*) «в видах достижения однообразия в отделке холодного оружия, Начальнику Войскового Штаба теперь же распорядиться изготовлением в Войсковой оружейной мастерской шести образцовых шашек с портупейями и шести кинжалов с поясами, которые и разослать в полковые округа и в полки Терской бригады с тем, чтобы на будущее время по этим образцам оправлялись шашки и кинжалы казаков, высылаемых в состав гвардейской сменной команды;

5) в той же мастерской оправить затем по образцам 20 шашек и столько же кинжалов и препроводить таковые в распоряжение Заведующего 2-м Горско-Моздокским полком, для замены у казаков, предназначенных к выкомандированию в Санкт-Петербург, тех из названных предметов вооружения, которые оказались бы несходными с высланными образцами;

9) ежегодно, после отправления сменной команды в Санкт-Петербург, число выданных казакам седел, шашек с портупейями и кинжалов с поясами, патронташей, а также израсходованные на постройку черкесок и бешметов материалы должны быть пополняемы распоряжениями тех же лиц, на кото-

рых возложена постройка и заготовление в настоящем году. Для этого Заведующему 2-м Горско-Моздокским полком вменяется в обязанность своевременно доставлять необходимые по сему сведения подлежащим начальникам частей и учреждений;

10) уплата денег Заведующему названным полком за выданные казакам предметы обмундирования, вооружения и снаряжения производится немедленно офицерами, командируемыми на сборный пункт сменной команды от управлений отделов и первоочередных полков для сдачи казаков. Заведующий 2-м Горско-Моздокским полком рассылает полученные деньги по месту заготовления упомянутых предметов».

В Приказе по ТКВ № 203 от 21 июня 1901 года об оружии команды (65 человек), отправленной на пополнение 3-й и 4-й Лейб-Гвардии Терских сотен, сказано следующее: «Все шашечные клинки златоустовские, ножны, портупей и оправы новые, принятого для конвойцев образца. Кинжальные клинки Кавказской выделки, вполне годные к употреблению. Стоимость шашки и кинжала с портупеей, поясом и оправой – 16 руб. 50 коп.». Судя по описанию внешнего вида оправ на шашках, намерение унифицировать внешний вид деталей холодного оружия казаков ТКВ, следовавших на службу в Конвой, было реализовано, и, вероятно, такие детали изготавливались до 1904 года. Мы делаем осторожное предположение, что детали «принятого для конвойцев образца» были из гладкого мельхиора без гравировки и черни. Основанием для такого предположения является описание внешнего вида холодного оружия гвардейской сменной команды, следовавшей на укомплектование 3-й и 4-й Терских сотен Конвоя, из Приказа по ТКВ № 331 от 12 августа 1906 года: «Шашки и кинжалы у большинства в старых ножнах, неоправленных, или же оправленных в старый, гладкий металлический прибор без резьбы и черни». На наш взгляд, под определением «старый» здесь может подразумеваться «старого образца». Также этим словом могло быть подчеркнута несоответствие осмотренных оправ прибору шашек и кинжалов образца 1904 года. Отметим, что гладкие детали без гравировки, изготовленные по одному образцу, соответствующие описанию из упомянутого приказа, известны на шашках ТКВ конца XIX — начала XX века. Верхняя обоймица

из набора этих деталей имеет характерную форму с закругленными краями и выпуклым элементом в центре, устье — округлый нижний край (Илл. 45). Вероятность того, что детали в такой отделке и есть те самые «образцовые», которые начали изготавливать после предложения, сделанного Наказным Атаманом в 1895 году, на наш взгляд, достаточно велика. Подчеркнем, что «конвойский» прибор не являлся отличительной особенностью ножен шашек и кинжалов только гвардейской сменной команды — оружие с деталями в такой отделке могло бытовать и у казаков других частей ТКВ. Так, «кинжал с гвардейской оправой», «шашка с портупеей и с гвардейской оправой», «кинжал с поясом и с гвардейской оправой» упомянуты в Отчете от 15 июня 1899 года, приложенном к Приказу по ТКВ № 156 от 6 июля 1899 года, среди прочих призов за стрельбу и наездничество, которыми были награждены нижние чины 2-го Горско-Моздокского полка. Отметим, что в том же отчете среди призов упомянуто холодное оружие и в другой отделке: «шашка с прибором», «кинжал с простой оправой».

Изучая фотографии терских казаков конца XIX - начала XX века (Илл. 44), мы обратили внимание, что у некоторых казаков на ножнах шашек отсутствует нижняя обоймица, а вместо нее находится петля из нижнего пасика портупеи, закрытая вошеной или клеенчатой тканью. Такую деталь отделки можно было отнести к региональной традиции, так как известны кавказские шашки в произвольной отделке с такой особенностью. Однако при исследовании письменных источников мы с удивлением обнаружили, что эта деталь отделки была регламентирована в ТКВ. Так, в Акте об осмотре казаков, следовавших на укомплектование 1-го Волгского полка, приложенном к Приказу по ТКВ № 61 от 19 марта 1898 года, комиссия высказала следующее пожелание: «Все предъявленные к осмотру шашки оказались Златоустовского завода, изготовленные по общему войсковому заказу; ножны и портупеи к ним в значительном большинстве случаев также очень хорошие, но нельзя при этом не выразить желания, чтобы жестяные гайки, соответствующие длинному пасику портупеи, были заменены более прочными ременными петлями, помещающимися под клеенчатой оберткой (клеенчатой тканью — *С.Т.*) нижней части ножен».

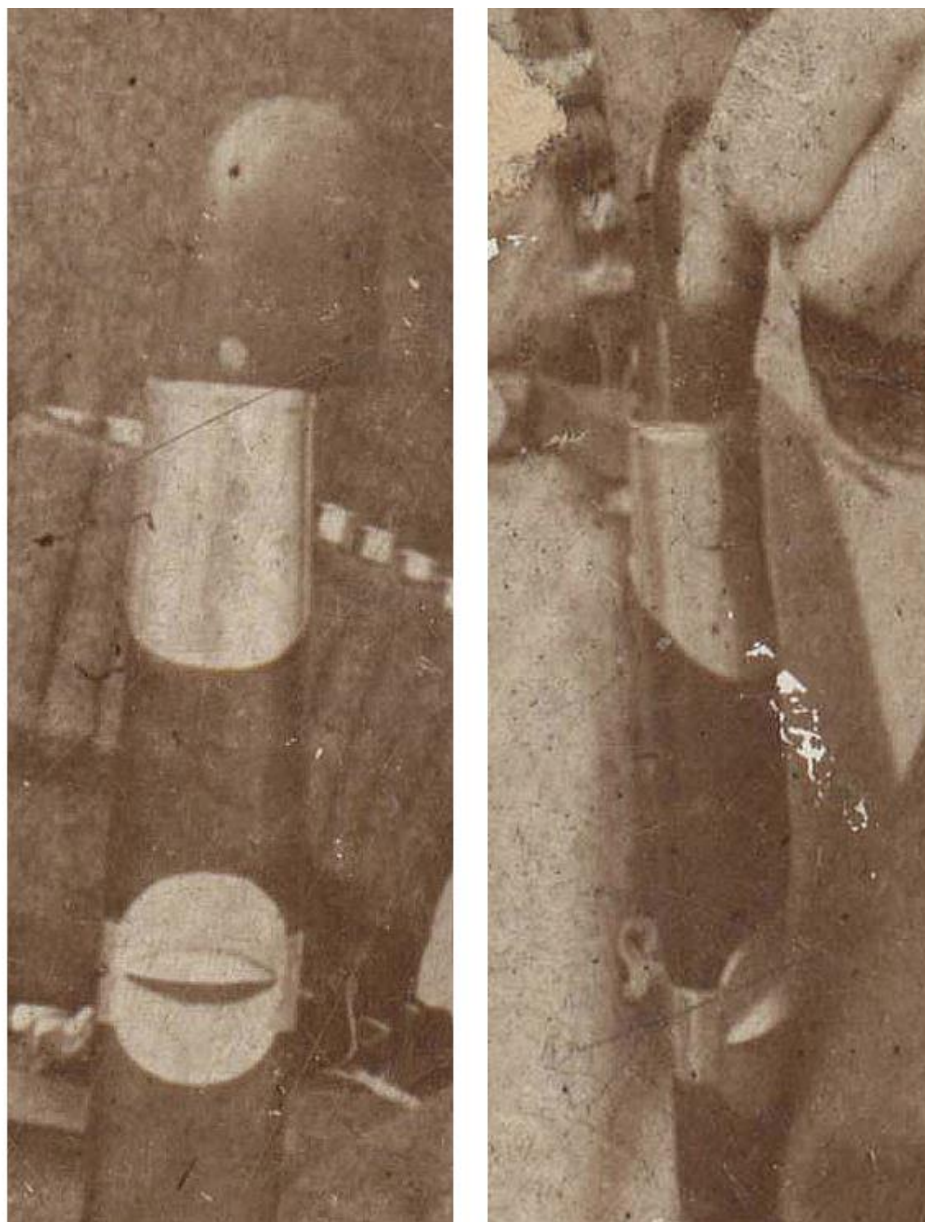

Илл. 44.

Фотография. Казаки Горско-Моздокского полка ТКВ.

Конец XIX - начало XX вв.

Частное собрание.

Илл. 45.

Фотография. Казаки Горско-Моздокского полка ТКВ.
Фрагмент. Гладкий металлический прибор на ножнах шашек.

Та же рекомендация содержалась в Акте комиссии об осмотре эшелона казаков, командированных на укомплектование 1-го Кизляро-Гребенского полка, копия которого была объявлена в Приказе по ТКВ № 128 от 8 июля 1898 года: «...нельзя при этом не выразить желания, чтобы нижние гайки

ножен, соответствующие длинному пасику портупей, на будущее время были бы заменяемы прочными ременными петлями, помещающимися под клеенчатой оберткой ножен». В Акте об осмотре сменной команды, следовавшей на укомплектование 1-го Волгского полка, произведенном 16 и 17 февраля 1899 года и объявленном в Приказе по ТКВ № 105 от 8 мая 1899 года, осмотревшая казаков комиссия выявила следующее: «Ножны и портупей к ним оказались достаточно хорошими; но при том нельзя не выразить желаний, чтобы на будущее время верхние гайки ножен имели для прикрепления к ним короткого пасика портупей особо устроенные для того ушки, а не кольца, всегда отличающиеся наименьшую прочностью. Равным образом комиссия не могла не обратить внимания также и на то обстоятельство, что рекомендованная ею в прошлом году замена всегда недостаточно надежных нижних металлических гаек ножен более прочными ременными петлями и по сие время почти не принята казаками к должному выполнению, что, по всей вероятности, прежде всего следует отнести к известной склонности казаков к возможно большему снабжению предметов их обмундирования и снаряжения блестящими металлическими украшениями». Судя по изученным фотографиям, некоторые казаки следовали рекомендации комиссии и меняли нижнюю гайку ножен на ременную петлю (Илл. 46), однако этот вопрос потерял актуальность после утверждения в 1904 году образцов шашки для Кавказских казачьих войск, на чертеже ножен которой присутствовала нижняя гайка.

Изученные в статье источники позволяют проследить, с какими проблемами сталкивалось командование Терского казачьего войска при решении вопроса о вооружении казаков холодным оружием с клинками надлежащего качества, получить представление об истории заказов клинков на Златоустовской оружейной фабрике и у мастеров Терской области, а также оценить феномен влияния казачьего спроса на развитие оружейного производства в регионе, и в том числе на неизбежное при таких условиях формирование конкурентной среды. Объем клинков, требующийся для казаков, предполагал изготовление партий количеством до нескольких сотен штук, что не могло не оказать влияние на изменение характера производства — от небольшой се-

мейной мастерской до мануфактуры, в которой работало несколько десятков человек (Аствацатурян 2004, 126).

Илл. 46.

Фотография. Казаки Горско-Моздокского полка ТКВ.
Фрагмент. Петля из ремня портупеи на ножнах шашек.

В завершение настоящей статьи подчеркнем, что холодное оружие терских казаков требует дальнейшего детального исследования, результаты которого могут способствовать новому взгляду на некоторые распространенные подходы к изучению кавказского оружия. Долгое время влияние экономических факторов на развитие производства оставалось недооцененным, что привело, на наш взгляд, к несколько искаженному восприятию предметов как коллекционерами и искусствоведами, так и популяризаторами кавказской и казачьей истории и культуры. Очевидно, спрос на украшенное оружие для офицеров подразделений Российской императорской армии, дислоцированных на Кавказе, на оружие в произвольной отделке для кавказского казачества, а также на целые партии клинков для казаков-новобранцев стал определяющим фактором развития оружейного и ювелирного производства в Терской области, что привело к формированию такого крупного производственного центра, как Владикавказ. Надеемся, что наше исследование поможет в работе оружейоведам при атрибуции предметов, а также будет представлять интерес для самого широкого круга читателей. Мы продолжаем работу по поиску и изучению новых источников, которые позволят уточнить известную информацию и дополнить наши представления о разновидностях клинков и других деталей холодного оружия, бытовавшего у казаков Терского казачьего войска.

Библиография

- Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. — СПб., 2004. — 432 с.
- Асхабов И. А-Р. Чеченское оружие. — Москва, 2001. — 240 с.
- Иванов А. Н. Мастера золотого и серебряного дела в России (1600-1926). — Т.1. — Москва, 2002. — 461 с.
- Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. — Владикавказ, 1912. — 386 с.

- Киреев Ф. С. Административно-командный корпус Терского казачьего войска 1860-1920 гг. — Владикавказ, 2017. — 224 с.
- Кузнецов А. Ю. Российское казачье и армейское переделочное холодное оружие (вторая половина XVIII - начало XX веков) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13-15 мая 2015 г. Ч. II. — СПб, ВИМАИВиВС, 2015. — С. 445 - 459.
- Кулинский А. Н. Русские именные клинки. — СПб., 2011. — 632 с.
- Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. — СПб., 2014. — 584 с.
- Образцов Вс. Н. Жалованные сабли в собрании Государственного Эрмитажа. Обзор комплекса // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14-16 мая 2014 г. Ч. III. — СПб., ВИМАИВиВС, 2014. — С. 286 — 299.
- Окунцов Ю. П. Златоустовская оружейная фабрика. — М., "Вече", 2011. — 256 с.
- Омельченко И. Л. Терское казачество. — Владикавказ, Ир, 1991. — 300 с.
- Торчинов В. А., Владикавказ. Краткий историко-краеведческий справочник. — Владикавказ, 1999. — 224 с.
- Филиппов Г. А. Ранее не описанные кинжалы Терского казачьего войска // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18-20 мая 2016 г. Часть V. — СПб., ВИМАИВиВС, 2016. — С. 215 — 219.
- Фролов Б. Е. Холодное оружие кубанских казаков. — Краснодар, 2009. — 320 с.

Сокращения

АЗГО — Архив Златоустовского городского округа

РГВИА — Российский Государственный Военно-Исторический архив

ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания

References

- Askhabov I. A-R. (2001). *Chechenskoe oruzhie* [Chechen weapons]. Moscow. 240 p.
- Astvacaturjan Je. G. (2004). *Oruzhie narodov Kavkaza* [Weapons of the peoples of the Caucasus]. SPB. 432 p.
- Filippov G. A. (2016). Ranee ne opisannye kinzhaly Terskogo kazach'ego vojska [Previously not described daggers of the Terek Cossack army]. *Trudy Sed'moj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 18-20 maja 2016 g.* [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference May 18-20]. Part V, pp. 215 - 219. St. Petersburg, VIMAIViVS Publ.
- Frolov B.E. (2009). *Holodnoe oruzhie kubanskih kazakov* [Melee weapons of the Kuban Cossacks]. Krasnodar. 320 p.
- Ivanov A.N. (2002). *Mastera zolotogo i serebrjanogo dela v Rossii (1600-1926)* [Goldsmiths and Silversmiths in Russia (1600-1926)], Vol.1. Moscow. 461 p.
- Karaulov M.A. (1912). *Terskoe kazachestvo v proshlom i nastojashhem* [Terek Cossacks in the past and present]. Vladikavkaz. 386 p.
- Kireev F. S. (2017). *Terskoe kazachestvo v proshlom i nastojashhem* [Administrative and command corps of the Terek Cossack army 1860-1920]. Vladikavkaz. 224 p.
- Kulinsky A.N. (2011). *Russkie imennye klinki* [Russian nominal blades]. St. Petersburg. 632 p.
- Kulinsky A.N. (2014). *Russkoe holodnoe oruzhie* [Russian edged weapons]. St. Petersburg. 584 p.

- Kuznetsov A. Yu. (2015). Rossijskoe kazach'e i armejskoe peredelochnoe holodnoe oruzhie (vtoraja polovina XVIII - nachalo XX vekov) [Russian Cossack and army cold steel weapons (second half of the 18th - early 20th centuries)]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Shestoj Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 13-15 maja 2015 g.* [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Sixth International Scientific and Practical Conference May 13-15, 2015], Part II, pp. 445 - 459. St. Petersburg, VIMAIViVS Publ.
- Obrazcov Vs. N. (2014). Zhalovannye sabli v sobranii Gosudarstvennogo Jermitaža. Obzor kompleksa [Complimentary sabers in the collection of the State Hermitage. Overview of the complex]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Pjatoj Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 14-16 maja 2014 g.* [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference May 14-16, 2014] Part III, pp. 286 – 299. St. Petersburg, VIMAIViVS Publ.
- Okuntsov Yu. P. (2011). *Zlatoustovskaja oruzhejnaja fabrika* [Zlatoust arms factory]. M., "Veche" Publ. 256 p.
- Omelchenko I. L. (1991). *Terskoe kazachestvo* [Terek Cossacks]. Vladikavkaz. 300 p.
- Torchinov V. A. (1999). *Vladikavkaz. Kratkij istoriko-kraevedčeskij spravocnik* [Vladikavkaz. Brief historical reference book]. Vladikavkaz. 224 p.

Abbreviations

A3ГО — Archive of the Zlatoust City District

РГВИА — Russian State Military Historical Archive

ЦГА PCO-A — Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania

Милосердов Д. Ю.

Ответ А. О. Сопиеву на его публикацию «Что ответить на взгляд свысока?»¹

The response to A. O. Sopichev's remark "How to respond to arrogance?"

Милосердов Дмитрий Юрьевич — старший научный сотрудник, заведующий сектором в Государственном Дарвиновском музее. Область научных интересов — оружие Ирана, Индии и Афганистана, этнические предметы охоты и лова (Москва, Россия).

Dmitry Y. Miloserdov — Senior Researcher, Head of Sector at the State Darwin Museum (Moscow, Russia).

dm1167@rambler.ru

Прежде всего хотелось бы выразить А. О. Сопиеву благодарность за добрые слова и признание моих заслуг в области изучения центральноазиатского исторического оружия. Очень жаль, что, признавая эти факты, уважаемый А. О. Сопиев все же счёл критику неконструктивной, решив, что его «аргументы передернуты, из них выхвачены самые слабые (*места*) (курсив наш – Д. Милосердов)», и видит в рецензии «совсем необоснованные претензии, довольно мелочное и очень пристрастное отношение» к его публикации. Однако стоит заметить, что исследование складывается именно из мелочей, которые порой имеют огромное значение для выводов научной работы.

---

¹ Продолжение полемики вокруг статьи Сопиева А.О. «Традиционные технологии и художественные приёмы отделки оружия из собрания Государственного музея Туркменистана».

Статья: Сопиев А.О. Традиционные технологии и художественные приёмы отделки оружия из собрания Государственного музея Туркменистана // Вестник МИЦАИ. 2020. Вып. 29. С. 65-86. Доступно по ссылке: <https://www.unesco-icas.org/ru/book/123>

Рецензия: Милосердов Д.Ю. Куда приводят поиски этномаркирующих элементов // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 141-146. Доступно по ссылке: <https://www.unesco-icas.org/ru/book/139>

Ответ на рецензию: Сопиев А.О. Что ответить на взгляд свысока // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 147-149. Доступно по ссылке: <https://www.unesco-icas.org/ru/book/139>

Опуская тот факт, что на большинство вопросов, прозвучавших в адрес А. О. Сопиева, он не посчитал нужным ответить, хотелось бы разобраться с теми пунктами, которые им озвучены.

1. **Фотография стенда с оружием из ашхабадского музея, подписанная как «Оружие текинцев».** Ни на йоту не подвергая сомнению оригинальность фотографии и подписи к ней, хорошо бы понять, на основании чего А. О. Сопиев считает, что это оружие использовалось «текинцами». Разве существуют упоминания очевидцев того времени, свидетельствующие о том, что китайские сабли и европейские кинжалы использовались туркменами? Не совсем понятна отсылка к Гродекову в связи со скорострельными ружьями, когда речь шла о конкретных образцах холодного оружия. Кстати, с сожалением приходится отметить небрежность автора в обращении с историческими источниками, которая, вероятно, порой и приводит к ошибкам в его выводах. Например, говоря о «скорострельных ружьях», А. О. Сопиев ссылается на книгу Гродекова Н. И.² Но дотошный читатель, обратившись к этому источнику, не сможет найти на указанной странице никакой информации о «скорострельных ружьях» у туркмен. Связано это с тем, что подобная информация опубликована во втором томе «Войны в Туркмении», где к тому же упоминается, что «холодное оружие, шашки и пики имелись у всех (*туркмен*) (курсив наш – Д. Милосердов)...»³. Но при самом внимательном изучении работы Гродекова мне не удалось обнаружить в ней упоминания о фактах использования туркменами европейских кинжалов и китайских сабель. Впрочем, судя по тому, что А. О. Сопиев не приводит никаких ссылок, ему тоже не удалось доказать этот, безусловно, любопытный факт. Не отрицается, что у туркменских воинов могли оказаться вышеуказанные предметы. Но исследователю стоит быть более точным в формулировках, отличая «использование оружия» от простого «обладания» им, чтобы не оказаться в казусной ситуации. Действительно, нет никаких оснований сомневаться в подлинности опубликованного в статье А. О. Сопиева снимка. Но его подлинность никто и не под-

---

² Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг., Т. 1, СПб., 1883, с. 150.

³ Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг., Т. 2, СПб., 1883, с. 150.

вергал сомнению. Тем не менее, используя в качестве иллюстрации к статье вышеупомянутую фотографию, а уж тем более делая на её основании достаточно серьёзные выводы, следовало бы изучить максимальное количество источников, посвящённых вооружённым конфликтам между войсками Российской Империи и туркменами. Это позволило бы избежать сомнительных, как мы уже выяснили, предположений.

2. Индийское и афганское оружие, а точнее его определённые образцы на вооружении у воинов туркменских племён. Я специально не перечислил среди прочего персидское оружие, так как сам писал А. О. Сопиеву об его использовании туркменами, подтверждая свои слова ссылками на источники⁴. С сожалением приходится усомниться в понимании уважаемым А. О. Сопиевым источников, с которыми он работал в ходе подготовки своей статьи. Так, чтобы объяснить свою версию использования туркменами афганского и индийского оружия, он обращается к своей статье, цитируя следующее: «Необходимо учитывать также, что длительные исторические контакты туркменских племен с населением Северного Ирана не могли не привести к взаимовлиянию в военной сфере и, в частности, к унификации оружия». И хотя Ботяков и Янборисов в своей статье объясняли этой фразой «определённые трудности при выделении собственно туркменских клинков (*среди персидских*) (курсив наш – Д. Милосердров)»⁵, А. О. Сопиев решает сделать более глобальные выводы: «Как мы знаем, территория Закаспийской области на юге граничила с Афганистаном и Ираном, а они, в свою очередь, граничили с Белуджистаном и Британской Индией. На севере к ней примыкало Хивинское ханство (Хорезм), а на востоке – Бухарский эмират. Учитывая такое географическое положение Туркмении, оружие могло попасть откуда угодно». Чего уж тогда скромничать? Индия ведь граничит с Непалом и Китаем. Вероятно,

---

⁴ Милосердов Д. Ю. Куда приводят поиски этномаркирующих элементов // Вестник МИЦАИ. Издание Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ). 2021. Выпуск 31. С. 141-146. 2021. Стр. 141-142.

⁵ Ботяков Ю. М., Янборисов В. Р. Холодное оружие туркмен // Памятники традиционной-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа (Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. 43). Л.: Наука, 1989. С. 49-60. Стр. 53.

непальские ножи кукри и разнообразные образцы китайского оружия не появились в статье, в качестве туркменского оружия, так как они не представлены в фондах Ашхабадского музея

Ссылаясь на русского востоковеда генерал-майора Д. Н. Логофета, инспектировавшего в начале XX века туркмено-афганскую границу, А. О. Сопиев упоминает, что тот встретил туркмена с огромным палахом за поясом, и предполагает, что, «возможно, это был хайбер»⁶. Обратившись к первоисточнику, на который он ссылается, вновь приходится отметить крайне небрежное отношение автора к цитируемому материалу. Во втором томе книги Логофета «На границах Средней Азии», который называется «Русско-афганская граница» и на который ссылается А. О. Сопиев, нет ни слова о палахах у туркмен. Зато в третьем томе мы находим следующую информацию: «Послушай чардаш (друг), отнесся он тут же к высокому афганскому туркмену с огромным палахом на поясе, — покажи свою саблю, тюрю хочет посмотреть. Перед моими глазами блеснула широкая полоса стали, имевшая почти прямой вид и напоминавшая наши кирасирские клинки. Сабля была, по-видимому, из старинных и отличалась отличною выделкою. По клинку виднелась грубая гравировка какого-то орнамента, в середине которого я, к моему несказанному удивлению, увидел отчетливо выполненный рисунок, напоминающий изображение божьей матери на наших иконах»⁷. То ли в силу невнимательности, то ли из-за желания подтвердить свою правоту А. О. Сопиев не замечает сравнения «палаша» с кирасирским клинком, длина которого всегда больше метра, а клинок достаточно узкий и имеет мечевидную форму (Илл. 1), что кардинально отличает его от значительно более короткого и широкого хайбера (Илл. 2). Более того, он не обращает внимания и на упоминание изображения «божьей матери» на клинке палаша афганского туркмена. Если уважаемому А. О. Сопиеву удастся найти хайбер с подобным изображением, то это будет буквально прорыв в изучении оружия Афгани-

---

⁶ Сопиев А.О. Что ответить на взгляд свысока // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 147-149. Стр. 147.

⁷ Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х кн. Кн. III. Бухарско-афганская граница. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1909. Стр. 110.

стана, так как до сих пор образцы этого оружия с такими изображениями науке неизвестны).

Итак, на основании фрагмента цитаты, вырванной из контекста, автор делает вывод о возможном использовании хайберов туркменами. Но, к сожалению, как видим, это предположение – не состоятельно.

Более того, решив не разминяться на ссылки на другие источники, А. О. Сопиев пишет, что «то же самое касается тулваров и пулваров». И далее делает более чем странные выводы, написав: «Конечно, их (*вероятно, хайберов, тулваров и пулваров*) (курсив наш – Д. Милосердов) не так много, но что плохого в том, что я их опубликовал? Или на них распространяется табу со стороны известных оружейников? Выходит, что небольшое число туркменского оружия, которое находится в коллекциях Москвы и Санкт-Петербурга, вводить в научный оборот можно, а то, что сохранилось в самом Туркменистане, причем в гораздо большем количестве, – нельзя?»⁸. Нет ничего плохого в том, чтобы опубликовать хайберы, тулвары и пулвары из коллекции ашхабадского музея. Но не обосновано считать, что это оружие было «широко распространено среди туркмен», не утруждая себя поиском подтверждений этому заявлению. Нельзя огульно записывать в «туркменские» образцы оружия, которые в силу разных причин оказались в ашхабадском музее. Или нужно подтверждать такие предположения серьёзными доказательствами из исторических источников.

Илл. 1. Палаш кирасирский. Россия. XIX век.
Частная коллекция.

---

⁸ Сопиев А.О. Что ответить на взгляд свысока // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 147-149. Стр. 147.

Неоднократно отмечалось, что владение предметом не является поводом для того, чтобы считать этот предмет бытовавшим в регионе⁹ (Милосердов 2021: 142).

3. Поступления в музей Туркменистана иностранного оружия. Автор высказывает любопытную версию о том, что «в Туркменской ССР всё антикварное оружие (местное и привозное) массово уходило за пределы республики». Крайне любопытно, как такое могло происходить. Как предметы оружия из Государственного краеведческого музея Туркменистана (ведь, кажется, так раньше назывался Государственный музей Туркменистана) могли покинуть не то что пределы республики, но и стены музея? Ведь речь идёт о музейных коллекциях. Есть ли у автора документы, подтверждающие подобные дичайшие нарушения? Поступления же предметов оружия, произошедшие в последнее время, вообще нельзя связывать с его бытованием, учитывая временной разрыв почти в полтора века.

4. Три конструктивных вида ножен. Необходимо признать, что я упустил тот факт, что автор действительно «выявил три конструктивных вида ножен», из которых только один совпадает с описанными в статье Ботякова и Янборисова. С удовольствием приношу А. О. Сопиеву мои извинения по этому пункту.

5. Термин «ханджар». У нас с автором наблюдается явное непонимание друг друга.

Илл. 2. Хайберский нож. Афганистан. XIX век.
Частная коллекция.

---

⁹ Милосердов Д. Ю. Куда приводят поиски этномаркирующих элементов // Вестник МИЦАИ. Издание Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ). 2021. Выпуск 31. С. 141-146. 2021. Стр. 141-142. Стр. 142.

Нисколько не споря с «Лексиконом оружия и доспехов Ирана», я хочу напомнить А. О. Сопиеву, что Хоросани приводит современную трактовку термина «ханджар»¹⁰. Я же пишу о старых значениях слова «ханджар», которые использовались в XIX веке¹¹.

Настойчиво пытаюсь отстоять свою версию, автор обращается к сочинению туркменского поэта второй половины XIX века Абдысетдара-казы «Дженнама», в русском переводе – «Книга рассказов о битвах текинцев»¹², где в оригинальном тексте в списке трофеев упоминаются «ханджары». Это очень интересный факт. Но, как я писал в рецензии, ссылаясь на исторические источники соответствующего времени, в XIX веке слово «ханджар» обозначало любой кинжал, вне зависимости от формы клинка¹³. Поэтому апелляция к «Дженнама» является, к сожалению, бездоказательной. Мнение Самуила Мартыновича Дудина, боюсь, тоже не является аргументом. Вряд ли человек, назвавший туркменские шамширы «шашками клыч», хорошо разбирался в холодном оружии. Он просто честно фиксировал те названия, которые ему сообщали информанты.

6. Подпись к иллюстрации 11. Для начала вспомним, что такое «пеш-кабз». Если цитировать уважаемого А. О. Сопиева, то «после карда это самый популярный вид ножа у туркмен. Его внешний вид необычен: массивная короткая рукоятка с клювообразной головкой, значительно искривлённое S-образное лезвие»¹⁴. Нисколько не отрицая возможность бытования пеш-

---

¹⁰ Khorasani M. *Lexicon of Arms and Armor from Iran*. Tübingen, 2010. Стр. 444.

¹¹ Richardson J., Hopkins D., Wilkins C. *A Vocabulary, Persian, Arabic, and English; abridged from the quarto edition of Richardson's dictionary*. London, 1810. Стр. 245; Richardson J. *A Dictionary, Persian, Arabic, and English: With a Dissertation on the Languages, Literature and Manners of Eastern Nations*. London, 1829. Стр. 630; Johnson Fr. *A Dictionary, Persian, Arabic and English*. London, 1852. Стр. 537.

¹² Абду-с-Саттар казы. *Книга рассказов о битвах текинцев*. Туркменская историческая поэма XIX века. СПб, 1914. Стр. 50.

¹³ Милосердов Д. Ю. Куда приводят поиски этномаркирующих элементов // Вестник МИЦАИ. Издание Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ). 2021. Выпуск 31. С. 141-146. 2021. Стр. 141-142. Стр. 144.

¹⁴ Сопиев А.О. Традиционные технологии и художественные приёмы отделки оружия из собрания Государственного музея Туркменистана // Вестник МИЦАИ. 2020. Вып. 29. С. 65-86. Стр. 81.

кабзов у туркмен, был задан другой вопрос, а именно - можно ли утверждать, что у Махтумкули-хана за поясом именно пеш-кабз, так как ножны, как минимум, наполовину скрыты поллой халата и мы не видим кривизну клинка¹⁵. Эдмон О'Донован, описывая свою встречу с ханом, просто упоминает длинный кинжал с рукоятью из тисненого золота, украшенной бирюзой, и покрытым эмалью навершием, не говоря ни слова о кривизне клинка¹⁶. Возможно в переводе книги, опубликованной в Ашхабаде в 1998 году, есть какие-то фантазийные дополнения переводчика по форме клинка, которые ввели уважаемого А. О. Сопиева в заблуждение. Но всегда стоит обращаться к первоисточникам, чтобы получить максимально достоверную информацию. В документах Хивинского ханства так же не указана форма клинка, а написано лишь о том, что это «нож с рукояткой из рога носорога стоимостью 30 тилля»¹⁷. Отсюда на вопрос уважаемого А. О. Сопиева о том, «какое другое холодное оружие может быть при наличии такой рукоятки», можно ответить следующим образом: у большинства жителей ханств Средней Азии преобладал не «пеш-кабз» с изогнутым клинком, образцы которого, представленные на фотографии Генри Мозера¹⁸, последний приобрёл на рынках Туркестана, а «каруд» - аналогичный пеш-кабзу боевой нож, отличающийся прямым клинком (Илл. 3). Так что, вероятнее всего, за поясом Махтумкули-хана каруд, а не пеш-кабз. В любом случае нельзя утверждать, что на иллюстрации у хана пеш-кабз, так как оба боевых ножа имеют рукояти одинаковой формы, а клинок скрыт от нас поллой халата.

---

¹⁵ Милосердов Д. Ю. Куда приводят поиски этномаркирующих элементов // Вестник МИЦАИ. Издание Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ). 2021. Выпуск 31. С. 141-146. 2021. Стр. 141-142. Стр. 144.

¹⁶ O'Donovan E. The Merv Oasis; travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81, including five months' residence among the Tekkés of Merv, Vol. II, NY, 1883. Стр. 205.

¹⁷ Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX веке. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. Стр. 316.

¹⁸ Сопиев А.О. Традиционные технологии и художественные приёмы отделки оружия из собрания Государственного музея Туркменистана // Вестник МИЦАИ. 2020. Вып. 29. С. 65-86. Стр. 74.

Илл. 3. Каруд. Хива. XIX век. Частная коллекция.

Утверждение о том, что «в основе туркменского ножа лежит форма карда»¹⁹, не только не очевидно, но и весьма спорно. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к многократно упомянутой статье Ботякова и Янборисова и внимательно рассмотреть рисунок под номером 4. Если мы можем говорить, что в основе формы второго и третьего ножей слева «лежит форма карда», то формы первого, четвертого и пятого ножей будут разительно отличаться²⁰. Не совсем понятно, зачем автор углубляется в лингвистические дебри, так как никаких вопросов по терминам «кард» и «пеш-кабз» в процессе анализа его статьи не возникало.

Нисколько не отрицая тот факт, что туркменские ножи изготавливались местными мастерами, ещё раз хотелось бы обратить внимание А. О. Сопиева на то, что ножи, называемые в современной терминологии «кард», и уж тем более с булатными клинками, изготавливались в Персии. Кстати, об это упоминает и сам автор²¹.

7. Нож с ножнами (КЕК-2505), который по версии А. О. Сопиева изготовил один мастер. В отсутствие документальных подтверждений о существовании среди туркмен мастеров, совмещающих функции ювелира и кузнеца, логичнее было бы предположить, что мастер (Довлетгельды) изготовил ножны и декорировал своей подписью клинок, так как, судя по представленным в статье фото, надпись, как и орнаменты, нанесена простой неглубокой гравировкой²².

К сожалению, уважаемый А. О. Сопиев не ответил на наиболее острые вопросы, возникшие после прочтения его статьи. Автор слегка лукавит, говоря о том, что его статья - «один из первых опытов научной публикации

---

¹⁹ Сопиев А.О. Что ответить на взгляд свысока // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 147-149. Стр. 148.

²⁰ Ботяков Ю. М., Янборисов В. Р. Холодное оружие туркмен // Памятники традиционной-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа (Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. 43). Л.: Наука, 1989. С. 49-60. Стр. 55-56.

²¹ Сопиев А.О. Традиционные технологии и художественные приёмы отделки оружия из собрания Государственного музея Туркменистана // Вестник МИЦАИ. 2020. Вып. 29. С. 65-86. Стр. 80.

²² Там же.

своих многолетних исследований»²³, тогда как его первая работа по оружию региона «Клыч – туркменская сабля шамширного типа» (во всяком случае, первая на русском языке) была опубликована без малого десять лет назад²⁴.

В заключение хотелось бы призвать уважаемого А. О. Сопиева не искать в статьях, написанных в ответ на его публикации, ни профессиональную ревность, ни тем более «имперские происки», а уделить больше внимания работе с историческими источниками, тщательно проверяя свои предположения, версии и гипотезы. Это позволит избежать многих вопросов к новым работам автора по оружию туркмен, которыми, надеюсь, он порадует заинтересованных читателей.

---

²³ Сопиев А.О. Что ответить на взгляд свысока // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 147-149. Стр. 148.

²⁴ Сопиев А. О. Клыч – туркменская сабля шамширного типа / Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвёртой Междуна-родной научно-практической конференции 18–20 мая 2013 года. Часть 4, СПб., 2013.

Курочкин А. Ю.

Рецензия на статью Jean-Baptiste Clais. “Imperial Mughal Ivory Priming Flasks. A First Catalogue”

Review: Jean-Baptiste Clais. Imperial Mughal Ivory Priming Flasks.

A First Catalogue

Курочкин Алексей Юрьевич — заместитель Главного редактора журнала «Историческое оружиеведение» (Москва, Россия).

Aleksey Y. Kurochkin — Deputy Editor-in-Chief of WHJ (Moscow, Russia).

a.y.kurochkin@gmail.com

В музейном издании The Journal of the David Collection (Volume 5, 2021) была опубликована статья французского искусствоведа Жан-Батиста Клэ¹ «Пороховницы для затравочного пороха из слоновой кости Империи Моголов. Первый каталог» (Jean-Baptiste Clais. Imperial Mughal Ivory Priming Flasks. A First Catalogue. The Journal of the David Collection, Volume 5, 97-151, 2021). Актуальность статьи и тем более первого каталога обусловлена тем обстоятельством, что этим пороховницам до недавнего времени была посвящена только одна статья, опубликованная еще в 1942 г. немецким исследователем Вольфгангом Борном (Wolfgang Born, 1893-1949), братом известного физика-теоретика Макса Борна. Вольфганг Борн изучал историю искусств и изобразительное искусство в Мюнхене, Вене и Париже. Темой докторской диссертации В. Борна стало исследование композиций в русской книжной

---

¹ Jean-Baptiste Clais, этнолог и искусствовед, куратор азиатской коллекции (Китай, Япония и частично Индия) и европейского фарфора в Лувре (the Department of Art Objects at the Louvre). В свободное время исследует искусство Великих Моголов, особенно изделия из драгоценных и полудрагоценных камней, а также дорогое оружие. Как этнолог специализируется на современной массовой культуре (Звездные войны, Интернет, видеоигры, комиксы, блокбастеры):

<https://lahoredigitalfestival.com/in-conversation-with-jean-baptiste-clais/>

миниатюре XI-XV вв., представляющих собой фантазмагорические переплетения животных и чудовищ. Странным образом, после вынужденной эмиграции в 1937 г. в США, его внимание привлекла схожая тематика, хотя и на совсем другой культурной почве: сюжет переплетающихся животных на индийских пороховницах из слоновой кости. Результатом стала публикация статьи «Ivory Powder Flasks from the Mughal Period»². Это исследование не утратило своей актуальности и по сей день, хотя многие его положения несут на себе отпечаток абстрактного схематизма и универсализма, присущих ориенталистическому подходу в целом. Общий же вывод статьи, который и лежит в настоящее время в основании всех музейных описаний таких предметов, заключается в том, что эти пороховницы изготовлялись в Индии с конца XVI по конец XVIII в., относятся к культуре Великих Моголов и представляют собой форму рыбы, выполненную в виде композитного животного, составленного из фигур других животных. Декоративное оформление фигурами животных В. Борн связывал с композитным стилем индийских миниатюр и обосновывал это опосредованным влиянием скифского животного стиля и в целом традицией художественного использования смешанных изображений животных, обнаруживаемых в культурах Мохенджо-Даро, этрусков, греко-финикийцев, эллинистической культуре, культуре ахеменидов и пр. Непосредственное же влияние на индийскую культуру оказали греческие Gryllus³, привнесенные в Индию завоеваниями Александра Македонского через Греко-Бактрийское и Индо-скифское царство и каким-то образом дошедшие до моголов. Использование же самими моголами изображений животных было связано, по мнению В. Борна, с примитивными магическими практиками нанесения изображений животных на предметы охоты, чтобы обрести удачу.

Неудивительно, что после таких, мягко говоря, нагромождений и типичного для европейского подхода к изучению Востока — объяснения неизвестного посредством хоть чего-то известного, пусть даже прямо и не имеющего никакого отношения к предмету исследования за исключением соб-

---

² Born W. Ivory Powder Flasks from the Mughal Period. *Ars Islamica*, Vol. 9 (1942), pp. 93-111.

³ Гротескные фигуры, получившие свое название по имени грека, обращенного Церцеей в свинью и пожелавшего оставаться таковым.

ственных субъективных представлений автора, любая новая работа о таких пороховницах заранее вызывала интерес. В этой связи можно только приветствовать решительность составителя первого каталога резных могольских пороховниц из слоновой кости, предложившего новое прочтение всей линейки подобных предметов, объединение их в группы по стилю резьбы, иконографии или структуре украшения, выявление стилистической эволюции и организацию отдельных предметов в каталоге так, чтобы было возможно предложить четкую хронологию их производства. Спустя семьдесят лет после первой попытки пролить свет на феномен существования подобных предметов следовало ожидать если не прорыва, то хотя бы взвешенного и обоснованного современного научного подхода без привлечения всего комплекса суеверий и стандартного набора шаблонов для искусствоведческого исследования индийской культуры. Но, обо всем по порядку.

Итак, пороховницы изготовлены из кости, состоят из двух половинок и декорированы резьбой с изображением частей различных животных. Рассмотрим структуру предлагаемого нам каталога.

Группа 1. *Sculptural flasks*. Скульптурные⁴ пороховницы, имеющие наименее рельефную резьбу и три явно различимые по декоративному оформлению визуальные части (в каталоге три таких предмета) (Илл. 1⁵).

Группа 2. *Independent central scene*. Пороховницы, имеющие трехчастное деление, и в центральной части которых есть независимая сцена-изображение (тридцать предметов).

Подгруппа 2а. *Low density model*. Пороховницы с низкой плотностью художественной композиции, то есть низкой насыщенностью сюжета (девятнадцать предметов) (Илл. 2⁶).

---

⁴ Не совсем понятно, что имел в виду автор. Все пороховницы являются объемными, пластичными и имеют рельефные украшения. Названия разделов каталога, как станет очевидно позднее, не содержат в себе каких-либо систематизирующих признаков. Также у читателя может возникнуть ощущение, что автор рецензии перепутал следующие ниже иллюстрации и их описания в каталоге. Это не так.

⁵ Walters Art Museum: <https://art.thewalters.org/detail/40388/powder-flask/>

⁶ The Metropolitan Museum of Art: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/30363?ao=on&ft=primer+india&offset=0&rpp=40&pos=17>

Илл. 1. Walters Art Museum. Accession Number 71.419. No Copyright

Илл. 2. The Metropolitan Museum of Art. Accession Number 36.25.2423.
Public Domain.

Подгруппа 2b. The dense type. Пороховницы с высокой плотностью художественной композиции, насыщенностью сюжета (одиннадцать предметов) (Илл. 3⁷).

---

⁷ The Metropolitan Museum of Art:
[https://www.metmuseum.org/art/collection/search/30362?ao=on&ft=primer+india
&offset=0&rpp=40&pos=8](https://www.metmuseum.org/art/collection/search/30362?ao=on&ft=primer+india&offset=0&rpp=40&pos=8)

Илл. 3. The Metropolitan Museum of Art. Accession Number 36.25.2422.
Public Domain.

Группа 3. One-piece rear part. Пороховницы с «единой задней частью». Так автор каталога назвал пороховницы, у которых нет выраженной центральной сцены и, соответственно, визуального разбития на три части (двадцать два предмета).

Подгруппа 3а. Intermediary. Переходная. Структурная эволюция подгруппы 2б, но с большей динамикой изображения (пять предметов)⁸.

Подгруппа 3б. Standardised type. Стандартный тип. Состоит из практически идентичных объектов (семнадцать предметов) (Илл. 4⁹).

Илл. 4. The Metropolitan Museum of Art. Accession Number 36.25.2420.
Public Domain.

---

⁸ См., например, предмет из Victoria and Albert Museum. Powder Flask. Accession Number 382&A-1896:

<http://collections.vam.ac.uk/item/O155016/powder-flaskunknown/powder-flask-unknown/>

⁹ The Metropolitan Museum of Art:

<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/23725?ao=on&ft=primer+india&offset=0&rpp=40&pos=4>

Группа 4. Parallel sub-groups. Параллельные подгруппы. Автор поясняет, что предыдущие три группы объединяет высокой степени согласованность с точки зрения декоративной структуры, резьбы и иконографии. Следующие же группы, начиная с 4-й, объединены, скорее, на иконографической согласованности, часто на одном общем типе фигуры или декоративной структуры в каждой группе, и на различной согласованности стиля резьбы. Но они часто повторяют рельеф и плотность композиций предыдущих групп, поэтому они — «параллельные» подгруппы (двадцать семь предметов).

Подгруппа 4a. Birds in frames. Птицы в рамках. Имеются в виду пороховницы, в которых сюжет построен не свободным образом по поверхности предмета, а поверхность разбита на клетки (прямоугольные ячейки), в которые и помещены одиночные изображения. В данную подгруппу выделены пороховницы, у которых в таких рамках преобладают изображения птиц (десять предметов) (Илл. 5¹⁰).

Илл. 5. The Metropolitan Museum of Art. Accession Number 07.71.
Public Domain.

Подгруппа 4b. Vegetal termination. Растительное окончание. Пороховницы, у которых задняя часть (окончание второй половины) оформлено в виде переплетающихся ростков или структур (пять предметов)¹¹.

---

¹⁰ The Metropolitan Museum of Art:
<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/22100?ao=on&ft=primer+india&offset=0&rpp=40&pos=5>

¹¹ См., например, предмет из Musée du Louvre. Corne à poudre. MAO 716:
<https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010321511#>

Подгруппа 4с. Makara and birds. Макара и птицы. Пороховницы, в оформлении которых присутствуют эти существа. Как отмечает сам автор, эта группа чрезвычайно разнообразна по своему строению, и некоторые предметы из этой подгруппы очень тесно связаны друг с другом и в гораздо меньшей степени с другими предметами из этой же подгруппы, и что, вероятно, в будущем, при появлении новых данных и новых предметов, эту подгруппу можно будет делить дальше (шесть предметов)¹².

Подгруппа 4d. Unique flasks. Уникальные пороховницы. Пороховницы, не вписавшиеся в другие группы (шесть предметов)¹³.

Группа 5. Ivory half-flasks. Полу-пороховницы из слоновой кости, представляющие собой как бы половину полноценной пороховницы (три предмета)¹⁴. Автор каталога предполагает, что все пороховницы этой группы являются переделками из «полноценных» пороховниц.

Таким образом, принципами, на которых построен каталог, являются различия в особенностях резьбы, декоративной структуре и иконографии. Это позволяет автору построить «генеалогическое древо». Автор описывает его как «основную ветвь», состоящую из трех подгрупп, в которых резьба, украшение, структура и иконография очень однородны, в то время как пять «боковых ответвлений» или параллельных групп имеют различную иконографию или декоративную структуру. Однако пороховницы, принадлежащие к этим последним группам, всегда имеют черты резьбы одной из групп ос-

---

¹² См., например, пороховницы из Rüstammer, Staatliche Kunst sammlungen Dresden. Inv.-Nr. X 0381 (<https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/286267>) и Inv.-Nr. Y 0381 a (<https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/282617#>).

¹³ См., например, предмет из Musée des Beaux Arts, Lyon. Corne à poudre. Numéro d'inventaire L 480: <https://collections.mba-lyon.fr/en/notice/l-480-corne-a-poudre-ba52dde0-d44b-4836-adcd-8c5cffb76db8>

¹⁴ См. предмет из Victoria and Albert Museum. Accession Number 824-1889. Firearm Accessory: <https://collections.vam.ac.uk/item/O448922/firearm-accessory/>.

На самом деле только пороховница, указанная в этой сноске, представляет собой «реанимацию» изначально полноценной пороховницы, после утраты задней части которой запорный механизм был переделан для возможности ее использования в усеченном виде. Но автор почему-то решил, что две остальные, вполне нормальные и самостоятельные пороховницы в форме миниатюрного рога, также представляют собой переделки. Причины этого станут ясны позднее.

новой ветви. Далее автор уточняет, что эти группы вполне последовательны, но не совсем. Они содержат объекты, которые немного, а иногда и сильно отличаются от идеальной модели, используемой для характеристики группы либо с точки зрения особенностей резьбы и структуры украшения, либо иконографии. Пороховницы были помещены в определенную группу, потому что у них было больше общих черт с этой группой, чем с другими. Таким образом, заключает автор, чтобы понять весь корпус предметов, нужно не пытаться искать идеальные модели, а скорее помнить об основных характеристиках каждой группы и пытаться найти соотношения между группами или конкретными предметами.

После таких разъяснений смысл предлагаемой классификации начинает ускользать, но все же попробуем выделить главное и обнаружить хоть какие-то принципы, положенные в ее основу. Итак, если выделить основные моменты в описании групп, пороховницы делятся на следующие виды:

1. С тремя визуально-декоративными частями и низко-рельефной резьбой.
2. С тремя визуально-декоративными частями, но в центральной части которых есть отдельное изображение (самостоятельная сцена), имеющие небольшую насыщенность сюжета.
3. С тремя визуально-декоративными частями, но в центральной части которых есть отдельное изображение (самостоятельная сцена), с более насыщенным сюжетом.
4. Без трех различных визуально-декоративных частей, но очень похожие на п. 3, хотя и с большей «динамикой сюжета».
5. Без трех визуальных частей, но практически полностью идентичные друг другу семнадцать предметов.
6. Имеющие изображения птиц в отдельных рамках.
7. С растительными элементами в декоре.
8. Где присутствуют одновременно и мифическая макара, и птицы.
9. Пороховницы, не вошедшие в другие группы.
10. Полу-пороховницы.

К сожалению, дополнительной ясности не возникает, но зато неминуемо приходит на ум параллель с классификацией животных из вымышленной китайской энциклопедии Хорхе Луис Борхеса. Автор явно попал в ловушку старого доброго принципа, превалирующего в европейских естественных науках с XVIII столетия, но не работающего за их пределами: не знаешь, с чего начать, что с этим всем делать и с какой стороны вообще подойти — каталогизируй это. Все, что не влезет в каталогизацию естественным путем, следует замести под ковер в разряде «уникальных» групп предметов, «полу-пороховниц» и других исключений. Затем, что-то выстроенное в подобие системы начинает восприниматься как система и требовать воссоздания условий для своего существования и подтверждения — вести себя, как будто нечто живое, требующее постоянной подпитки и признания. В эту топку бросаются любые сомнения и даже факты, заслуженно выявляемые самим исследователем, но не получающие должной оценки, так как предназначение этих фактов — не установление истины, а подтверждение права на существование произвольно созданной структуры.

Привязывая пороховницы к культуре посредством проведения сравнительного анализа между декором пороховниц и изображениями на миниатюрах эпохи Акбара и Джахангира, автор нашел там все необходимые ему подтверждения, кроме самих пороховниц, которые, исходя из его же рассуждений о моде и придворной живописи, просто обязаны там быть. Зато и на изображениях, и в музеях есть пороховницы совсем другого вида, и они устойчиво существовали в культуре на протяжении нескольких веков. Речь идет о традиционных пороховницах из рога газели и пороховницах, названных автором «полу-пороховницами». Первые — из рога газели или следующие этой традиционной индийской форме с двойным изгибом пороховницы, изготовленные из различных материалов, различной степени качества и дороговизны оформления, были широко распространены в Индии (Илл. 6¹⁵).

---

¹⁵ The Metropolitan Museum of Art:

<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/30471?ao=on&ft=priming+india&offset=0&rpp=40&pos=12>

Илл. 6. The Metropolitan Museum of Art.
Accession Number 36.25.2375.
Public Domain.

Именно форме рога газели, видимо, как первоначального материала изготовления, обязано своим видом большинство индийских пороховниц¹⁶, а не абстрактной форме «рыбы» или обнаруженной В. Борном в музее Бостона каменной фигурке макара эпохи Маурьев¹⁷. Вторые же, сделанные из нефрита и других камней в уменьшенной форме классического рога, декорированные в технике «кундан», собственно, и являются могольскими (Илл. 7¹⁸), что без всякого сложного искусствоведческого анализа и прочей систематизации зафиксировано в могольской живописи.

---

¹⁶ См., например:

The Royal Collection Trust. RCIN 38840. Matchlock accoutrements 1800-40:

<https://www.rct.uk/collection/38840/matchlock-accoutrements> .

Victoria and Albert Museum. Accession Number 2634(IS). Firearm Accessory;

<https://collections.vam.ac.uk/item/O449829/firearm-accessory-unknown/> .

Victoria and Albert Museum. Accession Number 2658:1 to 5/(IS). Firearm Accessories:

<https://collections.vam.ac.uk/item/O449831/firearm-accessories-unknown> .

Victoria and Albert Museum. Accession Number 2660:2/(IS). Firearm Accessory:

<https://collections.vam.ac.uk/item/O449834/firearm-accessory-unknown/> .

¹⁷ The Museum of Fine Arts Boston. Inv. number 35.20:

[https://collections.mfa.org/objects/17937/makara?ctx=bea33339-18d3-4ed5-8b31-](https://collections.mfa.org/objects/17937/makara?ctx=bea33339-18d3-4ed5-8b31-06bdcc98f2c3&idx=0)

[06bdcc98f2c3&idx=0](https://collections.mfa.org/objects/17937/makara?ctx=bea33339-18d3-4ed5-8b31-06bdcc98f2c3&idx=0) (по состоянию на январь 2023 г. недоступно с IP-адресов из РФ).

¹⁸ The Metropolitan Museum of Art:

<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/29387?ao=on&ft=priming+india&offset=0&rpp=40&pos=3>

Илл. 7. The Metropolitan Museum of Art. Accession Number 41.100.39.
Public Domain.

Такие пороховницы своей формой тяготеют к иранским пороховницам, что и не удивительно, так как именно иранская культура была законодателем мод для могольской культуры¹⁹. Существовали и могольские затравочные пороховницы из слоновой кости определенного вида, удивительным образом, как будет показано далее, осознанно исключенные автором из каталога.

Если бы автор не ставил своей первоочередной целью создание первого в мире каталога костяных резных могольских пороховниц для затравочного пороха, выполненных в композитном животном стиле, а вел бы свое исследование в рамках реальной индийской культуры, он бы неминуемо выяснил, что именно из указанных выше видов пороховниц и следовало создавать каталог. И что тогда несистемными и не вписывающимися в каталог стали бы как раз рассматриваемые автором пороховницы в композитном животном декоре, что и могло бы подтолкнуть к ответу на вопрос об их происхождении. Автор действительно провел большое исследование или, по крайней мере, потратил на это много времени и сил. Но получилась только грустная иллюстрация той редкой ситуации, когда можно угадать все буквы, но не отгадать слово целиком.

---

¹⁹ Пороховницы, следующие иранской форме, см., например, в (George Cameron Stone. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor: in All Countries and in All Times. Courier Corporation, 2013. 694 p. P. 516. Figure 660, item 11).

После безуспешной попытки понять смысл предложенной классификации единственной причиной для анализа статьи и написания рецензии послужило намерение показать, как неправильно выбранный метод исследования, даже при наличии многих верно установленных фактов, может привести к ложному результату.

Как известно, назначение любого каталога состоит в том, чтобы облегчить поиск каких-либо объектов по каким-либо признакам. На счет облегчения поиска в случае предлагаемого каталога возможны определенные сомнения, но главное не в этом. Хотя пользы от подобного каталога и немного, но и вреда явного нет, если бы автор ограничился только составлением каталога как попыткой хоть как-то осмыслить корпус однородных предметов, явно выделяющихся из общего культурного пласта. Но помимо весьма сомнительной ценности каталогизации по признакам декоративного внешнего оформления автор на основании своего каталога уверенно строит генеалогическое дерево, посредством которого, в свою очередь, располагает пороховницы в хронологическом порядке, датирует их и определяет особенности их производства, а, соответственно, и их место в истории и культуре, тем самым искажая последние. Но рассмотрим нюансы применяемых автором методов исследования по порядку.

Сомнений в датировке таких пороховниц периодом эпохи Великих Моголов со времени публикации статьи В. Борна никогда не возникало. Но факт принадлежности рассматриваемых пороховниц искусству Великих Моголов определяется автором каталога весьма интересным способом. На пороховницах изображено много животных. Также много животных изображалось на миниатюрах эпохи Акбара Великого. Автор старательно определяет, сравнивает эти виды животных и приводит их названия на латыни. В дальнейшем в описаниях каталога для каждой группы пороховниц автор подбирает схожие сюжеты, не ограничиваясь уже миниатюрами, да и вообще этой эпохой. В дело идет искусство Тимуридов, сцены из Шахнаме и так далее. При этом степень достаточности в доказательстве идентичности изображений на пороховницах и в других случаях остается на уровне констатации таких простых фактов, что имеет место, например, изображение птиц и в том, и

другом случае, а значит, есть связь. Автор настолько уверен, что искусство Великих Моголов старалось тщательно запечатлеть окружающую их реальность (особенно нелепо это выглядит, когда автор оперирует фантастическими изображениями из сказочной Хамза-наме), что, например, анализируя изображения мифической макара, рассматривает виды индийских крокодилов, опять же, оперируя их латинскими названиями, и с трудом выходит из ситуации, формулируя мысль о том, что в индийском искусстве существовала постоянная путаница между изображениями крокодилов и макара. При этом изображение на пороховницах таких опасных чудовищ, как макара, симург и крылатый лев, по мнению автора, было связано с обязанностью правителя защищать своих подданных, убивая таких тварей на охоте, и это тем самым заставляет предполагать, что пороховницы предназначались именно для охоты. В статье множество примеров подобного подхода, и в данной рецензии нет цели, задачи и желания разбирать их все и полностью, так как они всего лишь частные, хоть и многочисленные проявления все того же старого, доброго ориентализма, смешение реального с фантастическим и произвольное использование фактического материала для полностью оторванных от него умозаключений.

Единственным основанием, по которому В. Борн в свое время определил эти пороховницы как могольские, являлась схожесть, по его мнению, сюжетов охоты на пороховницах и могольских миниатюрах и, в частности, использование характерного, опять-таки по мнению этого исследователя, персонажа — охотничьего леопарда с ошейником. В могольской миниатюре не существовало канонических сцен охоты, которые позволяли бы выявить какую-либо общую схему, узнаваемую в любой технике декорирования. Так же, как и произвольное появление даже такого необычного животного, как охотничий леопард в ошейнике, вряд ли может служить однозначным атрибуционным признаком, позволяющим выделить из всего обилия художественных произведений Индии XVI-XVIII вв. и изображений сцен охоты именно могольскую культуру. Автор каталога идет дальше аргументации В. Борна и выставляет на воображаемый ринг двух претендентов: могольское и деканское искусство, очевидно, подразумевая под последним искусство

султанатов Декана. На этом ринге с разгромным счетом, а скорее даже нокаутом, побеждает «могольское» искусство, поскольку «такая иконография животных настолько часта в живописи Великих Моголов, что несколько отдельных случаев в живописи Декана не являются убедительным указанием на связь между Деканом и пороховницами». Сформулируем это иначе: в гораздо большем количестве дошедших до нас миниатюр могольского двора встречается, соответственно, гораздо больше изображений тех же животных, фигурами которых декорированы пороховницы, чем в малочисленных сохранившихся произведениях искусства Деканских султанатов²⁰. Более того, автор практически не обнаруживает изображений мифической макара в Декане, а те, что есть, «сильно отличаются от макара на пороховницах с точки зрения структуры, пропорций и узора». Отметим пока, забегая вперед, что единственные не единичные артефакты, где с рассматриваемыми пороховницами совпадают не виды животных на латыни, а схожая стилистика и комбинации фигур (как ни странно, именно с макара), их оформление, декоративные решения, способ обработки и, скромно заметим, материал изготовления, происходят именно из Декана.

Автор обращает внимание на следующие обстоятельства. Пороховницы сделаны из кости²¹ и не существует подобных, выполненных из других материалов, что крайне нетипично для истории искусства Моголов, так как большинство видов предметов искусства воплощались в различных материалах. Другой нетипичной причиной, которая смутила автора каталога, является изогнутая форма пороховниц (В. Борн считал ее формой рыбы), которая по мнению автора, вслед за В. Борном не обнаружившего в Индии традицион-

---

²⁰ Это, по сути, своеобразный “crash test” для исследователя культуры Индии и сложного для нее XVI века. Если указанный период определяется понятием «могольской» культуры — это твердая «тройка». Если к рассмотрению добавляется «деканская» культура — это «четверка». В случае упоминания еще и «раджпутской» культуры следует немедленно ставить «пять». Ну а попытка увидеть ситуацию в целом, не через призму статистики, учитывая непропорционально дошедшее до европейского взгляда количество произведений индийского искусства различных культур и времен, остается за рамками оценок средней школы.

²¹ Автор использует термин «ivory» в широком смысле, как обозначающий бивни или зубы животных, не обязательно слонов.

ных и повсеместных пороховниц из рога газели или повторяющих такую форму, также не имеет аналогов в искусстве Моголов, и «что можно найти лишь ряд относительно похожих персидских и европейских предметов, которые являются очевидными копиями таких пороховниц». Не касаясь справедливости данных замечаний, просто отметим, что подобных сомнений уже было достаточно, чтобы остановиться и задуматься о месте данных предметов в культуре. Но каталог уже составлен, а генеалогическое дерево продолжает расти.

Следом автор выдвигает удивительное предположение, очевидно, сбитый с толку тем обстоятельством, что сотрудник датского Музея Естественной Истории, который освидетельствовал пороховницу, находящуюся в собрании The David Collection, заключил, что она сделана из зуба кашалота или, что более вероятно из-за формы предмета, из зубов гиппопотама. Соответственно, автор предполагает, что все такие пороховницы могли быть сделаны из зубов гиппопотама, и именно форма зубов этого животного и вызвала к жизни форму самих предметов, тем более что «передняя часть пороховниц соответствует форме зубов верхней челюсти, а задняя часть соответствует форме зубов нижней челюсти». Это подтверждается, по мнению автора, тем обстоятельством, что в эпоху Великих Моголов португальцами в Индию импортировались зубы гиппопотама. Такое удачное совпадение обстоятельств неминуемо оставляет за границами исследовательского фокуса ряд фактов.

Не подлежит сомнению, что большинство известных пороховниц подобного вида сделаны все же из слоновой кости. Именно слоновая кость имеет свойство со временем или в процессе обработки изменять свой цвет, что нагляднейшим образом демонстрируют цветные фотографии из представленного автором каталога (можно сказать — разноцветные), а вот зуб гиппопотама, наоборот, имеет тенденцию к сохранению белизны, и об этом прямо сказано в источнике, из которого автор извлек информацию о поставках кости гиппопотама в Индию²². Автор упустил из виду также важнейший при

---

²² S. Tripathi and I. Godfrey: "Studies on elephant tusks and hippopotamus teeth collected from the early 17th century Portuguese shipwreck off Goa, west coast of India: Evidence of

массовом производстве (как следует из каталога — семнадцать только дошедших до наших дней идентичных предметов) экономический аспект и стоимость сырья²³. Допуская возможное использование зубов гиппопотама для производства таких пороховниц в отдельных случаях²⁴ (нельзя ставить под сомнение квалификацию сотрудника датского Музея Естественной Истории), все же следует обратить внимание и на экономический аспект.

Основное и подавляющее потребление слоновой кости в Индии позднего средневековья было связано с изготовлением браслетов, для которых бивни азиатского слона²⁵ не подходили из-за своего маленького размера, в то время как бивни африканского слона по причине большего диаметра внутренней полый части были более пригодны. В Индии существовал огромный спрос на браслеты в связи с тем обстоятельством, что их носили женщины всех классов, и их нельзя было использовать повторно другой женщине. Количество браслетов, носимых каждой женщиной, могло исчисляться десятками. Оставшаяся часть бивня, непригодная для изготовления браслетов, шла на изготовление другого массового продукта — гребней для волос. И только совсем уже непригодные куски бивня, которые стоили значительно дешевле, использовались для изготовления небольших по размеру декоративных предметов: шахматных фигур, игрушек и др.²⁶ Самая последняя часть бивня, цельный кусок, из которого еще можно было изготовить что-нибудь ценное — это его окончание, слегка изгибающаяся и сужающаяся часть. Именно из

---

maritime trade between Goa, Portugal and African countries”, *Current science*, 92:3, 2007, pp. 332-339. P. 336.

²³ Опять-таки, возвращаясь к вопросу об ориенталистическом подходе: какие могут быть экономические и иные практические аспекты в далекой сказочной стране, где золотые антилопы высекают золото из камня, а махараджи убивают на охоте симургов и макара?

²⁴ Зубы гиппопотама сложны в обработке и плохо подходят для резьбы. Зубная эмаль на зубах гиппопотама по твердости не уступает камню, и ее необходимо предварительно сошлифовывать. Бивни слона, наоборот, представляют собой относительно мягкий, ровный и удобный материал для резьбы.

²⁵ Слоновые бивни поставлялись в Индию и из Юго-Восточной Азии, по крайней мере, в XVIII веке (Martha Chaiklin. *Surat: City of Ivory*. In *Transregional Trade and Traders: Situating Gujarat in the Indian Ocean from Early Times to 1900*. Edited by Edward A. Alpers and Chhaya Goswami, Oxford University Press (2019). P. 226).

²⁶ Там же 113.

таких частей, по всей видимости, и изготавливали пороховницы. При этом не из одного бивня, а из двух окончаний разных бивней, что позволяло использовать материал с максимальной эффективностью. Соединение двух окончаний бивней их широкой частью, скорее всего, и определило форму пороховниц²⁷.

Анализируя «композиционный» стиль декорирования из переплетающихся фигур животных, автор, констатируя верные факты, как никогда близко подходит к правильному их осмыслению, но опять-таки без последующих правильных выводов. Действительно, попытки вывести стиль пороховниц из миниатюр с изображением фигур животных, составленных фантастическим образом из фигур других животных, выглядят необоснованно. Автор справедливо обращает внимание на то, что типы фигур, образующих тело составных фигур на миниатюрах, сильно отличаются от типа фигур, вырезанных на пороховницах. Миниатюры из составных фигур производились многими школами живописи в разные периоды и, таким образом, демонстрируют очень разные стили, тогда как пороховницы демонстрируют очень последовательный стиль, предполагая один единственный период производства. Но главное замечание автора состоит в том, что основной общей чертой для таких миниатюр и пороховниц является наличие в их декоре множества фигур. Однако в миниатюрах человеческие или фантастические фигуры и животные плотно собраны, чтобы создать форму составного существа. Форма же пороховниц не представляет собой никакой фигуры, животные или небольшие декоративные сцены представлены там лишь частично и ограниченно.

Добавим к выводам автора, заодно возвращаясь к вопросу о профаническом разделении на «могольское», «деканское» или какое еще направление искусства, что переплетение фигур животных было свойственно композитному стилю, который по общим представлениям появляется в Индии впервые на деканских миниатюрах²⁸ и, как предполагается, был заимствован из Ирана.

---

²⁷ «Eine geschnitzte Zündkrautflasche in der Kunstsammlung der Wartburg: ein Objekt und seine Umwelt». Kurochkin, A.; Malozyomova, E.; Menke, D. (2020) - In: Wartburg-Jahrbuch Bd. 29 (2020), pp. 25-51. P. 50.

²⁸ См., например: A prince riding a composite elephant, India, Golconda, Deccan, 16th century. The Cleveland Museum of Art. <https://www.clevelandart.org/art/2013.282>

Тем не менее в скульптурных изображениях, в частности на резных деревянных колоннах храмов он применялся в Индии гораздо ранее — с XII века. Среди известных примеров — храм в Махананди, округ Карнул, Андхра-Прадеш. На одной из колонн вырезана фигура коня, составленная из пяти женских фигур, на другой — фигура попугая из трех женских фигур, датируемые XII веком²⁹. В Храме Шри Ниндры Намби Перумал (храм Вишну) в Тируккурунгути, в районе Тирунелвели, Тамил Наду, строительство которого относится к VIII веку, но дополнения могли вноситься вплоть до XV века, можно обнаружить изображения слонов и коней, составленных из фигур попугаев или женских фигур. Следует отметить главную черту этого композитного стиля, на которую, надо отдать должное, на примере могольских миниатюр обратил внимание и автор статьи: основная, доминирующая фигура животного составлена из подчиненных фигур животных или людей, которые образуют части тела основного животного – голову, ноги и прочее. Другими словами, в первую очередь всегда видно какое животное изображено, слон или конь, и только потом зритель обнаруживает, что это изображение составлено из других меньших по размеру и вписанных в контуры главного изображения. В случае же с резными пороховницами из слоновой кости имеет место совершенно иная художественная структура. Изображения животных не вписаны в более крупную фигуру и не образуют собой другое более крупное животное, которое могло бы узнаваться с первого или даже второго взгляда и иметь хоть какую-то целостность. Кроме того, в могольском «композитном» стиле части основного животного состоят из целых фигур более мелких животных, в случае же пороховниц чаще задействованы не животные целиком, а лишь их отдельные части. И это вполне объяснимо — в противном случае потребовалась бы более сложная композиция и более искусная резьба. На пороховницах охотничьи сцены, степень их проработки, отсутствие полноценного развитого сюжета и целостности композиции скорее только обозначали декорирование и удешевляли массовое производство явно

---

²⁹ Balagouni Krishna Goud, M.V.S. Sarma. Composite Art: with special Reference to the Miniature Paintings in Salar Jung Museum. Proceedings of the Indian History Congress, 2012, Vol. 73 (2012), pp. 416-420. P. 420.

не для двора Великих Моголов. Например, только на отдельных экземплярах можно обнаружить проработанное изображение головы полорогого животного, которое декорирует насыпное отверстие. В большинстве случаев имеет место изображение только верхней части головы, но с обеих сторон пороховницы — верхней и нижней. Так как найти какое-либо объяснение этому обстоятельству с семантической точки зрения или провести аналогии с другими подобными решениями в могольском искусстве не представляется возможным, то остается только одна причина — необходимость заполнить пустое место с обратной стороны минимальными средствами.

Также автор проигнорировал важнейший момент, проливающий свет на источник «псевдо-композитного» стиля. На пороховницах образ пасти животного присутствует как на горловине, откуда насыпается порох, так и на противоположной ее части. В последнем случае из этой пасти часто выпрыгивает другое животное. Этот образ уходит своими корнями в искусство и мифологическую картину мира Индии конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. и нашел широчайшее выра-

Илл. 8.

жение на всей территории Индии и не только. Самое раннее появление этого сюжета можно обнаружить при оформлении входной группы в Храме Брихадишвара в Гангайконда Чодапурам, район Ариялур, Тамил Наду, построенном в 1035 году нашей эры. На колоннах, на которые опираются *dvarapalaka* (стражи ворот), неоднократно присутствует изображение змея, из пасти которого выпрыгивает слон (Илл. 8). В исходном мотиве, послужившем основанием для дальнейших художественных форм, из пасти чудовища-макара, обозначающего первоначальные воды, вырывается стебель лотоса, олицетворяющий жизнь³⁰. Позднее этот сюжет развился и дополнился появ-

³⁰ См. прорисовки в Robins V. and Bussabarger R. The Makara: A Mythical Monster from India. *Archaeology*, January 1970, Vol. 23, No. 1, pp. 38-43.

ляющимися из пасти фигурами слона, человека или козла, то есть земных сухопутных существ, выражающих собой воплощенную жизнь, в противоположность неопишуемому и невообразимому обитателю первоначальных вод, порождающего эту жизнь. Реализованный также в слоновой кости этот образ встречается в оформлении завитка струнного музыкального инструмента «саринда» (аналог лютни). Два таких предмета определены как изготовленные в Декане в XVII веке³¹. Нельзя не отметить, что данный сюжет очень подходит для оформления горловины с вынимающейся пробкой (или имитирующий такую горловину), и он использовался при изготовлении традиционных пороховниц из рога индийской газели, в которых действительно обыгрывалась форма макара и частично использовалась слоновая кость в схожем художественном виде (Илл. 9³²).

Илл. 9. The Metropolitan Museum of Art.
Accession Number 36.25.2418. Фрагмент.
Public Domain.

---

³¹ Один предмет см. в The British Museum. Museum number 1829,1114.1. https://www.britishmuseum.org/collection/object/A_1829-1114-1 и второй в Collection of Bashir Mohamed, London (The Metropolitan Museum of Art): <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/458938> или см. в Sultans of Deccan India, 1500–1700: Opulence and Fantasy. Metropolitan Museum of Art, 2015. 384 p. P. 254.

³² The Metropolitan Museum of Art: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/30359?searchField=All&sortBy=Relevance&ao=on&ft=priming+flask&offset=20&rpp=20&pos=25>

Этот сюжет также напрямую применялся в пороховницах, правда, несколько иного вида и изготовленных из дерева: из пасти свернутой в кольцо макара выпрыгивает слон, из пасти которого, в свою очередь, выступает бюст женской фигуры, держащей в руках попугая. Скорее именно этим художественным образом, корни которого уходят в традиционную индийскую мифологию, и объясняется переплетение фигур животных, выпрыгивающих из пасти друг друга, на пороховницах из резной слоновой кости, чем «композитным» стилем миниатюр, имеющим совсем другие истоки.

В итоге, не найдя связи с композитным стилем, не предложив иного объяснения существованию подобных пороховниц, автор походя опрокидывает и единственное предложенное ранее альтернативное суждение: «в недавней публикации Роберт Элгуд предложил в качестве возможного источника вдохновения — олифанты (охотничий рог из слоновой кости — *А.К.*), сделанные из бивней слона в Сьерра-Леоне для португальских торговцев в пятнадцатом веке. Нет доказательств, подтверждающих эту идею. Этих предметов всего несколько, известных лишь в нескольких европейских коллекциях; они старше пороховниц почти на столетие и являются предметами королевских комиссий для европейцев, и их нельзя отнести к Индии. У них есть общий с пороховницами образ — распахнутая пасть животного на конце, но эта особенность обычно встречается и на большинстве типов пороховниц из кости в Европе». Вот так, удивительно легко и поспешно, в телеграфном стиле, как ребенок закрывает глаза руками, не желая видеть что-либо не нравящееся ему, автор не обратил серьезного внимания на любопытный факт: в португальских колониях, рядом с источниками сырья, дешевая рабочая сила изготавливает предметы для охоты из резной слоновой кости для удовлетворения эстетических потребностей европейских элит за сто лет до поставок португальцами слоновой кости из Африки в Индию и производства там искомым пороховниц. Какие еще нужны подсказки, чтобы исследовательское сердце забилося чаще? Известно, что наибольшая популярность слоновой кости в Европе пришла на XVII-XVIII вв., но в XVI веке она еще считалась предметом роскоши и была достойна даже королевского подарка. В The National Museum of African Art находится предмет, охотничий рог, преподне-

сенный как подарок наследного принца Португалии Мануэля I королю Фердинанду V Кастилии и Арагона³³. Этот рог изготовлен в XV веке резчиками Сьерра-Леоне из западноафриканской слоновой кости специально для европейских клиентов. Известно, что там же изготавливались для Европы и затравочные пороховницы из слоновой кости³⁴.

Слоновая кость, как будет показано далее, использовалась в Индии и при изготовлении целых пороховниц, а не только их частей, но в могольской культуре она не занимала столь же знакового места как, например, моржовая кость или нефрит, из которого и производились в первую очередь статусные затравочные пороховницы для могольского двора. Слоновая кость больше ценилась в Центральной и Южной Индии, но изделия из этих регионов по уровню исполнения, а главное, смысловому наполнению, существенно отличаются от более примитивной, массовой техники исполнения рассматриваемых затравочных пороховниц. Уже упоминавшиеся саринды, музыкальные инструменты, в оформлении которых использована как резная слоновая кость, так и «композитные» фигуры животных, наглядно демонстрируют, на каком уровне исполнялась резьба, и как выглядели мифологические сюжеты, когда адресатами такой художественной работы являлись сами индийцы. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что немалая часть пороховниц из слоновой кости выполнена в таком качестве работы и мастерства, что невольно создается впечатление, что самое важное в них — это только сам материал изготовления.

Слоновая кость встречалась, как уже указывалось, в оформлении декоративной горловины пороховницы, изготовленной из рога газели, в виде одного животного, выпрыгивающего из пасти другого, либо просто в виде пасти морского монстра. Можно также обнаружить пороховницы, целиком изготовленные из слоновой кости в виде полноценных животных (как прави-

---

³³ The National Museum of African Art, object number 2005-6-9: https://collections.si.edu/search/detail/edanmdm:nmafa_2005-6-9?hlterm=2005-6-9

³⁴ Bassani E, Fagg W. Africa and the Renaissance: art in ivory. The Center for African Art and Prestel-Verlag, New York, 1988. Цит. по (Esmond and Chryssee Martin. Portugal's long association with African ivory. *Pachyderm* No. 46 July–December 2009, pp. 35-46. P. 37).

ло, антилопы, реже — макара), без использования композитных сцен и рельефных изображений. Насыпное отверстие у таких пороховниц было выполнено скромно в виде просто головы антилопы, и все это в гораздо большей степени соответствовало представлению могольской мусульманской элиты о прекрасном и лишено избыточной для этой элиты помпезности композитного стиля. Интересно отметить, что на, бесспорно, могольских затравочных пороховницах, выполненных в «иранском» стиле из нефрита, горловины часто оформлены также в виде головы именно полорогого животного, но очень лаконично, без излишних декоративных приемов, которые наблюдаются на пороховницах композитного стиля³⁵.

Надо сказать, что одновременно такая же сдержанная стилистика характерна для многочисленных оригинальных могольских рукоятей кинжалов, изготавливавшихся также из нефрита (Илл. 10³⁶). Представляется, что это был единый воинский оружейный комплекс со сходным декоративным оформлением в соответствии со вкусами эпохи.

Илл. 10.

The Metropolitan Museum of Art.

Accession Number 1985.58a.

Фрагмент.

Public Domain.

---

³⁵ См., например: Victoria and Albert Museum. Accession Number 02585(IS). Firearm Accessory: <https://collections.vam.ac.uk/item/O13735/firearm-accessory-unknown/> или предмет из Лувра:

https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b5/Gunpowder_horn_India_Louvre_R436.jpg

³⁶ The Metropolitan Museum of Art:

<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/453253?ao=on&ft=dagger+india&offset=0&rpp=40&pos=2>

Подобного же комплекса из слоновой кости не обнаруживается, за исключением немногочисленных экземпляров кинжалов с рукоятями, выполненными в форме головы полноценного реального животного и в той же, кстати, стилистике, что и рукояти из нефрита, по сути, просто из другого материала, которые если и корреспондировали с чем-то, то именно с вышеуказанными пороховницами в форме реальной и полноценной антилопы (Илл. 11³⁷). Но, несмотря на это обстоятельство и отсутствие вообще какого-либо контекста, автор уверенно, опираясь на фактор придворной моды, определяет временной период производства резных пороховниц. И это настолько удивительно, насколько и необъяснимо, ведь резные пороховницы из слоновой кости не обнаруживаются на изображениях индийской придворной живописи. На миниатюрах различного периода и различных школ запечатлено достаточное количество сцен охоты и в основном с участием первых лиц. Статусность пороховниц, вырезанных из слоновой кости, казалось бы, должна свидетельствовать об их принадлежности именно первым лицам. Но на известных изображениях первые лица пользуются затравочными пороховницами совсем иного вида. Этот факт устанавливает и сам автор, но легко и изящно, как и на протяжении все-

Илл. 11.
The Metropolitan Museum of Art.
Accession Number 36.25.665. Фрагмент.
Public Domain.

являются на изображениях индийской придворной живописи. На миниатюрах различного периода и различных школ запечатлено достаточное количество сцен охоты и в основном с участием первых лиц. Статусность пороховниц, вырезанных из слоновой кости, казалось бы, должна свидетельствовать об их принадлежности именно первым лицам. Но на известных изображениях первые лица пользуются затравочными пороховницами совсем иного вида. Этот факт устанавливает и сам автор, но легко и изящно, как и на протяжении все-

---

³⁷ Рукоять предмета на иллюстрации выполнена из моржовой кости. The Metropolitan Museum of Art:

<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/31837?ao=on&ft=dagger+india&offset=80&rpp=40&pos=104>

го исследования, выходит из данной ситуации, заключая: «Похоже, что ни одна из подобных пороховниц не была представлена ни в одной из миниатюр времен Акбара, Джахангира или более поздних, к которым был получен доступ во время этого исследования. Однако на миниатюрах можно увидеть другие типы пороховниц, что позволяет отнести рассматриваемый корпус пороховниц к определенному периоду, что будет показано в ходе данной работы». Этот период бытования отсутствующих на изображениях пороховниц автор определяет именно по этим же изображениям: «Обсуждавшиеся ранее иконографические элементы предполагают, что появление пороховниц произошло между 1570-ми годами (для групп 1 и 2А) и серединой 1590-х годов (для группы 3В). Иконография крылатого льва, типичная для группы 3В, последней в корпусе, часто видна на украшенных полях рукописей Великих Моголов между 1590-ми и 1610-ми годами и, кажется, все еще используется после этого, хотя и гораздо реже. Если новые художественные направления в могольском искусстве внедрялись сразу в производство пороховниц, то это означает, что самое позднее около 1595 года в производство пошел тип 3В. Вопрос в том, как долго он производился? Здесь следует напомнить, что только группа 3В подвержена стандартизации (состоит из семнадцати одинаковых предметов — *А.К.*). Это означает, что творческий процесс был остановлен, и ни одному художнику уже не разрешалось тратить время на эксперименты, характерные для производства на протяжении всех периодов 1, 2А, 2В и 3А...». Учитывая, что нещадно эксплуатируемая автором на протяжении всего исследования могольская миниатюра, в которой он тщательно ищет параллели с пороховницами, появляется только, по сути, в 1570-х гг., совсем не удивительно, что и общие с пороховницами иконографические элементы на ней появляются не ранее этого же времени. Способ определения автором момента окончания производства пороховниц также следует отметить. Абсолютно справедливо выделяя влияние придворной моды на стиль и виды предметов роскоши, автор обнаруживает на портрете молодого Шаха Джахана, датированном ок. 1620 г., изображение «полу-пороховницы» и предполагает, что «полу-пороховницы» окончательно вошли в моду в 1620 г., и, таким образом, двухчастные «полноценные» пороховницы из слоновой

кости, соответственно, вышли из моды самое позднее к 1620 г. За генеалогическим деревом уже не видно леса, единожды укоренившись, оно требует полива и обильно расцветает. Если что-то не вписывается в реальную культуру и историю, значит нужно смело переписать эти устаревшие и не соответствующие современным подходам «истории» и «культуры»: «Два факта, которые можно наблюдать на миниатюрах, позволяют предположить еще более точный момент окончания производства пороховниц из слоновой кости. Оруженосцы на миниатюрах времен Акбара носят пояса определенного типа, как в охотничьих, так и в военных сценах. Такие пояса состоят из ряда подсумок... они служили для переноски различных элементов, используемых с ружьем: пуль, затравочных пороховниц, пороха и др. По какой-то причине такие пояса почти полностью перестают изображаться после царствования Акбара. Это совпадает с первыми изображениями полу-пороховниц, которые изображены висящими на шнуре на груди носителей оружия, у которых, похоже, есть один или два небольших подсумка, прикрепленных к их ремням, а также большой рожок для пороха, в котором находится крупнозернистый черный порох, используемый для заряжания ружья. Эти два факта предполагают, что произошли изменения в использовании оружия или технологии, которые изменили объем приспособлений, используемых для перезарядки оружия, или объем необходимого воспламеняющего пороха. Анализ ружей, изображенных на миниатюрах между 1595 и 1610 годами, не показывает радикальных изменений с точки зрения конструкции или механизма стрельбы, поскольку они точно изображены. А вот сами ружья как будто стали чуть короче и тоньше. Источники того периода очень мало говорят нам об ружейных технологиях в Индии. Из записей английских фабрик известно, что европейское оружие импортировалось в Индию, а это означает, что его качество считалось эквивалентным или лучшим, чем у местного оружия. Некоторые разрозненные упоминания едва помогают; одно из самых точных — от Эдварда Терри, который рассказывает о наблюдении, сделанном между 1616 и 1619 годами, что в Индии запаливают огнестрельное оружие с помощью фитиля. Таким образом, хотя здесь и не может быть никакой уверенности, автор счи-

тает, что производство пороховниц из слоновой кости прекратилось в 1610-1615 гг., когда Джахангир начал покровительствовать резьбе по нефриту».

Для начала просто отметим, что автор упустил из виду, что резные пороховницы из слоновой кости не только имели крепления для шнура, иногда в виде отдельных элементов, а чаще в виде просто прорезанных в кости отверстий, совмещенных и вплетенных в декоративную сцену, но существуют даже образцы с вполне живым и аутентичным шнуром³⁸, которые вполне могли носиться не в подсумках на поясе, а также «висящими на шнуре». Это с одной стороны. А с другой стороны — до XIX века и, вероятно, позднее затравочные пороховницы вполне успешно носили заткнутыми за пояс³⁹, и шнур служил для страховки от потери и для возможности использовать пороховницу, не отвязывая ее от пояса. Также непонятно, что хотел проиллюстрировать автор «самым точным упоминанием». В источнике употреблено слово «match». Это могло обозначать как фитиль, которым запаливали затравочный порох, так и раскаленный стержень, который до изобретения фитильного замка (matchlock) непосредственно вставлялся в затравочное отверстие, как при стрельбе из пушек. В первом случае требовался затравочный порох и, соответственно, пороховницы для него, во втором же случае — нет. Что это помогает прояснить в мыслях автора, и каким образом это связано с производством затравочных пороховниц или с изменением их внешнего вида и объема, остается загадкой. Даже упомянутый в 1590-х гг. придворным хронистом Акбара «чудесный способ», изобретенный, конечно же, самим «Его Величеством», стрельбы без использования фитиля (видимо, речь идет о какой-то разновидности кремневого замка, позаимствованного где-то Его Величеством) все равно должен был требовать использования затравочного пороха, и не исключено, что даже в больших количествах. Но в любом случае автор отмечает отсутствие изменений в механизме стрельбы. Можно только пред-

---

³⁸ Islamic weapons in Polish collections and their provenance. Żygulski, Zdzisław jun. In: Elgood, Robert (Hrsg.): Islamic arms and armour. London 1979, pp. 213-238. Cat. Number 226. Эта пороховница включена в каталог автора, как и другие, также с подвесом.

³⁹ См., например, изображение сцены охоты 1790 г. Миниатюра “Adar Singh and Saman Singh shooting birds”, The San Diego Museum of Art. Accession Number: 1990.639. <http://collection.sdmart.org/Obj5187?sid=1611&x=3703>

положить, что посыл автора заключался в том, что раз нет сведений в источниках или же они сводятся к упоминанию общих фактов, значит и быть могло все, что угодно, в том числе и взятые с потолка предположения. Если попытаться понять мысли автора, изложенные в столь стеснительной манере и полунамёками, хотя они должны были, вроде как, подтвердить один из основных выводов его работы, то придется резюмировать, что сначала были пороховницы из двух половинок (или из двух зубов гиппопотама), и они носились в подсумках на поясе (хотя на них были шнуры). Потом, из-за изменений в оружейном деле, стволы ружей стали короче и тоньше, и это каким-то образом (не важно как, читателю статьи не нужно в это вникать, никто же ничего не знает об индийских ружейных технологиях, кроме того, что они запаливали свои ружья фитилем) повлекло за собой уменьшение требуемого количества затравочного пороха, и поэтому затравочные пороховницы уменьшились в своих размерах на половину, начали носиться подвешенными на тесемках на груди и стали «полу-пороховницами», изготавливавшимися из нефрита. Это все могло бы показаться смешным, но на самом деле за этим стоят вполне серьезные намерения. С помощью словесных манипуляций автор вписал, как ему представляется, отсутствующие в искусстве моголов пороховницы и заодно весь свой каталог в реальную историческую картину. Теперь становится понятно, с какой целью автор все «полу-пороховницы» 5-й группы определил как переделанные из «полноценных» пороховниц, хотя такая там фактически только одна — эта группа призвана являться «эволюционным» продолжением предыдущих групп; полноценные пороховницы разламывались на две части, так как требуемое количество пороха стало меньше, и именно такие половинки и послужили, как пишет автор «очевидными предшественниками пороховниц из камня, изображенных на картинах XVII — начала XVIII вв.». И все это при том, что до этого момента мало у кого могли возникнуть сомнения, что затравочные пороховницы в форме миниатюрного рога естественным образом корреспондировали с повсеместно распространенными большими пороховницами в форме рога и являлись производными от них. Вызывает неподдельное изумление, граничащее с возмущением, каким образом возможно без фактов и приемлемых обоснований не

только присоединить искусственно созданную конструкцию к реальной истории и культуре, но и сделать последние производными от нее: композитные пороховницы из слоновой кости (свидетельств об использовании которых моголами нет) породили «полу-пороховницы» из слоновой кости (путем разламывания), а эти последние стали «очевидными предшественниками» реально существовавших пороховниц из драгоценных камней.

Автор щедрой рукой одарил индийскую культуру резными пороховницами из слоновой кости в композитном животном стиле, назначил их принадлежащими именно могольской культуре, отвел им место и время производства и, казалось, мог бы с удовлетворением констатировать, что исследование успешно завершено. Но, видимо, что-то смущало даже самого автора, ведь он сам начал свое исследование с пассажа, что эти пороховницы выделяются (stand out) среди предметов могольской Индии, и использовал два десятка страниц текста, чтобы вписать их в культуру этой Индии. Но пороховницы отказывались появляться на миниатюрах придворной могольской живописи или хотя бы просто в каком-нибудь музее или дворцовом арсенале в Индии. Куда же они девались? И автор в качестве финального штриха предлагает элегантное, простое, хотя и взятое из воздуха и подвешенное в этом же воздухе, решение: «Все контекстуальные элементы использования мушкетов, охоты или иконографии предполагают прочную связь между этими пороховницами, имперской идеологией и практикой чествования высокопоставленных чиновников подарками, что широко задокументировано. Эти пороховницы могли быть изготовлены в императорских мастерских в качестве подарка офицерам. Это может объяснить, почему в периоды 2А, 2В и 3А производились пороховницы, в украшении которых широко использовались макара, а в других - нет. Первые могли быть сделаны для раджпутского мансабдара, а остальные - для мусульман». Действительно элегантно, ведь в придворной могольской живописи запечатлены сцены охоты исключительно первого лица, и на них не обнаруживается таких пороховниц, да и предварительно заряженные ружья им чаще всего подавали оруженосцы, которым было, вероятно, без разницы, из чего насыпать порох. Но такими пороховницами наверняка пользовались лица попроще, не попавшие на миниатюры, тем более что

после таких фраз, как «все контекстуальные элементы», «прочная связь», «широко задокументировано», только у самого скептическим образом настроенного читателя останутся сомнения, что все именно так и было. А такие любопытные подробности, как производство пороховниц с разным декором для индуистов и мусульман, должны только усилить это впечатление. В принципе, видов и подвидов выделенных автором пороховниц хватило бы, чтобы «вооружить» ими все основные религиозные течения Индии: от суннитов и шиитов, до шиваитов и вайшнавов и еще несколько сект между ними. Тем не менее тридцатью страницами ранее, когда автор старательно вписывал декор пороховниц и тех же самых «индуистских» макара в могольский иконографический контекст, он указывал на то обстоятельство, что «Акбар активно продвигал новую политику религиозной терпимости в успешной попытке создать составную элиту для империи. Искусство было средством передачи этого убеждения, что объясняет его выбор, чтобы индуистские черты были включены в творения его мастеров и архитекторов», и ссылался на многочисленные изображения макара в могольской иконографии. Также следует отметить, что если в чем-то рассматриваемые пороховницы и являлись композитными, так это в том, что передняя «насыпная» часть у них была выполнена в мусульманском стиле в форме полорогого животного, а задняя «глухая» — в индуистском стиле в виде «животного из пасти», другого типичного решения для пороховниц. Являлось ли это следствием политики Акбара или же такая эклектика имела другие, более прозаические причины, будет показано ниже.

Заслуживает внимания утверждение автора о том, что за недолгий срок своего существования пороховницы, согласно предложенному генеалогическому дереву, под которым, как позднее выясняется в статье, скрывалось дерево эволюции, совершили эту самую эволюцию, развиваясь, как положено всему в этом мире, от простого к сложному. Автор совершает по истине титанический труд, и через полутона, сравнение линий и изгибов, разные эстетические ощущения, взаимное расположение фигур животных, разумеется, находя все необходимые подтверждения из соответствующего художественного контекста могольской Индии, который, видимо, также активно менялся

эти тридцать-сорок лет, показывает, как из простых, практически не украшенных пороховниц первой группы, постепенно усложняясь, перетекая, частично наследуя и диалектически борясь друг с другом, но так или иначе прорастая и видоизменяясь, появлялись более сложно оформленные пороховницы. Как синтезируя и экспериментируя, некие мастера пришли к стандартному решению, породив семнадцать одинаковых пороховниц (при этом чем меньшим количеством представлены пороховницы в каталоге автора, тем, соответственно, более короткий срок производства им отведен) и некоторое количество нестандартных, включая полу-пороховницы, после чего, видимо, посчитав свою миссию выполненной, исчезли. И это ирония лишь отчасти.

Известно, что в Индии существовала и существует до сих пор кастовая специализация мастерства «джати», определяющая наследственную профессиональную деятельность, при которой опыт, навыки мастерства, художественные приемы и пр. передаются из поколения в поколение. Удивительно, но в Индии нет специализированной касты резчиков по слоновой кости⁴⁰. Упоминание *dantakara* — «обработчик зубов» можно обнаружить в античных надписях⁴¹ или в индийском эпосе⁴². Термин *sutradhara* встречается в ряде древнеиндийских эпиграфических записей⁴³ и связан, по-видимому, в основном с резчиками по дереву, скульпторами, гравировкой надписей и в меньшей степени с резьбой по камню и слоновой кости. После древнего периода резчики по слоновой кости появляются уже только в XVIII веке как отдельные семьи касты плотников *bhaskar* в Бенгалии в Муршидабаде⁴⁴, каста ювелиров *kamsali* в Андхра-Прадеше и Телангане, начавшие работать со слон-

---

⁴⁰ George Watt. Indian art at Delhi, 1903. Being the official catalogue of the Delhi exhibition, 1902-1903. Delhi, Motilal Banarsidass Publ., 1987. 546 p. P. 176.

⁴¹ Pushpa Prasad. Artisans In North Indian Inscriptions (Sanskrit and Allied Languages) of 10th to 14th centuries.

Proceedings of the Indian History Congress, 2005-2006, Vol. 66 (2005-2006), pp. 183-190. P. 185.

⁴² В частности, в Рамаяне (John Wilson. Indian Caste. Times of India Office. 1877. P. 224).

⁴³ М. К. Dhavalikar. Sūtradhāra. Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute, 1971, Vol. 52, No. 1/4, pp. 215-220. P. 215.

⁴⁴ Census of India, 1961, vol 1, issue 5. India. Office of the Registrar General, 1969. P. 69.

вой костью, и это было в основном производство мебели (инкрустированная мебель с использованием шпона слоновой кости) и декоративных предметов. Важно отметить, что все это было не традиционное индийское производство для внутренних нужд, а производство для европейцев и по европейским образцам⁴⁵. Важнейший же продукт из слоновой кости для внутрииндийского потребления — браслеты — изготавливали *chudigar*⁴⁶, мусульманская каста изготовителей браслетов⁴⁷, но не резчиков. Существовали локальные сообщества, например *lakhera* в Раджастане, которые также занимались изготовлением браслетов, но также не в качестве резчиков, а наряду с другими промыслами, в том числе, что характерно, производством изделий из дерева, из которого, как представляется, и изготавливалась львиная доля пороховниц всех видов, банально не дошедших до наших дней, в том числе по той причине, что они не представляли большого интереса для европейских любителей экзотики и дорогих материалов, хотя они и встречаются в музеях Индии.

Нельзя не обратить внимание на то, что отсутствие упоминаний о касте резчиков по слоновой кости после древнего периода совпадает с данными исследований о находках изделий из кости и центрах их традиционного производства, в которых также фиксируется факт значительного угасания этого ремесла на территории Индии⁴⁸. Скорее всего это связано с источником слоновой кости. Насколько известно, в древней Индии не существовало практики специального убийства слонов ради этого ресурса. Слоновая кость счита-

---

⁴⁵ Kate Smith. Production, purchase, dispossession, recirculation: Anglo-Indian ivory furniture in the British country house, in ed. Margot Finn and Kate Smith, *East India Company at Home, 1757-1857*. 538 p. P. 71-72.

⁴⁶ Chudi — браслет, gar — изготовитель.

⁴⁷ По другим данным в XVIII веке в Сурате индуистские производители браслетов принадлежали к касте браминов-кшатриев и были известны как *chudgars*, в то время как мусульмане были *maniars*. Помимо этого, большое количество парсов, начавших селиться в Сурате в начале XVII в., также делали браслеты и другие изделия из слоновой кости (Martha Chaiklin. *Surat: City of Ivory*. In *Transregional Trade and Traders: Situating Gujarat in the Indian Ocean from Early Times to 1900*. Edited by Edward A. Alpers and Chhaya Goswami, Oxford University Press (2019). P. 230.

⁴⁸ *Ivory Works in India through the Ages (upto the end of 19th century)*. New Delhi: Office of the Registrar General, India, Ministry of Home Affairs Delhi: Manager of Publications, 1971. P. 10-11.

лась редким и ценным материалом, а изделия из нее – достойными царского подарка. Пришедшие же мусульмане, по всей видимости, не испытывали особенного трепета перед этим материалом. Но все изменилось с начала XVI века, когда португальцы начали массовые поставки восточноафриканской слоновой кости в Индию. Через факторию в Диу (Гуджарат) слоновая кость переправлялась в Сурат⁴⁹. Сурат стал крупным международным перевалочным пунктом в XVII в. Возможно, это был также самый важный порт для торговли слоновой костью в Азии и, возможно, в мире, пока его не затмил Бомбей уже в XIX в.⁵⁰ При этом до начала XIX в. около 80 процентов импорта слоновой кости в Сурат и Бомбей оставалось в Индии, остальная часть шла в Китай и Юго-Восточную Азию, и лишь небольшая часть шла в Европу⁵¹. Сурат также был местом концентрации не только торговцев слоновой костью, но и ремесленников⁵². К 1620-м годам есть точные свидетельства того, что в городе обрабатывали слоновую кость⁵³. Тот факт, что обработкой этой кости стали заниматься не прирожденные по своей джати резчики, которых к этому моменту уже не существовало, а «смежники», свидетельствует о том, что производство было не традиционным. Во второй половине XVI в. в Сура-те, который стал портом Великих Моголов, было еще не так много мастеров. При этом предметы роскоши для самого двора изготавливались в основном в Дели⁵⁴.

---

⁴⁹ Sohinee Basak. Portuguese and the Maritime Economy of Diu in the 16th century. Proceedings of the Indian History Congress, 2014, Vol. 75, pp. 307-313. P. 310.

⁵⁰ Martha Chaiklin. Surat: City of Ivory. In Transregional Trade and Traders: Situating Gujarat in the Indian Ocean from Early Times to 1900. Edited by Edward A. Alpers and Chhaya Goswami, Oxford University Press (2019). P. 219.

⁵¹ Martha Chaiklin. Surat and Bombay Ivory and commercial networks in western India. In ed. Adam Clulow, Tristan Mostert, The Dutch and English East India Companies: Diplomacy, Trade and Violence in Early Modern Asia. Amsterdam University Press, 2019. 272 p. P. 110.

⁵² Там же.

⁵³ Martha Chaiklin. Surat: City of Ivory. In Transregional Trade and Traders: Situating Gujarat in the Indian Ocean from Early Times to 1900. Edited by Edward A. Alpers and Chhaya Goswami, Oxford University Press (2019). P. 225.

⁵⁴ Martha Chaiklin. Surat: City of Ivory. In Transregional Trade and Traders: Situating Gujarat in the Indian Ocean from Early Times to 1900. Edited by Edward A. Alpers and Chhaya Goswami, Oxford University Press (2019). P. 225.

Автор приводит любопытный факт, на котором, собственно, и стоит вся предложенная им конструкция. Он сообщает со ссылкой на придворные хроники Акбара (Акбар-наме), что в 1575 году, после завоевания Гуджарата моголами, мастера, направленные в Гоа⁵⁵ изучать европейские ремесла, «обученные европейцами, вернулись к работе в имперских мастерских... и можно также предположить, что производство пороховниц было начато этими мастерами, прошедшими европейское обучение». К этому моменту чтения статьи когнитивные способности читателя начинают пасовать перед суггестивным влиянием текста, и указанный тезис воспринимается как нечто абсолютно логичное. Но все же его необходимо проанализировать. Мастера прошли европейское обучение. Чему именно европейцы обучили имперских мастеров? Вырезать пороховницы с изображением животных из могольских миниатюр⁵⁶? Использованию слоновой кости и резьбе по ней? Технике резьбы и использованию декора в композитном стиле? Если все эти навыки существовали в Гоа и Гуджарате до того, как туда пришли моголы, и были неизвестны моголам, то кто же был изготовителем, а главное, потребителем этой продукции до того, и куда она поставлялась? Первые резные пороховницы из слоновой кости появляются в Европе в 1590-х годах. При этом как минимум до 1570-х годов, а на самом деле и позднее, их производили в Гуджарате и Гоа мастера, уже обученные европейцами, если, конечно, исключить вероятность того, что европейцы просто сидели и ждали именно могольских мастеров, чтобы их обучить. Для чего европейцы привозили сырье, обучали мастеров и куда девалась изготовленная ими продукция? Видимо, европоцентрично настроенному исследователю это представляется некоей гуманитарной миссией, и наученные европейцами мастера, нагруженные африканской костью, отбывают ко двору благодарного Акбара развивать индийскую культуру и

---

⁵⁵ На тот момент основной центр португальского влияния.

⁵⁶ Опять-таки, это ирония лишь отчасти. Именно в Сурате в 1841 году, гостя у местного раджи, князь Алексей Салтыков видел охотничьего леопарда (А. Д. Салтыков. Письма об Индии. М., 1985), изображение которого в ошейнике, встречающееся на резных пороховницах, привело В. Борна к заключению, что эти пороховницы могольские, так как он обнаружил изображения леопардов в ошейнике на могольских миниатюрах. Там леопарды, и там леопарды. Какие могут возникнуть сомнения? На самом деле ручных леопардов держали по всей Индии.

экономику. Тогда-то, видимо, империя и наносит ответный удар, и поток пороховниц устремляется в Европу, заодно проходя взрывную тридцатилетнюю эволюцию. Нам сообщают, что «...имперское производство было организовано через высокоцентрализованные мастерские, посвященные каждому типу производства. В живописи мастера специализировались на пейзажах, животных, композиции, фигурах и т. д. То же самое для декоративно-прикладного искусства. Логически то же самое должно было быть и с резьбой по слоновой кости. Поэтому кажется вероятным, что различия между пороховницами связаны с тем, что несколько мастеров производили предметы одновременно и, вероятно, несколько рук работали над одним и тем же предметом. После тщательного изучения стилистических несоответствий на некоторых пороховницах кажется возможным предположить, что одни мастера специализировались на низком рельефе, а другие — на фигурах, выполненных в объемной форме... Можно наблюдать постоянное скульптурное развитие с постоянным смешением и переносом многочисленных иконографических экспериментов, с переходом элементов из одной группы в другую. Это говорит о том, что мастера, работающие вместе, создавали различные группы, вероятно, в одной мастерской или в структуре, в которой размещалось несколько связанных мастерских». После этого полета фантазии на тему конкретной работы неких абстрактных мастеров автор, апеллируя к одному (!) ковру⁵⁷ с изображениями животных, появляющихся из пасти других животных, причем изображениями стилистически и художественно никаким образом даже близко не связанными с исследуемыми пороховницами⁵⁸, датированному 1580-1585 гг. и предположительно произведенному в Фатехпур-Сикри, предполагает, что такие пороховницы также происходили из имперской мастерской в Фатехпур-Сикри, а затем из такой же мастерской, но уже в Лахоре, после переноса туда столицы в 1585 году.

---

⁵⁷ The David Collection. Inv.numb.: Tex 32. Fragment of a pile carpet, wool on a cotton ground. <https://www.davidmus.dk/islamisk-samling/tekstiler-taepper-og-laeder/item/319>

⁵⁸ Тут из пасти, и тут из пасти, без нюансов, и это при том, как тщательно автор анализировал все невидимые не натренированному особым образом взгляду художественные различия между самими пороховницами при составлении своего каталога.

Вызывает серьезные сомнения тезис автора, что рассматриваемые пороховницы производились в одной, да еще имперской мастерской на протяжении достаточно короткого, тем более по меркам традиционного производства, времени. Разница не в эволюционных периодах, не в ветвях генеалогического дерева, а в качестве, технике и стилистике работы. Эти пороховницы демонстрируют разницу в работе либо во многие десятки лет, либо в сотни километров.

То, что легко наговорить в телеграфном стиле даже в научной статье, гораздо сложнее изложить фактами. Собственно говоря, такой телеграфный стиль и призван в первую очередь для того, чтобы за кажущейся связанностью и текучестью мысли спрятать отсутствие фактического материала. Попробуем распутать этот клубок, закрученный, заверченный и запутанный автором каталога.

Итак, в 1575 году Акбар посылает мастеров в Гоа. Приведем точную цитату из Акбар-наме. Один из доверенных слуг, «который, благодаря своему умению, правильному мышлению и наблюдательности, был одним из хороших слуг двора, был назначен взять большую сумму денег и лучшие индийские товары с собой в Гоа и привезти оттуда для Его Величества наслаждение прекрасными вещами этой страны. Вместе с ним было послано много искусных ремесленников, которые к способностям и умениям добавили трудолюбие, чтобы, как вывозились чудесные произведения этой страны (Гоа и Европы), так и редкие ремесла могли быть ввезены (во владения Акбара)»⁵⁹. Отметим сразу, держа в голове указанные ранее соответствия между художественными решениями резных пороховниц и искусством султанатов Декана, географическую близость страны Гоа к Декану. Собственно говоря, территория Гоа и являлась до захвата португальцами частью Деканских султанатов. Относительно страны Европы сообщается, например, что одним из таких обретенных чудесных произведений был орган. Теперь необходимо выяснить, была ли среди вывезенных редких ремесел резьба по кости. Сделать это не сложно, так как тот же автор Акбар-наме в приложении-справочнике к этому труду Аин-и-Акбари сообщает о художниках и мастерах, работающих при

---

⁵⁹ Henry Beveridge (transl.): The Akbar Nama of Abu-l-Fazl, Vol. 3, New Delhi 1987. P. 207.

императорском дворе. Там есть эмальеры, наносящие эмали и обжигающие их. Есть ювелиры, выделяющие изделия из золота и серебра. Есть мастера, специально занимающиеся прodelыванием отверстий (пирсингом) в украшениях и посуде (интересно, что их зарплата в два раза больше, чем у простого ювелира). Мастера, делающие рельефные фигуры на золотом фоне; инкрустации гранулами серебра и золота, как маковыми зернышками; вытягивающие золотую и серебряную проволоки; делающие сусальное золото и серебро. Гранильщики и литейщики. Есть «кофтгар, или золотобоец, делающий инкрустации на стали и других металлах золотой и серебряной проволокой». Есть «зарнишан, или инкрустатор золотом, — это рабочий, который различными способами вырезает серебро, агат, хрусталь и другие драгоценные камни и закрепляет их на золоте (или, вероятно, с помощью золота в технике «кундан» — *А.К.*). Он инкрустирует серебро и сталь золотыми линиями и украшает агаты и другие камни, гравирова и вырезая их... он инкрустирует слоновую кость, рыбью кость, панцирь черепахи, рог носорога...». Время составления Аин-и-Акбари - это 1590-е гг., вроде бы самый разгар той самой предположенной автором каталога активной работы групп мастеров, которые без устали в несколько рук вырезают пороховницы в имперской мастерской, чтобы успеть запечатлеть в их декоре все те изменения, которые вихрем проносятся над ландшафтом декоративно-прикладного искусства Индии. Но резчики по слоновой кости, привезшие это удивительное мастерство для наслаждения Его Величества прекрасными вещами чудесных стран, даже в этом восторженном и подробном списке мастеров, составленном непосредственно ко вниманию Его Величества, не упомянуты.

Может быть, дело не в обученных европейцами мастерах, а в источниках сырья, и моголы до захвата Гуджарата просто не имели доступа к слоновой кости, хотя и были правящей элитой? Из того же труда Абу-ль-Фазла можно узнать, что только для личного использования Акбаром держали сто одного слона. Это может быть просто красивое число, но при описании содержания слонов в армии или охоты на них у Абу-ль-Фазла нельзя обнаружить какого-либо пиетета и трепета перед слоновой костью и возможностью ее использования, тем более что существовала практика подрезания бивней.

Более того, в главе, где он описывает метод определения удельного веса различных веществ, в приводимых им таблицах, помимо металлов, можно также обнаружить такие важные для моголов материалы, как яхонт, изумруд, рубин, лазурит, сердолик, кварц, жемчуг, янтарь, но не слоновую кость (серьезная мода на моржовую кость придет позднее, уже при Джахангире). Также нельзя встретить упоминание о предметах, изготовленных из слоновой кости, кроме описанной выше работы мастера-зарнишана по инкрустации на слоновой кости в одном ряду с моржовой костью (рыбья кость), панцирем черепахи и рогом носорога.

Могли ли тогда моголы заимствовать саму идею изготовления пороховниц полностью из слоновой кости? Допустим, что они не знали о такой возможности. Звучит, конечно, странно, особенно если немного видоизменить вопрос и задать его таким образом: могли ли индийцы заимствовать у европейцев идею изготовления чего-либо из слоновой кости для собственных нужд? Существует свидетельство о производстве в Дели в 1625 году пороховниц из слоновой кости в виде полноценного реального животного — антилопы⁶⁰, которые вполне прекрасно себя чувствовали как раз в самый разгар моды на нефрит. Как уже говорилось, полорогие животные в качестве декоративного художественного решения были гораздо ближе могольскому мусульманскому вкусу. Автор упомянул такие пороховницы в тексте статьи, но не включил их в свой каталог по той причине, что «эти пороховницы демонстрируют гораздо более грубую резьбу, рисунок гораздо менее детализирован и натуралистичен. Иконография и резьба намного проще; всего одно животное грубо вырезано». Непостижимо и даже немного забавно, что именно они осознанно исключены из каталога резных могольских пороховниц из слоновой кости, и это при том, что сам автор указывает на то обстоятельство, что существует миниатюра, датированная 1850-60 гг., где запечатлен персонаж с

---

⁶⁰ Bulletin of the Victoria Memorial, Vol 2. Victoria Memorial. Trustees of the Victoria Memorial, 1969. P. 36. По всей видимости, речь идет о предмете, находящемся сейчас в музее Chhatrapati Shivaji Maharaj Vastu Sangrahalaya в Мумбаи. Inv. 22.3822. <https://csmvs.in/collections/gunpowder-flask-2/>

подобной пороховницей⁶¹. Но пороховницы в композитном стиле, наоборот, несмотря на отсутствие данных об их производстве и упоминаний их самих в каких-либо свидетельствах и источниках, торжественно в виде каталога введены в сферу могольского искусства⁶². Представляется, что лаконичный мусульманский стиль этих предметов, выполненных как бы одним штрихом (одним прыжком антилопы), как и односложный стиль наверший рукоятей кинжалов в виде головы животного, был гораздо ближе искусству моголов, чем фантасмагория «композитных» пороховниц, своими нагромождениями не выражающих никаких идей, близких и понятных мусульманскому или индуистскому взгляду. В этой связи можно, конечно, допустить, что моголы, не использовавшие широко слоновую кость и не ценившие ее, ознакомившись с европейской одержимостью этим материалом и, например, возможностью изготовления пороховниц из двух частей бивня, заимствовали такую идею. Но в таком случае эта идея получила развитие именно с точки зрения изготовления пороховниц в более привычном для моголов стиле. Не говоря уже о том, что даже из такого допущения напрямую следует, что в Гоа и Гуджарате до приезда посланника Акбара уже кто-то изготавливал пороховницы из слоновой кости в композитном стиле.

Можно допустить и вероятность того, что, наоборот, именно пороховницы в виде антилопы послужили отправной точкой для создания пороховниц в композитном стиле, на многих экземплярах которых в исполнении передней «насыпной» части легко угадывается либо явно выражен образ бегущей антилопы⁶³. У одного из предметов, вошедших в каталог, присутствует, как указывает автор, «очень специфическая черта» — задняя часть пороховницы выполнена в виде вытянутых в прыжке ног антилопы, в то время как

---

⁶¹ Bonhams, London, 5 April 2011, lot 307:

<https://www.bonhams.com/auction/18801/lot/307/five-portraits-of-heavily-armed-tribesmen-north-western-india-or-afghanistan-circa-1850-605/>

⁶² О подмене реальности как неминуемом последствии ориенталистического подхода и о механизме такой подмены будет сказано в конце рецензии.

⁶³ См., например, предмет из Staatliche Museen zu Berlin:

https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f6/Priming_powder_flask%2C_North_India%2C_Mughal_style%2C_17th_century%2C_ivory_-_Ethnological_Museum%2C_Berlin_-_DSC01534.JPG

передняя часть — в обычной стилистике композитных пороховниц⁶⁴. Это не две разные части, соединенные позднее, а вполне аутентичный, хотя и весьма неэстетичный предмет. Антилопы ноги этого предмета идентичны решению на пороховницах в виде целой антилопы, за исключением того, что выполнены более грубо, как и передняя часть. Можно осторожно предположить, что образ прыгающей антилопы так или иначе прокрадывался в пороховницы, сделанные в композитном стиле, и, возможно, являлся их первоисточником. Трудно отказаться от впечатления, что именно этот образ в сильно упрощенном виде послужил отправной точкой для оформления передней части пороховниц в композитном стиле, тогда как для задней части — образ одного животного, рождающего из пасти другого. Впоследствии эти два архетипических образа, вероятно, были обильно доработаны, по причинам, объясненным далее. Но оба суждения: происхождении пороховниц в виде антилопы из композитных, или наоборот, лежат исключительно в спекулятивной плоскости.

Могли ли европейцы научить каким-то особым приемам резьбы по кости и особенностям декорирования? Могли. Но не в рамках гуманитарной миссии, а исключительно для собственных нужд. И не высокому искусству Великих Моголов, а экономичному использованию остатков материала от массового производства и незатратному и незамысловатому способу их обработки. Если в части живописи в европейском стиле достоверно известно, что могольские мастера сознательно его копировали с «чистого листа», не извращая и не переделывая под него каноны традиционной живописи, то в части изготовления пороховниц из слоновой кости в композитном стиле явно имеет место быть совсем иная ситуация. Весьма вероятно, что за основу были взяты существовавшие индийские виды пороховниц из этого материала, которые были «доработаны» под европейские вкусы и запросы. Те же самые пороховницы в виде красиво застывшей в прыжке антилопы, безусловно были близки и дороги индийскому взгляду. Для торговцев, поставивших това-

---

⁶⁴ The Art Institute of Chicago. Inv. 2021.252: <https://www.artic.edu/artworks/153528/gunpowder-primer-flask-with-composite-water-buffalo-boar-and-antelope>

ры в Европу для элит и королевских семей, они выглядели, скорее, как детские игрушки, просто и невзыскательно. А вот вместо грациозно изогнутого в динамике животного просто наполнить переплетающимися фигурами и «лепниной» имеющееся свободное пространство, не уделяя внимания деталям и каким-либо культурным смыслам, вполне соответствовало задачам по удовлетворению спроса на художественные изделия из определенного материала в том случае, когда какие-либо детали и смыслы не были важны. Собственно, автор каталога и провел, по сути, подтверждающий это предположение эксперимент на себе самом, отобрав для каталога пороховницы именно такого вида и отбросив в сторону предметы, в большей степени соответствующие индийским, чем европейским вкусам. Если что-то и могло быть заимствовано индийцами у европейцев в части затравочных пороховниц, то, скорее всего, конструкция запорного механизма, который потом и устанавливался на привычные индийцам формы пороховниц.

Наряду с указанными ранее, абсолютно верно, заслуженно и справедливо установленными автором фактами, у него был и еще один шанс ближе подобраться к объяснению феномена рассматриваемых пороховниц. Автор пишет: «В нескольких публикациях сообщалось о наличии следов пигмента на пороховницах. Просмотр всех имеющихся изображений пороховниц и тех, к которым можно было получить физический доступ, действительно выявил некоторые остатки росписи на девятнадцати пороховницах». Далее: «Остатки краски на некоторых типичных изделиях из слоновой кости в Гоа шестнадцатого и семнадцатого веков также свидетельствуют о практике росписи слоновой кости в Индии в то время. Один пример «классического» изделия из Гоа «Христос как добрый пастырь», хранящийся в Музее Виктории и Альберта, ясно показывает, что краска использовалась только для покрытия части поверхности объекта. Это интересно, поскольку большинство изготовленных в Гоа изделий из слоновой кости теперь утратили эту краску, за исключением того, что немного осталось в отверстиях или местах с глубокой резьбой точно так же, как на пороховницах. Эти остатки, кажется, соответствуют цветам «Христа» в Музее Виктории и Альберта». И неминуемо следует вывод, льющий воду на мельницу утверждаемой автором парадигмы: «Это также пред-

полагает, что производство пороховниц может быть связано с обучением мастеров Великих Моголов в Гоа в 1575 году». Уже невозможно, загнав себя в коридор собственных умозрительных заключений, оперируя фактами, произведениями искусства, чужой культурой и историей, как сценарист вымышленной игровой вселенной, даже просто обратить внимание на имеющийся пласт исследований по данной тематике.

В XVI веке португальцы взяли под свой контроль побережье Восточной Африки с богатым ресурсом слоновой кости. Эта кость поставлялась более искусным резчикам, чем африканские, и менее дорогим, чем европейские — индийским. На первом этапе колонизации слоновая кость, привезенная в Гоа, отправлялась в Камбей, Сурат и другие места в Гуджарате, потому что ремесленники, сосредоточенные в этом регионе, были более квалифицированными, чем в других регионах⁶⁵. Европейцы изготавливали образцы для копирования, в соответствии с которыми во многих местах Азии, подконтрольных португальцам, изготавливались предметы для последующего экспорта в Европу⁶⁶. Азиатские художники добавили свои собственные техники и стили, смешав португальскую и азиатскую школы мастерства⁶⁷. Эта индустрия особенно широко известна по резным фигурам христианской тематики и не только как так называемое «Индо-Португальское искусство»⁶⁸. При этом возникал любопытный феномен, когда даже при изготовлении предметов по утвержденным образцам работа индийских резчиков неминуемо испытывала на себе влияние местных художественных традиций. На примере резной шка-

---

⁶⁵ Sila Tripathi and Ian Godfrey. Studies on elephant tusks and hippopotamus teeth collected from the early 17th century Portuguese shipwreck off Goa, west coast of India: Evidence of maritime trade between Goa, Portugal and African countries. *Current Science*, Vol. 92, No. 3, 2007, pp. 332-339. P. 334.

⁶⁶ Гоа, Гуджарат, Цейлон, Маккао, Китай, Филиппины (Esmond and Chryssee Martin. Portugal's long association with African ivory. *Pachyderm* No. 46 July – December 2009, pp. 35-46. P. 36).

⁶⁷ Esmond and Chryssee Martin. Portugal's long association with African ivory. *Pachyderm* No. 46 July – December 2009, pp. 35-46. P. 37

⁶⁸ Подробно см. в (John Irwin. Reflections on Indo-Portuguese Art. *The Burlington Magazine*, Vol. 97, No. 633, 1955, pp. 386-390.

тулки из слоновой кости, изготовленной на Цейлоне в 1557 г.⁶⁹, художественные композиции которой иллюстрируют различные сцены из жизни Христа, а в качестве образца использовались европейские гравюры⁷⁰, можно проследить, как христианские сюжеты дополняются традиционными индийскими мотивами схожей семантики: темами рождения, перерождения и творения, где мифические индийские макара у основания дерева жизни несут в себе черты европейских геральдических львов и др.⁷¹ Известно, что условности традиционного индийского декора мало интересовали европейцев в XVI и XVII веках; и чаще всего обнаруживается, что заимствования с обеих сторон были взяты не из того, что было действительно коренным для другой культуры, а именно из тех черт, которые были эклектичными в первую очередь⁷². В этой связи очень показателен пример с одним из встречающихся видов резных пороховниц из слоновой кости, сделанных в виде женской фигуры со «змеиным» хвостом⁷³. На первый взгляд в этих предметах очень мало индийского. Но при более внимательном изучении можно определить, что исходной формой послужил классический индийский сюжет, использовавшийся в том числе и при оформлении раджастанских пороховниц, у которых горловина была оформлена в виде головы макара, из которой выпрыгивает слон, из пасти которого появляется женская фигура, держащая в руках попугая. Это сложная как для массового производства, так и избыточная в семантическом плане для европейцев сцена, по всей видимости, была упрощена до женской фигуры с хвостом. В память о макара остались только более понят-

---

⁶⁹ The Victoria and Albert Museum. The Robinson Casket. Accession number IS.41-1980: <https://collections.vam.ac.uk/item/O18316/the-robinson-casket-casket-unknown/>

⁷⁰ В частности, Tree of Jesse from the Book of Hours of Thielmann Kerver, Paris, c. 1507, Collection Paulus Swaen Auctions.

⁷¹ Sujatha Arundathi Meegama. The local and the global: the multiple visual worlds of ivory carvers in early modern Sri Lanka. In Sri Lanka at the Crossroads of History, ed. Zoltán Biedermann and Alan Strathern. UCL Press, 2017. 354 p. P. 129.

⁷² John Irwin. Reflections on Indo-Portuguese Art. The Burlington Magazine, Vol. 97, No. 633, 1955, pp. 386-390. Published By: Burlington Magazine Publications Ltd. P. 387.

⁷³ Пороховницы такого вида не вошли в каталог автора и не стали частью генеалогического древа, как и другие виды индийских резных пороховниц из слоновой кости. Причины этого известны только автору.

ный для европейцев змеиный хвост да незамысловатое изображение рыбы по бокам пороховницы⁷⁴.

Детальное изучение двух пороховниц из слоновой кости из Государственного художественного собрания Дрездена⁷⁵, которые признаются одними из первых, появившихся в Европе, и датируются 1590 г., оставляет впечатление, что их декоративное оформление в большей степени имело целью удовлетворить именно художественные вкусы европейцев, чем подчинялось традиционным индийским представлениям. На предмете Inv.-Nr. Y 0381 сцена, изображающая европейца, покупающего птицу у индийского торговца, совершенно не соотносится с утверждением В. Борна о необходимости нанесения на пороховницы охотничьих сцен с магической целью привлечения охотничьей удачи⁷⁶. Скорее речь идет о совсем другой магии и для другой целевой аудитории: магии далекой загадочной страны, о которой известно в основном, что именно оттуда привозят экзотических птиц, перед этим добываемых туземцами смутно представляемым способом, как это следует из изображения на другой стороне этой пороховницы⁷⁷. Экзотические птицы стали особо популярны в Европе в XVI веке. Общепринятым стало привозить диковинных птиц, как символ далеких стран, в дар вельможам, финансирующим такие экспедиции. Король Португалии Мануэл I (1495-1521) был одним

---

⁷⁴ «Eine geschnitzte Zündkrautflasche in der Kunstsammlung der Wartburg: ein Objekt und seine Umwelt». Kurochkin, A.; Malozyomova, E.; Menke, D. (2020) - In: Wartburg-Jahrbuch Bd. 29 (2020), pp. 25-51. P. 47.

⁷⁵ Inv.-Nr. X 0381 (<https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/286267>) и Inv.-Nr. Y 0381 a (<https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/282617#>).

⁷⁶ Как указывалось выше, у автора каталога также не получилось обойтись без магических объяснений (охота на симургов и макара как обязанность по защите подданных). Все это к вопросу о том, чье мышление более примитивно: исследователей с богатым воображением, но оторванных от исторической и культурной реальности, или живших в этой реальности представителей исследуемых ими культур.

⁷⁷ На сайте музея нет фотографии предмета с обратной стороны, но есть описание. Изображение обратной стороны пороховницы можно увидеть в статье В. Борна (Born W. Ivory Powder Flasks from the Mughal Period. *Ars Islamica*, Vol. 9 (1942), pp. 93-111. P. 103, Fig. 2).

из первых государей, получивших пару этих экзотических животных⁷⁸. В 1514 г. индийских попугаев получил в дар папа Лев X по случаю своего восшествия на престол вместе с вошедшим в историю «папским» слоном Ханно. Экзотические птицы и попугаи вывозились из Индии в Европу вплоть до XVIII века. Представляется, что сцена на пороховнице, демонстрирующая, каким образом экзотические попугаи, столь популярные в Европе, добывались и продавались европейцам, несомненно, больше соответствовала европейским вкусам и вряд ли могла представлять большой интерес для индийских вельмож. Вероятно, именно этим обстоятельством может быть объяснено совершенно неприличное количество изображений птиц на подавляющем количестве пороховниц. Птицы изображались как самостоятельные, отдельные фигуры, так и заключенные в многочисленные рамки, возможно, даже предположить — в клетки (тем более рядом с теми же птицами в такие же рамки заключены и мартышки), особенно на пороховницах, которые отличаются качеством работы в лучшую сторону и вызывают желание датировать их более ранним периодом.

Также обращает внимание, что изображение на дрезденской пороховнице морды мифической макара больше соответствует европейской манере изображения морских чудовищ, чем индийской. Также очень необычно для индийской традиции именно такое сочетание фигур птицы и макара. В случае дрезденской пороховницы из пасти макара появляется лебедь или подобная водоплавающая птица, и такие примеры неизвестны в индийской художественной традиции, в которой макара сочетается и даже подменяется павлином, и композиция представляет собой соединение (речь не о техническом соединении, а о смысловом, скорее — объединении) этих животных, а не противопоставление — макара и павлин имеют общее тело, хотя эта идея и может выражаться по-разному. Все эти обстоятельства указывают на то, что самые первые предметы, положенные в начало производственной линейки, действительно были произведены в соответствии с определенными требова-

---

⁷⁸ Francesc Relano. The Cartographic Flight of the Parrots. Chapter Four in “Reinterpreting Indian Ocean Worlds: Essays in Honour of Kirti N. Chaudhuri”. Ed. Stefan C. A. Halikowski Smith. Cambridge Scholars Publishing, 2011. 305 p. P. 63.

ниями заказчика. Позднее, как уже указывалось, традиции местного производства неминуемо брали верх, и мастера начинали привносить привычные им образы и сюжеты. Близость Декана к первым португальским колониям объясняет влияние именно деканских художественных традиций, что подтверждается и обратным процессом — культурным влиянием самих португальцев в первую очередь на деканскую культуру, и только позднее и уже опосредованно — на могольскую.

Художественное оформление пороховниц в «композиционном» стиле, как указывалось выше, не имеет прямых аналогов в подлинном индийском композиционном стиле миниатюр или резных деревянных панелей, такие пороховницы, очевидно, выбиваются из общего контекста реально существовавшей, а не воображаемой индийской культуры. В их основе лежал хорошо известный прототип традиционной индийской затравочной пороховницы, однако этот прототип был доработан дополнительными изображениями соединенных друг с другом в «композиционном» стиле животных, которые невозможно найти среди других образцов индийской культуры, за исключением архетипического образа одного животного, выпрыгивающего из пасти другого. Стиль таких пороховниц не подразумевает единого художественного воплощенного образа. Одно окончание пороховницы выполнено с помощью одного известного художественного решения для пороховниц — выпрыгивание из пасти, а второе посредством другого решения — высыпающее отверстие в виде головы полорогого животного. И заполнение пустых мест между ними. Эkleктика, ориентированная не на внутреннее потребление, а присущая, как указывалось выше, производству в факториях. В художественных решениях, реализованных в пороховницах, невозможно обнаружить какие-либо смысловые связи с традиционными представлениями. В пользу этого суждения говорит и тот факт, что изготавливались и пороховницы, у которых задняя часть была выполнена в виде объемных переплетающихся ростков, образующих за счет сквозной резьбы внутреннее пространство (в одном известном случае в центре такой растительности ожидаемо была помещена птица). Скорее всего, в случае бессистемного оформления задней части пороховниц произвольными цепочками или группами животных имела место некая художественная вак-

ханалия, свойственная в тот период совсем другой культуре⁷⁹. Насыпная часть большинства пороховниц оформлена не в виде полноценной головы животного, а в виде соединенных двух половин верхней части головы антилопы: при виде на пороховницу сверху видно голову антилопы (вид головы животного сверху), и при виде на пороховницу снизу видно ту же голову антилопы сверху. При этом вид на такие пороховницы сбоку вызывает недоумение, особенно учитывая, что согнутая нога антилопы изображена только для одной «головы». Поиск в таком художественном воплощении каких-либо смыслов, традиционных представлений или же просто эстетических решений оставим будущим исследователям.

Композитный стиль, скорее, соответствовал запросам европейской публики в период перехода от Возрождения к динамизму и выразительности барокко. Наряду с маньеризмом Арчимбольдо востребованными могли оказаться и необычные экзотические переплетения диковинных животных (слонов, леопардов, морских чудовищ) и использование определенного материала — слоновой кости. В XVII веке использование в резьбе переплетающихся фигур не было чуждо европейским резчикам, не являлось калькой с «могольских» пороховниц и очевидно следовало собственным традициям⁸⁰, а пороховницы из резной кости вполне соответствовали европейским вкусам⁸¹. Именно наличием схожих, непротиворечащих друг другу на первый взгляд художественных решений объясняется присутствие на «композитных» поро-

---

⁷⁹ В этой связи любопытно отметить, что с точки зрения условного европейского взгляда, именно индийскому искусству присуще буйство неоправданной и ничем несвязанной фантазии. Неудивительно, например, что многочисленные индийские виды художественной коммуникации исполнителя со зрителями, по сути, языки, были восприняты европейцами как разнообразные и красочные танцы. Но такой парадокс носит общий характер — там, где имеет место предельная конкретика и точность изложения, неподготовленный взгляд видит только излишнюю усложненность форм выражения.

⁸⁰ См., например, охотничий рог в The Victoria and Albert Museum, accession number A.59-1949, 1690-1710 гг., Германия:

<http://collections.vam.ac.uk/item/O349238/horn-horn-unknown/>

⁸¹ См., например, The Wallace Collection: Inv. A1303:

<https://wallacelive.wallacecollection.org:443/eMP/eMuseumPlus?service=ExternalInterface&module=collection&objectId=61880&viewType=detailView>

ховницах образа распахнутой пасти животного, не чуждого аутентичным индийским и европейским пороховницам и одинаково близкого индийским мастерам и европейским заказчикам независимо друг от друга. Это относится и к не вызывающему прямого отторжения в обеих культурах для невзыскательного вкуса художественному решению в виде переплетающихся фигур животных (европейское решение) или животных, порождающих друг друга (индийское решение).

В традиционной культуре невозможно существование отдельных, несвязанных с общим контекстом элементов. Ранее обращалось внимание, что реально бытовавшие в оружейном комплексе моголов затравочные пороховницы из драгоценных камней корреспондировали с рукоятями кинжалов, изготовленных из того же материала и посредством аналогичных художественных решений. На это обстоятельство обращает внимание и сам автор. Но при этом ему не удастся найти аналогичного соотношения для пороховниц в композитном стиле. При этом интересно отметить, что композитный стиль, по крайней мере художественное оформление в виде переплетающихся животных, кажущийся столь непрактичным и неудобным на рукоятях холодного оружия, тем не менее встречался, но на европейском оружии. Например, в коллекции замка Вартбург хранится охотничий кинжал (*hirschfänger*), датируемый первой половиной XVII века, рукоять которого изготовлена из резной слоновой кости и изображает выполненную в объеме сцену борьбы из переплетенных друг с другом фигур собак, оленя, кабана и медведя⁸². В рамках идеи о едином воинском или охотничьем комплексе единообразно оформленных предметов вполне уместно смотрятся вместе вырезанные в схожей стилистике из модной в Европе, но не в Индии, слоновой кости охотничьи рога, затравочные пороховницы и рукояти охотничьих кинжалов.

Представляется вполне вероятным, что рассматриваемые в статье пороховницы из резной слоновой кости попадали в Европу из Индии именно как пороховницы и использовались соответствующим образом, что подтвер-

---

⁸² Alfons Diener-Schönberg: Die Waffen der Wartburg. Beschreibendes Verzeichnis der Waffen-Sammlung S.K.H. des Grossherzogs Wilhelm Ernst von Sachsen-Weimar-Eisenach. Berlin 1912. 195 p. P. 112-113. Nr. 415

ждается часто встречающимися следами износа спаннера или следами его ремонта. Более того, встречающиеся резные пороховницы без запорного механизма и без следов какого-либо использования вообще могут свидетельствовать о том, что они привозились в Европу просто как декоративные предметы или же запорные механизмы изготавливались уже в Европе⁸³. Знаковый момент заключается в том, что некоторые из таких пороховниц появились в Европе в XVI-XVII вв. и оказывались в замковых арсеналах, по всей видимости, как обособленные предметы⁸⁴, а не в составе массово собранных и привезенных в Европу коллекций оружия, как это происходило в XIX – начале XX в.

Можно определенно предполагать, что резные пороховницы из слоновой кости, выполненные в композитном стиле, относятся именно к группе изделий, идея производства и/или декорирования которых была интродуцирована в Индию европейскими заказчиками. Пороховницы, выполненные из двух половинок, из двух концов бивня, очевидно, выигрывали по привлекательности и внешнему виду у пороховниц в виде уменьшенного рога или разнообразных европейских бутылочек и колбочек. На форме пороховниц, изготовлявшихся индийскими мастерами, неминуемо сказался привычный им архетип с двойным изгибом, присущий как рогу газели⁸⁵, так и клинкам традиционных индийских кинжалов.

---

⁸³ См., например, две пороховницы из собрания The National Museum of Denmark, механизм которых был, вероятно, изготовлен ювелиром Хенриком Лангмаком между 1643–1647 годами вместе с другими предметами для принца Кристиана Избранного (1603–1647). Внесены в инвентарь замка Розенборг в 1696 г. Krudthorn. ObjektId 88358: <https://samlinger.natmus.dk/es/object/88358>

⁸⁴ Например, пороховницы из Дрездена, предмет из замка Вартбурга или только что упомянутые датские пороховницы. Вероятно, исследование провенанса пороховниц в коллекциях европейских музеев дало бы более широкое представление о том, какое их количество попало туда из старых замковых собраний.

⁸⁵ См., например, предмет, изготовленный из дерева. Решение вопроса, какую форму он повторяет (в XIX веке) — рога газели, рыбы, макара или даже самих пороховниц в композитном стиле — должно лежать в культурологической, а не в искусствоведческой плоскости. Victoria and Albert Museum. Accession Number 2210(IS). Powder Measure: <https://collections.vam.ac.uk/item/O449822/powder-measure-unknown/>

К 1570 гг. огнестрельное оружие уже широко использовалось в Индии. На севере оно появилось вместе с Бабуром и турецкими мушкетами, которые использовались в Средней Азии уже как минимум к 1519 г. Не исключено, что именно этому обстоятельству и рогам джейрана обязаны своей изогнутой формой и размерами (длина рогов газели до 30 см) большинство видов индийских пороховниц. Более того, вероятно последнему обстоятельству обязано семантически также и использование образа антилопы на пороховницах, полностью или частично. На юге Индии в Виджаянагаре примерно в то же время (около 1520 гг.) после контактов с португальцами появляются европейские мушкеты. В Гуджарате примитивные аркебузы использовали еще с 1470 гг.⁸⁶ При этом сведений о заимствовании индийцами каких-либо связанных с огнестрельным оружием аксессуаров нет. Собственно, на гобелене 1555-60 гг. созданным по следам событий 1545 г. на основании описаний очевидцев, можно увидеть португальских аркебузеров в Индии со всей необходимой им ammunition⁸⁷.

Пороховницы в композитном стиле, очевидно, представляют собой парафраз известных в индийской культуре форм пороховниц и декорирующих их образов, объединенных механически и оформленных с использованием произвольного толкования известных в Индии художественных мотивов, благо потребителям и заказчикам было совершенно все равно, что именно и насколько точно там изображено, лишь бы в псевдо-восточном стиле. Но в любом случае не следует упускать из виду, что массовое производство на экспорт могло наложить определенный отпечаток на художественное видение мастеров, особенно в условиях постепенного размывания традиционных культурных взглядов и высокой социальной мобильности в исторических условиях Индии, начиная с конца XVII века. Художественные решения, привнесенные или спровоцированные извне, могли в ограниченных формах и

---

⁸⁶ Iqtidar Alam Khan. General President's Address: Indian Response To Firearms [1300-1750]. Proceedings of the Indian History Congress, Vol. 58 (1997), pp. 1-29. Стр. 12.

⁸⁷ Kunsthistorisches Museum Wien. Fortsetzung des Triumphzuges: Vorführung des Kriegsmaterials. Taten und Triumph des João de Castro (10 Stücke). Kunstammer, T XXII 8: <https://www.khm.at/objektdb/detail/103607/>

количества проявляться в изделиях, изготовленных и для внутреннего потребления.

Относительно возможных мест производства нельзя однозначно утверждать, что это был именно Сурат — не только перевалочный пункт импорта слоновой кости в Индии, но и крупный производственный центр. Вполне обоснованно предположение, что в Сурате слоновая кость сортировалась, резалась на заготовки, предназначенные для различных изделий, часть из которых обрабатывалась на месте, а часть неминуемо вывозилась торговцами в другие места Индии. Можно даже при большом желании допустить, что некоторые пороховницы в композитном стиле могли быть изготовлены и в придворных мастерских с соответствующим качеством, но это совершенно точно нельзя предполагать в целом для всего корпуса рассматриваемых предметов.

Период производства таких пороховниц должен укладываться в XVI–XVIII вв., но точно до XIX века, когда вкусы европейских заказчиков стали более утонченными, и в Индии стали возникать профессиональные сообщества мастеров-резчиков по слоновой кости, а в Европе, к тому же, появился новый механизм ружейного замка, не требующий затравочного пороха, — капсюльный. Вопрос как использования пороховниц в композитном стиле, так и их изготовления для собственных нужд в Индии, что в XVI веке, что в XIX, по-прежнему остается более чем открытым.

В целом же, данные предметы должны быть отнесены к одному из видов Индо-Португальского искусства. Тезис о том, что португальцы «научили» моголов изготавливать резные пороховницы из слоновой кости в композитном стиле и, тем самым, дали начало их производства в придворных могольских мастерских, если и имеет право на существование, то в любом случае он должен быть обоснован иначе, чем это сделано в рассмотренной статье.

Возможно, в этой рецензии получилось показать, что далеко не все предположения автора подтверждаются фактическим материалом, а из правильно установленных фактов следуют верные выводы. Вероятно, что до появления новых данных нужно учитывать обе точки зрения: и изложенную в

статье, и в рецензии. Из плюсов статьи в любом случае необходимо отметить проведенный автором художественный анализ. Но тогда статья должна была бы называться «Искусствоведческий анализ декоративного оформления резных могольских пороховниц в композитном стиле». И это была бы очень ценная и интересная работа, хотя безусловно, из нее следовало бы исключить ничем не обоснованные прослеживания декоративных мотивов вглубь времен и в стороны, а также сравнительный анализ с художественными решениями из других видов искусств могольской Индии в незамысловатом стиле «найди десять отличий».

Известно, что именно метод исследования определяет результат, с чем хорошо знакомы исследователи точных наук. Но если в таких науках результат легко проверяем и подтверждаем, то в случае искусствоведения приходится иметь дело с частным художественным видением, отличным от других и, как правило, невозпроизводимым. В рассмотренном случае имела место типичная драма классического искусствоведческого исследования в ориенталистическом стиле. Выделяется корпус предметов, объединенных, по мнению исследователя, какой-то характерной чертой, в данном случае материалом изготовления. На следующем этапе такие предметы насильно выстраиваются в «семейное дерево», но уже с использованием различий между ними и, соответственно, ветвями этого дерева. Это уже является нонсенсом — стандартизация по признакам многочисленных различий, на основании одного единственного объединяющего признака, лежащего при этом совершенно в другой понятийной плоскости (различные декоративные решения, с одной стороны, и практический материал их воплощения — с другой). Понятно, что такая система от внутренних противоречий трещит по швам и ее разрывает изнутри. Собственно, именно по этой причине предложенный каталог и напоминает упомянутую ранее «китайскую энциклопедию» Борхеса. Следующий этап также обязательный — подмена семейного дерева эволюционным, потому что именно эволюционное дерево, в отличие от семейного, подразумевает в первую очередь не схожесть, а различие между ветвями и прочие диалектические противоречия даже между ступенями-изгибами одной ветки. Именно по этой причине автор, разместив весь произвольно набран-

ный им корпус предметов на различных ветках дерева, вдруг осознал, что предметы на самом-то деле — разные, непохожие друг на друга, несмотря на материал изготовления, и ему пришлось выдумывать объяснения про одну имперскую мастерскую, одну группу мастеров в ней и краткий период производства, пытаясь удержать пороховницы на одном стволе дерева и нащупать хоть какой-то фактор, собирающий их в «семью», взамен ошибочно выбранного объединяющего признака — материала изготовления, и одновременно с этим вводить разные группы мастеров, работающих над разными видами пороховниц, и ускоренную во времени эволюцию предметов, пытаясь объяснить этим одномоментное наличие различительных признаков.

Затем исследователь, следуя предписанному либретто, переходит ко второй части драмы, призванной вписать созданную структуру в общий культурный контекст, ввести монстра Франкенштейна в реальный мир, держась за стены и цепляясь за внешние объекты, поскольку фундамент самой структуры, корень и ствол предложенного генеалогического дерева, такой возможности не дают и монстра в вертикальном положении не держат. Здесь наступает этап проведения сравнительного анализа, с одной стороны, между отдельными элементами внутри самой системы, а с другой стороны — со схожими им феноменами из внешнего круга предметов, имеющими такие же различительные особенности, но при этом не имеющими объединяющего признака (в данном случае – материала изготовления). И автор, следуя этому подходу, тут же заключает, забыв про всю свою сложную классификацию, что многие предметы в подгруппах имеют необычные иконографические элементы, не соотносящиеся никак внутри самой созданной им системы, но зато которые можно связать с внешними, уже не имеющими никакого отношения к самой системе элементами. То есть уже не нужен каталог, он сыграл свою роль — выстроена некая структура, имея которую за спиной в качестве суррогата научного подхода и методики, можно заняться простым и доступным сравнением картинок, увлекательным занятием, которому всех обучают с детства.

В соответствии со сложившимся классическим подходом под видом генеалогического дерева, то есть семейного дерева, объединяющего в семью, исследователи с настойчивостью, достойной лучшего применения, создают

«древа эволюции» на основании различительных признаков. Подобные деревья, в случае их применения в социальной и культурной сфере, имеют отношения и прочные связи скорее с воображением своего создателя, чем с реально существовавшими историей и культурой. Примером же объединяющего и на самом деле создающего систему дерева могло бы являться, например, дерево с общим основанием-стволом «могольское искусство периода 1570-1620 гг.», различные ветви которого показывали бы, каким образом это одинаковое искусство воплощалось в различных видах искусств, материалах (как основах для других видов искусств) или сферах жизнедеятельности. То есть общее направление дробится на отдельные ветви, но эти отдельные ветви и образуют собой это общее направление. Ствол такого дерева относится к понятийной категории искусства, и ветви относятся к этой же категории. Ветви дерева связаны с корнем и образуют его не в меньшей степени, чем корень порождает ветви. Собственно говоря, это и есть закон традиционного уклада, семейного древа и ценностей целостной культуры, которые при ориенталистическом подходе игнорируются и не осознаются. Различным образом декорированные резные пороховницы не создают своей совокупностью материал «слоновая кость». А тот факт, что автор каталога смог создать только такое дерево — на основе материала изготовления, и вопиет о том, что данные пороховницы были порождением именно интереса к самому материалу, а не проявлением искусства Великих Моголов.

Даже не погружаясь глубоко в индийское искусство или культуру моголов, очевидно, что пороховницы в композитном стиле не помещаются ни в первое, ни во второе. Попытка списать все на мультикультурные эксперименты Акбара не выдерживает испытания критикой и остается голословным предположением, которое никак не может являться основанием для построения научного каталога. И сколько нужно было потратить времени и сил на то, чтобы вписать виртуально созданную конструкцию в реальную историю и культуру, столько же потребовалось бы, чтобы, наоборот, отталкиваясь от последних, определить в них реальное место исследуемому феномену.

Невозможно установить истинное положение вещей, оперируя в рамках другой культуры понятиями, категориями и инструментами, несвой-

ственными этой культуре. Результат всегда будет механистическим и оторванным от реальности. Освоение новых территорий, их колонизация, знакомство одних народов с культурой других народов — это часть истории человечества. Присущие этой истории различные подходы к ее осмыслению — это часть человеческой культуры. Не было ничего особенно плохого в составлении каталогов и выращивании эволюционных деревьев столетия назад, также как и в тяге разглядывать культурные ценности Востока через кальянную дымку, сидя уединенно в своей «восточной» комнате в шелковом халате и ощущая себя причастным к Востоку. Между опубликованной восемьдесят лет назад статьей В. Борна и рассмотренной в этой рецензии статьей нет качественного отличия, обе они не вышли за рамки превалирующего с XVIII века ориенталистического подхода. Произшедшие за это время технический прогресс и все остальные эволюции не привели к другому пониманию или более глубокому осмыслению культуры Востока, разве только что пробковый шлем сменился на шлем виртуальной реальности.

Памяти Елены Александровны Яблонской...

Музеи Московского Кремля с глубоким прискорбием извещают о смерти 08.01.2023 г. ветерана музея, Елены Александровны Яблонской.

Елена Александровна поступила на работу в Музеи Московского Кремля в 1974 г. С 1975 г. она являлась хранителем экспозиции залов оружия Оружейной палаты, а с 1979 г. приняла на хранение коллекцию западноевропейского огнестрельного оружия, изучению которой она посвятила свою научную жизнь.

Вклад Е. А. Яблонской в развитие российского оружиеведения трудно переоценить. Имя Елены Александровны хорошо известно в международном музейном сообществе и среди историков-оружиеведов. Именно она стала одним из авторов нового тематико-экспозиционного плана новой экспозиции Оружейной палаты, осуществленной в 1986 г., получившей высочайшую оценку мирового музейного сообщества. Елена Александровна была куратором и автором большого числа международных и российских выставочных проектов Музеев Московского Кремля, каждую из которых отличала глубокая научная проработка темы, красивое экспозиционное решение и безукоризненная точность в отборе экспонатов. За годы работы в музее она стала автором большого числа научных и научно-популярных работ, составителем выставочных каталогов, автором вступительных статей и каталожных описаний к ним. Как хранитель она отдавала все свои усилия изучению, публикации и реставрации оружейных памятников как постоянной музейной экспозиции, так и хранившихся в фонде. Велика была ее роль в международном проекте реставрации в крайне сложные для российских музеев 1990-е гг. кремлевской коллекции нидерландского огнестрельного оружия, благодаря которой были возрождены уникальные памятники нидерландского оружейного мастерства. В 1996 г. в Нидерландах на английском языке был издан фундаментальный каталог «Голландское оружие в России», среди авторов которого была Е.А. Яблонская, опубликовавшая в нем более 250 памятников голландского огнестрельного оружия из собрания Музеев Московского

Кремля. Этот труд стал прорывным, продемонстрировавшим западным коллегам не только богатство российских музейных оружейных коллекций, но и высокий научный уровень отечественных специалистов в области оружейведения. Всеобщее признание среди коллег позволило Е. А. Яблонской установить прочные научные контакты с музейным сообществом и оружейоведами в Германии, Великобритании, США, Польши, Франции, где она заслуженно пользовалась высоким авторитетом и уважением. Ее доклады на международных конференциях и семинарах неизменно привлекали внимание своей научной новизной, вводом в научный оборот новых ранее неопубликованных памятников, точностью атрибуций.

Е. А. Яблонская стояла у истоков возрождения традиций отечественного оружейведения. С момента основания в 1992 г. она являлась членом ассоциации историков-оружиеведов «Арсеналь», объединившей усилия широкого круга музейных и академических специалистов, коллекционеров, мастеров-оружейников в изучении оружейных памятников в российских и зарубежных собраниях, популяризации оружейведения как новой специальной научной дисциплины.

Елена Александровна Яблонская отдала 47 лет своей жизни служению Музеям Московского Кремля. Из них она 38 лет проработала в секторе оружия и конского убранства Оружейной палаты, с 2013 по 2017 гг. возглавляла его в качестве заведующей сектором. Время хранения ею коллекции западноевропейского огнестрельного оружия стало периодом активного научного изучения и публикации этого собрания. Елена Александровна стала автором четырех каталогов, посвященных его исследованию: «Огнестрельное оружие Англии XVII - начала XIX века» (2006), «Огнестрельное оружие Нидерландов XVII - XVIII вв.» (2012 г.), «Огнестрельное оружие Льежа кон. XVII - XIX вв.» (2015 г.), «Огнестрельное оружие Франции XVII - первой четверти XIX вв.» (2016). Эти каталоги стали результатом многолетней кропотливой работы научного исследователя и хранителя, в них сконцентрированы разносторонние знания Е. А. Яблонской об огнестрельном оружии, европейских оружейниках и их клеймах, истории производства и оружейных конструкциях.

Елена Александровна всегда уделяла большое внимание отношениям с коллегами, особенно молодыми специалистами, помогая их профессиональному росту и становлению как самостоятельных исследователей, передавая им свой опыт хранителя и экспозиционера.

Имя Елены Александровны навсегда останется в сердцах знавших и любивших ее коллег, для которых она всегда была образцом лучших человеческих качеств, высочайшего профессионализма и преданности своему делу. Мы глубоко скорбим вместе с ее родными и близкими, для Музеев Московского Кремля ее смерть — это невосполнимая утрата. Ее светлая память навсегда останется с нами.

О ЖУРНАЛЕ

Журнал «Историческое оружиеведение» был создан в 2015 г. как некоммерческий проект. Учредителем издания выступила Автономная некоммерческая организация «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области Исторического оружиеведения». Журнал представляет собой научное издание, целью которого является публикация результатов исследований в области исторического оружиеведения, а также введение в научный оборот предметов вооружения, материальных памятников культуры и исторических документов. Статьи публикуются на бесплатной основе и размещаются в свободном доступе. Все поступающие в редакцию статьи проходят отбор Редакционной коллегией журнала и двойное слепое рецензирование. В качестве рецензентов редакция привлекает ведущих российских и зарубежных экспертов, имеющих научные степени и профильные публикации. Журнал выходит в форме электронного издания и представляет собой PDF-файл отдельного выпуска журнала. На сайте historical-weapons.com/ru/ доступны PDF-файлы отдельных статей на языке оригинала, а также тексты аннотаций и ключевые слова на русском и английском языках.

Главный редактор: *С. В. Самгин*. Зам. Главного редактора: *А. Ю. Курочкин*
Редакционная коллегия: *Е. И. Малозёмова, В. Р. Новоселов, С. П. Орленко*
Корр.: *Н. В. Комарова*. Ред. изображений: *М. С. Морозова*. Перев.: *А. Д. Павлова*
Адрес редакции: *Российская Федерация, Москва, 107207, Уральская 6-1-277*
E-mail info@historical-weapons.com Сайт: historical-weapons.com

Weapons History Journal (WHJ) was set up as a charitable project in 2015. It was founded by an independent nonprofit corporation named «The Center of Support and Development of Actual Research in the Field of Historical Weaponry». The journal is a scientific edition which aim is to publish the results of investigation in the field of historical weapons studying as well as to introduce the yet widely unknown samples of arms and armour, historical artifacts and primary sources on the topic. The articles are published free of charge and accessed openly. All the papers presented to the editorial board are carefully examined by its members and undergo the double anonymous peer review by the leading Russian and international scholars with doctorate degrees and field-specific publications whom the editorial board appeals to. Weapons History Journal is a digital edition by way of PDF- files of each issue. The articles accepted for the publication are disposed on the journal web-site historical-weapons.com as PDF- files in their original language while the key words and abstracts are published in Russian and English.

Editor-in-Chief: *Sergey V. Samgin*. Deputy Editor-in-chief: *Aleksey Y. Kurochkin*
Editorial Board: *Elena I. Malozyomova, Vasily R. Novoselov, Sergey P. Orlenko*
Corr.: *Natalya V. Komarova*. Image ed.: *Maria S. Morozova*. Tr. *Anastasia D. Pavlova*
Address: *Russian Federation, Moscow, 107207, Uralskaya 6-1-277*
E-mail: info@historical-weapons.com Website: historical-weapons.com